

СИМЕОН ЛЕХАЦИ ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

СИМЕОН ЛЕХАЦИ
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

ՄԻՍԵՂՆ ԴԳԻՐ ԼԵՀԱՅԻՈՅ
ՈՒՂԵԳՐՈՒԹԻՒՆ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

*

ИНСТИТУТ ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ им. МАШТОЦА
„МАТЕНАДАРАН“
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
АРМЯНСКОЙ ССР

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

IX

**ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

СИМЕОН ЛЕХАЦИ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

ПЕРЕВОД С АРМЯНСКОГО,
ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИИ
М. О. ДАРБИНЯН

МОСКВА · 1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»:

А. Н. Болдырев, Ю. Е. Борщевский (ответственный секретарь), *И. С. Брагинский* (заместитель председателя), *Ю. Э. Брегель, Б. Г. Гафуров* (председатель), *П. А. Грязневич, И. М. Дьяконов, М. И. Занд, Г. А. Зограф, Г. Ф. Ильин, У. И. Каримов, А. Н. Кононов* (заместитель председателя), *Н. И. Конрад, В. М. Константинов, Л. Н. Меньшиков, А. М. Мирзоев, М. С. Султанов, А. С. Тверитинова, М. Н. Тихомиров,* *Л. С. Хачикян, С. С. Цельникер, Г. В. Церетели.*

Ответственный редактор
К. А. Мелик-Огаджанян

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ТЕКСТЫ. БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

- I. Ким Бусик, *Самжук саги*. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака, М., 1959.
- II. Фирдоуси, *Шāх-нāме*. Критический текст.
Т. I, под редакцией Е. Э. Бертельса, М., 1960 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1963).
Т. II, под редакцией Е. Э. Бертельса, составители текста А. Е. Бертельс, А. Т. Гюзальян, О. И. Смирнова, М.-Н. О. Османов, А. Т. Тагирджанов, М., 1962 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1963).
Тт. III, IV и V в печати, тт. VI—IX готовятся к изданию.
- III. Са'дй, *Гулистан*. Критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева, М., 1959.
- IV. *Путешествие Ун-Амуна в Библ*. Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Издание текста и исследование М. А. Коростовцева, М., 1960.
- V. Зайн ад-Дйн Ваcифй, *Бадāй' ал-вақāй'*. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., 1961.
- VI. *Арабский аноним XI века*. Издание текста, перевод, введение, в изучение памятника и комментарии П. А. Грязневича, М., 1960.
- VII. Амйр Хусрау Дихлавй, *Маджнун и Лайли*. Критический текст и предисловие Т. А. Магеррамова, М., 1964.
- VIII. *Юань-чао би-ши (Секретная история монголов)*. 15 цзюаней, т. I. Текст. Издание текста и предисловие Б. И. Панкратова, М., 1962.
- IX. Мухаммад ибн Хиндўшāх Нахчивāнй, *Дастур ал-кāтиб фй та'ййн ал-марāтиб* (Руководство для писца при определении степеней). Критический текст, предисловие и указатели А. А. Али-заде, т. I, ч. 1, М., 1964.
- X. Мухаммад ибн Наджйб Бакран, *Джахāн-нāме (Книга о мире)*. [Ч. I.] Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского, М., 1960.
- XI. Мухаммад ал-Хамавй, *Ат-Та'рих ал-мансурй* (*Мансурова хроника*).

- Издание текста, предисловие и указатели П. А. Грязневича, М., 1960 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1963).
- XII. Усама ибн Мункиз, *Китāб ал-манāзил ва-д-дийār* (*Книга стоянок и жилищ*). Издание текста, предисловие и указатели А. Б. Халидова, М., 1961.
- XIII. Муҳаммад-Қазим, *Нāме-йи 'āламārā-йи нāдирī* (*Мироукрашающая надирова книга*).
- Т. I. Издание текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели Г. В. Шитова, М., 1960 (изд. 2-е, стереотипное, М., 1962).
- Т. II. Издание текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление О. П. Щегловой, М., 1965.
- Т. III. Издание текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление Н. В. Елисеевой (готовится к изданию).
- XIV. Хюсейн, *Беда'и' ул-века'и'* (*Удивительные события*). Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. Ч. 1—2, М., 1961.
- XV. *Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ*. Издание текстов и предисловие Л. Н. Меньшикова, М., 1963.
- XVI. Оцуки Сигэтакэ и Симура Кокё, *Канкай ибун* (*Удивительные сведения об окружающих морях*). Тетрадь восьмая. Словарь. Издание текста и предисловие В. Н. Горегляда, М., 1961.
- XVII. Низāmī Ганджавӣ, *Лайлӣ и Маджнӯн*. Критический текст А. А. Алескер-заде и Ф. Бабаева, М., 1965.

ТЕКСТЫ. МАЛАЯ СЕРИЯ

- I. Фидā'й, *Китāб би хидāйат ал-му'минйн ат-тāлибйн* («*История исмаилизма*»). По таджикской рукописи издал, предисловием и примечаниями снабдил А. А. Семенов, М., 1959.
- II. 'Омар Хаййām, *Рубā'ийāt*. Подготовка текста, перевод и предисловие Р. М. Алиева и М.-Н. О. Османова. Под редакцией Е. Э. Бертельса. Ч. 1—2, М., 1959.
- III. 'Омар Хаййām, *Трактаты*. Перевод Б. А. Розенфельда. Вступительная статья и комментарии Б. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича, М., 1961.
- IV. Хорезми, *Мухаббат-наме*. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджиба, М., 1961.
- V. Вторая записка Абу Дулафа. Издание текста, перевод, введение и комментарии П. Г. Бугакова и А. Б. Халидова, М., 1960.
- VI. *Пэкрён чхохе*. Антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом. Издание текста, перевод и предисловие Д. Д. Елисеева, М., 1960.

- VII. *Нишань самани битхэ (Предание о нишанской шаманке)*. Издание текста, перевод и предисловие М. П. Волковой, М., 1961.
- VIII. *Бяньвэнь о Вэймоузе. Бяньвэнь «Десять благих знамений»*. (Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии). Издание текста, предисловие, перевод и комментарии Л. Н. Меньшикова, М., 1963.
- IX. Мистри хатун, *Диван*. Критический текст и вступительная статья Е. И. Маштаковой (готовится к изданию).
- X. Гомбоджаб, *Ганга-йин урусхал (История золотого рода владыки Чингиса. — Сочинение под названием «Течение Ганга»)*. Издание текста, введение и указатель Л. С. Пучковского, М., 1960.
- XI. *Оросиякоку суймудан (Сны о России)*. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии В. М. Константинова. Под редакцией академика Н. И. Конрада, М., 1961.
- XII. Амйр Хусрау Дихлавй, *Шйрйн и Хусрау*. Критический текст и предисловие Г. Ю. Алиева, М., 1961.
- XIII. Ахмед Хани, *Мам и Зин*. Критический текст, перевод, предисловие и указатели М. Б. Руденко, М., 1962.
- XIV. Мйрзэ 'Абдал'азйм Самй, *Та'рйх-и салатйн-и манйтййа (История маньятских государей)*. Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой, М., 1962.
- XV. *Ссянчхон кыйбонь (Удивительное соединение двух браслетов)*. Издание текста, перевод и предисловие М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич, М., 1962.
- XVI. Камалашила, *Бхаванакрама (Трактат о созерцании)*. Факсимиле с предисловием Е. Е. Обермиллера, М., 1963.

ПЕРЕВОДЫ

- I. Мухаммад-Казим, *Поход Надир-шāха в Индию (Извлечение из Та'рйх-и 'āламāрā-йи нāдири)*. Перевод, предисловие и примечания П. И. Петрова, М., 1961.
- II. *Законы Ману*. Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильным, М., 1960.
- III. *Дхаммапада*. Перевод с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова, М., 1960 (Bibliotheca Buddhica. XXXI).
- IV. 'Абд ар-Рахман ал-Джабартй, *'Аджā'иб ал-асār фй-т-тарāджим ва-л-ахбār (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий)*.
 Т. III, ч. 1: *Египет в период экспедиции Бонапарта (1798—1801)*. Перевод, предисловие и примечания И. М. Фильштинского, М., 1962.
 Т. IV: *Египет под властью Мухаммада 'Алй (1806—1821)*. Перевод, предисловие и примечания Х. И. Кильберг, М., 1963.

- V. *Брихадараньяка упанишада*. Перевод, предисловие и примечания А. Я. Сыркина, М., 1964.
- VI. Эвлия Челеби, *Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века)*. Перевод и комментарии. Выпуск 1: *Земли Молдавии и Украины*, М., 1961.
- VII. Арья Шура, *Гирлянда джатак или сказания о подвигах Бодхисаттвы*. Перевод А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. Предисловие и примечания О. Ф. Волковой, М., 1962.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

ВЫШЛИ В СВЕТ

- I. *Сказание о Бхадре (Новые листы сакской рукописи «Е»)*. Факсимиле текста. Транскрипция, перевод, предисловие, вступительная статья, глоссарий и приложение В. С. Воробьева-Десятовского и М. И. Воробьевой-Десятовской.
- V. *Саҳиб, Дафтар-и дилкушā («Сочинение, радующее сердца»)*. Факсимиле текста. Предисловие и указатели Р. Хади-заде.
- VI. *Чхандоһья упанишада*. Перевод с санскрита, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

- II, 1. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках*. Часть 1. Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, вступительная статья и приложения Л. И. Лаврова.
- III. *Документы на половецком языке XVI в. (судебные акты Каменец-Подольской армянской общины)*. Транскрипция, перевод, предисловие, грамматический комментарий и словарь Т. И. Грунина. Под редакцией Э. В. Севортыана. Вступительная статья Я. Р. Дашкевича.
- IV. *Китайская классика в тангутском переводе («Лунь юй», «Мэн цзы», «Сяо цзин»)*. Факсимиле текстов. Предисловие, словарь и указатели В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова.
- VII. Бхамаха, *Поэтические украшения*. Перевод с санскрита, предисловие и комментарии Э. Н. Темкина.
- VIII. *Документы по истории японской деревни*. Часть 1. Конец XVII—первая половина XVIII в. Перевод, предисловие и приложения О. С. Николаевой.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	10
Путевые заметки	31
1. Введение	33
2. Путешествие из Львова в Стамбул	34
3. Описание Стамбула	37
4. Путешествие вдоль берегов Мраморного и Эгейского морей	52
5. Путешествие из Стамбула в Венецию	59
6. Венеция	65
7. В государстве папы	80
8. Рим	88
9. Паломничество в Муш	143
10. Возвращение в Стамбул	158
11. Паломничество в Иерусалим	163
12. Иерусалим	189
13. Путешествие из Иерусалима в Халеб	223
14. Мараш—Кесария—Анкурия—Стамбул—Львов	235
15. Описание города Львова	242
16. Автобиография Симеона	250
17. Поход султана Османа на Польшу (1622 год)	254
18. Летопись 1623—1635 годов	261
Комментарии	273
Приложения	301
Терминологический словарь	303
Именной указатель	309
Указатель географических названий	313
Указатель этнических названий	318
Summary	319

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении всего средневековья Армения была ареной кровопролитных войн и опустошительных нашествий. Этим объясняются массовые переселения армян на юг России, на Украину, в Крым, в Галицию.

Особенно усилился поток переселенцев после монгольского нашествия (XIII в.) и во время последовавших затем войн туркменских племен (XIV в.). За период с XIII по XVIII в. на западноукраинских землях возникло свыше 30 армянских поселений.

Основную часть переселенцев составляли купцы и ремесленники, которые обосновались в торгово-ремесленных центрах Юго-Западной Руси—Львове, Каменец-Подольске, Владимире, Галиче, Ярославе и др. Во всех этих городах армяне создали свои общины, которым польские короли, заинтересованные в развитии торговли и ремесла, предоставили право самоуправления.

Особенно большой и богатой была армянская колония города Львова, лежавшего на перекрестке важных торговых путей, которые связывали Восток с Западом. Армяне занимали здесь отдельный квартал, получивший название Армянской улицы. Львов стал также и важнейшим культурным центром армян, поселившихся на землях Западной Украины. Здесь были построены армянские церкви, монастыри, больницы, школа, книгохранилище, типография. Из среды львовских армян выдвинулись ученые и писатели, художники и музыканты*.

* См. И. А. Линниченко, *Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв.*, М., 1894, стр. 219—230; Л. М. Ме-

Представителем армянской интеллигенции города Львова в XVII в. был и Симеон дпир Лехаци, автор «Путевых заметок» — интересного источника по истории Османской империи и стран Юго-Восточной и Южной Европы первых трех десятилетий XVII столетия.

Впервые «Путевые заметки» Симеона были опубликованы видным арменоведом Н. Акиняном в печатном органе венской конгрегации мхитаристов — «Андес Амсореа» (1932—1935 г.). В 1936 г. Н. Акинян издал «Путевые заметки» вместе с «Хроникой» и принадлежащими перу Симеона «Памятными записями» отдельной книгой*.

Основой для этих публикаций послужила рукопись-автограф Симеона, хранившаяся в библиотеке Львовского университета. В годы второй мировой войны, во время немецкой оккупации, рукопись исчезла. Поиски ее, предпринятые сотрудниками Львовского университета, до сих пор не увенчались успехом. По этой причине для русского перевода «Путевых заметок» было использовано издание Акиняна**.

Биографические сведения о Симеоне Лехаци ограничиваются тем, что он сам сообщает о себе в своих «Путевых заметках».

ликсет-Бек, *Древняя Русь и Армения*, Ереван, 1946; сб. «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов», Ереван, 1961; Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան, շարադրեալ հանդերձ զանազան բանասիրական տեղեկութեամբք տն. Հ. Մ. Բժշկեանց, Վենետիկ, 1830. (М. Бжишкян, *Путешествие в Польшу, изложенное в сочетании с различными филологическими сведениями*, Венеция, 1830); Դ. Ալիշան, *Կամենից, տարեգրքը Հայոց Լեհաստանի և Ռուսիայի. Վենետիկ, 1896.* (Г. Алишан, *Каменец, Летопись армян Польши и Румынии*, Венеция, 1896).

* Սիմէոն դպիր Լեհացւոյ, Ուղեգրութիւն, տարեգրութիւն և յիշատակարարք; ռուսացի տարեգրքի և հրատարակից Հ. Ներսես Գ. Ակիւնեան, Վիեննա, 1936. (Симеон Лехаци, *Путевые заметки, хроника и памятные записи*; изучил и опубликовал Нерсес Акинян, Вена, 1936).

** Рукопись «Путевых заметок» Симеона Лехаци описана в каталоге рукописей Львовского университета, опубликованном в «Андес Амсореа» за 1937 г. (стр. 146—148).

Рукопись представляла собой переплетенный в светло-красную кожу томик в 396 страниц. Написана на бумаге курсивным письмом. Время написания — 1619—1635 гг.

Симеон родился в 1584 г. в небольшом западноукраинском городке Замостье, куда родители его переселились во второй половине XVI в. из Кафы. Несмотря на скромный достаток, они постарались дать сыну образование; закончив курс наук, он получил низшую церковную степень дпира (писца) и дьякона. 20 лет отроду Симеон совершает паломничество к святым местам, которое длилось 12 лет и результатом которого явились его «Путевые заметки». Подробно описывая в «Путевых заметках» все те места, которые он посетил во время своих долголетних странствований, Симеон, по собственному своему признанию, преследовал вполне определенную цель — помочь тем, кто задумает после него совершить подобное путешествие.

Жанр путевых заметок был довольно популярен в средние века. Канвой для произведений такого рода служил обычно маршрут путешествия. По этой канве плелась ткань повествования, узор и окраска которого зависели как от цели путешествия, так и от личности самого автора. В средние века значительная часть таких путешествий совершалась ради паломничества, чем и обуславливалось то преимущественное внимание, которое уделялось описанию святых мест, достопримечательностей, связанных с церковью и религиозными преданиями. В них в большей или меньшей степени, в зависимости от склада ума и характера автора, чувствовалось дыхание повседневной жизни.

Не менее многочисленными были светские путешественники, в частности купцы. Они совершали поездки в торговых целях нередко в самые отдаленные страны и в своих путевых заметках рассказывали о том, что они видели и что было связано с их торговыми операциями.

Сочинения этих путешественников занимают значительное место и в армянской средневековой литературе. К этим авторам относится анонимный автор путеводителя, озаглавленного «Наименования городов индийских и персидских» (XII в.), Мартирос Ерзынкаци, описавший свое путешествие по ряду стран Западной Европы (XV в.), Иоаннес Ахтамарци, посвя-

тивший свое сочинение описанию Абиссинии (XV в.), а также Хачатур Кафаэци, побывавший в Крыму (XVI в.). Памятники, принадлежащие им, характеризуются сжатостью и приитивностью изложения.

Современником Симеона был Августин Баджеци родом из Ерджака. В начале XVII столетия он совершил путешествие по Европе, посетив Московское государство, Польшу, Германию, Испанию, Италию. Свое путешествие он освещает весьма лаконично, останавливаясь несколько подробнее на характеристике некоторых церквей в Риме и Мадриде. Известный интерес представляет описание им насильственного переселения армян в Персию в 1604 г. шахом Аббасом I. В целом небольшое по объему «Путешествие Августина Баджеци» содержит очень мало данных о жизни стран, которые он посетил.

Из преемников Симеона следует упомянуть армянского купца Закарию Акулеци, который во второй половине XVII в. предпринял несколько путешествий в Европу, посетив Венецию, Амстердам и другие европейские города. «Дневник» Закарии содержит преимущественно данные справочного характера (перечисляются пункты, через которые он проезжал, приводятся расстояния между ними, время прибытия и отбытия и т. д.). Это обуславливает его чрезвычайную лаконичность. Содержание «Дневника» определяется торговыми интересами Закарии. Как истый купец, он в основном не выходит за рамки того, что связано с ростом капиталов и прибылью, которую он может получить. Побывав во многих европейских городах, Закария словно и не приметил их, поглощенный своими торговыми делами. Он ни словом не обмолвился ни о политических учреждениях виденных им стран, ни об их нравах и обычаях. Лишь в последней части «Дневника» довольно подробно излагаются события, происходившие в Ереванском ханстве в то время, и лишь потому, что они оказали непосредственное влияние на торговые дела и благосостояние его семьи. Из «Дневника» Закарии Акулеци можно почерпнуть сведения по социально-экономической истории преимущественно Ереванского ханства.

«Путевые заметки» Симеона на фоне средневековой армян-

ской литературы этого периода выделяются и по содержанию и по форме:

Симеон был, несомненно, достаточно начитан в древнеармянской исторической и житийной литературе. «И когда читал я жития отцов [церкви] и повествования историков, — пишет он, — запали в мое сердце желание и страстная любовь, согласно писанию: „Воспламенилось сердце мое во мне, в мыслях моих возгорелся огонь“; поэтому всегда и постоянно пылало мое сердце и томилось нутро мое [желанием] путешествовать и познакомиться с лучшими и неизвестными областями и странами иноверными, а также отправиться в паломничество сперва в святой Иерусалим... оттуда в Муш... затем в великий Рим» (стр. 33).

Несмотря на церковное образование и глубокую религиозность, Симеон обладал довольно широким кругом интересов, терпимостью к чужим верованиям и обычаям и как сын своего времени — эпохи Возрождения, с ее блестящим взлетом науки и искусства, — умел восторгаться могуществом человеческого разума и красотой его творений. Описывая произведения архитектуры и искусства, он неоднократно восклицает: «Нужна тысяча глаз, чтобы насладиться красотой искусства!» Или: «И совсем не верится человеку, что она (колонна) установлена не дэвами или великанами, а создана человеком, рожденным из праха». Глава «Об удивительных вещах» — это настоящий гимн талантам и трудолюбию человека. Во время торжественной литургии в соборе св. Петра Симеона привлекает не столько мистическая сущность ритуала, сколько окружающее его великолепие.

Отдавая дань традиционному для книг такого рода описанию религиозных достопримечательностей, Симеон в то же время проявляет необыкновенную любознательность, умение видеть и сравнивать.

Подробное описание многочисленных архитектурных памятников, обычаев, нравов, религиозных обрядов народов, с которыми ему пришлось столкнуться, ценные данные, касающиеся ремесла, торговли и земледелия, — все это сближает его «Путе-

вые заметки» с мемуарами известных европейских путешественников, его современников Тавернье и Делла Валле (первая четверть XVII в.) и путешествовавшего во второй половине XVII в. Д'Арвье *, которые оставили подробные многотомные описания своих путешествий.

Будучи людьми для своего времени широко образованными, эти авторы в своих мемуарах сочетают описание политических порядков, нравов и быта, исторических памятников стран, в которых они побывали, с экскурсами в область истории, языка и этнографии народов, живших на их территории. Авторы мемуаров — богатые люди, пользующиеся защитой одной из сильнейших европейских держав того времени — Франции. Поэтому они обращают особое внимание на те явления и стороны жизни, которые по той или иной причине могли заинтересовать господствующие классы Франции, а также на экзотику восточной жизни, которая безусловно нравилась читателю.

Симеон оценивает все то, что он видит, с точки зрения представителя низших сословий и национальностей, подвергавшихся в Турции гонениям и преследованиям. В этом и состоит основное и важное отличие «Заметок» Симеона от мемуаров западноевропейских путешественников, и оно придает особую ценность труду Симеона. Если Тавернье, например, объясняет заброшенность и безлюдность целых областей в Азии или «дурным климатом», или тем, что «находятся люди, предпочитающие жить в нищете, вместо того чтобы трудиться», то Симеон причину этого видит во всяческих притеснениях и злоупотреблениях турецких властей. Симеон не стремится поразить воображение читателя, не описывает романтически волнующих приключений, не удивляет своей ученостью. Непосредственно и просто он записывает все, что видит и слышит.

* *Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier, Ecuyer Baron d'Aubonne en Turquie, en Perse et aux Indes*, pt. I, Paris, 1679; *Voyages de Piétro Della Vallé. . . dans la Turquié Egypte, la Palestine. . .*, t. I—II, Rouen, 1745; *Mémoires du Chevalier d'Arvieux, envoyé extraordinaire du roi à la Porte, consul d'Alep, de Tripoli et des autres Echelles du Levant. . .*, par le J. B. Labat, Paris, 1735.

Искренность его повествования, наблюдательность, достоверность приводимых фактов и особое сочувственное отношение к жизни народных масс — несомненное достоинство «Путевых заметок» Симеона.

Свои «Путевые заметки» Симеон писал в пути под непосредственным впечатлением от виденного и слышанного. Сам Симеон, обращаясь к читателю, пишет: «Однако молю вас во время чтения не лениться и не скучать, хуля творение трудов моих, которое я писал, иногда [плавя] на корабле, а иногда сидя на вьючном животном, в гостинице или в хане. Другие [люди] ели и пили и развлекались иными вещами; я же, заботясь об этом деле, стремился закончить предлагаемую книгу» (стр. 142).

Разная степень насыщенности отдельных частей «Заметок» фактическим материалом обусловлена тем, что иногда он записывал свои наблюдения за довольно большой отрезок пути, и поэтому они весьма лаконичны, например, в том случае, когда он перечисляет города, расположенные между двумя пунктами, где ему приходилось жить более продолжительное время; иногда же, когда он надолго задерживался в пути, как, например, в Стамбуле, Риме, Венеции, Каире и других городах, он подробно описывал их достопримечательности, нравы и обычаи жителей, торговлю и ремесло. Окончательная редакция заметок была осуществлена Симеоном уже во Львове, после возвращения из паломничества.

* * *

Свое путешествие Симеон начал 15 февраля 1608 г., выехав из Львова и направляясь в Стамбул вместе с молдавскими купцами. Первая часть «Заметок» Симеона, в которой он описывает путь от Львова до Стамбула, по сравнению с дальнейшим изложением относительно кратка. Симеон ограничивается в основном описанием маршрута путешествия: перечисляет пункты, через которые он проезжал, и подсчитывает время, затраченное на переезд из одного пункта в другой.

Проехав через город Снятын, он через 9 дней достигает города Сучавы. Дальнейший путь Симеона лежал через Яш-Базар (Яссы)—Васлов (Васлуй)—Берлат—Галац—Мачин—Харасув—Базарчох—Брават—Енгикёй—Чанкин—Айдост—Делиорман—Кырккилисе. Симеон потратил на это путешествие семь месяцев. Еще в Яссах он присоединился к отряду, который вез в Стамбул казну — ежегодную дань Валахии и Молдавии султану. Признав свою вассальную зависимость от Турции, Валахия и Молдавия сохранили некоторую независимость во внутренних делах. По свидетельству Симеона, казна отправлялась за счет городов, через которые они проезжали и которые обязаны были обеспечивать охрану, сопровождающую казну, транспортными средствами, продовольствием, а также квартирами.

В сентябре 1608 г. Симеон прибыл в Стамбул, где оставался свыше двух с половиной лет. Симеон подробно описывает архитектурные достопримечательности Стамбула, его рынки, общественные учреждения, нравы и обычаи турок. При этом он проявляет широту взглядов и веротерпимость, отмечая то, что, по его мнению, было хорошего в их обычаях и общественных учреждениях, без предвзятости описывая их религиозные обряды и сравнивая то, что он видел в Стамбуле, с тем, что ему довелось наблюдать в Польше.

В августе 1609 г. Симеон выезжает из Стамбула и как секретарь вардапета Мкртыча Харбердци совершает путешествие вдоль берегов Эгейского и Мраморного морей. Рассказывая о посещениях таких городов, как Бурса, Никея, Тире, Симеон всегда умеет подчеркнуть то главное, что характеризует повседневную жизнь города.

Так, о Никее он пишет, что это город, известный своими фарфоровыми изделиями, а Тире — большой торговый город, где каждый день грузится и отправляется караван, и т. д.

В июле 1611 г. у Симеона появилась возможность поехать в Венецию, а затем в Рим. Он присоединился к большому турецкому каравану, который вез ангорскую шерсть; с ним шли также и армянские купцы. С этим же караваном в Рим направлялся и Закария Ванеци — представитель эчмиадзинского като-

ликоса Мелкиседа и один из видных представителей прокатолической партии в армянской церкви, который вез дары римскому папе. В Рим он ехал под предлогом паломничества. Путь каравана пролегал через земли Болгарии, Сербии, Боснии, входивших в то время в Румелийский вилайет Османской империи.

Жизнь христианских народов балканских стран, вынужденных терпеть ярмо турецких феодалов, привлекла внимание Симеона. С большой симпатией отзываясь Симеон о южнославянских народах — болгарях, сербах и боснийцах. Христианское население большей части Болгарии находилось под эгидой греческого патриарха. Как пишет Симеон, «по исповеданию они греки, а их епископ-арианин сидит в Атроне». Подвергаясь дискриминации со стороны греческого духовенства, население Болгарии было в то же время объектом жестокой ассимиляторской политики турецких властей.

Положение крестьянства в балканских государствах, находившегося в феодальной кабале и изнывавшего под бременем многочисленных налогов, общее число которых доходило до нескольких десятков, было чрезвычайно тяжелым. Поэтому понятны причины, побуждавшие его принимать мусульманство. «Говорят, — пишет Симеон, — что как-то прибыли хараджчи, и они (болгары) из-за нищеты отреклись от веры, чтобы не платить харадж» (стр. 61).

Однако с точки зрения фискальной переход значительной части населения Болгарии в мусульманство был невыгоден турецким властям. Вот почему, как пишет Симеон, «хараджчи, собравшись вместе, отправились в Высокую Порту и дали понять хондкару, что боснийцы приняли мусульманство не во имя бсга, а из-за хараджа. Тогда царь повелел: „Пусть платят [все], хоть и стали мусульманами, кроме хаджи, которые ходили в Мекку“. Увидели они, что и веры лишились и харадж платят, стали тогда ходить из-за хараджа в Мекку. Все они хаджи, среди них очень мало платящих харадж...» (стр. 61—62).

Мусульманство, его культура и обычаи не пустили глубоких корней в южнославянских народах. Об этом свидетельствует хотя бы то, что население балканских стран сохранило свой родной язык. «Они совсем не знают турецкого языка, но только болгарский», — отмечает Симеон.

Хотя турецкое господство в целом привело к консервации феодальных отношений на Балканах и тормозило экономическое развитие балканских народов, все же некоторые города, расположенные на важных караванных путях, превратились в довольно крупные торгово-ремесленные центры. Такими были, например, города Хулуп, Скуб, Ени-Базар, Босна-Сарай. Находясь в Ени-Базаре, Симеон заметил, что почти все население города и его окрестностей изготавливает замки и скобяные изделия. «Когда бывает базарный день, — пишет он, — их (замки) привозят из каждого села и города и складывают, ибо повсюду [здесь] живут скобяных дел мастера. Приезжают купцы, покупают и развозят их по всему свету, все распродавая» (стр. 61). В описании Симеона перед нами явственно проступают черты рассеянной мануфактуры, которая была характерна для позднего средневековья. Симеон не случайно обратил внимание на это явление. Для экономики Польши XVI—XVII вв. было характерно развитие фольварочно-барщинного хозяйства, производившего продукцию на экспорт, тогда как города и ремесла переживали упадок. Таким образом, в Польше не было условий, благоприятствующих развитию капиталистической мануфактуры. Вот почему Симеон, по-видимому, впервые столкнувшийся с такой формой ремесленного производства, не мог не обратить на нее внимание.

В конце XVI в. ослабление центральной власти в Османской империи привело к усилению произвола местных турецких властей в балканских государствах. Одновременно уже с середины XVI в. усиливается борьба за освобождение от турецкого господства в Болгарии, Сербии, Хорватии, Греции. В западных областях Балкан она продолжается и в первые десятилетия XVII в., несмотря на усилия турецких властей, направленные на подавление этого движения. Большие волнения

вспыхнули в начале XVII в. в Боснии. Они были вызваны жестокостью правителя этой области Дели Хасана*.

Проезжая через Болгарию и Боснию, Симеон неоднократно говорит о возможности нападения на их караван. «На этой дороге, — пишет он, — мы натерпелись страха, ибо бродило много грабителей, которые разоряли те края, сжигали города и села, а иные бросали разрушенными» (стр. 61). Трудно предположить, чтобы шайки грабителей были так многочисленны, что могли разрушать города и села и опустошать целые области. Симеон, разумеется, здесь несколько сгустил краски. По-видимому, это были скрывавшиеся в горах повстанческие отряды местных жителей, которые нападали на всех, кто, как они считали, был в той или иной мере связан с турецкими властями, в том числе и на турецкие караваны.

Хотя эта часть «Заметок» Симеона отличается лаконичностью, тем не менее она дает довольно верное представление о некоторых сторонах жизни балканских народов в начале XVII в.

В октябре 1611 г. Симеон приезжает в Венецию. Красота и великолепие этого города восхищают его. Его интересуют не только прекрасные произведения искусства, но и деловая жизнь города, стоимость товаров, размеры торговых оборотов, численность населения, суд, обычаи и нравы.

Из Венеции Симеон едет в Рим, где остается девять месяцев. Достопримечательностям Рима, его архитектуре, органам управления папского двора, различным формам благотворительности и призрения бедных посвящена значительная часть его «Путевых заметок». Однако следует отметить, что Симеон явно идеализирует итальянскую действительность.

Италия предстала перед Симеоном словно прекрасные декорации с великолепными дворцами и церквями, чудесными произведениями искусства и пышными празднествами, где бурлила разряженная веселая толпа. И он описал все это добросовестно, с чувством искреннего восхищения.

* Hammer J. de, *Histoire de l'Empire Ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours*, t. VIII, Paris, 1843, pp. 58—59.

Как известно, римский папа и его прелаты очень далеко ушли от тех идеалов аскетизма, которые были характерны для раннего христианства. Симеон, огорченный тем, что в Турции христиане подвергаются гонениям, усматривал в роскоши и богатстве папского двора торжество христиан, благоволение к ним бога, считая, что это заслуженная награда христианам за их добродетели. А то, что за роскошный образ жизни высшего духовенства и пышный ритуал богослужения трудящиеся расплачивались тяжким трудом, осталось вне поля зрения Симеона, так же как и усиливавшееся обнищание народа, подвергавшегося жесточайшей эксплуатации, и разгул католической реакции.

Однако при внимательном чтении в итальянских декорациях Симеона обнаруживаются прорехи, которых сам Симеон не заметил или, вернее, не осознал.

Симеон не скупится на похвалы, описывая благотворительность папы. Но, говоря о тюрьмах, он сообщает, что в них «бывает много невинных, беспомощных, не знающих языка чужеземцев либо нищих и беззащитных [людей], [не имеющих] ни знакомого, ни [близкого] человека, которые так и остаются в тюрьме, ибо это большая темница наподобие Пападжафара» (стр. 123). Чтобы попасть в громадный госпиталь Сан-Спирито, построенный для больных, нищих, сирот и вдов, надо было идти не к врачу, а к духовному чину — хорепископу, возглавлявшему это учреждение, и, разумеется, дорога туда была открыта только для покорных сынов и дочерей католической церкви. Но Симеону причину этого объяснили иначе, и он принял это объяснение на веру. «Это потому, — пишет он, — что есть много обманщиков, которые привыкли бродить попусту, ни к чему не способны и притворяются больными, чтобы их взяли в больницу и они ели бы даром хлеб и спали бы на мягком матрасе» (стр. 95). В данном случае устами Симеона говорят представители официального, папского Рима.

Заслугой Симеона является то, что при всей кажущейся односторонности и однообразии описаний Рима и Венеции каждый город имеет свое лицо. Венеция, несмотря на экономи-

ческий упадок, начавшийся в конце XV в., продолжает оставаться довольно крупным центром торговли и ремесла, в частности центром производства стекла, и такой она и предстает из описаний Симеона. Напротив, Рим — и в действительности и у Симеона — город, в котором нет ни развитой мануфактуры, ни торговли.

В Риме Симеон оставался до мая 1612 г. Из Рима он вновь возвращается в Венецию, откуда морем направляется в Измир. Пробыв несколько месяцев в Измире из-за болезни, он лишь весной 1613 г. выехал в Муш через Бурсу—Амасию—Себастию—Малатию—Харберд—Балу. Затем он завершает путешествие в Иерусалим через Каир—Газу и возвращается через Дамаск—Халеб—Мараш—Кесарию—Анкару—Измир. Таким образом, Симеон действительно объездил всю западную часть Османской империи, и его путевые заметки могут дать довольно полное представление о многих сторонах социально-экономической и политической жизни этого государства.

Значительный интерес представляют описания им таких крупных городов Османской империи, как Каир, Дамаск, Себастиа, Кесария и др. Это значительные торгово-ремесленные центры, имеющие нередко свой ярко выраженный экономический профиль, верно подмеченный Симеоном.

Следует отметить, что в торгово-ремесленной жизни городов Османской империи значительную роль играли греческие, армянские, еврейские, славянские и европейские купцы. Симеона, естественно, интересовали в первую очередь армяне, их численность, занятия и положение во всех тех городах и селах, где ему пришлось побывать. В этом отношении «Путевые заметки» Симеона представляют важный источник по истории армянских колоний.

Немало богатых армянских купцов было в таких крупных городах, как Стамбул, Каир, Амид, Халеб. К ним относился и некий ходжа Петик, купец и откупщик в Халебе. «Сей Петик, — пишет Симеон, — был знатным и видным человеком, ибо разъезжал, как паша, [в сопровождении] тридцати-сорока ясахи, имел янычар и сипахов. Сказали, что он имеет двадцать

четыре взятых на откуп дела: комрук, мухтесибство, субашество, ханы, бани и все остальное находится в его руках» (стр. 231).

«В Амиде живет тысяча домов армян, все они достопочтенны и живут роскошно».

Говоря о богатых армянских купцах и ходжах Кесарии, Симеон замечает мимоходом: «Однако бедных было больше, все они портные и кафтанчи, других ремесел нет». Вряд ли можно предположить, чтобы положение армянских ремесленников в других городах было лучше, а бедных меньше, чем богатых.

В XVI—XVII вв. на территории Великой Армении еще сохранилось большое число армянских сел. Как сообщает Симеон, от Харберда до реки Евфрат тянулись одни лишь армянские села и от Марзуана и «дальше — все армянские села и города». Таких свидетельств у Симеона много.

Налоги, которые платили армяне-райаты, составляли важную статью доходов турецких и курдских феодалов. Весьма любопытно такое замечание Симеона: за полдня пути до Чапахджура «находились армянские села, которые отстраивались. Сказали, что джалалии их разрушили, а армян разогнали. Ныне сей курдский парон очень любит армян, поэтому он собирает [их]; каждый возвращается на свое место и отстраивается, никого не боясь». Дело здесь, конечно, не в любви курдских феодалов к армянским райатам, а в желании обеспечить регулярные налоговые поступления. О тяжелом налоговом бремени, которое несли армяне, свидетельствуют и данные Шериф-хана Бидлиси, который в своей «Шериф-наме», одном из интереснейших литературных памятников XVI в., пишет: «Армянские села приблизительно в сто дымов расположены одно подле другого на этой цветущей долине» (речь идет о долине Муша)*.

Общая сумма налоговых поступлений в виде хараджа и джизьи с этих четырех тысяч армян достигала во времена сул-

* *Chéref-nâmeh ou fastes de la nation kourde par Chéref-ou'ddin, prince de Bidlis...*, trad. du persan et comm. par F. B. Charmoy, t. II, pt. 1, SPb., 1873, p. 224.

тана Сулеймана (1520—1566) 1533 325 асперов*. Говоря о Хнуса и его окрестностях, Шереф-хан отмечает: «Что же касается налогов, которые взимает там казна, то они равны налогам Муша, хотя армян-райатов там меньше»**. Автор счел необходимым отметить, по-видимому, необычайный факт, что, несмотря на небольшое число армян, доходы, получаемые с Хнуса, равнялись доходам с Муша.

В тяжелом положении в Османской империи находились не только армяне, но и все трудящиеся массы. На страницах «Путевых заметок» Симеона очень часто встречаются описания произвола и злоупотреблений местных турецких властей. «Повсюду были грабежи, воровство и притеснения», — характеризует он положение в Анатолии. В этой связи он неоднократно упоминает о джалалиях, к которым относится как к разбойникам. Описывая Бурсу, он отмечает: «половина города разрушена, сожжена и опустошена джалалиями» (стр. 54). Вокруг Себастии «большие и расположенные близко села... были разрушены» (стр. 150) и так далее. От Симеона, разумеется, нельзя требовать анализа социального характера и причин повстанческих движений джалалиев. Для нас важно то, что в книге Симеона имеется много ценных данных, свидетельствующих о кризисе социально-экономической и политической жизни Османской империи.

Большой интерес представляют страницы, посвященные описанию Египта и положения феллахов, которые подвергались жестокой эксплуатации как со стороны турецких властей, так и мамлюкских беев, духовенства и прочих феодалов. Бесчисленные подати и налоги вели к упадку экономики страны и катастрофическому обнищанию народных масс.

Хотя страна плодородна и богата, отмечает Симеон, но жители ее, феллахи, «страдают от голода, нищи, жалки, наги, нуждаются в куске хлеба, ибо никогда они не едят досыта даже

* Аспер или акче — самая мелкая денежная единица в Турции, составлявшая в разное время от 1/40 до 1/300 куруша.

** *Chéref-nâmech ou fastes...*, t. II, pt. I, p. 225.

тяжелый хлеб из отрубей... они трудятся, но не вкушают, засевают, но жнут не для себя и остаются грузчиками, слугами и рабами чужеземных племен» (стр. 183).

Картина нищеты феллахов, нарисованная Симеоном, могла бы показаться преувеличенной, если бы не свидетельства других путешественников, в частности Делла Валле, который посетил Египет в те же годы, что и Симеон. Делла Валле, вообще избегавший говорить на такие темы, делает по этому поводу очень характерное замечание: «Мне пришлось бы говорить слишком много, — пишет он, — если бы я вздумал рассказать вам о нищете и бедности этих простаков, которые, подобно животным, живут в полях под навесом и в шалашах» *.

Турецкие власти беззастенчиво грабили немногочисленное местное население Палестины. Симеон, говоря о живших в Иерусалиме армянах, коптах и греках, основным занятием которых было ремесло, отмечает, что все они бедны. Делла Валле, описывая красоты природы Вифлеема, мимоходом отмечает: «... бедность и нищета там невообразимы» **.

Особенно подробно останавливается Симеон на описании мест паломничества и положения паломников.

Иерусалим с его так называемыми святыми местами служил одним из важнейших источников доходов для местных турецких властей, причем доходы они извлекали с помощью местного христианского духовенства.

«В этих больших местах паломничества, — пишет Симеон, — повсюду после службы должны давать соответственно [возможностям] человека уруп, парá, куруш или золотой».

Чтобы извлечь побольше денег из карманов паломников, местное армянское и греческое духовенство при поддержке турецких властей, имевших здесь свою долю, прибегало к грубому обману. «Это почти невообразимо, — пишет Д'Арвье, — сколько турки извлекают денег из этих народов» ***.

* *Voyages de Piétro Della Vallé. . .*, t. I, pp. 299—300.

** *Ibid.*, t. II, p. 89.

*** *Mémoires du Chevalier d'Arvieux. . .*, t. II, pp. 139—140.

Симеон приводит много фактов подобного грабежа паломников со стороны турецких властей и местного духовенства.

Заметное обезлюдение ряда областей и городов Турции, упадок сельского хозяйства и городов вследствие злоупотребления турецких властей, непрерывных мятежей и неудачных войн — все это в большей или меньшей степени отразилось в книге Симеона.

После двенадцатилетнего паломничества, весной 1619 г., Симеон возвращается в Замостье.

Последняя часть книги Симеона связана с теми событиями, которые разыгрались в 20—30-х гг. XVII в. на территории Западной Украины, входившей в состав Речи Посполитой, и изложена в форме летописи.

Крупнейшее после России в территориальном отношении государство Восточной Европы, Речь Посполитая уже в XVI в. вступила в полосу экономического и политического упадка, особенно усилившегося в XVII в.

Симеон не жалеет красок, чтобы обрисовать разброд и анархию, царившие там. «У них (поляков) нет также добрых дел и достойных похвал порядков и установлений, — пишет он, — но постоянно они заняты пирушками, пьянством, драками и ссорами; военные постоянно оскорбляют и убивают друг друга и других; князья бессильны и беспомощны, будучи слугами вина и чрева своего» (стр. 139).

Национальная торговля и промышленность были развиты слабо. Ремесло и торговля находились преимущественно в руках иностранных купцов и мастеров. По свидетельству Симеона, в Польше евреям «принадлежит вся власть, сбор пошлин, таверны, ханы и гостиницы» (стр. 139). Значительную роль в торгово-ремесленной жизни западноукраинских городов играли также армянские колонии и армянские купцы.

Большое место отводит Симеон описанию города Львова, крупного торгово-ремесленного центра, который вел торговлю со странами Востока, и армянской колонии Львова с ее органами самоуправления. В этом разделе содержится ценный материал по истории армянских колоний на Украине.

Далее Симеон описывает татарские набеги, войны, которые вела Польша с Турцией, Швецией и Московским государством, а также стихийные бедствия, ливни, эпидемии чумы, пожары.

Несмотря на то что факты нередко представлены Симеоном в несколько искаженном виде, отсутствует точная их датировка, временами нарушается хронологическая последовательность событий, «Хроника» представляет известную ценность как свидетельство если не всегда очевидца, то во всяком случае современника этих событий.

«Путевые заметки» Симеона интересны и с точки зрения этнографической. Много внимания уделяет он обычаям, нравам, религиозным обрядам, кушаньям. Живо и непринужденно описывает наш автор пасхальные празднества в Риме, где в соборе св. Петра он видел кукольные представления, а также празднества в честь смены мухтесиба в Каире, прилива нильских вод и отправки шатра на могилу пророка в Мекку. Весьма красочно описание и праздничного выезда султана на богослужение в Софию, сопровождавшего его кортежа, одежд офицеров, янычар и других лиц из свиты султана, наконец одеяния самого султана и убранства его лошади. Симеон знакомит нас также с бытом кочевых арабских племен и туркмен.

«Путевые заметки» Симеона — это не сухой перечень событий, в них чувствуется душа автора, который не остается равнодушным к описываемым им событиям. Внутренний мир Симеона раскрывается в его отношении к тем или иным явлениям и фактам, в его стремлении сравнивать и оценивать их.

Интерес Симеона к положению армян свидетельствует о его патриотизме. Однако он не закрывает глаза на недостатки своих соплеменников, довольно резко и с присущей ему экзальтацией обрушивается на них и отдает должное тому хорошему, что ему пришлось наблюдать у других народов.

Национальные и религиозные симпатии и антипатии Симеона проявляются лишь тогда, когда он сталкивается с фактами религиозных гонений и национального угнетения. Его возмущают унижающие человеческое достоинство христиан, и в частности армян, законы мусульманского права, с особой

строгостью проводившиеся в жизнь в центральных областях Малой Азии, в Египте и Палестине. При описании польско-турецких войн и татарских нашествий его симпатии, естественно, на стороне Польши.

Как и всякий исторический источник, тем более средневековый, «Путевые заметки» нуждаются в критическом подходе.

Симеон, получивший религиозное образование, на многое смотрит сквозь призму религиозных представлений, преподносит как вполне достоверные факты рассказы о всяких чудесах, мучениках и пр. Он верит всему, что ему рассказывали его попутчики и случайные знакомые.

Приводимые им данные о численности населения разных народов, численности войск и т. д., конечно, далеки от точности и нуждаются в проверке.

Однако эти недостатки, связанные с особенностями эпохи, в которую жил Симеон, средой и ограниченностью образования, полученного им, не умаляют достоинств его труда.

Правдивое описание того, что автор наблюдал сам, многообразие и разносторонность содержания придают «Путевым заметкам» Симеона особую ценность.

«Путевые заметки» Симеона относятся к числу тех первоисточников, которые оказывают большую помощь исследователям, изучающим историю, культуру и этнографию Османской империи, а также стран Юго-Восточной и Южной Европы первой половины XVII столетия.

* * *

Сочинение Симеона написано на среднеармянском языке. Это не классический среднеармянский язык, а живая разговорная речь XVII в., насыщенная простонародными выражениями, а также турецкими, арабскими и персидскими словами. Лишь в некоторых главах язык «Путевых заметок» близок к классическому и изобилует цитатами из Ветхого и Нового заветов, а описание выдержано в торжественно приподнятом тоне. Иногда Симеон прибегает даже к преувеличенному, экзальти-

рованному выражению своих чувств, особенно при описании святых мест. Однако эта экзальтация — лишь форма, сквозь которую очень часто прорываются подлинные чувства Симеона, не восторженного, экзальтированного паломника, а живого, любознательного человека, которому, например, было смертельно скучно в Иерусалиме среди всяческих святынь и который искренне обрадовался приходу паломников, так как они внесли разнообразие в повседневную скуку этого города.

Столь же преувеличенную манеру описания следует отметить и в обрисовке им достоинств и недостатков отдельных народов (см., например, «похвалу франкам», описание феллахов или гневные филиппики против армян).

Изложение Симеона не всегда последовательно. Повествуя о чем-нибудь, он может неожиданно перейти и к предмету, не имеющему к его рассказу никакого отношения. Рассказывая, например, как в Египте очищают питьевую воду, он вдруг вставляет без видимой связи: «Там очень жарко и много блох; из земли изготавливают красивые кувшины» (стр. 171).

Стиль его порой несколько примитивен. Описывая какой-нибудь отрезок своего путешествия, он монотонно повторяет: «оттуда мы поехали. . . и оттуда мы поехали. . .» и т. д. Замечается некоторое однообразие и в выборе сравнений. Так, при оценке произведений искусства Симеон предпочитает сравнение «как живой» или, подчеркивая их красоту, пишет: «Нужна тысяча глаз, чтобы смотреть и наслаждаться красотой искусства!» Эту некоторую примитивность, однообразие мы сохранили и в русском переводе.

В целом языку Симеона свойственна образность, а сравнения его метки. Благодаря этому «Путевые заметки» читаются легко, с интересом.

Перевод «Путевых заметок» на русский язык был сопряжен с трудностями, почти неизбежными при переводе памятников подобного рода. В частности, особенно большую сложность представляли заимствования из турецкого, арабского и персидского языков. В некоторых случаях, когда смысл текста был

особенно «темным», мы были вынуждены давать дословный перевод.

В «Путевых заметках» имеются три стихотворения-«плача» Симеона, не отличающиеся особыми художественными достоинствами. Мы дали их почти подстрочный перевод, стараясь по возможности сохранить и рифму.

При переводе «Путевых заметок» нами были опущены глава «Восхваление святых мест», не представляющая интереса по своему содержанию, небольшой отрывок из главы «Симеон в Замостье, 1620—1624 гг.», содержащий одни лишь цитаты из Библии, а также «Памятные записи», опубликованные в качестве приложения к армянскому тексту «Путевых заметок».

В тексте перевода в прямые скобки заключены слова, которых нет в армянском тексте, но которые подразумеваются по смыслу, а в круглые — пояснительные слова. Слова, объясненные в терминологическом словаре, даются курсивом. Географические названия сохранены в той же форме, что и у Симеона. В переводе мы оставили рубрикации, которую предложил издатель армянского текста «Путевых заметок» Н. Акинян.

К переводу прилагаются комментарии, терминологический словарь, а также указатели. Дается также указатель литературы, которая была использована нами при составлении комментариев.

В заключение считаем долгом выразить искреннюю признательность старшему научному сотруднику Матенадарана Г. Абагаряну, к которому неоднократно мы обращались за советом, а также научному сотруднику Института общественных наук Академии Наук УССР во Львове Я. Р. Дашкевичу, любезно просмотревшему главу «Пожар во Львове 1623 года» и снабдившему ее своими примечаниями.

М. О. Дарбинян

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

1. ВВЕДЕНИЕ

Я, сын Мартироса по имени Симеон, грешный и недостойный, безмерноотягченный грехами, зловредный и нечестивый раб в велениях господа бога моего, а также самый последний, низший и жалкий среди всех [церковных] чинов, именуемый *дпиром*, что есть четвертый чин, но делом своим далекий и чуждый. Родители мои родом из богохранимого и опекаемого господом приморского города Кафы в стране гуннов¹; удалившись [оттуда], они поселились в стране христиан, во вновь построенном городке Замостье в области русов², которой ныне владеют поляки. Покинув нас, пришлецов, сами они переселились в потустороннюю жизнь, к Христу — упованию всех.

Однако меня отдали они обучаться книжной [науке], которую я постигал с детства и до зрелого возраста, познавая и изучая [ее] в школах просвещения || у ног *вардапетов* и ученых. И когда читал я жития отцов [церкви] и повествования историков, западали в мое сердце с давних пор и на долгие годы желание и страстная любовь, согласно писанию: «Воспламенилось сердце мое во мне, в мыслях моих возгорелся огонь»*; поэтому всегда и постоянно пылало мое сердце и томилось нутро мое [желанием] путешествовать и познакомиться с лучшими и неизвестными областями и странами иноверными, а также отправиться в паломничество сперва в святой Иерусалим — город, где ступали божьи стопы, на поклон светозарной могиле Христа и другим святым местам, а оттуда в Муш, где находятся мощи святого Иоанна Крестителя, затем в великий Рим к святым могилам Петра и Павла и к другим многочисленным и обильно орошенным кровью святых мучеников [могилам]. Поэтому,

* Псалт., 38, 4.

вдыхая, я постоянно молил исполнителя просьб, бога — подавателя всех благ и исполнителя всех желаний, внимающего молитвам, о моем благом намерении, чтобы он дал мне по сердцу моему и показал мне путь, следуя которому я достиг бы [исполнения] этого духовного и божественного желания. ||

И всеблагий, милосердный и человеколюбивый бог, дающий, согласно апостолу Иакову, «всем просто и без упреков» * и исполняющий желания каждого более, чем просим и ведаем, своими святейшими устами повелел: «О чем ни попросите отца во имя мое, даст вам» **; и еще: «Ибо всякий просящий получает, а ищущий находит...» *** и так далее. И господь, покровитель приниженных, который не гнушается грешниками, не призрил на мою неправедность и на бесчисленные дурные прегрешения мои. Внял он молитвам моим и принял желание мое; вел он меня по прямой стезе, согласно его правдивому обещанию, за что [ему] слава, честь и поклонение, непрестанное хвалебное величание от всех творений, а также от меня грешного, пока я есмь, буду и до последнего моего вдоха. Аминь.

2. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЛЬВОВА В СТАМБУЛ

Итак, 15 февраля 1057 года армянского летосчисления (1608), в понедельник второй недели великого поста, волею и могуществом || всеильного бога, я, будучи 24 лет, выехал из столицы Львова, уповая на дух святой истинного бога. Я пустился в путь с молдавскими купцами-армянами. Так как стояла зима, мы лишь через десять дней с трудом достигли города Сината, который является границей и концом страны поляков и началом страны валахов. Там мы пробыли один день. Оттуда мы за девять дней достигли богом построенного города Сечова, который был резиденцией молдавских господа-

* Иаков, 1, 5.

** Иоанн, 16, 23.

*** Матф., 7, 8.

рей и престолом патриарха армян и валахов. Этот Сечов был [расположен] на очень возвышенном, приятном взорам и красивом месте с умеренным и здоровым климатом. Вокруг города протекала большая река¹. В этом городе жили триста-четыреста домов² армян; [имелись] три каменные церкви и два очень красивых и превосходных каменных монастыря вне города: один совсем рядом с городом, другой — на расстоянии двух миль.

Там были один епископ из местных [жителей] по имени Ованнес, один *вардапет* хизанец по имени Мкртыч и еще другой *вардапет* по имени Месроп. Жители города были очень гостеприимны, богобоязненны и человеколюбивы. Я, чтобы дожидаться попутчиков-товарищей, пробыл там три месяца и две недели.

|| Наконец я услышал, что из страны валахов в Стамбул везут казну турецкому *хондкару*. Радостно пустившись в путь, я за три дня достиг Яш-Базара; там я пробыл один месяц, [ожидаю], когда выедет казна. В Яше жили двести домов армян — приезжих и местных; была великолепная каменная церковь, мудрые священники и пышные богачи.

В понедельник, в пост [усупения] богородицы, я выехал вместе с казной. Казну везли армяне-яшцы ходжа Ованнес Кероненц и сын Аврама, ходжа Хачик. Да воздаст бог Хачику и да вознаградит его тысячекратно здесь и в загробной жизни, ибо он посадил меня на свою телегу и до самого Стамбула оказывал мне, недостойному, благосклонность.

Оттуда мы за два дня достигли *касабы* Васлов; там была одна деревянная церковь, один священник и двадцать семей армян. Пробыв там полтора дня, мы достигли Берлата и день усупения святой богородицы провели там, задержавшись на четыре дня. Существовал такой обычай, по которому в каждом городе казна должна была оставаться два-три дня и везде должны были давать еду и питье им (сопровождающим казну) и вьючным животным.

Оттуда мы за три дня достигли Галаца, который || был концом Молдавии и входом в турецкую землю. Перед этим

Галацем протекала очень быстрая, большая и подобная морю река Дунай, страшная и грозная, обширная и глубокая, как пропасть, поглощающая людей и кровожадная.

22 августа, в воскресенье, мы перешли эту непреодолимую реку и, перебравшись на ту сторону, в понедельник вошли в маленькое село, именуемое Миджин. И пробыли мы там три дня; там взимали таможенную пошлину турки. Выехав оттуда, мы за два с половиной дня достигли *касабы* Харасува. 26 августа мы прибыли в Базарчох, а оттуда за два дня достигли Бравата. Этот город находился между двумя высокими горами; кое-кто из горожан сказал нам, что раньше эти места были морем. Сказанное ими кажется слушателю вероятным, ибо и [вид] места [также] подтверждает это. Там было много семей армян; они имели домик — молельню; [там] были два иерея и один инок.

Оттуда мы прибыли в Енгикёй и переночевали в Чанкине. А утром начали переход через Балканы. Дорога [через] эти Балканы, очень узкая, тяжелая и каменистая, [тянулась] между двумя горами. Временами она становилась такой узкой, что телега с трудом проезжала. || Между этими горами протекала извилистая река; за один день мы двадцать шесть раз пересекли ее воды. Мы достигли Айдоста за три дня не из-за дальности, а из-за трудности пути. Пройдя Делиорман, мы достигли Кырккилисе; это было удивительное место: там на горах и в ущелье выросли подобно деревьям и лесу огромные скалы; поэтому все дома были высечены из скал.

Оттуда через три дня, 10 сентября, мы достигли всем желанной, знаменитой, прославленной приморской столицы Византии, императорской резиденции, то есть Константинополя, что ныне зовется Стамбулом. И горе моей тысячекратно несчастной и неудачливой судьбе, ибо я не успел застать суда Мсыра³, которые отправлялись в Иерусалим. Так как сухопутная дорога была закрыта из страха перед персами, всю зиму я провел там.

3. ОПИСАНИЕ СТАМБУЛА

В Стамбуле было пять армянских церквей: три во Вланге¹ — кафедральная св. Николая, святой богородицы и св. Саргиса, одна в Балатне², одна св. Геворга в Сулуманастре³. В Стамбуле были также четыре-пять || *вардапетов*, три епископа, сто, а может быть, и больше священников, не считая иноков. И едва ли здесь нашлось бы восемьдесят домов местных [жителей], но пришлых и *гарибов* в Стамбуле, Галате и Скутари было более 40 тысяч домов. Так как джалалии⁴ той стороны (Азии) разорили [их] жилища, все гонимые и беглецы разместились там. И если посмотреть, то от Молдавии до Стамбула и от всей Румелии до великой Венеции нет города, села или поместья, где не было бы армянина, ибо, погрязнув в грехах наших, мы подобно пыли рассеялись по лицу земли. Господи, помилуй нас!

Патриархом армян был *вардапет* Григор Кесарацци⁵, одетый в черное и строго соблюдающий [каноны] религии, добродетельный и непорочный, мудрый и весьма сведущий в Ветхом и Новом завете, отшельник и постник, который никогда не ел мяса и не пил вина, но все дни свои проводил в сухоядении; только в субботу и в воскресенье он разговлялся маслом и сыром, рыбой, постным маслом и яйцами, а в дни поста он вкушал раз в два дня. У него я прожил полгода. Он имел ученика, филолога из Джуги⁶, по имени Мовсес, очень смиренного и покорного, || добродетельного и святого, девственного и избранного; ни одного дня он не проводил без восьми канонов Псалтыря и ни один час не пропадал [у него] даром, но днем и ночью он бдел и коленопреклоненный прилежно молился. Он постоянно занимался чтением священного писания. [Вот] у каких богоугодных людей я жил!

Святая София

Однажды я попросил некоего горожанина, и мы вместе пошли в желанную всем св. Софию⁷. Мы дали взятку шейхам, и они провели нас внутрь. Увидев величину и великолепии

храма, его ширину и высоту, мы, восхищенные, воздали богу славу, ибо никогда не видели где бы то ни было такого сооружения. Мы увидели в нем много приятных взору больших удивительных колонн из разного мрамора, длинных и средних, разнообразных, толстых и тонких; одни были красные, другие — белые, как снег, некоторые — светло-синие, а иные — зеленые, одни — черные, а другие — багряные, иные же — пестрые; половина их была разнообразно изваяна и изукрашена сложной резьбой, а углубления были залиты золотом и ляпислазурью. Надо иметь тысячу глаз, чтобы смотреть и наслаждаться красотой искусства.

В храме была большая колонна, || облицованная кругом на высоту человеческого роста от земли бронзой, из которой у всех на глазах постоянно сочилась влага. Мы нашли книги, где рассказано, что там находятся мощи св. Лусаворича⁸ и Григория Богослова. Я спросил, почему она (колонна) облицована бронзой. Служители ответили, что сюда приходит множество людей — мусульман и христиан, мужчин и женщин, которые, протянув руки, снимают с нее капли и увлажняют ими свои лица, и от множества рук колонна потерлась и уменьшилась [в объеме] на два-три пальца и бронзу эту сделали для сохранения колонны, чтобы она не истончилась окончательно.

Мы попросили, чтобы нас провели наверх, ибо до купола было три этажа. Открыв дверь, мы прошли сто ступеней до среднего этажа, а оттуда еще сто ступеней до верхнего. Каждый этаж был так велик, что, если бы туда вошло даже 30 тысяч душ, и [тогда] не заполнился бы. [Там] мы увидели удивительные творения искусства. В западной стороне находились два мраморных камня, излучавших свет, которые на турецком языке назывались *янарташ**. Мы увидели там изображения страстей христовых, а также образа всеблагодословенной || девы Марии и святых апостолов, пророков и патриархов и других святых, которые были [так] испачканы и повреждены неверными, что были заметны лишь их следы.

* Букв. «горящий камень».

Пройдя еще далее, мы увидели стену и в ней дверь из белого мрамора, наверху которой были изваяны Христос и двенадцать апостолов; они также были соскоблены и повреждены. Войдя через эту дверь внутрь, мы увидели могилу; на ней не было надписи, только лишь два креста. Я спросил: «Чья это [могила]?» Ответили, что царя Константина, а другие [сказали], что это [могила] строителя. Оттуда мы по пятидесяти ступеням поднялись до верхнего потолка. С четырех сторон там были окна, из которых город был виден как на ладони*. И увидели мы множество строений и вещей, о которых не могу рассказать по отдельности, чтобы не утомить читателей и слушателей. Увидев все это, я с благодарностью воздал славу господу, который сподобил меня, недостойного грешника, увидеть св. Софию; тысячекратно блаженны строители и повелевшие строить, ибо какие уста могут восхвалить либо рассказать об этом строении, подсчитать расходы либо описать красоту!

Итак, как мне, [самоу] глупому и слабосильному среди имеющих сан, восхвалить или возвеличить, || или чему уподобить св. Софию, построенную святыми царями, благословенную святыми патриархами, прославленную ангелами, которая приняла 318 патриархов Никеи⁹ и [еще] 150, которая была почтена их святостью. Как великий Рим гордится Петром и Павлом, так и великий Константинополь — всесветлыми богословами, *вардапетами* Григорием Богословом и Иоанном Златоустом. В ней собраны также и другие многочисленные мощи святых в качестве драгоценного сокровища и бесценного жемчуга.

И по сей день св. София творит великие чудеса. Я расскажу об одном из многих, что свершилось в мое время. В 1058 (1609) году на Софию поднялись по повелению императора¹⁰ мастера, чтобы восстановить и обновить [ее]. Один из них, имея нужду, поленился спуститься вниз и помочился

* В оригинале дословно: *քաղաքն որպէս ձև երևեր* «город был виден, как яйцо».

в посуду с известью; смешав [мочу] с известью, он хотел пустить ее в дело. Однако св. София не потерпела такого нечестивого дела; тотчас же, на глазах у всех поднявши, сбросила его с сосудом на землю; тело его, распавшись || на части, пало на землю, как труп Симона Волхва¹¹. И кто увидел, исполнился великого страха. Когда весть об этом достигла царя, он, изумленный, воздал богу славу и повелел, чтобы никто больше не осмеливался на [такое] бесстыдство и наглость, а если будет иметь нужду, пусть спустится в клетки вниз, и следует служить ей* свято и со страхом. Это чудо, которого мы не видели своими глазами, но о котором услышали от работавших там почтенных мужей — армян, греков и мусульман, а также священников, многих удивило. Свершилось оно во хвалу и в честь наисвятейшей троицы, отца и сына и духа святого, на радость христианам и в наказание вероотступников и [тем, кто] не почитает святого бога. Но увы и горе мне, погрязшему в грехах и злополучному! Ибо из-за недостойности христиан и их грехов предал бог эту святыню свою в руки чужеземцев.

Аслан-хане (Зверинец)

Пройдя несколько шагов вперед, мы увидели большую величественную церковь с куполом. Войдя внутрь, мы увидели, что еще были видны изображения святых и главный алтарь, большой и широкий. Она (церковь) имела много больших и высоких часовен, которые были превращены в помещения для зверей и || названы по-турецки *аслан-хане*¹²; туда поместили множество разнообразных животных, и в каждой часовне были животные [какого-нибудь] одного вида, как, [например], лев, барс, морской кот, рысь и др. Когда я увидел это, со вздохом пролил слезы и говорю: «Боже мой, почему вступили язычники в наследие твое и осквернили твой святой храм? Почему разрушил ты ограду и прохожие ругают его**. Осквернили его

* То есть св. Софии.

** Имеется в виду храм.

свиньи и хищные звери, а дикие животные пасутся и питаются там. Алтарь твой разрушили, и стали мы посмешищем и предметом шуток, а также презрения наших соседей. И некому почтить или обновить ее». И обернувшись на восток, говорю: «Господи боже всемогущий, оглянись и узри, посети сады сии и исцели, ибо это невеста твоя и мать наша, которую увенчал ты своею драгоценною кровью святою, украсил славою и домом молитвы назвал. Лучше бы мне пропасть либо умереть, чем видеть своими глазами такое горестное, скорбное бедствие. Горе мне, горе мне! Почему она ныне презрена и опорочена неверными и почему ты молчишь и терпишь?» И мысленно воздав господу славу, || я печально вышел оттуда. Сказали, что эта церковь была женским монастырем.

Ат-мейдан

Перед этой церковью находилась большая площадь, которую называют Ат-мейдан¹³. Там была большая и высокая колонна из цельной глыбы мрамора, поставленная на другую колонну, которая стояла на четырех медных львах¹⁴. Огромная колонна была поднята изобретательностью и мудростью гения, что казалось зрителю чудом. И совсем не верится человеку, что она установлена не дэвами или великанами, а создана человеком, рожденным из праха. Однако греческими или франкскими * письменами написано, что поднял ее хитростью один *вардапет*. Слава богу! Аминь.

Пройдя еще несколько шагов вперед, я увидел медную трехглавую змею в три человеческих роста, а шириною в обхват, [головы] которой сплелись одна с другой¹⁵. Спросил я о причине [этого], и мне ответили, что это талисман, придуманный мудрецами, ибо в городе было так много змей, что человек и оглядеться не успевал, [как становился их жертвой]. Поэтому установили эту змею, и тотчас же исчезли, издохли все змеи и так не показывались больше. [Так поступили] по примеру

*. То есть латинскими.

Моисея в Ветхом завете, который змеєю уничтожил всех змей, || как говорит Христос: «И как Моисей вознес змею в пустыне...» *

Дворец хондкара

Впереди, на расстоянии пущенной стрелы, мы увидели большую колонну в семь человеческих ростов, облицованную огромными камнями, без извести; и стоит она неподвижно, к удивлению и восхищению всех людей¹⁶. Около нее [расположен] дворец хондкара размером больше, чем город. Он окружен тремя стенами, и уже за третьей находится [его] обиталище¹⁷.

Мейдан

Кто может описать по отдельности всю обширность мейдана — его источники, кухни, склады дров, дровосеков и прочее; сады, огороды, огородников, новобранцев, латников.

Чемза-хане

При дворце находилась большая купольная церковь, которая была патриаршей резиденцией Иоанна Златоуста; нам сказали, что там лежит его святое тело. Теперь ее превратили в чемза-хане¹⁸ и [от нее] сохранились только часовня и купол; хотели и их разобрать и разрушить, чтобы не было видно, что это церковь, но не смогли, || ибо во славу святого руки всех чудом оцепенели, а лица обернулись назад. Поэтому они раскаялись и со страхом установили, чтобы там день и ночь в честь святого горели [свечи].

Диван-хане

Еще далее находится диван-хане¹⁹, где заседают везиры и паши; там собираются тысячи тысяч господ, чаушей, заимов и разношерстная толпа других [людей]. В верхней части дивана

* Иоанн, 3, 14.

находится изящная и очень красивая палата; кто смотрит через ее решетку вниз, видит все по ту и другую сторону дивана, но его никто не видит. Эта палата имеет два высоких купола, покрытых позолотой. А вокруг красивые чинары и бесподобные деревья и такие каналы, каких человек нигде больше не увидит. У самого моря [находится] большой, удивительный дворец. Оттуда мы пошли домой.

Новый безестан

На следующий день мы зашли на безестан²⁰, коих было два: один — старый, другой — новый. Сперва мы вошли на новый. Надо иметь тысячу глаз, чтобы смотреть и наслаждаться красотой тканей, золотыми и серебряными сокровищами, драгоценной парчой, разнообразным оружием, бесценными щитами и стальными мечами, камнями, вправленными в кинжалы, превосходными луками, ножами с рукоятками чистого золота или усыпанными драгоценными камнями, не говоря уже о золотоканых материях — атласе, бархате, камке, плюше, разнообразной пестрой тафте, шерстяных тканях, плащах, а также драгоценных камнях, крупных жемчужинах, благородных камней и еще многих невиданных и редкостных вещах, которых в мире не найдешь, а здесь их полным-полно и продаются [они] во множестве и изобилии, и какого товара ни пожелают — там найдут. Там было четыре отдела. В первом были золотых дел мастера, ювелиры и другие искусные и сведущие ремесленники, каких в других странах вовсе не встретить, ибо о чем бы ни помыслил человек, чего бы ни пожелало его сердце, он там у них найдет. И изумруды и рубины величиной с яйцо, алмазные перстни и чаши, и не знает человек, что ему купить или на что смотреть.

Ясыр базар

Вторая дверь ведет в Ясыр базар²¹, где [продаются] многочисленные христиане разных [племен]. Старики и старухи сидят; девочек и мальчиков, юношей и красивых женщин гла-

шатаи, взяв за руки, показывали и продавали как лошадей либо мулов, а других собирали в каком-нибудь месте || или на площади подобно отаре овец. Покупатели открывали лица и грудь молодых девушек и ощупывали с ног до головы все их тело, чтобы у них не оказалось чесотки, язвы либо других ран. А они стояли тихо и безмолвно; которые приглянутся, их и покупали и, отняв у отца с матерью и разлучив с сестрами и братьями, увозили к себе домой. При виде всей этой причиняющей боль скорби, какой я никогда не видал, у меня разболелась голова, затрепетало мое сердце, возмутилась душа моя и все существо мое содрогнулось. Из страха перед мусульманами я не осмелился подойти к пленникам и расспросить, хотя и знал их язык. Глядя со слезами и скорбным лицом на небо, я, вздыхая, говорю: «Горе мне страждущему! Лучше бы мне не родиться или не прийти сюда, чем своими глазами увидеть такое жалостное, бедственное [зрелище]». И говорю [далее]: «О боже мой и создатель! Доколе будешь оставлять нас в забвении, доколе будешь отворачивать от нас лицо свое? Почему предал ты нас в руки врагов-иноверцев, нечестивых, жестоких и крамольных? Хотя мы и грешны, нечестивы и, провинившись, не сдержали заповедей твоих, но мы — цена твоей неоскверненной крови, к тебе || взываем о помощи, твое знамение почитаем и твоим именем называемся. Спаси нас ради твоей великой славы!» Мы увидели еще много других жалостных и трогательных вещей, ибо нечестивые мусульмане, племя агарян²², гнушаются и притесняют племя христиан, мучают и терзают их в ярме рабства, как египтяне израильтян, за что да отомстит им Христос! Аминь.

Третий отдел — это [лавки] одеяльщиков, книгопродавцев, волотопрядов и другие различные лавки.

Четвертый отдел — шапочники и мастера *финджанов*. Еще немного дальше каменные магазины, где продают дорогие благородные сукна, франкский кармазин, семьдесят либо сто мотков ниток, бархат, разнообразные сукна и прочее.

Старый безестан

На следующий день мы отправились на старый безестан; там также были разнообразные шелковые ткани, материи и сосуды, лошадиные седла, удила, уздечки, стремяна — все из позолоченного серебра, украшенные резьбой и золотыми нитями, оправленные камнями и жемчугами, дорогие и редкостные, каких нигде не сыщешь. В другом месте || сидят шатерники, и [у них] много дорогих шатров и сундуков из дерева кипариса.

Сулуманастр

На следующий день мы пошли в Сулуманастр, что около Еотн-Гула²³, где на возвышенном и прекрасном месте, в виду моря, находится построенная царями большая каменная куполообразная церковь, которая зовется [церковью] св. Геворга. Говорят, что ее приказал построить Костас²⁴, сын царя Константина, ибо вокруг нее были удивительные места: сады, бахчи, цветники, источники, плодовые сады и приятные на вкус воды; там [расположены] также многочисленные жилища монахов и мирян приезжих и местных. Там, на возвышенном месте, находился выходивший к морю очень красивый и приятный, позолоченный и разрисованный различными красками и чудесно разукрашенный маленький дворец; а впереди — большой крытый придел — трапезная, и если кто-нибудь сидел там в часы жары и зноя, то уже и не хотел оттуда выйти. За церковью находился узкий и длинный каменный свод наподобие Али-паши²⁵ в Эдирне или Геленджика²⁶ в Бурсе; вокруг него были нарисованы фигуры 318 патриархов и выше всех Христос, справа — царь Константин II, а слева княгиня Елена с детьми. Сказали, что здесь [заседал] собор; и здесь была трапезная Иоанна Златоуста. А теперь это престол и резиденция [патриарха] армян.

Аврат базар

По пути мы зашли в Аврат базар²⁷. Там мы увидели очень высокий столп, верхушка которого едва виднелась; на нем на восхищение зрителю были вырезаны разные изображения, лошади и другие вещи. Были и другие столпы, но не такие высокие, как этот.

Тавук-хане

Оттуда после долгого пути мы пришли в Тавук-хане²⁸. Здесь также был большой столп из мрамора, но не похожий на [столп] Аврат базара. Во многих местах он для прочности был облицован сталью. Сказали, будто в нем находятся семь корзин хлеба и рыбы, [оставшихся] в излишке после благословения Христа*. Здесь и там было бесчисленное множество больших каменных и мраморных церквей и часовен, в которых находились мощи и кости святых. Наиболее красивые и стоявшие на высоком месте были отняты и захвачены неверными, а те, || что не понравились им, они оставили грекам, ибо это был город греков.

[Там] было сто, а [может] и более, греческих церквей, мусульманских же минаретов и мечетей — несколько тысяч. [Там были] также удивительные, большие, обширные и сводчатые из больших плит и на мраморных основаниях бани и ханы с большими железными, словно городскими воротами. Есть ханы в сто, двести, а то и триста комнат, а в середине [их] фонтаны и приятные на вкус воды. Точно так же и бани — большие, с куполообразными крышами, подобно церквям; одни из белого мрамора, другие из разноцветных камней, у некоторых стены из белого фаянса, а у других — какие-нибудь иные. В них много фонтанов и бассейнов. Там есть несколько сот служителей, а также купальные простыни, салфетки, полотенца и [прочие] удобства, какие [только] человек захочет и пожелает. И каждый божий день они топятяся; если человек каждый день будет туда ходить, все равно опять захочет.

* Матф., 15, 36—37.

Еди Куле

Мы увидели много других удивительных построек и зданий, старых и новых. [Видели] также дворцы везиров, пашей и других знатных господ, *заимов* и князей, угодных государю.

|| Этот город имел 18 ворот со стороны моря и шесть со стороны суши²⁹, ибо белое море-океан со всех сторон окружает город и постоянно бьется о его стены. У одних ворот находится Еди Куле, очень укрепленная и неприступная; туда бросают арестованных знатных князей, *паронов* и ханов либо пленных врагов. Там на дверях поставлены из белого мрамора [статуи] различных важных людей.

Мы пошли в Гатргалиман, Чатлатгапу³⁰, Саматию и в другие места. Мы увидели удивительные строения и облицованные [камнем] подземелья; нам сказали, что внизу весь город таков и окружен водою — и мосты и дома. Я не могу в отдельности рассказать и описать все это, чтобы вы не задремали от утомления, ибо многословие нагоняет на слушателей скуку. За все время, что я пробыл там, ни одного дня не оставался дома, но каждый день [ходил] либо в церковь, либо в [какой-нибудь] дом.

Дворец

Пошел я [и] во дворец, который был дворцом царя Константина,³¹ он проводил там лето, так как место было высокое, а воздух здоровый. Рядом с ним стояла маленькая очень изящная и красивая церковь, покрытая || чистым золотом и разукрашенная. Надо иметь тысячу глаз, чтобы смотреть [на нее]. Там молились царь и царица. Там взимают сухопутную пошлину с поляков и румын, а у [прибывших] с побережья Анатолии [взимают] около порта Еэмиш³².

Во дворце есть церковь, наполовину франкская, наполовину армянская. Они (франки) и армяне служат службы и литургии вместе, в мире и дружбе.

Галата

У другого берега моря находится большой и обширный остров Галата³³. На нем имеется 21 церковь: 10 греческих, 10 франкских и одна армянская, очень красивая и сводчатая, имени св. Лусаворича. Главная церковь франков, высокая и просторная, зовется Сан-Доменик; раз в год, в четверг, на девятой неделе после пасхи, сюда совершают большое паломничество; в тот день собирается большая толпа — много мусульман и христиан, мужчин и женщин, приходят даже девушки-затворницы. Одни приходят как паломники, другие — посмотреть на зрелище как на празднество. В этот день в Галате находятся также царские *векилы* — консулы и послы французские, английские, венецианские и др. Поэтому там можно найти превосходные вина — мускат и малмазию. Они* имеют || большие и очень высокие питейные дома, в три-четыре этажа, откуда как на ладони видны Стамбул с морем и судами. Там — все наслаждения, увеселения и радости благ земной жизни. Там есть разнообразные и вкусные морские рыбы, разная икра и сушеная, копченая рыба, хорошие апельсины, лимоны, оливковое масло и маслины. Галата очень плодородна. Говорят, что она снабжает Стамбул и Мсыр; раки, креветки, мидии и другие вкусные кушанья происходят отсюда. Если бы не эти два города, многолюдное население Стамбула погибло бы от голода. Ибо вся его широкая и очень большая стена [тянется] на двадцать миль. В нем есть семь больших холмов, подобных семи большим городам, пять столпов и семь башен.

Жители и учреждения города

Говорят, что в Стамбуле есть 40 тысяч домов евреев, 40 тысяч домов греков, 10 тысяч домов армян, а домам мусульман нет ни счета, ни числа. Имеется 80 тысяч лавок, 30 тысяч питейных домов. [Все это], не считая мечетей, гостиниц, *вакуфов*, медресе, мест сборищ, богаделен, больниц, харчевен, кухонь, ||

* То есть мусульмане.

безestanов, шорных мастерских, конюшен, площадей, бань, ханов, торговых рядов — каждый день в одном ряду идет торговля, — кофеен, сапожных мастерских, дворцов, рынков, улиц, многолюдных и полных товаров, бахчей, огородов, [как, например], во Вланге есть огород, больший, чем город.

Благотворительные установления

Племя мусульман столь милосердно и добродетельно, что в начале каждой улицы сооружен источник и поставлено много посуды со сладкими и приятными напитками, да еще туда кладут лед, чтобы прохожие пили и получали удовольствие. Точно так же во многих безводных и безлюдных местах для путников поставлена холодная вода. Иные же или возят ее на ослах, или носят повсюду на плечах и выкрикивают: «Из любви к богу испейте холодной воды», и никого не различают — ни *язгуров*, ни евреев. Есть у них и школы. Два раза в день они готовят еду для больных и гостей. И не только в городах, но и в селах и в необитаемых местах, в горах, пещерах, лесах и пустынях построены *ханы*, большие мечети, бани и водоемы. Прибывают караваны, становятся [на привал], едят два раза, пьют холодную воду, моются в бане и отправляются своим путем, не заплатив ни гроша.

Мосты

Над реками, большими ручьями и водами, а также болотистыми местами вознесены широкие, большие каменные сводчатые мосты в пятьдесят, сто, а то и более пролетов, скрепленные известью. Через них проходят люди, вьючные животные и скот, но ни гроша [за это] не платят, на позор и стыд жехристианам, которые, проложив через болотистое место несколько досок или построив деревянный мост, насильно взимают с путешественников при переходе по две *драхмы* за телегу или лошадь. Ох, ох!

Молитвы и посты мусульман

Так как они очень любят молиться, то свои пять намазов не только дома, но и в дороге никогда не пропускают, неуклонно исполняют [их] днем и ночью и лютой зимой, на воде и снегу совершают омовение холодной водой и молятся, если даже отстали от товарищей. Горе нам, злосчастным, [ибо], будучи христианами, мы даже раз в день ленимся пойти || в церковь, и то идем, как в наказание. Точно так же в часы досуга мы не молимся в церкви, как они, праведно и от души, не то что дома или в дороге.

Они соблюдают и тридцатидневный пост, который зовется *рамазаном*; они, как евреи и сирийцы, постятся днем, а вечером разговляются мясом и другой скоромной пищей. Так до рассвета они жадно едят три-четыре раза, ибо засыпают, просыпаются и вновь едят. Вино они считают запретным и не пьют; у них совсем нет пьянства. Они имеют и другие добродетели, суд и право, *зекат* и милостыню³⁴, хотя сейчас у них это исчезло, так же как и у христиан.

Уход за животными

Они заботятся также о животных, зверях и птицах. Есть одна большая мечеть в Карамане³⁵, та, что на площади, где в нескольких местах готовят шашлык, и бросают его бездомным собакам и кошкам, а также воронам и другим птицам, которые, привыкнув к этому часу, собираются стаями, чтобы поесть.

Величина города

|| Стамбул так велик, что, если пожар уничтожит десять тысяч либо двадцать тысяч домов, и тогда [об этом] не знают и спрашивают, где был пожар. Все сады кипарисовые. И сколько ни есть в Стамбуле дорог до Эдирне и других [городов], все они [тянутся] на шесть дней пути и вымощены. Везде и всюду [имеются] источники и родники, а также стражники и полицейские, чтобы не было учинено ущерба либо драки.

Мусульманская религия

[Мусульмане] верят в бога, но отрицают троичность божества — отца, сына и духа святого, хотя в книгах своих троичность имеют и на арабском языке ее признают, говоря: Аллах, *валлах*, *таллах* и *рух*³⁶, что написано в книге Вопрошений³⁷, а также найдешь [ее] в ответах *варданета* Матеоса мусульманам³⁸. Они веруют не в Христа, а в пророка и признают четыре книги: Пятикнижие, Псалтырь, Евангелие, а четвертую, принадлежащую их Мехмету, называют Коран и почитают ее больше всех остальных.

Торжественный выезд султана

Я немного расскажу о том, с какой торжественностью *хондкар* выезжает в пятницу. Ибо каждую пятницу, которую они зовут *джумеат*, он идет в построенную прежними царями мечеть, а затем с большой пышностью поспешно отправляется в Софию, [сопровождаемый] толпой, войсками и конницей, князьями и вельможами, разукрашенными и одетыми в доспехи и с мечами, как на войне, так что весь город приходит в движение и стремится посмотреть на него; и тысячи тысяч [людей] заполняют улицы, по которым они должны пройти. Сперва проходят и выстраиваются по обе стороны царских ворот 300—400 янычар с *мучавазами* на голове, у всех [мучавазы] разного вида, ибо у одних сукно белое без серебра, у других желтое, у некоторых *мучавазы* позолочены, а у иных оправлены камнями. Когда царь трогается, они всегда пешие идут впереди, как на войну, так и в другие места. Следом за ними [идут] телохранители, силачи, затем конные *яйабашии* в серебряных касках на головах с дорогими золототкаными плюмажами и с лукками в руках. За ними — [одетые] очень богато в превысоких *долбандах джавуши* и *джавушбашии* на конях в золотой сбруе, в дорогой парче и в седлах из чистого серебра. После них идут скороходы, то есть пайеки, нагие и пешие, с круглыми, как || корона, серебряными позолоченными шлемами на головах. Затем [идут] ага и *заимы*, далее паши, два *кази-аскера*, следом —

муфтии, далее — везиры на прекрасных арабских конях. Вся сбруя их украшена камнями и жемчугами, думаю, что в других странах и цари не имеют такого убранства. Вслед за всеми идет великий *везиразем*, а за ним едет государь на изумительном и великолепном коне, украшенном чистым золотом; седло, чепрак и вся сбруя украшены большими белыми жемчугами и камнями, которые сверкают и ослепляют глаза человека. Человек не может определить цену либо узнать [размеры] богатства или словами описать величину бесценных сокровищ и коней, каких не найти у других царей. На голове его был дорогой *долбанд* и на нем два плюмажа, оправленные бесценными камнями, каждый из которых стоил 1100 *курушей*. Непосредственно за царем [шли] два страшного вида и храбрых вооруженных богатыря, с бородами, которые держали в руках палицы. Наконец, за ними [шли] казначеи и главный евнух.

И те, которые шли вслед за ними, и те, которые были зрителями, выкрикивали: «*уй я уй*», что будто [значит] «земной бог». С такими почестями в великолепной и пышной роскоши || он (*хондкар*) отправляется на свой *намаз*; и зовут его *сэр халифа*.

Видя все это, я удивился терпимости бога, который дал такую славу и величие вероотступникам.

[Меж тем] я постоянно был занят мыслью о том, как осуществлю свое желание и отправлюсь в избранные мною места паломничества. Однако стояла зима, и на дорогах было большое волнение.

4. ПУТЕШЕСТВИЕ ВДОЛЬ БЕРЕГОВ МРАМОРНОГО И ЭГЕЙСКОГО МОРЕЙ

[Однажды] в Стамбул прибыл *вардапет* по имени Мкртыч из Харберда, ученик *католикоса* Азарии¹. Узнав, что я сведущ в грамоте, он взял меня с собой, чтобы мы объехали с ним страну вифинцев. Он мне сказал: «Отсюда до Муша пять дней пути, я возьму тебя с собой». Поэтому я согласился и поступил к нему на службу, чтобы сопровождать его, куда бы он ни поехал.

Выехав из Стамбула, мы сели на судно и на второй день прибыли в порт Муданию. Там были несколько домов армян и один иерей, однако церкви не было, [поэтому] службу служили в одном из домов. Мы пробыли там пять дней и посетили баню, в которой Иоанн Евангелист || был банщиком, а Прохор² — истопником; сейчас это мечеть. Там было много греков.

Оттуда мы в полтора дня достигли по сухопутью города Эфесоса, который ныне зовется Бурсой³, [города] большого и обширного. Там были 300 семей армян, деревянная часовенка и пять иереев. Мы пробыли там один месяц, ибо [этот] город очень приятен, богат фруктами и изобилует благами. Вокруг города есть много садов и цветников. Через город протекала маленькая речка, однако климат здесь нездоровый и вода плохая и болезнетворная. В нем были древние строения, большие здания и многокупольные церкви, отнятые у [христиан] иноплемениками и превращенные в мечети. [Там] была огромная древняя молельня, [сложенная] из больших камней, которую, как говорят, построил еще Нерон.

Вне города находились построенные царями красивые, удивительные, большие целебные и дорогостоящие источники и родники; посреди бассейна — фонтаны, из которых бьют горячие и целебные воды. Если кто войдет в него (бассейн), больше не хочет выйти, настолько там много воды и настолько она приятна. Все стены в порядке, а пол [выложен] белым мрамором; наверху, как в церквях, [высится] большой купол. Содержат их в таком порядке и чистоте, || что и волоска не увидишь. Еще далее есть десяток, а может быть, и более маленьких источников; когда я влезал в них, от удовольствия забывал и паломничество и свои мучения.

В другом конце города находилась гора Охкос, которую зовут Кешиш-Даг, где уснули [вечным сном] и вновь воскресли семь отроков⁴, могилы которых до сих пор еще существуют; наверху стоит большая церковь, сейчас она бездействует. Гора выше и больше, чем гора Эрджиас-Даг⁵; ни летом, ни зимой там никогда не исчезает снег; нам сказали также,

что там очень зловонный, заразный воздух. Мы поднялись до [места], где находилась церковь, а дальше не смогли подняться, так как дул сильный ветер и было холодно и много снега, хотя это было лето. Оттуда мы увидели, что половина города разрушена, сожжена и опустошена джалалиями.

Оттуда берегом моря мы прибыли в *касабу* Мухалич. Мы пробыли там месяц и пять дней, ибо [здесь] было сто домов армян и два иерея. Оттуда за один день мы достигли *касабы* Бандырма, которая находилась на берегу моря. Там были маленький домик, который называли часовней, несколько домов армян, один инок и один иерей; но греков [там] много. Здесь мы пробыли десять дней. [Затем], за полтора дня [проехав] селами и поместьями, где было по одному-два армянина, || мы достигли города Этнджук. Это был также прибрежный [город] на высокой скале. Повсюду [росли] одни [только] оливы, сады и бесчисленные гранатовые деревья. Там жили три иерея, было сто пятьдесят домов армян; в одном доме служили службу. На всех источниках и бассейнах города, откуда била вода, был высечен крест; из этого ясно, что они построены христианами.

Впереди, в полумиле [от города], в море находился остров больший, чем [территория] Стамбула, который теперь был пустынным. Видны были только остатки [города], башни и столпы. Отправившись туда, мы увидели удивительные строения и большие здания древних времен, вырытые в земле пещеры, обтесанные и отшлифованные внизу и облицованные большими каменными плитами вверху и внизу. Войдя туда (в пещеры), мы увидели, [что они] так широки и велики, что если даже будешь в них три дня идти, и то не достигнешь конца. Сказали, что раньше Византией звали именно этот город, который царь Бузанд⁶ построил во имя свое. Покинув его, построили новый [город] в другом месте и назвали Константинополем. А [Византия] теперь осталась безлюдной. Оттуда пленные вывозят на судах очень много мрамора и огромные плиты, || [взятые] со строений тысячелетней [давности], а [им] все нет конца и [число их] не уменьшается.

Еще немного впереди находился маленький остров, где жило пять семей армян. В Этнджукке мы пробыли два месяца, местные армяне проявили к нам много человеколюбия.

Оттуда мы прибыли в Балехисар. Он также построен на очень высокой и такой каменистой горе, что зелени там не было видно. Там мы пробыли две недели, так как здесь жили сорок семей армян и один иерей.

Оттуда мы прибыли в прославленный город Маниса, что был престольным [городом] *шахзаде*, то есть царских сыновей, которых посылали сюда, [и они здесь жили до тех пор], пока вырастут и возмужают. В этом городе были две армянские церкви, похожие на деревянные дома, — одна наверху, на горе, а другая — в долине, были епископ по имени Акоп Фрнезци и два иерея и несколько сот домов армян, которые приняли нас с любовью и оказали нам почет. Там мы пробыли два месяца и десять дней, ибо [эти места] были плодородны и исполнены благ, изобиловали множеством всяких плодов.

Оттуда за полдня мы достигли Измира, города св. Николая. Это также был большой порт на берегу моря, в который прибывали суда из Стамбула, Мсыра, Венеции, Сакыза и других [мест] и где было много франков и греков. Это также очень плодородный и изобилующий фруктами [город]; а по горам и долинам всюду [растут] оливы || и гранаты. [Здесь] были один армянский епископ, один инок и один иерей, сто домов армян и две церкви: одна в крепости, а другая — вне ее. Так же как и Маниса, этот [город] имел неприступную крепость на высокой горе; однако климат [там] плохой и вода нездоровая. Там мы пробыли три месяца.

Оттуда за два дня мы достигли Тире. Это также большой благоустроенный и торговый город, ибо каждый день здесь нагружается и отправляется караван; однако армян здесь было [всего] десять домов, а иерея не было. Мы пробыли там восемь дней. Жители — как армяне, так и мусульмане — очень любезны и гостеприимны.

Выехав оттуда, мы за полтора дня достигли Гюзель-Хисара. На полпути мы натолкнулись на очень большую и высокую

гору; на вершине горы находился приятный на вкус родник, холодный и ледяной, так что летом человек не мог и двух глотков воды сделать, такой она была студеной. Когда мы спустились с горы на равнину, нас начал мучить зловонный воздух, так что мы все заболели, ибо это страна низменная и [расположена] близко к южным краям. Вода здесь нездоровая, а из фруктов — одни только желтые апельсины, померанцы и лимоны в бесчисленном [множестве], и [стоят они] дешево. Зимы не бывает вовсе, но все время лето, так что все животные рожают дважды в год. Точно также дважды в год засевают все растения, || травы и сажают овощи и дважды снимают урожай. Говорят, что [здесь] бывает такая сильная жара, что однажды от высокой температуры расплавился свинец на мечети. Кроме бесчисленного множества аистов, рассеявшихся по всей стране, селам, городам и кровлям, других птиц здесь не увидишь. Там (в Гюзель-Хисаре) были один иерей, тридцать семей армян и деревянная церковь.

Оттуда мы хотели отправиться берегом моря на остров Патмос, где Иоанну явилось видение и где он написал Евангелие⁷; там, в серебряном гробу, лежит, как живое, набальзамированное тело Прохора. Однако нам сказали, что вокруг разъезжают на своих каюках много пиратов, поэтому мы побоялись ехать, хотя [до него] близко, всего три дня пути. Мы вновь вернулись в Измир, а оттуда в Стамбул.

Сев на судно, мы пятидневный путь не смогли преодолеть и в двадцать три дня, ибо на море была большая качка. Там мы увидели различные острова и развалины строений. Мы прибыли на один большой греческий остров, который зовется Митили*. Нам сказали, что там есть 360 сел и пять городов. В порту мы отыскивали три армянские семьи носильщиков, два дня отдыхали у них и утешались.

Затем оттуда мы прибыли в Богаз-Хисар⁸, по обе стороны которого, [со стороны] Анатолии и [со стороны] Румелии, были построены сильные крепости.

* То есть древний Лесбос.

Там были большие пушки, || таких пушек и в Стамбуле нет; мы увидели одну пушку, которая называлась Бал-емез, величина ее жерла [равнялась] кулачу. Там были две-три армянские семьи, которые, увидев нас, страдающих лихорадкой и слабых, с любовью приняли нас и отвели к себе домой, целую неделю заботились о нас и лечили, обслуживали и кормили.

Они препроводили нас до Галлиполи; это также большой город и большой порт; все военные и [прочие] суда собираются там и ожидают капитана и оттуда направляются на врага. Там становятся на якорь и галионы Мсыра; там же заготавливают хлеб, воду и прочие припасы. Мы пробыли там один месяц, так как было много армян, один инок и иерей; говорят, до каменоломной мастерской час [пути]. Люди [здесь] недоброжелательные.

Оттуда в три дня мы достигли Текир-Дага. Это также маленький портовый городок, расположенный на холме. Здесь, у моря, стояла прочная церковь, построенная трудами и многочисленными даяниями некоего *вардапета* по имени Акоп из Зейтуна, которого после смерти похоронили здесь. Здесь жили двести, а может и более, || армян, пять иереев и два инок. Там мы пробыли два месяца.

Сев там на судно, мы прибыли в порт Кара-Мусал. Там жил один старый иерей, наполовину армянин. В какое бы место вы ни прибыли, везде встретите армян, ибо распространились, рассеялись они по лицу земли, как пыль. Там мы пробыли четыре дня.

Оттуда мы приехали в Никею, которая сейчас зовется Чиник, ибо отсюда вывозят фарфоровые изделия, *финджаны* и графины. Это был большой город, однако сейчас большая часть его разрушена и безлюдна. Климат плохой. За городом были удивительные строения, дома, основания [зданий] и колонна, такая, как в Стамбуле. [Нам] сказали, что еще раньше, чем был [построен] этот город, у основания этой колонны издох нечестивый Арий⁹. В городе были два иерея и 15 домов армян. Мы пробыли у них 12 дней. Около города было большое

озеро, которое сын Лусаворича, патриарх Врданес, вспахал волами¹⁰; и по сей день на воде видны следы плуга, подобные разверзшимся твердым небесным, из которых течет дождь. Около озера, в месте, [находящемся] рядом с городом, собрались 318 святых отцов. [Несколько] впереди от того [места] стояла большая сводчатая церковь, которую некогда ариане захватили у православных || и которая молитвами святого Василия была [вновь] открыта, а они (ариане) покрылись стыдом. Сейчас она в руках греков, но очень обветшала. Стена большая, на ней [стоит] много башен, и на каждой башне, как на часовне, нарисованы изображения святых. Обойдя каждую из башен, мы увидели, что [все они] также разрисованы. А теперь они опустели. У городских ворот на обеих огромных каменных верях ворот были изваяны с одной стороны мерзкий и нечестивый Нестор¹¹, очень безобразный и противный, а с другой — Арий с рассеченным животом и вывалившимися кишками; рот у Нестора открыт и язык зажат в челюстях, так что смотреть страшно. Так как воздух здесь зловонный и смрадный, то не только у пришлых, но и у местных [жителей] цвет лица желтый и бледный, как у мертвецов.

Оттуда мы прибыли в село, именуемое Закара, где были один иерей и тридцать домов армян. Оттуда мы вышли на ровное место, по одну сторону которого был лес, а по другую — каменистая гора. На этой горе был высечен в скале маленький монастырь; там был епископ из монастыря Капос в Езика¹² и два инока. Рядом с монастырем были построены три новых || села, [жители] — одни лишь армяне. Там мы пробыли три дня.

Оттуда мы прибыли в Измид. И это был большой порт, торговый и благоустроенный город. В нем были два иерея и сто восемьдесят домов армян. Там мы пробыли один месяц. На обратном пути в Стамбул мы встретили маленький остров, где нечестивый Вагес сбросил в море святого Нерсеса¹³. Но на [этот остров] не сошли. Армяне были и на других островах.

В Стамбуле мы пробыли три месяца. *Вардапет* отправился в другое место, ибо его страна и равнина Муша были разорены

кызылбашами, а люди уведены в плен. Поэтому я побоялся идти в те края. Оставшись на некоторое время в Стамбуле, я, грустный и полный печали, ожидал моего бога, уповая на то, что господь посетит меня и доведет до желаемой [цели].

5. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ СТАМБУЛА В ВЕНЕЦИЮ

И вот я возымел намерение и говорю: «Пока успокоится страна Муша, я отправлюсь к святым могилам апостола Петра и Павла». И пока я раздумывал над этим, ничего не требующий бог, который дает всем просто и без упрека || и исполняет все просьбы, предвосхитил стремление моей недостойной [особы] и исполнил мое желание.

Ибо прибыл большой караван с анкурийской* шерстью, с ним были и армянские купцы, а также *вардапет* по имени Закария Ванакан¹. Через несколько дней мы познакомились; он убедил меня отправиться с ним [вместе]. 11 июля 1060 (1611) года после долгих приготовлений мы пустились в путь, призвав на помощь имя божие.

За шесть дней мы достигли Эдирне. Вся дорога от Стамбула до Эдирне была вымощена камнем, так что люди и вьючные животные не увязали. На каждом привале [были построены] из больших камней дорогостоящие мечети, ханы, комнаты, бани, гостиницы, больницы. Там дважды дают есть плов, *зарта-яхни* и два хлеба-*фодола*; не говорю уже о цветниках, красивых кипарисовых деревьях, родниках и бесподобной воде. Если [даже] будет тысяча человек, они могут устроить привал, есть, пить, отдыхать — и они и вьючные животные их, и, когда захотят, [они могут] пойти в баню, а затем отправиться в путь. В дороге мы увидели над широкими большими реками каменные мосты в двадцать, сорок, семьдесят пролетов. Эдирне — это престольный и прославленный город, || исполненный всяческих благ и изобилующий фруктами, имеющий все в достатке и изобилии. Вокруг города протекают три реки, радуя людей, согласно [псалму] Давида: «Речные потоки весе-

* То есть ангорской.

лят град божий...». В городе были одна каменная армянская церковь, шесть иереев, два инока, один епископ и двести-триста домов армян, однако местных очень мало. Там мы пробыли пять недель. Вокруг города на [расстоянии] полудня пути — все сады и огороды. [Это] также торговый и благоустроенный [город]. Это всеми восхваляемый город купцов.

Выехав оттуда, мы за шесть дней [пути] через Румелию достигли большого города Хулупа; через этот город протекала большая река. Из книг мы узнали, что этот город был построен отцом Александра [Македонского], Филиппом Македонским; но другие [сказали], что нет, а будто есть другой [город] Филиппа на берегу моря. Там были один иерей и сто домов армян. Придя, они почтили нас и [хотели] повести нас домой, но мы не смогли пойти, так как караван трогался. В этом Хулупе произрастает рис, но красный и непохожий на рис Мсыра.

Через полдня пути мы прибыли || в *касабу*, которое зовут Татар-базары. Оттуда через семь дней по горам, через густые леса и ручьи, мы прибыли в Скуб. Там мы пробыли двенадцать дней, так как дорога была опасная из-за пиратов и грабителей. Там были три семьи армян-садовников очень гостеприимных и богобоязненных, которые приняли нас у себя в саду и угощали кушаньями и развлекали приятными речами, пока не прибыл другой караван, и тогда мы выехали вместе. Там находятся копи синего камня, то есть *гэзташи* **, и одна старая женщина взяла эти копи на откуп.

Оттуда мы за шесть дней с трудом достигли Ени-Базара, пройдя через большие и высокие горы и глубокие ущелья. По одному ущелью с шумом неслась большая извилистая река, которую мы с лошадьми и мулами за один день перешли шестьдесят раз. Тропа была такой узкой, что вьючные животные с трудом проходили [по ней]: наверху — высокая покрытая лесами каменная гора, внизу едва виднелась вода, а мы прошли [между ними] посередине.

* Псалт., 45, 5.

** Букв. «медный купорос».

Мы перешли через такую высокую гору, что и солнца не увидели, а один лишь туман и холодный ветер; мы так замерзли, что все сошли с лошадей, а многие даже заболели от сильного холода, хотя стоял август || месяц. На этой дороге мы натерпелись страха, ибо [там] бродило очень много грабителей, которые разоряли те края, сжигали города и села, а на иных налагали подати, как это делали сохта Анатолии. Из этого Ени-Базара вывозятся большие и маленькие турецкие замки разнообразных видов. Когда бывает базарный день, их привозят из каждого села и города и складывают, ибо повсюду [здесь] живут скобяных дел мастера. Приезжают купцы, покупают и развозят их по всему миру, все распродавая. Посредине города протекала большая река, подобная Кызыл-Ирмаку, красноватая и мутная².

Оттуда за пять дней мы достигли Босна-Сарая³. Это был большой город, построенный на высокой горе. Через него протекала широкая река, еще бóльшая, чем остальные. Это был благоустроенный и торговый [город] и место купцов. Там сидел *беглербек* Румелии. Мы разыскали там четырех армянских купцов, которые, утешив нас, с любовью встретили и почтили у себя дома, за что да вознаградит их господь! Там мы пробыли два дня. Люди той страны — здоровые богатыри, сильные и могучие, рослые и мускулистые; они совсем не знают турецкого языка, но только болгарский. Говорят, что в Румелии, кроме городов, есть 80 тысяч болгарских сел; || по исповеданию они греки, а их архиепископ сидит в Атрানে. Почему же они всем округом приняли мусульманскую веру? Говорят, что как-то прибыли к ним *хараджчи*, и они из-за нищеты отреклись от веры, чтобы не платить *харадж*. Тогда *хараджчи*, собравшись, отправились в Высокую Порту* и дали понять *хондкарю*, что боснийцы приняли мусульманство не во имя бога, а из-за *хараджа*. Тогда царь повелел: «Пусть платят [все], хоть и стали мусульманами, кроме хаджи, которые ходили в Мекку». Увидели

* «Высокие врата», или «Высокая Порта» (Баб-и Али), так называли Стамбул.

они, что и веры лишились и *харадж* платят, стали ходить из-за *хараджа* в Мекку. Все они хаджи; среди них очень мало платящих *харадж*, таких называют румелийскими *газиями*. В Боснии повсюду есть также много болгарских монастырей. В пяти милях [от города] на высокой горе стоит большой известный и великолепный монастырь; нам сказали, что в эту епархию входит триста сел. Войдя внутрь, мы обошли его и благословили бога. Рядом с монастырем находился большой горячий источник, который приводил в движение 12 мельниц. В другом месте, около Хулупа, мы увидели построенные царями большие бассейны и каменные украшения, подобные источникам Бурсы. В Боснии все люди говорят по-болгарски || и если клянутся, то, кроме имени Мехмета, ничего по-турецки не знают, поэтому говорят: «Такоми бога и вира Мехметская», то есть «Вот те бог и вера Мехметова», и т. д.

Оттуда за два с половиной дня мы достигли города Килис на франкской границе, эта сторона [принадлежит] туркам, а другая — франкам; посередине протекает река. Но по дороге мы претерпели много горя, трудностей, различных мучений и страха от грабителей и разбойников: было так трудно, что [даже] пятьсот-шестьсот человек не решались выехать.

Мы поднялись на одну гору, которая была очень высокой и крутой, так что, кроме мула, на нее не могли подняться ни лошади, ни другое вьючное животное. [Вокруг] только камень, да [такой] крутой, что ноге негде ступить, но устроены деревянные ступеньки и лестницы, по которым с трудом поднимаются с мулами и конюхами. В пределах этого Килиса мы совсем не видели земли, но только одни камни; даже поля и сады [растут] только на мелких камнях. Тысячеустая слава чудотворцу богу, что на таких камнях, без земли растут растения, саженцы и сады, как в Иерусалиме, ибо и Иерусалим такой же безводный и каменистый.

Когда мы переправились на ту сторону реки и вступили в крепость Сбилит, навстречу нам вышли воины, и мы обрадовались, что хотят почтить нас. А они отвели нас в один дом, который зовется «назарет»⁴, и, заперев за нами дверь, ушли.

Мы же, не зная ни языка их, ни обстоятельств дела, остались там в неутешном горе и проплакали весь день. Вечером, выглянув в окно, мы увидели много купцов — христиан и неверующих — из разных городов: Стамбула, Анкурии, Эдирне, Джуги и других областей. Поговорив друг с другом, мы спросили [у них]: «Почему [нас] задержали?». Они ответили, что таковы у них правила и что, если даже царь турецкий придет, его должны отвести в Назарет. Услышав это, мы очень огорчились и охватила нас [такая] безысходная тоска, что возмутилось существо наше и высохли языки наши. И мы [так] страдали, словно [были] в тюрьме и в цепях, и даже избегали друг друга, ибо никто к нам не показывался и мы никого не видели. На второй день привели к нам *гвардиана*, то есть надзирателя, и сказали, что он исполнит и купит все, что мы пожелаем. Однако ни мы не знали их языка, ни он нашего, || поэтому объяснялись руками и жестами, подобно немым. Если мы просили пищу либо плоды, нам давали их через окно, а мы бросали деньги. Видя все эти тяжкие беды, которые свалились нам на голову, я со вздохом произнес этот плач:

О бог, избавь ты нас отсюда,
 Из Назарета, чужой страны,
 Нежданно мы сюда попали,
 К нам тяжкая пришла беда.
 Сей Назарет что есть тюрьма,
 Людей невинных западня,
 Не от писанья, не от бога,
 Глупцами созданный закон,
 Сей Назарет, как зверь, ехидна,
 Ни хлеба нет в нем, ни воды,
 Здесь есть немой лишь *гвардиан*,
 Большие комары и блохи,
 Сей Назарет похож на ад,
 Что гложет кости человечьи.
 Господь, избави нас отсюда,
 Лишь вышли б мы из врат его.
 Истосковались мы по людям,
 А также разным вкусным блюдам.
 Зовешь ли ты кого на слово,

Спешит бежать он от тебя.
 Великой скорби и печали
 Спаси, господь, от испытанья. ||
 Безжалостные эти люди
 На сорок дней нас задержали.
 Беда попавшему сюда,
 Кто много денег не взял с собой,
 Тогда поймет он положение,
 Что и не смерть, но и не жизнь.
 Господь, избавь ты нас отсюда.
 Нас выведи через врата,
 Пойдем посмотрим Франкистан,
 Могилы Павла и Петра.

Каждую неделю они приходили, перебирали нашу одежду, мешки, ткани, вытряхивали их и развешивали на веревке. Так они висели до вечера. Мы немного утешались беседой на расстоянии с армянами. Они сказали нам, что назарет бывает различным: кто имеет воск, кожи, меха и другие подобные товары, но шерсти не имеет, тех держат двадцать пять дней, а кто имеет шерстяные ткани или кожу, руно, красную шерсть, тех должны держать сорок дней, а если ничего не имеют, то двадцать дней. Мы ничего не имели, но у *вардапета* было несколько тюков армаганской шерсти, из-за этого нас задержали на сорок дней. Ох, ох, ох, горе мне! *Вардапет* грустил, был очень удручен, плакал и ругал их, сердился, досадовал и вздыхал, говоря, что, будучи свободными и независимыми, мы своею волею вошли в эту тесную тюрьму. ||

Когда окончились сорок прискорбных дней, нас вывели наружу. Войдя в город, мы увидели великолепные церкви, высокие каменные колокольни и большие колокола, приятному и сладкозвучному звону которых радовались душа и сердце. На церквях и колокольнях [стояли] большие позолоченные кресты. Там уже не было видно ни мусульман, ни турецкого закона, но все было христианским. Увидев все это, мы обрадовались и, развеселившись, воспряли телом и душой, так что даже забыли все страдания и мучения, трудности пути, а также Назарет. Отныне исчезли господство и могущество мусульман и

воцарился Христос с христианами. [Этот] город был портом и стоял в виду моря. Вокруг него росли сады и инжирные деревья.

Мы пробыли там до тех пор, пока прибыли суда из Венеции, так как и на том море были грабители. Через три дня мы достигли одного острова по имени Затра. Сойдя на него, мы увидели прекрасные церкви, монастыри и епископскую резиденцию, построенные из красивого камня, с башнями, а также неприступную крепость и городскую стену, что служила защитой. ||

Выехав оттуда, [мы пустились в путь] по красивым местам с многочисленными городами и замками, крепостями и монастырями, о которых я не написал в отдельности.

6. ВЕНЕЦИЯ

Наконец, мы достигли красивого порта, известного и прославленного, удивительного города и богом созданного острова — великой Венеции. Уже в двух днях пути по морю показались словно Медный город¹ колокольня св. Марка и церкви.

Мы пробыли там два с половиной месяца, ибо [в Венеции] была прочная каменная армянская церковь с усыпальницами, кельями, а также хоромами, трапезными и комнатами для гостей². Там были один иерей и два инока. Мы увидели также четырех епископов-вероотступников: один Ейтчи Ованнес, другой — Мартирос, третий — Лазар Арчишеци, четвертый — Петрос Каркареци. Нам сказали, что несколько [епископов] есть и в Испании, все — обращенные. Там было десять армянских семей, остальные — вероотступники. Но купцов было много. ||

Этот город [кажется] всем людям удивительным и чудесным, ибо он не остров, но не море и не суша, а подобно памятнику Гераклу построен на дорогостоящем и очень прочном основании. Таких строений и зданий человек нигде не увидит, и, кроме бога, никто не может [их] построить. Они воздвигнуты на воде из нетесанных камней величиной в человеческий рост, а улицы — все вода.

Сан Марко (Собор св. Марка)

Сперва мы вошли в [собор] Сан Марко, то есть Марка Евангелиста — это главная и большая церковь³. Наверху перед куполом стояли три медные колонны⁴. В торжественные дни там ставили церковную хоругвь, а над ними (колоннами) — четыре отлитых из бронзы диких коня⁵. Верей врат Сан Марко, верх [их] и все врата [сделаны] из меди и изукрашены такой искусной резьбой и изваяниями, что их нельзя ни пером описать, ни изобразить как-нибудь иначе. И сколько бы человек ни смотрел, не насытится [этой] красотой. А те кони, сверкающие золотом, смотрят друг на друга, как живые. Еще выше, вокруг куполов, вырезаны и изваяны из белого мрамора двенадцать апостолов и четыре евангелиста и другие удивительные вещи. ||

Войдя внутрь, мы увидели удивительное сводчатое сооружение. На четырех основных стенах церкви чистым золотом, ляпис-лазурью и другими красками были изображены страсти Христа и святых. Подойдя к главному алтарю, мы поклонились богу и святому евангелисту и попросили отпущения грехов нам и нашим усопшим. Мы прошли вперед, где в часовне из редкостного белого благородного мрамора лежало тело Марка. На трех колоннах устроен купол, который, говорят, подобен золоту, а вечером светится сильнее *янарташа*. На куполе сделано из чистого золота изображение св. Марка, на которое зрители смотрят с разинутыми от изумления ртами. Весь пол также был выложен мозаикой. Все, что только ни произошло на свете, там увидишь; какие только ни есть на свете животные, звери, твари, птицы — там увидишь. От пестроты мрамора в глазах рябило, и жаль было человеку попить ногами столь чудесное искусство мудрецов, какого теперь никто не сумеет создать. Нам сказали, что казны Сан Марко не счесть, ибо несметны его сокровища ||, и казна, и его деньги имеют хождение по всем городам. В переднюю [стену] главного алтаря были вправлены три больших рубина величиной с яйцо; нам сказали, что каждый стоит 100 тысяч грошей. Там была лампада, которая представ-

ляла собой светящийся камень; сказали, что он взят из казны царя Константина и нет ему ни цены, ни стоимости; он стоит трижды 300 тысяч красных золотых и даже больше, ибо подобно огню излучает свет. Мы увидели также десять подвешенных жемчужин каждая величиной с голубиное яйцо. Не говорю уже о яхонтах, разноцветных алмазах, изумрудах и других драгоценных камнях, бесценных и бесподобных. Мы увидели также настоящий и подлинный рог носорога, который стоит целой казны. Такие невиданные и дорогие камни достают только в торжественные дни, а в другие дни прячут. А кто может перечислить золотую и серебряную утварь? Там находился один стамбульский ювелир; он с удивлением сказал, что каждый камень стоит одного вилайета. Увидев это, мы воздали благодарственную хвалу богу, который дал христианам такую славу и величие, пышное великолепие и власть. Мы же из-за грехов наших лишены в своей горестной жизни всего этого и стали пленниками иноземцев и мусульман.

Колокольня

На следующий день мы поднялись на колокольню⁶; высота ее до колокола — триста ступеней, а оттуда до верхнего купола, где находится крест, [еще] сто ступеней. А на верхушке купола был сделан искусно отлитый из бронзы ангел в рост человека, который снизу казался птицей; в одной руке он держал меч, а пальцем другой указывал, ибо это был ангел — водитель мореплавателей и всех [людей]. Талисман был так мудро устроен, что он показывал пальцем в ту сторону, куда дул ветер.

Дворец царя

Перед Сан Марко находилась большая площадь, внизу — море, а по левую сторону — царский дворец⁷, чудесно построенный, богатый и многоэтажный; помещение, где живет он (дука), покрыто чистым золотом, пластинками золота и ляпис-лазурью и с большим искусством разрисовано; точно так же из мрамора сделаны разнообразные животные, звери и твари. Верх косяков и верей дворцовых ворот бесподобны и изумительны. Че-

ловец ни пером не может их описать, ни языком. На воротах словно живая [была] изваяна из белого мрамора прекрасная дева, с короной, оправленной жемчугом || и драгоценными камнями. В правой руке она держала обоюдоострый обнаженный меч, а в левой — весы. И было написано, что корона означает царство, а дева — девственность города, который от начала и по сей день не попадал ни в чьи руки, никто не владычествовал в нем и никому он не служил, и никто из врагов не господствовал над ним и не полонил его, но оставался он непобедим и непоколебим подобно девственности. Весы же означают справедливость; так же, как и везде в книгах, они указывают на справедливый суд. Обнаженный меч [обозначает] гнев божий, как [сказано] у Павла: «Если будете обижать друг друга, творить беззакония и не будете подобны пылинке на весах, он меч свой обнажит против вас». Поэтому, видя огромный меч, остерегайтесь.

Напротив дворца находился укрепленный, как крепость, чудесно построенный монетный двор, и не было строения, подобного ему. Снаружи, по обе стороны ворот, были изваяны из мрамора два больших и безобразных морских человека, обнаженных и бесстыдных. Один держал в руке толстую дубину, а другой — большой камень. Если кто-нибудь хотел войти внутрь, ему казалось, что они ударят его. Наверху монетного дворца были изваяны из мрамора мастер-строитель и его рабочие, и каждый держал в руке какой-нибудь символический предмет, о которых не могу писать в отдельности⁸. ||

На площади, у моря стояли две большие мраморные колонны; на одной из них [были] отлиты из меди св. Георгий с копьем на коне и вишاپ, а на другой колонне — страшный вишاپ⁹.

В одном углу [площади] св. Марка, где люди мочились, было устроено седалище, [изображавшее] франка, который взвалил себе на плечи свинью; при бегстве тюрбан у него съехал набок и обнажилась шелудивая голова, видна была плесень; свинья отгрызла ему нос и ухо, и все приходили и мочились на [его] голову.

Часовая башня

С правой стороны находился очень высокий дом часов¹⁰. Мы попросили, чтобы нас повели наверх. Оказавшись на нижнем этаже, мы увидели много воротов и железных колес, которые вращали часы. Снаружи они были сделаны так же, как и часы в других местах, — в виде круга; на стрелке была железная рука, которая пальцем показывала на этом круге цифры, а именно, который час, а другим концом изображала луну. Средний этаж также свидетельствовал об изобретательности его создателей: там был устроен круг, подобный луне из одной синей япис-лазури; если луна на небе шла на убыль, то половина шара в середине синего круга была синей, а половина желтой, если [месяц] молодой, то и он молодой, и так все узнавали молодую и старую [луну]. Еще выше [находился] страшный и грозный лев, || то есть св. Марк, который, согласно видению пророка Иезекииля и других, говорит: «И из середины их видно было подобие четырех животных»*: у одного лицо орла — то Иоанн Евангелист, у второго лицо быка — то Лука, у третьего лицо человека — и это Матфей, у четвертого лицо льва — это Марк. И так как эта область является уделом Марка Евангелиста, поэтому в городе везде и всюду — и на воротах, а также на парусах судов нарисованы его изображения. На груди льва лежало евангелие, и он смотрел на людей так грозно, как живой, а склонившийся перед ним коленопреклоненный правитель города дука будто давал ему отчет о сокровищах той церкви, мол: «я не растратил их, не утратил и не потратил на нужды мирские и не позарился ни на одну монету», а зрителю казалось, что [лев] хочет растерзать его.

Поднявшись еще выше, мы увидели сделанных из дерева трех царей, покрытых золотыми пластинками. Они были сделаны с таким искусством, что, когда видели человека, [тотчас] снимали шляпы, и мы, увидев это, в душе восславили бога, подателя человеческой мудрости.

* Иезек., 1, 5.

В праздничные дни они (цари) выходили наружу, ибо с двух сторон там были двери, а между ними большая площадка, покрытая ляпис-лазурью и украшенная звездами подобно синеве небес. Посередине этой синевы была очень красиво изваяна из белого мрамора || богоматерь со своим единокровным на руках. Над головой ее была звезда ярче остальных. В дни пасхи или рождества либо в другие праздничные дни эта звезда вылетает наружу и ударяет в маленький колокол, [тогда] сами собой раскрываются двери и на зрелище собирается большая толпа. Сначала из правой двери выходит архангел Гавриил, держа в руке трубу, следом идет царь Мелкон, а затем один за другим шествуют остальные; и, проходя перед богоматерью, они, как живые, кланяются, снимают корону и, держа в руках дары, словно преподносят их новорожденному младенцу, а затем через другие двери входят внутрь и двери закрываются.

Оттуда мы поднялись на [самый] верх, где находятся часы. [Там] мы увидели большой колокол и по обе его стороны двух черных эфиопов-арапов больших и могучих, совершенно нагих, которые держали в руках огромные молоты. Когда часы показывают [полный] час, они, как живые, ударяют молотами по колоколу, один с одной стороны, другой — с другой. Увидев все это, мы благословили чудотворца бога, который даровал такое [искусство] людям, как он сам свидетельствует своими наисвятейшими устами: «Ибо сыны века сего догадливей сынов света в своем роде» *. Слава богу! Аминь.

Оттуда мы вернулись домой.

Монастыри и церкви

На следующий день мы пошли бродить по городу и увидели удивительные, очень высокие сводчатые дома в четыре, пять, шесть этажей, построенные в глубоком море, а также мосты, [кажущиеся] зрителю невиданным и непостижимым творением.

* Лука, 16, 8.

Мы увидели также красивый и весьма благолепный сводчатый монастырь с куполом и много других мужских и женских монастырей и больших церквей из одного мрамора; все они великолепны, одна лучше другой. Чтобы смотреть на них, нужно иметь тысячу глаз.

Нам сказали, что есть один большой монастырь, в котором живет пятьсот девушек, туда подбрасывают детей блудных женщин. В стране франков существует такое правило: в каждом городе есть церковь либо убежище, как в древности*; если кто-нибудь убьет человека или совершит один из семи смертных грехов и укроется в церкви, он спасется, и никто не смеет вывести его оттуда, даже если придет царь.

Есть еще другой женский монастырь: если какая-нибудь блудница или вдова, или девица забеременеет [и родит], она ночью приносит [младенца] и оставляет у монастыря, ибо там есть окно || и над ним колокольчик; ребенка кладут там и звонят в колокольчик; [в монастыре] тотчас же узнают, приходят и поспешно забирают незаконнорожденного, его вскармливают козьим и овечьим молоком, пока он не вырастет и не достигнет совершеннолетия. Тогда настоятельница созывает всех монахинь; собирает перед собой всех детей, рожденных в блуде, — как юношей, так и девушек, и говорит им: «Сыновья и дочери мои, узнайте, что мы не ваши матери, но вы родились так». И все подробно объясняет им, а затем наставляет их в законах и заповедях божьих и показывает им путь божий и мирской, духовный и плотский, ибо в стране франков девушки и женщины-монахини — настоящие *вардапеты*, и нет там человека, который не умел бы читать, даже носильщики, матросы, погонщики мулов и пастухи [умеют это]. И далее, обернувшись, говорит [им]: «О дети [мой], до сих пор вы были несведущи и невежественны, но сейчас вы стали мудры и совершенны, ибо познали зло и добро. Мы из любви к богу оставили вас здесь и вырастили, как мать, приняв на себя заботы о вас, а также

* В армянском тексте приводится неправильная форма: *ի հինիս սուր*, следует читать: *ի հինիս* «в древности», «в древние времена».

обучили священному писанию. А теперь скажите нам: что вы хотите, желаете ли остаться здесь и || до самой смерти служить богу или пойти в мир и вступить в брак?» Те, кто исполнен святым духом, говорят: «Святая мать и духовные наши родители, мы не хотим уйти отсюда в лживый, греховный и порочный мир». Мать [настоятельница] говорит: «Смотрите и остерегайтесь, ибо, как вы видите, служить богу трудно». А они отвечают: «Мы своей волею и охотой берем на себя все трудности и мучения и, уповая на милосердие божие и на ваши святые молитвы, [надеемся], что вы примете нас, недостойных, в ваш святой монастырь». И мать, видя ревностную любовь и желание и волю их сердец, после многих наставлений и поучений, остригает их и одевает в схиму. Если это девушка, то до самой смерти остается у них, служа [господу] богу, а если юноша, [его] отправляют в монастырь иноков. Отправившись туда, они до тех пор подвизаются и обучаются житиям и религии, пока не становятся добродетельными иноками. А те, которые не желают остаться в монастыре, говорят: «Святая мать, мы не можем быть по-монастырски воздержанными, позвольте нам уйти отсюда». И они отпускают их с подарками и [либо] женят, либо дают обучаться ремеслу. Так добрыми и полезными наставлениями они спасают души многих невинных младенцев и служат причиной || многих добрых дел, ибо в других странах родители из страха не позволяют невинным детям появиться [на свет] и лекарствами и разными дурными [средствами] убивают новорожденного.

Об особенностях города

Я расскажу вам о городе Венеции и другие чудеса, которые вызовут у слушателей большое восхищение; однако молю читателей не тяготиться. Словно чудом основан и построен в море [город] из больших камней и скал, подобных горам; подобно тому как мосты [висят] над реками, [так] церкви, дома, здания [находятся] в море. А вокруг все вода, и улицы тоже вода, и, если хочешь пойти куда-нибудь либо зайти к соседу, нужно

плыть в гондоле. Восхищает зрителя [и то], что море здесь дважды отливает и приливает, прибывает и убывает подобно реке Силоам¹¹, что [была] во времена пророка Исайи; так и это [море], начиная с вечера, к утру прибывает в рост человека, а с утра до вечера спадает и уменьшается, и подобно реке с такой быстротой убывает и прибывает, что ясно видно каждому. По этой причине никто из царей не мог и не может взять город, ибо [условия] его непостоянны: иногда море, а иногда болота; || если приезжают на судах, то застревают, а если на лошадях — тонут, а по суше — невозможно.

Оружейная палата

Нам показали также оружейную палату¹², окруженную словно большой замок широкой и неприступной стеной и водой. Нам сказали, что внутри находится пятьсот галер и что каждая галера стоит пять-восемь тысяч *курушей*, а может и более, ибо они не похожи ни на стамбульские [суда], ни на *маоны*. В ней (палате) есть так много имущества и казны, оружия и [различного] вооружения, пороха и пуль, пушек и ружей, копий и доспехов и другого разнообразного ратного оружия, что мы удивились: к чему столько снаряжения? Нам сказали, что все это принадлежит св. Марку и, если сегодня нужно будет идти [на войну], они готовы. И сколько ни есть у них вещей, орудий, судов и прочего, все это принадлежит св. Марку. И сказали, что он имеет несчетные богатства, ибо еще не было другой столь богатой церкви. Хотя св. Петр имеет имущество и казну, однако у него много расходов и он не имеет *векилей*, как этот *. Вся страна [богата], и горожане также очень богаты и зажиточны. И если кто-нибудь в городе имеет пять [или] десять тысяч *курушей*, то [все] удивляются: как, мол, этот несчастный человек живет? И удивительно, что в Венеции большая дороговизна и многолюдно; море заняло все вокруг, а суши нет, хлеба || мало и вода — дождевая, все дома каменные и дорогие,

* То есть св. Марк.

мясо для обеда стоит двадцать драхм, то же и курица. Воды они совсем не пьют, но только вино, а пресную воду привозят на судах из других мест.

Перепись

[Нам] сказали, что [в Венеции] есть 20 тысяч носильщиков, 40 тысяч гондол, 40 тысяч мостов, 40 тысяч блудниц, 14 тысяч [лиц] духовного звания, 365 мраморных монастырей мужских и женских вместе с странноприимными домами; сады, дворцы, а также помещения для гостей, больницы, богадельни, где лечат немощных Христа ради. Мы узнали об этом не от простых и ничемных людей, но от именитых и богатых местных [жителей]. И не удивительно, [что узнали], ибо у франков существует правило все записывать в *дафтар*, и не только значительные вещи, но и ничтожные. Сказали также, что ежедневно продается на две тысячи *курушей* зелени и на две тысячи [*курушей*] рыбы, точно так же представь себе и остальное.

Женский монастырь

[Там] живут такие богатые блудницы, что одна блудница, раскаявшись в грехах и злых делах своих, построила в двух милях от города, в море, монастырь из одного только мрамора, собрала девушек и вступила с ними в него, чтобы || служить богу. И по сей день существует этот монастырь, который мы видели своими глазами. Сказали, что на строительство его пошло 50 тысяч флоринов и еще 50 тысяч [она] оставила в *вакуф* монастырю, чтобы, сколько ни будет монахинь, ели и пили на эти [средства].

Мы увидели много других чудесных вещей и удивительных, невиданных строений, о которых не могу писать по отдельности и знакомить вас [с ними], любезные братья, ибо многословие вызывает у слушателей скуку, а непрерывная речь утомляет читателя и нагоняет сон на внимающих.

Однако на расстоянии одной мили от города находится преудивительный и благородный монастырь имени св. Геворга, который зовут армянским монастырем¹³; там хоронят армян.

Стекланный завод в Моране

В двух милях [от Венеции] находится город по имени Моран¹⁴, отсюда вывозят разнообразную утварь, бокалы и вазы из благородного стекла, различные чаши и множество других вещей, какие продаются и в Галате. Все они, || так же как и чистый хрусталь, сделаны там, в Моране, и оттуда вывозятся в другие страны, а также в Польшу. Говорят, что этим [заняты] 40 тысяч мужчин, женщин и девушек. [Они изготавливают] также бусы, фальшивый коралл и фальшивый жемчуг; купцы и покупатели их изделий осведомлены об этом.

Лавки

В Венеции есть такие богатые лавки, что если купишь товара даже на пять тысяч или десять тысяч *курушей*, [все равно] не будет заметно. Там есть такие богатые купцы, что один человек может купить весь груз одного судна, подобно тому как прибывшие с нами 300 тюков шерсти он* продал за три дня и рассчитался, получив за половину деньги, а [за другую] пурпур. То, что в другой стране не продал бы и за год, здесь продал за три дня.

В городе повсюду ремесленники; что бы вы ни захотели редкостного и необычайного в мире, [можете] у них найти либо заказать. В этой стране такие одаренные люди, каких не сыщешь в других странах; они только душу не могут отдать, но в остальном мастера на все руки. Там есть 40 тысяч магазинов и в каждом висит образ святой богородицы и лампада [перед ним], ибо этот народ очень почитает богородицу.

* То есть Закария Ванеци.

Образ святой богоматери

На левой стене [собора] св. Марка находилась чудотворная икона, перед которой прохожие постоянно преклоняли колени и снимали шапки. Нам сказали, что это чудотворная [икона]; когда кто-нибудь уезжает морем или сушей и не возвращается в срок и семья его не знает, мертв он или жив, перед образом святой зажигают свечу; если [пламя] замрет и погаснет, знай, что он умер, а если не погаснет, хотя бы дул сильный ветер, значит, жив. Слава господу богу.

Риальто

Посредине города есть большая площадь, именуемая Райтал¹⁵, где продаются 60—70—100 тюков благородных и дорогих шерстяных тканей, кармазина, *карзиа*, *фаландуша* и т. д. И сказали, что ежедневно там связывается тысяча тюков шерстяных тканей.

На этой [площади] Райтал был удивительный словно башня высокий мост, как Еалынкёзкох Хайсари¹⁶, под которым проходили большие суда с парусами, однако наверху есть деревянный [разводной] мост, его убирают, чтобы конец мачты не цеплялся.

[Там] было двенадцать носильщиков, которые все двенадцать месяцев в году постоянно переносили в монетный двор мешками чистое красное золото. Мы увидели также в одной лавке рыбий зуб длиной в два человеческих роста и толстый.

Пристань

[В Венеции] была также большая тюрьма, куда сажали преступников, а приговоренных к смерти отправляли, как в Стамбуле, на галеры. Там была маленькая галера, на которой нагих [людей] ежедневно обучали грести веслами, и, если они не могли научиться, их так били по голому телу, что текла кровь. Так обучив, отдавали [их] на военные галеры, ибо необученных туда не брали. На их (венецианцев) галерах было много

мусульман, янычар, сипахов, заимов и других; сбрив им бороды и все [волосы], их попарно заковывали.

Лодки у них (венецианцев) другого вида, скользят подобно змее и быстро несутся, ибо снизу, спереди и сзади продольно облицованы сталью. В некоторых [гондолах] гребут четыре или шесть гребцов, в других — только два, а в иных — один. Они гребут стоя, а не сидя, как в Стамбуле. Гондола с двумя гребцами велика, в середине ее находилось место трапезы для двух или трех человек; верх покрыт дорогой шерстяной тканью либо атласом с четырьмя маленькими оконцами с четырех сторон, наподобие польской кареты. Сидя там с возлюбленными и любимыми или очаровательными и красивыми женщинами и хорошенькими девушками, едят, пьют сладкие вина и || веселятся. И сколько ни хочешь, будут тебя катать, стоя то сзади, то спереди, и так правят [лодкой], что и парусные суда не могут плыть так [быстро]. Сидя внутри, ты все видишь, а тебя никто, веселься, с кем хочешь.

Политические вопросы

Нам сказали, что за год до нашего прибытия из Венеции по многим причинам были изгнаны иезуиты, ибо эти монахи вызывали распри и беспорядки. Разгневавшись, они отправились с жалобами к папе, и он написал в Венецию, чтобы их приняли и все церкви передали им в руки. Однако они (иезуиты) — злые и подлые, грубые и скверные люди, поэтому прибрежные жители, от природы упорные и непокорные, воспротивились папе. После многочисленных переговоров и писем [папа] послал всем иереям письмо, чтобы не священствовали, не служили службу и не исполняли семь таинств церкви. Убоявшись отлучения, они бежали [из Венеции]. И никто из купцов и других людей не осмеливался более приезжать в Венецию, не прибывали туда и суда.

Тогда очень разгневанный правитель города в запальчивости повелел собрать конницу, вбить на площади св. Марка серебряные || стержни, обвить их словно веревкой золотыми

цепями и насыпать в середину золота и серебра; затрубили [тогда] в трубы и возгласили глашатаи: «Кто, мол, придет, [тому] хорошо заплачу и дам другие дары». Так собралось великое множество разнообразных людей. Услышав об этом, папа также собрал войско, однако, увидев, что венецианское было больше и сильнее, обратился с письмом к христианским государям, князьям и знатым людям, а также к императору аламанов*, дабы они помогли ему смирить высокомерного гордеца. И все стали отправлять в помощь папе тысячи тысяч и тьмы-тьмушие [людей]. Узнав об этом, правитель (дука) испугался, ибо знал, что не может противостоять могущественным королям. Тогда побуждаемый дьяволом и безбожно преступив законы, он отправил турецкому хондкару [письмо], где пишет: «Напали на меня все цари и князья, и нет у меня иного выхода, кроме как порвать с ними договор и союз и заключить договор и дружбу с вами. Итак, умоляю тебя вышли мне поскорее 100 тысяч человек. Я уничтожу их (своих врагов) мечом, а страну их предам в твои руки». Когда послы || достигли Стамбула и передали письмо хондкару, везиры и все князья с вельможами возрадовались [великой] радостью и не удержались от восклицаний и с радостным восторгом сообщали друг другу хорошую весть, что «это великий и важный день, ибо, наконец, господь предал христиан в наши руки, исполнились слова Мехмета, ибо, наконец, мы захватили Кызылалма»**. И расходясь, ободряли друг друга и написали грамоту — указ беглербеку Боснии и в Белград, в Силистрию и во все [города] Румелии, в Болгарию и на побережье моря, в Салоники и другие места, а также на ту сторону, в Маграб, в Мсыр, на великий Родос и на Кипр и во все ближайшие и пограничные франкам [области], чтобы, поскорее выступив, достигли Венеции в [количестве] большем, чем двенадцать десятков тысяч. А сам [хондкар] отправил дукe письмо: мол, «вот отправил я тебе нынче поскорее помощь в двенадцать де-

* То есть германцев.

** Кызылалма (тур.) — букв. «красное яблоко»; так называли турки Рим.

сятков тысяч на твои деньги, а следом прибуду и я со своим сотысячным войском и моею царскою казною», ибо они (турки) желали овладеть странюю франков. Однако бог не допустил [того]; развеял бог намерения дерзких иноверцев. Ибо услышал царь Испании и царь Франции и другие знатные вельможи, что выступил против христиан || семиглавый дракон, а *дука Венеции*, которая является ключом и входом в страну франков, восстал. И глубоко уязвленные, они поспешно отправили к папе гонца, обвиняя его, мол, «что же это случилось, что поднялся такой шум и смута в нашей стране. Хотите предать нас в руки врагов? Если не примиримся с Венецией, погибнет наше царство и станет добычей неверных».

Услышав эту неприятную весть, папа впал в великую печаль и как духовный пастырь пожалел о содеянном и о войне. Написал он им: мол, «как хотите, так и поступайте, только избавьте нашу страну от рук чужеземцев». Тогда великий князь аламанский, который граничил и был в дружбе с *дукой Венеции*, вместе с другими князьями после долгих уговоров и просьб с трудом смогли убедить [его] и обратиться к миру. Отвезли они его к папе, и он, склонившись, поцеловал десницу его, а тот благословил его и город и приказал священникам вернуться. И наступили по всей стране франков великая радость и мир. А войска мусульман, которые торопились словно на свадьбу, услышав о мире, со стыдом повернули вспять¹⁷. Слава богу!

|| Венеция так богата и [имеет столько] доходов, что на доходы только одного дня может поставить [под ружье] 50 тысяч человек и вывести в море 500 галер, посадив на каждую галеру по 200 легковооруженных воинов. Сама она никого не боится, ибо вокруг города море. Некоторый страх она испытывает только перед Аламанскою страной*, ибо она близка, [даже] горы видны. Нам сказали, что нигде нет такой казны, как у церкви св. Марка, и такой пышности и богатства, как у города Генуи. Поэтому могущественный государь Испании много раз брал взаймы деньги из казны Генуи.

* То есть Германской империей.

7. В ГОСУДАРСТВЕ ПАПЫ

Когда приблизился день нашего отъезда в Рим, между нами, о горе мне, под влиянием дьявола и завистливого коварства лживых братий либо сплетен злых людей начались споры и недоразумения. Поссорились мы с *вардапетом* Закарией и разлучились друг с другом. Он отправился в Рим, а я еще десять дней пробыл в Венеции. Разыскав маленькое готовое [к отплытию] судно, я поднялся на него и через шесть дней достиг красивого города Анконы; это тоже был порт и пристань. Это большой, благоустроенный, изобилующий благами и фруктами город, [стоящий] на возвышенном месте. || Виляет дуки [простирается] до сих пор, а отсюда начинаются города папы, и более не видно знака Марка, но повсюду на городских воротах и дворцах, на мраморе изваяны ключи Петра и тиара папы. Нам сказали, что город построил во имя свое государь Анконы. В море была высокая гора, и на ее вершине стояла большая сводчатая церковь; сказали, что там находится могила строителя, однако мы наверх не поднялись. У нас там была каменная церковь и гостиница, матрас и постель. Из-за приятного воздуха и благодатного климата я пробыл там три дня.

Выехав оттуда, мы через полдня достигли Мадонны де Лорет¹. Это образ богоматери, о котором в час ее преставления попросил Иоанн Евангелист; подал он доску, и, взяв ее, святая дева приложила [доску] к лицу, и с благословения божия запечатлелся на ней святой лик, который после преставления совершил много чудес в Иерусалиме и Назарете. И после многих лет волею бога храм и образ были вознесены ангелами и перенесены сюда в это *касабу*, где [образ] продолжает творить много великих чудес. Истинность этого сказания очевидна, ибо образ и дом очень ветхие и почернели. Много раз короли, || похитив, увозили ее (образ богоматери) в свою страну, но она вновь возвращалась на это место, ибо здесь соизволила пребывать. Древнее строение не тронули и не разрушили, но, оставив его в середине, вокруг построили дорогостоящую большую,

знаменитую и великолепную церковь наподобие св. Софии. В ней более 150 священников, не считая других служителей. Это такое известное место паломничества, что ежедневно сюда прибывает пять-шесть тысяч паломников. Из-за многолюдной толпы днем туда войти нельзя. Там был один привратник, который знал турецкий язык; увидев нас, он спустился к нам и говорит: «О земляки, не беспокойтесь, я вас проведу ночью, ибо сейчас из-за толпы невозможно войти». Обрадовавшись, мы спросили: «Кто ты и откуда?» — «Я из Хайсары, — ответил он, — был мусульманином, суннитом² и чаушем; попав в плен, я познал истинного бога и, крестившись, стал христианином. Уже сорок лет, как я служу этому святому храму, и далее буду [служить]; имею трех сыновей — священников». Когда наступил вечер, он с большими предосторожностями ввел нас в часовню. Подняв покрывало, я увидел всеблагословенное дерево, почерневшее и ветхое, оправленное в серебро; на голове [образа] была бесподобная корона, оправленная бесценными камнями и || унизанная жемчугом. Перед ним висели десять больших, [величиной] в человеческий рост, лампад, присланных королями Испании, Франции и др. Один раз в год они совершают странствование для поклонения [святому образу] из-за множества [творимых им] чудес. В стране франков и в Польше существует правило, чтобы в каждой церкви имя святого, которое она носит, и чудеса, творимые им, — все было записано на скрижалях. А в этой [церкви] были написаны тысяча, две тысячи скрижалей, из множества коих я расскажу об одной. Некий человек издалика, будучи одержим недугом, услышал о великих чудесах, [творимых] святым образом. С великой надеждой он отправился к нему; когда достиг области неверующих еретиков, они схватили его и повели к своему старшему. Он спросил: «Куда идешь?». Тот ответил ему: «К Мадонне де Лорет». — «Какой дар ты несешь ей, как это принято?», — спросили они с насмешкой. «Себя и свое сердце», — ответил он. «Всякий, кто несет дар, — сказали они, — держит его в руках, поэтому надо, чтобы и ты держал свой дар в руках». Те нечестивцы, разрезав [ему] грудь, достали сердце

и дали ему в руки, говоря: «Неси так». А он могуществом божьим и благодатью образа радостно и стремительно добежал до святой (Мадонны де Лорет) и, пав перед святым образом, сказал, || плача: «Прими от меня в дар мое сердце, ибо ничего больше не имею, и исцели меня, святой чудотворный образ!» И тотчас здоровым водворилось его сердце на свое место. Слава богу!

Простершись ниц, мы также воздали ему (образу) честь и испросили отпущения грехов себе и своим усопшим.

Мы пробыли там три дня, ибо армянским паломникам хлеб и воду давали три дня, а своим соплеменникам — один лишь день, армянам давали кур и гусей, а франкам — одно только мясо.

От Венеции до великого Рима — 15 постоянных дворов, все благоустроенные и огражденные стенами, на высоких горах, у побережья моря. И в каждом городе из любви к Христу и армянской церкви был построен каменный странноприимный дом, где три дня давали еду. Но так как армяне сейчас приезжают редко — в год один, два либо три, четыре [человека], — франки все захватили и владеют этими домами; они сами пребывают в них.

Франки папской страны очень богобоязненны и робки, гостеприимны и милосердны, смиренны и покорны: они особенно ликуют и радуются, когда видят армянина, обнимают и целуют, проявляя большую любовь и милость. Однако наш народ очень нехороший и недружный, [армяне] не любят [друг друга] || и много бродяжничают и, куда бы ни прибыли, показывают себя с плохой стороны. У них такой злой нрав, что двое в одном месте и дня не могут пробыть друг с другом, и это не только миряне, но и духовные. Когда они ссорятся, то не ограничиваются тем, что скажут одно-два слова и умолкнут, но [пре-рекаются] с утра до вечера. При этом попрекают друг друга мужеложеством и говорят такие оскорбления, омерзительные слова, речи и ругательства, что слушателю становится противно; и все это не на армянском языке, которого чужеземцы не знают и не понимают, а на таком языке, который понятен

всем людям. Из-за этих ссор и [взаимной] ненависти рассеялись [армяне] и пали в глазах всех народов.

Поэтому во всех городах этой страны отменили [выдачу] обедов, питья, матрасов, одеял и т. д., однако [армянские] дома и часовни пока остаются. Нам сказали, что в странно-приимный дом в Венеции ежегодно доставляли две-три бочки вина и каждую неделю выдавали [в качестве] пособия хлеб, мясо, даже соль и уксус, а также деньги. Армяне же ели, пили много вина, пьянели, так как вино в тех странах крепкое — семи-, девяти-, || десятилетней и большей давности, — ссорились, дрались и убивали друг друга, а также совершали много других дурных поступков. Войдя туда, они больше не желали уходить, пока сторожа не выбрасывали их вон. Так, опозорившись и потеряв уважение других народов, они ненавидели и не желали [видеть] друг друга. Одних захватывали [врасплох] с блудницами, других — с мальчиками, а иных — за другими несправедливыми делами. Одни добровольно стали веротступниками, другие — разбойниками, а остальные — еще кем-нибудь.

Так, в наше время, четверо мужчин и одна женщина, [подобная] Иезавели* и Иродиаде**, из Урфы, объединившись шли на поклонение св. Иакову. И так как этот народ*** очень почитает богородицу, то каждый из них повесил себе на шею образ богородицы, с именем которой они бродили и просили милостыню, чтобы побольше собрать. По дороге они встретились с всадником и дали ему поцеловать образ, который он, прижав к груди, поцеловал. Увидев, что это армяне, он достал большой кошелек и дал им один *куруш*, а кошелек был полон. Увидели это армяне, и вселился в них сатана, а злая женщина еще более подстрекала их к злодеянию, как Ева Адама. Набросившись сзади, они свалили его с лошади и, оттащив немного от дороги, зарезали своего невинного || благодетеля, как Каин Авеля. Бросив его полумертвым, они пустили лошадь

* III Царств., 16, 31; Откр., 2, 20.

** Матф., 14, 1, 12.

*** Имеются в виду франки.

в поле, а сами бежали. Меж тем он тяжко хрипел; проходившие по дороге [люди] слышали голос и разыскали [его], покуда он еще дышал. Спросили мол, кто это совершил. Он же объяснял жестами и [рукой] показывал на тюрбан. Поняв его и бросившись на поиски, они разыскали их, ибо в той стране никто, кроме армян, не обматывает голову тюрбаном, и доставили к судье города. Когда их стали пытаться, они признались, после чего всех четверых повесили, а нечестивую женщину трижды колесовали, а [затем], связав позади руки, подвесили, так что локти у нее вышли из сочленений, [однако] она все-таки не призналась и не приняла [вины]; тогда ее отпустили. Встретив ее в Венеции, мы спросили [об этом деле], она сказала, что не имеет вины. Из-за таких гнусных дел армяне были отвергнуты и пали в глазах [всех].

Нам сказали также, что раньше племя армян очень почитали, как святых бога, и даже снимали с паломников их старые плащи, рвали на куски и давали друг другу в дар. Однако теперь уже не так.

В папском государстве [люди] очень добрые, не ссорятся и не дерутся, мечей совсем не носят, || и даже острие ножа у всех поломано; лжи они не знают, взятки с тяжущихся не берут, но суд у них справедливый, без [всяких] ухищрений. Таким было дело, совершившееся в наши дни. Сын одного князя, сопрестольника других князей, стал заниматься мужеложеством, за что его схватили и посадили в тюрьму. Этому пороку [его] научили магометане, ибо в Венеции есть много магометанских купцов. Этот порок у них (венецианцев) от них и по сей день. Вынеся через несколько дней решение, его (сына) повели на костер. Меж тем несчастный отец его плакал и рвал свою бороду, ибо то был его единственный сын. Он пал к ногам князей и молил не губить его сына. «Пощадите, — говорил он, — мои седины и сжальтесь над моей старостью, ибо и я такой же, как и вы, сопрестольный вам князь. Я дам вам столько золота, сколько весит мой сын». [Но] они ответили: «Мы боимся бога и не выходим из пределов писания; мы поступаем так, как велит писание». Не позарились они на деньги и не испугались

князя, но сожгли его [сына] посреди города. Поэтому у них совсем не встречаются обман и плутовство.

Расскажу вам другую историю. Из Анкурии, Софии, Тоса и других мест прибыло, как обычно, много козьей шерсти, || однако менялы узнали, что это не настоящее [руно], ибо к нему было примешано наполовину, а может и более, овечьей шерсти. Схватили купцов и стали пытаться, мол, «вы вместо руна продаете шерсть». Они признались и говорят: «В нашей стране не найти руна, ибо джалаали разрушили, разорили ту страну; коз одних закололи, а других забрали с собой, поэтому вы нашли такой подлог в нашем товаре». Тогда все это отнесли на площадь, сложили, сверху положили дрова и без сожаления сожгли. Однако владельцев отпустили невредимыми.

Другие купцы из Румелии привезли свечи, больше половины их были из сала. Узнав об этом, их владельцев схватили. Эти предложили 10 тысяч драхм, чтобы их не судили, однако они (венецианцы) не взяли, но, сложив все свечи перед св. Марком, сожгли; [свечи] растаяли и исчезли. Сказали, что свечей было на 30 тысяч *курушей*. Благодаря такой справедливости и суду прочен престол их царства, согласно писанию: «престол его утвердится правдою» * и судом.

Хотя вина там много и в избытке, однако у них совсем нет пьянства, и если пьют [вино], то подливают воду и пьют с водой. У них нет также коварства, клеветы и лжи, нет притеснений и обмана, нет и мужеложества, а если где-нибудь обнаружат, тотчас без различия [виновника] сжигают. У них нет воровства, убийств, разбоя, и это не только в городах, но и на дорогах, в необитаемых местах и лесных чащах. Там не знают, что такое караван; если кто хочет куда-нибудь пойти, бесстрашно идет один. Если даже наденешь на голову золотую корону, тебе не причинят вреда. Точно так же и мы, не знающие языка и [никому] неведомые чужеземцы, тихо и мирно прошли длинный путь, как во время императора Морики³. И повсюду на расстоянии пущенной стрелы друг от друга нахо-

* Притчи, 25, 5.

дидлись гостиницы и постоялые дворы. В молитве и службе они более прилежны и постоянны, чем магометане. Не только старики, но и юноши, женщины, новобрачные и молодые девушки идут в церковь, держа в руках [священное] писание, ибо они воспитывают детей согласно заповедям [божьим]. Едва начнут говорить, как их уже учат [говорить]: «Отче наш», «Верую», «Славлю», «Слава всевышнему», креститься, обращаться с молитвою к богу и до тех пор, пока не выйдут с обедни или литургии, им не дают есть; || каждый день, пока не помолятся, они не садятся есть. Малых детей, держа за руку, также ведут в церковь. Если какой-нибудь мужчина или женщина хоть один день не пойдет на службу или литургию, то стыдится выйти [из дома], полагая, что тем самым совершил большое преступление. У них очень распространена благотворительность тайная и явная. Они очень кротки, скромны, незловредны и незлопамятны.

Горе мне, живому и нерадивому! Ибо есть в нашем народе [люди], которые по два-три года не переступают порога церкви, у иных уже седые волосы, но они не знают «Отче наш», не говоря уже о «Верую» и других, и не крестятся — как те, о которых Павел восклицает: «Ленивые и нерадивые не унаследуют царствия божия»*.

Так как они (франки) соблюдают законы и усердно молятся, бог удостоил их многих благ и избавил от гнева [своего] и разнообразных бед, которые постигают землю, погрязшую в грехах, как бывает в других странах: гусениц, червей, кобылки, саранчи, чумы, голода, кровопролития и пр. Враги также не нападают на них, живут они в мире и согласии, имеют много сокровищ и казну, дворцы и многоэтажные каменные жилища. || Это [люди] высокого роста со здоровым и холемым телом и постники, питаются больше фруктами и овощами, чем мясом, и другими неудобоваримыми кушаньями. Один старый франк нам рассказал, что ему 120 лет и у него выросли новые зубы. Он сказал также: «За всю свою жизнь я не видел ни

* Послан., гл. 9—10.

смерти, ни голода, ни меча». И что же это, как [не результат] справедливости и правды? Как сказано у пророка: «. беззаконие — бесчестие народов» *, а праведность возвышает [народ] от поколения к поколению, а также: «. . . любовь покрывает множество грехов» **. Они так дружны и единомысленны, что, когда встречаются, приветствуют друг друга объятиями и поцелуями, словно приехали издалека либо давно не видели друг друга. И все это без недоверия и лицемерия, ибо любовь — во главе законов и заповедей. Тысячекратно блажен народ, в котором царит любовь!

Итак, мы воздали хвалу народу святому и избранному. От начала и по сей день твердо царство их и патриаршество, ибо они правдивы и чисты. Не то чтобы были безгрешны, но они искупают [грехи свои], ибо только бог безгрешен, а люди, как сказано у пророка, погрязли в грехах. «Кто тот человек, который живет и не грешит?» И Иов говорит, что даже однодневный младенец и тот не без греха. И у них (франков) есть много гнусного; они бесстрашно блудят, едят подобно египтянам всяких насекомых, черепах, зайцев, лягушек, змей и прочее, но это не из-за жадности, а как лекарство, так, [например], кошку [едят] от парши, а других [животных] по другим причинам. Из-за стола они встают полуголодными и совсем не жадны до еды и вина. Нет у них также привычки долго сидеть за столом и разговаривать; быстро поев, они встают и идут гулять и беседовать. В пост они едят рыбу, постное масло и пр. Однако они далеки от семи смертных грехов, ибо, как сказал апостол Иаков ***: «есть грех не к смерти» и «есть грех к смерти» ****. Хотя у них встречаются грехи, что не к смерти, но у других [встречаются] и смертные. Есть народы, которые не едят ни рыбы, ни постного масла, ни вина, но злословьем изводят человека; на пост опиваются и обжираются словно животные и не удовлетворяются, пока не распустят пояса. Павел говорит:

* Притчи, 14, 34.

** I Петр, 4, 8.

*** Должно быть Иоанн.

**** I Иоанн, 5, 16—17.

«...ни лихоимцы, ни пьяницы... ни хищники царства божия не наследуют»*. Вот какая разница бывает между грехами!

Эти (франки) никогда не пьянствуют и не злословят, а если увидят какого-нибудь пьяного чужеземца, удивляются || и убегают от него, как от одержимого бесом. Пьянство почитается у них большим стыдом. Мы пробыли у них девять месяцев и ни разу не видели пьяного франка, ибо, как и Павел, они пьяниц числят [наравне] с развратниками. По этой причине бог исполнил их [страну] духовной и телесной благодатью, изобилием [всего], золотом и серебром, домами, землями, имуществом и товарами, сыновьями и дочерьми, согласно [писанию]: «увидишь сыновей у сыновей твоих»** и еще: «жена твоя, как плодовая лоза»***, и еще: «да будут житницы наши полны... да плодятся овцы наши»****, «да будут волы наши тучны»*****.

Оставив в стороне остальное, мы, пройдя много городов, замков и красивых крепостей, обратимся к нашему повествованию.

8. РИМ

Когда мы приблизились к Риму на расстояние одного дня пути, показался купол св. Петра. Войдя в ворота города, мы увидели красивый мраморный памятник с золотым крестом на верху; он был окружен тройной оградой. [Рим] больше Стамбула, однако половина его разрушена. Мы шли так долго, что утомились, || и, наконец, с трудом достигли армянской церкви и странноприимного дома.

Итак, мы увидели всем желанную, славную и прославленную резиденцию императоров, столицу патриархов, великий Рим. Посредине города протекает большая и быстрая река

* I Коринф., 6, 9.

** Псалт., 127, 6.

*** Псалт., 127, 3.

**** Псалт., 143, 13.

***** Псалт., 143, 14.

мутная, как Кызыл-Ирмак, делая город более веселым, согласно [словам] писания: «Речные потоки веселят град...» *

Большая каменная армянская церковь имеет десять каменных помещений для паломников, а также покои для епископов, священников и других духовных лиц, матрасы и постели. Меж тем *вардапет* Закария, увидев меня, обрадовался, повел к себе, и, поцеловав друг друга, мы помирились. Через несколько дней мы позвали армянского переводчика по имени Акоп Амидеци, который сорок, а может и более лет прожил там и которому папа как переводчику определил пятьсот *курушей* жалованья. Его прислал папа. В качестве пособия *вардапесту* определили в день 12 хлебов, пять *оха* мяса, две курицы, два *оха* вина, соль, уксус и другое [продовольствие], а также пять *курушей* в неделю на карманные расходы. Там был один иерей армянин || из Токата по имени Бардугимеос, который с детства воспитывался там и [там] достиг зрелого возраста. Он знал наше письмо и язык, но их [письмо и язык] знал лучше, ибо придерживался их [церковных] законов, и они посвятили его в иереи. Он получал сто красных золотых жалованья в год; церковь, странноприимный дом и кельи — все находилось в его руках. Церковь имела сады и вакуфные дома. Он должен был [отдавать] в стирку грязное [белье] гостей и заботиться обо всех их нуждах. В подчинении у него были 12 человек. Там в 1060 году армянского летосчисления (1611), в папство Павла V, мы пробыли семь месяцев.

Нашим кардиналом был племянник ** папы Бургез¹. Ибо папа имел 72 кардиналов, и каждый кардинал был блюстителем [какой-нибудь] одной нации; самый главный и великий [кардинал] был [блюстителем] армян, ибо 72 нации, о которых сказано, находятся в Риме.

Однажды пришли епископы, чтобы повести *вардапета* к папе. Отправившись туда, мы увидели построенный из красивого камня большой и обширный дворец || с башнями. У ворот

* Псалт., 45, 5.

** То есть сын сестры.

дворца стояло много воинов с обнаженными мечами; у всех в руках были пики с широкими наконечниками, которые сверкали; одежда у них была другая, иного вида, и у всех были длинные бороды; франки бород не имеют. Нам сказали, что у папы нет более любимых и преданных слуг, чем они; их триста [человек]. Когда папа отправлялся куда-нибудь или в церковь, они окружали его и шли по обе стороны. Сказали также, что эти триста мужей произошли от тех, которых там оставил Лусаворич во время своего пребывания в Риме; они придерживаются их веры, а от нашей отступились.

Когда мы вошли во дворец, нам сказали, что мы должны пройти семь дверей. Палаты за каждой из дверей были убраны разной тканью, а потолки разрисованы золотом.

В первой все четыре стены обтянуты кармазином, ибо в стране христиан не сидят на полу и не украшают пол, как в стране турок, но сидят на стульях и скамейках; они имеют также большой и высокий стол, || за которым едят. Вторая была [обтянута] синей и багряной шерстяной тканью, третья — тафтой, четвертая — камкой, пятая — атласом, шестая — парчой, седьмая, где восседал папа, — [тканью], вытканной золотом. Сам он сидел на золотом троне, а на пальце его было кольцо с алмазом, сверкавшим ярче огня. Потолок был из одной ляпис-лазури и чистого золота и отливал разнообразными цветами. Нужна тысяча глаз, чтобы смотреть и наслаждаться [такой] красотой.

Вардапет подошел и поцеловал ногу [папы], ибо руку не полагалось, [ее целовали] только короли. От окружающего великолепия и грозного величия, а также от смущения нас охватили [такой] страх и дрожь, что на наших лицах выступил пот. Папа спросил, откуда [мы] прибыли и каково армянам под рукой неверных. А он (*вардапет*) ответил: «Я приехал из святого Эчмиадзина, от горы Арарат. Вашими молитвами, святой отец, армянам хорошо». — «Жив ли католикос Мелкисед?» — спросил папа. «Да, жив твоим благоволением», — ответил он (*вардапет*) и подал ему письмо, два руна, один ковер, крестообразную пуговицу для *филона*, [оправленную] пятьюдесятью

алмазами и на пять *драхм* противоядия. Взяв письмо, он отказался от подарков, говоря: «Не подобает нам [выражать] такими дарами взаимную любовь». *Вардапет* поблагодарил и пошел, но [подарков] не взял. А он (папа) послал вслед || [людей] и наказал убедить *вардапета*, но *вардапет* опять послал [подарки], говоря: «Почему не принимает? Ужель не понравились или не достойны его, ибо ничтожны наши небольшие дары?» Тогда он с трудом принял крест, а противоядие и остальное отослал обратно.

Прошла неделя, мы очень страдали и мучились, особенно потому что не знали их языка. И я очень тосковал, когда вспоминал свою область и родной очаг, моих сестер и зятьев и всех родных и любимых. Я плакал и вздыхал, надеясь, что кто-нибудь будет горевать [со мною]. Но никого не было. Не нашелся для меня и утешитель. Поэтому горело сердце мое, томилось нутро, помрачилась мысль и изнемогала душа моя, и вспоминал я речение псалтыря: «Кто дал бы мне крылья, как у голубя? Я улетел бы и успокоился бы»*; И я сочинил плач о моей неудачной судьбе:

О, мой творец и господь бог,
 Всех милосердней ты,
 Почему же я так пал
 И на чужбину изгнан?
 Достигли почестей больших
 Все, сидя по домам,
 А я с любимыми в разлуке,
 Лишен всего, несчастный.
 О горе мне, коль передали
 Другому мое место,
 Меня за мертвого сочли,
 Не вспомнив в завещании.
 Господь *гарибам* помогает
 Достигнуть их желанья,
 Мне душу сохранив и тело,
 Ты мой обет исполни.

* Псалт., 54, 7.

Этот народ очень добр и человеколюбив, ибо нас принимали как братьев и товарищей и все объясняли жестами.

Святой Петр

Однажды мы вышли и отправились в большую и великолепную церковь Сан Петру, то есть св. Петра. По дороге мы увидели над рекой большой мост из тесаных камней; по одну сторону [стоял] Петр, а по другую Павел. На другом конце моста стояла неприступная крепость, служившая арсеналом, где находились огромные пушки и множество разнообразного крупного оружия². Поперек моста была протянута железная цепь; когда ее натягивали, никто не мог пройти или бежать. Перед св. Петром стоял большой || мраморный памятник, подобный [памятнику] на площади Стамбула. То была огромная колонна, высившаяся на четырех бронзовых львах и с золотым крестом наверху³. Еще далее, у дверей храма, были изваяны из белого мрамора чудесные Петр и Павел, у одного в руках [были] ключи, у другого — меч. Войдя в церковь, мы увидели внутри, у дверей, отлитого из бронзы Петра, а внизу (у его ног) — сундук, и было правилом, чтобы [каждый] входящий сперва целовал ногу [Петра], бросал в сундук милостыню, а затем входил в часовню, где находилось достойное почтения святое тело Петра. Пав ниц, мы поцеловали святую могилу и попросили отпущения грехов нам и нашим усопшим, а также нашим благодетелям и благотворителям. Мы выполнили свой обет, достигли исполнения своего желания; да исполнится и ваше желание!

Обойдя [храм], мы увидели его величину, ширину и длину; длина его равнялась тремстам шагам, ширина — двумстам пятидесяти, а купол [находился] на высоте шестисот ступеней; там еще работали мастеровые, которые снизу казались воробьями. От блеска золота и сияния красок в глазах рябило. [Там] было много мраморных колонн: одни — черные, другие — белые, как снег, || некоторые — красные, иные — зеленые, а прочие — пестрые. Все четыре стены были выложены мраморными

плитами, которые блестили, как зеркало, и отражали очертания человека. Сам [храм] был построен из пурпурного мрамора. В середине храма над святой могилой был построен [поддерживаемый] четырьмя большими ангелами куполообразный свод, а в его глубине — алтарь; то был главный алтарь. Над святой могилой висело множество больших золотых и серебряных лампад, горевших день и ночь. Под церковью находился склеп, где было много мощей и алтарей святых; все стены были облицованы красивым пурпурным мрамором.

Выйдя оттуда, мы пошли и поцеловали Врата милосердия. Сказали, что [раньше] Врата милосердия пятьдесят лет [оставались закрытыми], а затем открывались, когда был юбилей свободы⁴. Увидев, что из тысячи и один не может дожить до этого дня, попросили сократить [срок], и папа установил двадцать пять лет. В тот год, когда они открываются, собирается великое множество людей, ибо они приходят из всех стран. Однажды папа пожелал узнать число паломников, поставил людей у городских ворот и обнаружил 100 тысяч паломников. Слава богу.

Пройдя далее, мы увидели вокруг церкви || много мастеровых: одни обрубали камни, другие обтесывали их, а половина делала на камнях резьбу, некоторые распиливали пилой огромные словно горы камни, как дерево песком, а иные были заняты другим делом. Мы спросили: «Сколько человек работает вокруг него (храма)?». Ответили, что три тысячи, не считая тех, которые [работают] в других местах. Мы спросили: «Давно ли начали строить?». Ответили, что тысячу лет назад, и еще через двести лет не будет окончен⁵. [Храм] еще не имел колокольни. Кто может описать величину строения и расходы? Мы спросили, какой доход имеет [собор] св. Петра. Нам ответили, что один миллион в год, что составляет четыре раза по 100 тысяч флоринов, помимо других, а именно помощи, присылаемой королями; много тратит от себя и папа, но все же и это не помогает.

Мы видели также [запряженные] пятью-шестью лошадьми гороподобные повозки, [устроенные] искусно и изобретательно,

на которых в сосудах и на носилках вывозили из города отбросы. [Точно так же] различными уловками они поднимают двух-трех лошадей на высоту 10 кулачей на верхушку здания, что кажется дивом не только слушателям, но и зрителям⁶.

Больницы

Оттуда нас повели в церковь Сан Фертр*, т. е. святого Духа. Мы зашли также || в их больницу, очень большую и украшенную словно царские чертоги; потолок и стены были пскрыты золотом и серебром и разрисованы благородной ляпислазурью и разноцветными красками, а также обтянуты кумачом. Они очень псчитают нищих и немощных, сирот, вдов и больных. Каждая церковь имеет больницу соответственно [своим] возможностям, но эта — больница папы, и [другой], равной ей, не было⁷. Она была подобна прямой длинной улице, по ширине которой в четыре ряда [стояли] кровати. Мы спросили: «Сколько здесь больных?» Нам ответили, что сейчас есть тысячи две-три, но летом число их достигает пяти-шести тысяч, так как климат в Риме плохой. Что же касается расходов, то в неделю тратится десять тысяч *курушей*, ибо [при больнице] имеется триста, а может и больше, служителей. Все они одеты в красное, за исключением *векилей*, *хакимов*, *кехьи* и священников, ибо [больница] похожа на город, имеет судей, писцов, лекарей, кондитеров, банщиков, поваров, пекарей, не считая топлива и пищи для больных, матрасов, простыней и всех прочих нужд. Так как в этой стране все дорого, то один оха мяса [стоит] 15 *драхм*, один *стак* хлеба — 70 *драхм*. Так как это многолюдная страна, || то все горы и доли заселены, и господь одарил эту страну, ибо всего здесь в изобилии, и, если даже захочешь [купить] хлеба на 100 тысяч флоринов, найдется. Когда мы были еще в Риме, собрались продавцы хлеба, пошли к папе и говорят: «Святой отец, в этом году плохой урожай и зерна мало. Мы дадим св. Петру сорок тысяч *курушей*, разреши нам уменьшить [выпечку] хлеба». Однако папа не со-

* Сан Фертр — искаженное Сан Спирито.

гласился и говорит: «Пока есть, пекуте, когда кончится, я вам достану». И они, пристыженные, разошлись по своим домам. Однажды хлеба не испекли, и в городе не оказалось хлеба. Сообщили папе, и он повелел судье обойти [город]. Он пошел и везде, где не оказалось хлеба, повесил продавцов хлеба на дверях [пекарни], после чего прочие образумились. Наша речь к тому, что народ франков не знает взяточничества, а флорин там вместо денег.

Не говоря об остальном, обратимся к нашему повествованию. Как уже много раз говорилось, сбитал* — это больница или гостиница. Итак, посмотрим, каковы у них порядки и правила.

Больных мужчину или женщину забирают в больницу, ибо каждая церковь имеет две больницы: одну для мужчин и одну для женщин. Однако сперва идут к старшему кехье, то есть бонсиньору, то есть хорепископу, || — в папской стране вся власть, величие и слава принадлежит духовным чинам, а миряне у них словно рабы, и так как священников больше, чем мирян, поэтому господствуют они над ними, — приходят и говорят: «Умоляем тебя, прикажи принять в больницу такого-то». А он (кехья) велит отвести [больного] к врачу, чтобы тот осмотрел [кровеносные] сосуды. Это потому, что есть много обманщиков, которые привыкли бродить попусту, ни к чему не способны и притворяются больными, чтобы их взяли в больницу и они ели бы даром хлеб и спали бы на матрасе. Поэтому нужно, чтобы врач осмотрел [кровеносные] сосуды и понял; если [человек] действительно болен, он дает ему маленькую записку к младшему кехье, а тот дает старшему кехье, и [последний] приказывает поместить его в больницу и позаботиться о нем. Когда он попадает [в больницу], с него снимают его вшивую, грязную, противную одежду вплоть до сорочки и дают белую сорочку и штаны, шерстяное платье, [кладут] на высокую кровать и матрас и стелют постель. Ибо там сидят не на полу, а на стульях и спят на [кроватях]; из-за этого нас под-

* Искраженная форма от итальянского *ospedale*.

нимали на смех, мол, как это вы словно животные сидите и спите и отдыхаете на полу, ведь сырая и влажная земля причиняет человеку много болезней и вреда. || А мы отвечали, что так мы приучены.

Итак, вернемся к начатой беседе о больных. Его (больного) укладывают, приходит врач, определяет болезнь и приказывает давать соответствующую ей (болезни) пищу. Когда наступает время еды, приходит служитель и приносит *сдол*, то есть стол, и так всем; затем приходит другой служитель, приносит белую скатерть, которой покрывают стол, следующий приносит ложку и острый нож, следующий — соль и хлеб, еще один — вино, смешанное с водой, и, наконец, обед. Так, каждый имеет какую-нибудь обязанность; после обеда все опять собирают. Когда наступает вечер, один поднимает больного, а другой поправляет матрас, затем его укладывают и ставят рядом посуду для нужд, которую утром забирают, опорожняют и моют. Каждую неделю меняют чехол на матрасе и простыню. Каждое воскресенье приходит священник, исповедует их и причащает, [а также] служит святую литургию, ибо при больнице есть часовня, ризница, алтарь и пр.

Так посмотрите, как к неимущим больным они проявляют столько любви, уважения и почтения, каких и брат брату не оказывает; и жена так сердечно не служит мужу.

У них также есть лекарства от всех болезней; если кто пойдет попросит, даром дают. Врачи посещают больных и дают им: одному — таблетки, другому — *шербет*, некоторым — мази, а иным — пластырь и || соответственно каждой болезни на кровати пишут, какой обед давать [больному]. Каждую неделю брадобрей моет [больных], бреет и заботится о них. Когда [больной] поправится, снимают с него ту одежду*, отдают ему его собственную и говорят: «Тебе следовало оказать больше услуг, прости, брат, иди с миром и поминай нас в своих молитвах». Оказывают столько любви, милосердия и благодеяний, да еще говорят: «Прости!».

* То есть ту, в которой он находился в больнице.

Санта Тринита

Для паломников там была другая церковь, большая и великолепная, [именуемая] Санта Тринита⁸, и сколько бы ни было гостей и паломников, их три дня должны там кормить. Она (церковь) имеет длинную трапезную, наподобие Узун Чаршу⁹, где могут сидеть две-три тысячи людей, а на каждую пасху там кормятся пять-шесть тысяч душ. И нет церкви или монастыря, где бы ежедневно не выдавали хлеба.

Капуцины

В каждом монастыре есть триста, пятьсот, восемьсот иноков. Среди них есть род иноков, более строго соблюдающих религию, более богоугодных, святых и добродетельных. В городе они совсем не имеют обитателей, но [только] вне [города], [ходят] босые, нагие, без рубахи, одетые только во власяницу, [подвязанную] поясом-веревкой, ¶ живут милостыней, денег не берут вовсе, совсем не вкушают вина и мяса, а только овощи. Да и пищу, полученную как милостыню, они сперва дают нищим, а потом сами едят, и то раз в день. У них в монастыре есть много нищих, больных и гостей, которым они служат. На их языке они (иноки) зовутся капуцинами.

Орден Трапистов

Есть еще другой большой и великолепный монастырь; у иноков его существует правило отшельничать поодиночке, не так, как другие — по два, но по одному.

Войдя в свою келью в четверг, они не выходят из нее до следующего четверга. Они не разговаривают, но отдельно молятся, исповедуются, причащаются, получают некоторое утешение и опять поодиночке запираются в своих комнатах, подобно 72 переводчикам¹⁰.

Различные духовные ордена

Есть еще другие монастырские иноки, которые по повелению папы отправляются вокруг света, в варварские и языческие страны: одни в Индию, другие в Аравию, третьи в Персию, а прочие к другим еретикам и сектантам и как апостолы проповедуют господа [нашего] Христа. Некоторых они обращают || в истинную веру, а иные [из иноков] умирают, ибо кого обезглавливают, кого сжигают либо подвергают другим мучениям, или убивают, и все это они принимают с радостью.

Есть еще другой род иноков, которых зовут утешителями. Они ходят по селам, поселкам и улицам и, найдя больного или немощного, заботятся о нем, дают лекарство и убеждают не терять надежды, но быть всем довольным, исповедаться и причаститься и так с надеждой, любовью и верою отойти к богу.

Нам сказали, что существует пятьдесят духовных [орденов]. Каждый орден имеет свой вид одежды и свой цвет; одни надевают черную рясу, другие — белую, у одних снизу черная власьяница, а сверху белая, у других сверху черная, а снизу белая, а прочие одеты еще как-нибудь разнообразно и различно. У некоторых на плечах нашиты из шерстяной ткани кресты различных цветов, у одних — красные, а у других — белые, некоторые же держат крест в руке и так ходят. Иные носят разные шапки, а другие имеют разнообразные плащи и воротники. Глава и старший каждого церковного и духовного ордена находится в Риме. Папа посылает кого хочет в другие области и через три года меняет. Мусульмане также имеют порядки, несколько похожие || на эти; *месляны* Иконии [имеют] *моллу-хондкара*, шейхи Иерусалима — храм Соломона, янычары — *хаджи-бекташи*, эмиры Кесарии — эмир-султана, а христиане имеют еще больше.

Правовые порядки

В каждой стране папа имеет легата, то есть *нвирака*. Каждый год он (папа) отправляет генералов [ордена] судить и расследовать [дела] развратных церковных чинов и назначать ви-

кариев, епархиальных начальников, настоятелей монастырей. Так, каждые три года [их] меняют и назначают новых, управляя таким образом. У них существует правило, согласно которому никто не может судить лиц духовного [звания], кроме епископов, а епископа [судит] только папа или легат. Монастырских иноков [судит] только отец-настоятель и больше никто. Ни король, ни князь, ни герцог, ни прочие вельможи не могут судить церковников и клириков. Горе духовным чинам моего народа! Ибо это доброе правило существует и у мусульман, хотя они и нечестивые, ибо янычара судит один [судья], всадника — другой, учащихся духовных училищ и шейхов — третий, а их учителей, так же как и эмиров и видных ученых, никто не смеет судить, даже хондкар. Горе мне || несчастному и злополучному, ибо в нашем народе это доброе правило совсем исчезло и отменено. Все смешалось и перепуталось, не разберешь, кто велик, а кто мал, кто мирянин, а кто духовный чин, ибо миряне судят не только клириков и монахов, но и священников, *вардапетов* и епископов. И не только судят, но и избивают, штрафуют, ссылают, бесчестят, позорят, отбирают у них не ими (мирянами) данную власть и лишают их сана, а также хулят и поносят, о чем считаю неудобным писать здесь. Ни бога они не боятся, ни людей не стыдятся, распутничают и бесчинствуют, и это не только теперь, но с самого начала, еще со времен царей. Каких только бед не навлекли они, будучи уже христианами, на головы наших святых и богоугодных патриархов Нерсеса, Месропа¹¹, Саака¹² и других святых, а также внуков нашего св. Лусаворича, за что и получили заслуженную кару от правосудного господя; исчезли царство и власть прославленных родов Аршакуни, Багратуни¹³, а также Пахлавуни¹⁴, и стали мы посмешищем и предметом насмешек для наших соседей. Преданы мы в руки || наших неправедных врагов, жестоких и злокозненных, и не можем мы и рта открыть, ибо превратились в стыд и позор для всех наций. Вот что говорит божественный пророк: «Не прикасайтесь к помазанным моим и пророкам моим не делайте зла *». Помазанные — это свя-

* Паралипом. 16, 22.

щенники, а пророки — служители церкви. Итак, дважды и трижды горе нам, ибо мы не уподобились даже нечестивым, которые так принимают, возвеличивают и почитают эмиров, имамов, шейхов, мудрецов, хотя они не помазаны и не рукоположены. А наши миряне господствуют не только над духовными чинами, но и над церквами и монастырями, [пользуются] всеми доходами и плодами трудов монастырской братии; лишая церковников, они сами забирают [все], а также свечи, масло и жертвоприношения и [даже] кожу [сдирают] с них. Именуя себя одни церковными старостами, другие церковными сторожами, они возгордились, сопротивляясь канонам, законам и суду, за что да покарает их господь!

Похвала франкам

Итак, как еще восхвалить [франков], что еще хорошего сказать о них, этом очень добром, богобоязненном, смиренном и кротком, чувствительном и милосердном народе? Длань их всегда [готова дать] милостыню, а руки развернуты для молитвы, рты их благословляют, || а языки прославляют, сердца их чувствуют, скорбят и сожалеют, мысли устремлены ввысь, а ноги направлены к церкви и учению. И из-за великого смирения их дал им бог много величия и славы, имущества и казны, дома, построенные из тесаного камня. [Одни из них] надевают апарош* и шелк, то есть камку и атлас, другие — дорогие чухи, но не цветные, красные или зеленые, а черные; [снизу], подобно кающимся, [носят] власяницу. И так не только простолюдины и крестьяне либо горожане, но и знатные князья, и [даже] великий и могущественный государь Испании одевается в черное и каждый день пешком ходит в церковь. Все они, и духовные и миряне, а также крестьяне мудры и любознательны, ибо среди них имеются и богословы, и философы, и музыканты, и геометры и астрономы. Десятилетний мальчик за один час может подсчитать десять тысяч драхм. Меж тем наш народ очень охладел [к заповедям божьим] и забыл их, даже имя

* Значение этого слова нам неизвестно.

божие никогда не вспоминаем. Из-за этого [у нас] совсем нет любви к учению, потому и детей [своих] оставляем в пренебрежении и беспечности, и они вырастают || невежественными и глупыми, как скоты, на грех родителям и на позор себе. Поэтому постепенно исчезли в нашем народе священники и мудрецы, а тех, которые существуют сейчас, стыжусь называть священниками.

Наши речи к тому, что у них и малые дети — настоящие *вардапеты* и знают догматы веры и исповедание наисвятейшей троицы отца и сына и духа святого, [сведуши] также в других светских науках, ибо они учатся 15, 20, 25 лет и не около родных, но вдалеке, в чужих странах.

Иезуиты

Есть один большой монастырь, в котором живут 500—600 иноков, именуемых иезуитами, то есть братьями Иисусовыми; подобно Илье [они] — большие ревнители веры и правил. Они настоящие философы и богословы, три раза в день читают в церкви проповедь, в школе дают уроки. Согласно Павлу, они всегда заботятся о небесном и не желают ни земной славы, ни роскоши, ни величия, кои суетны, но царствия небесного. Они не имеют и не желают богатства, как другие, совершенно обратившиеся к мирскому и земному. || Ибо не должно и не пристало христианам кичиться и гордиться подобно язычникам, как сказано у апостола: «Да и все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы» *, и еще: «Взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, который вместо предлежавшей ему радости, претерпел крест...» **, и так далее, ибо в смиреномудрии и нищете пришел в мир господь наш, и, хотя он царь над царями и бог над богами, рожден в пещере и был положен в ясли бессловесного животного. Горе мне, какими после сего должны быть кроткими и смиренными мы! Как говорит он: «Научитесь от меня, ибо я кроток и смирен» ***.

* II Тимоф., 3, 12.

** Евр., 12, 2.

*** Матф., 11, 29.

Эту смиренность мы видели во франках и, благодарные, воздали славу богу, который дал им такую славу и величие.

Сан Джуан

Через несколько дней мы пошли в Сан Джуан, то есть в [церковь] св. Иоанна Евангелиста; она очень большая и великолепная¹⁵. При ней были две больницы, в которых лежала тысяча больных. Перед [церковью] находился высокий памятник из желтого мрамора с золотым крестом на верхушке¹⁶. В этой стране установлено, чтобы перед каждой церковью || стояла колонна, согласно видению св. Ефрема, который молитвы св. Василия узрел в виде столпа света и услышал [глас небесный], что столп тот — это молитва св. Василия, ибо во всех церквах молитвы — столпы праведников. У подножия колонны находился приятный на вкус источник и на нем орел, то есть св. Иоанн, из клюва которого била обильной [струей] вода. Справа и слева от него были два вишапа, из пастей и пупков которых также текла вода. Войдя внутрь, мы увидели красивые строения и образа из чистого золота и серебра. Там стоял удивительно большой орган, который, как сказали, стоит 30 тысяч *курушей*. Так светло и красиво там, что нужно иметь тысячу глаз, чтобы наслаждаться [красотою] здания.

По левую сторону была другая, бóльшая и древняя церковь, которую построил Константин¹⁷. Сказали, что там находится голова святого Крестителя, другие же говорят, что [она] на Мальте, а армяне говорят, что в Гандзасаре. Там лежит и тело отца Иоанна, пророка Закарии, а также много других мощей и костей святых, которым мы поклонились. Мы прошли вперед, туда, где находился главный алтарь, который был заново чудесно украшен; на нем стоял ковчежец, покрытый золотой резьбой и оправленный различными камнями и жемчугами.

|| Тысячекратно блаженна память дарителя. Говорят, что он (ковчежец) стоит 40 тысяч флоринов. Перед алтарем находились также четыре колонны из благородной бронзы, которые,

говорят, были позолочены. На алтаре стояли большие отлитые из чистого серебра двенадцать апостолов и другие святые. Чьи уста могут описать или оценить это?

В одной часовне мы увидели всадника — сказали, что это Константин, — с короной на голове и соколом на руке. В этой церкви было шестьдесят больших мраморных колонн, не считая малых и других чудесных строений, которые словно перстом божьим построены. В храме, на [его] правой стороне, мы увидели на потолке семь золотых пурпурных яблок; сказали, что по-турецки их зовут *кзылалма*.

Санта Маджор

Рядом с ним (Сан Джуаном) была большая и великолепная церковь Санта Маджор, то есть Великая богородица¹⁸, с тремя куполами. Там находилась одна из тех колонн, к которым привязали Христа; ее оковали железом, но отверстие оставили; пройдя туда, мы приложились [к ней] глазами и лицами, а также четками. По обе стороны главного алтаря были часовни, в которых, сказали, лежали мощи многих святых, а также часть [мощей] Марка Евангелиста, — да будет лицо мое их || пеплом. Вправо от церкви, по приказанию нынешнего папы Павла, строилась часовня, очень дорогостоящая, ибо четыре стены ее, а также потолок были покрыты золотом и разукрашены ляпислазурью, а пол выложен мраморной мозаикой, где [после смерти] он сам должен был лечь. Надо иметь тысячу глаз, чтобы насладиться красотой искусства. Там были также большие колонны из разноцветного мрамора, которые, как сказали, равны [по цене] золоту.

Пройдя еще вперед, мы увидели маленькую каменную церковь и, обойдя ее, много алтарей; главный алтарь был весь выложен из белого, как молоко, мрамора, и на нем, как живые, были изображены три царя, отец Иосиф, рождение Христа и страсти Христовы; они поражали зрителя, и не верилось, что это творение рук [человеческих], а не промысл и слава божия.

Мы увидели другую церковь, круглую, как турецкая баня;

в ней находился тот бассейн, в котором по совету волхвов обмылся царь Константин¹⁹. Над ним был купол на мраморных колоннах, наподобие *гури*. Сейчас здесь устроили купель, и, сколько ни обращается мусульман и евреев, [всех] там крестят. Там были и другие || часовни и удивительные алтари, ксим земно поклонившись, мы вернулись домой.

Церковь святого Рождества

На следующий день мы пошли в один монастырь на высокой горе, к которому поднимались по двумстам ступеням; на верху их были две каменные львицы, из пастей которых была вода. Войдя внутрь, мы долго ходили вокруг. Это также было удивительное здание; оно имело сорок колонн. Там был маленький купол на четырех колоннах, изнутри бесподобно украшенный пластинками из чистого золота и ляпис-лазури [и внутри] высокая могила из пурпурного мрамора. Мы спросили, чья это [могила], и нам ответили — матери Константина, Елены, ксторая нашла древо креста; поклонившись ей, мы вернулись дсмой. Нам сказали, что это самая первая и древняя из всех церквей и звалась она церковью Рождества²⁰; это отсюда на рождество Христово посылают иноков в Иерусалим и Вифлеем. Справа от церкви был дворец²¹; [нам] сказали, что здесь сидит *парон*, то есть властитель города, и *векиль* папы, который судит все мирские дела, развратников, воров и прочих, ибо папа не позволяет проливать кровь. Еще далее мы увидели двух подобных вишапам исполинов, [изваянных] из большого камня, которые держали по одному неукротимому коню²². || А перед воротами стоял отлитый из бронзы всадник с булатным [мечом] в руке. [Одни] сказали нам, что это строитель города, а другие, что это царь Константин²³. При дворце находился фонтан, из различных мест которого была вода; на верху его (фонтана) стояла красивая девушка, державшая в руке цветок, и сказали, что раньше римляне поклонялись этой женщине. По обе стороны источника лежали подобные вишапам огромные мраморные исполины, в руках которых также были цветы и пальмовые

ветви; я измерил большой палец ноги одного [из них], и он [оказался] шириной в одну пядь, а длиной в две пяди; им также поклонялись²⁴. Там было также много других изображений лошадей, людей и животных. [Там] стояла изваянная из мрамора женщина, голова которой была величиной с карас. Все это осталось от идолопоклонников, и было написано, что здесь находился престол и здесь восседали первые цари и императоры. Увидев все это, мы восхитились, воздали богу славу и вернулись домой.

Базилика Сан Паоло фуори ле Муро

На следующий день мы совершили паломничество в церковь св. Павла²⁵, ибо она находилась вне города, на расстоянии одной мили. Когда мы вышли за ограду, справа и слева от дороги увидели много монастырей. Пройдя полпути, мы || увидели чудесную часовню; над дверью были изваяны Петр и Павел, которые целовали друг друга. И сказали, что это тогда, когда Павла вели, чтобы обезглавить, встретил он Петра, и, увидев друг друга, они долго плакали и, обнявшись на прощание, поцеловались и расстались. А сейчас на этом месте стоит церковь. Там изображены все страсти этого святого, именем которого названа церковь, дабы невежды понимали суть дела, ибо, как бы человек ни был неискушен и неграмотен, поймет. Мы вошли в очень древний, оставшийся еще от [времен] Константина, собор св. Павла. Сказали, что, когда закончат [собор] св. Петра, начнут обновлять этот. У наружной двери находился алтарь св. Дионисия, мы поклонились там. А во время обезглавления Дионисия совершилось великое чудо; ибо, когда ему отсекали голову, он, взяв ее в руки, целый час ходил вокруг, а затем положил голову и испустил дух. По другую сторону [также] был алтарь, и [на нем] было написано: «Здесь [лежит] тело деви Устиане». В церкви был красивый балдахин на четырех колоннах благородного мрамора, а внутри [лежало] тело святого апостола Павла, [окруженное] всяческими почестями и [освещенное] серебряными лампадами, на которое зрители

смотрели, широко открыв глаза; от блеска в глазах рябило. Там, пав ниц, мы воздали почести || и испросили отпущения грехов себе и своим усопшим. Затем мы подошли к главному алтарю и увидели удивительнейшее сооружение: весь пол перед алтарем был выложен мозаикой, на нем были изображены различные животные и даже, как на бумаге, нарисована печать папы, ибо построили его по приказанию папы. И на лицах тех, кто смотрел, играли лучи сверкающего мрамора, как в [соборе] св. Марка в Венеции, и, наконец, он был окружен [решеткою] из бронзы, чтобы никто туда не входил и не ступал ногами, кроме священников во время литургии. Рядом с ним (главным алтарем) был алтарь св. Креста, могущественный и чудесный, закрытый занавесом, однако каждую пятницу и когда приходят паломники, его открывают, ибо он очень чудотворен. [Там] было написано, что одна богатая и богобоязненная женщина постоянно приходила туда и, пав [на колени] перед св. Крестом, от глубины сердца молилась, плача и бия себя в грудь, словно мытарка *. Однажды раздался глас распятого Единородного, кторый сказал: «О благоверная женщина, отпущены грехи твои». И перед св. Крестом была изваяна коленопреклоненная женщина. По сей день он творит много чудес, поэтому его очень почитают, и в пятницу здесь собирается бесчисленное множество людей; [тогда] ударяют в малый колокол, поднимают занавес, и толпа падает ниц, || как в час вознесения тела и крови Христа. Там было восемьдесят мраморных колонн, ибо она [церковь] удивительно походила на Вифлеемскую [церковь] Рождества, однако от древности они почернели. Между двух [колонн?] был глубокий колодец.

Аббатство трех фонтанов

Оттуда мы прошли две мили [до места], где обезглавили Павла, от города же это в четырех милях, однако мили у них маленькие, [не такие], как мгоны, или морские мили. Это также большая и древняя [церковь]; поклонились мы и там. Рядом

* Лука, 18, 13.

находилась маленькая церковь, где после литургии раздавали милостыню; войдя [туда], мы помолились. Выйдя оттуда, мы пошли к трем фонтанам; они были великолепны и красивы; войдя мы помолились. Фонтаны были [расположены] один возле другого, мы выпили из них, и оказался у них разный вкус: [один] вкуса обычной воды, в другом [вода была] с привкусом крови, а в третьем — с привкусом молока, и пораженные этим мы воздали хвалу богу, творящему чудеса для своих святых. Туда была перевезена одна колонна из [церкви] Воскресения Христа, которой мы коснулись четками. На мраморе было изображено обезглавление Павла и ужасного вида палач, державший в руке обоюдоострый меч. Отсеченная голова, подскочив, [коснулась] трех мест, и из трех мест забила вода. Увидев это, || палач ужаснулся, выронил меч из рук, а затем принялся рвать [себе] бороду. На другой стороне был Петр, распятый вниз головой; его изобразили так жалостно, что зрители плакали²⁶.

Базилика Сан Лоренцо фуори ле Муро

Оттуда мы отправились в церковь Сан Бастиан, которая находилась на расстоянии брошенной стрелы. По дороге мы увидели монастырь, именуемый Аветум (Благовещение); поклонившись, мы потом долго шли, пока достигли базилики св. Лоренцо²⁷, которую недавно племянник папы кардинал Бургез велел обновить, [не скупясь] на расходы. Главный алтарь от пола до верха был из очень дорогого мрамора, блестящего, как зеркало, так что в нем отражалась вся церковь. У нас была маленькая собачка, которая всегда ходила за нами. Подойдя к мрамору, она в нем увидела себя, подумала, что это другая собака, и начала лаять, мы с трудом заставили ее замолчать. Внизу была большая, как город, пещера. Зажегши факелы, мы спустились вниз; нам сказали, что во время идолопоклонства здесь скрывались св. Сильвестр и с ним много святых. [Пещера] была очень глубокая и темная; спустившись на двадцать пять ступеней, мы вошли в очень узкий и тесный проход, по которому не могли идти выпрямившись, а только согнувшись

вперед головой. Мы увидели || пещеру бóльшую, чем дом; с четырех сторон она была вырыта, как узкая могила, там была греческая (латинская) надпись, которую мы не смогли прочесть. Пройдя далее вперед, мы увидели еще две-три пещеры; в стенах были вырыты [углубления], служившие местами молитв для святых отшельников. Там было много вырытых в земле глубоких расщелин и пещер; помолившись и поклонившись везде, мы вернулись домой. Было много и других монастырей, но мы не смогли их посетить, ибо день клонился к концу.

Санта Кроче

На следующий день мы пошли в Санта Кроче, то есть [церковь] св. Креста²⁸; там находится святое древо креста. Она (церковь) расположена за городом. Войдя внутрь, мы увидели удивительное строение — великолепное и очень большое. На главном алтаре, на возвышенном месте, хранилось распятие, а вокруг была изображена вся история о том, как поехала Елена в Иерусалим и как при ее приближении к Риму сын ее Константин вместе со множеством священников, большой толпой народа и многочисленной конницей выехал ей навстречу. На белом коне в золотой сбруе и усыпанных камнями и жемчугом удилах ехал он (Константин) с золотой изукрашенной бесценными камнями короной на голове, с ладаном, свечами и всяческим благолепием. Воздав почести св. Кресту и с державой Павла в деснице, он на коне поехал вперед, а вслед за ним его мать. Так, с торжественным великолепием они въехали в город и водрузили там святой крест, а над ним построили церковь во славу св. Креста и назвали ее [церковью] св. Креста. По сей день он находится там, и мы, удостоившись увидеть его своими глазами, помолились и испросили отпущения грехов себе, своим родителям, всем кровным родственникам и благодетелям.

Существует правило, согласно которому все паломники должны босиком и пешком, в стенаниях и великом раскаянии посетить эти семь церквей — три в городе и четыре вне города,

ибо они большие и главные. Однако князья и вельможи [объезжают] их на лошадях, мулах и в каретах. Весь этот путь [равен] 18 мгонам.

Домине куо вадис

Мы увидели еще другую каменную древнюю церковь, подобную [церкви] святого Воскресения в Иерусалиме, построенную Еленой. Около городских ворот мы увидели маленькую часовню, на которой были изваяны Христос и Петр, будто беседующие друг с другом. Сказали, что это то место, где Христос встретил Петра, когда [тот] бежал, испугавшись креста. И увидев || Христа, спросил: «Куда идешь, господи?» Он ответил: «В Рим, на распятие». Говорит Петр: «Господи, один раз ты был распят, опять хочешь?» Христос ответил: «Ты не хочешь быть распятым, я буду распят за тебя». Поняв речение, Петр пал к ногам Христа и говорит: «Господи боже мой, не только буду распят, как ты, но и вниз головой подобно Адаму». Тогда Иисус исчез. А Петр, воспрянув духом, с радостью пошел в город, где палачи, схватив его, повели к нечестивому Нерону. Он повелел [его] распять, и, отведя [Петра] на место казни, хотели его распять, но он обратился к палачам с мольбой, мол: «Не распинайте меня вверх головой подобно господу моему, ибо я недостоин, но вниз головой». И неверные так и сделали. И где бы что бы ни было сказано или сделано, все это написано, нарисовано и изваяно, и построены [там] церкви. Вечная слава богу.

Вернувшись домой, мы несколько дней отдыхали.

Базлика Сан Джузеппе деи Фаленьяни

Однажды мы пошли в темницу Петра; там была великолепная церковь²⁹. Войдя внутрь, мы увидели обиталище иноков, благолепное и словно рай Адама изобилующее цветами. Нам показали красивую часовню круглой формы и окованную железом дверь и сказали, что здесь || находятся цепи Петра. Мы спросили настоятеля монастыря, и он открыл дверь и, воскуряя

ладан, при свете множества факелов и свечей показал нам оковы и цепи, которые с ужасом, дрожью и молитвами надели на шею каждого из нас. Положив их [на место], нам принесли завернутое в бархат распятие апостола Андрея, к которому мы приложились лицами и радостно поцеловали. Так как оно было древним и потершимся, его оправили серебром.

Оттуда мы пришли в Сан Доменик³⁰. Это также большая, обширная и великолепная церковь на высокой горе, вся сложенная из камня. Рядом с этим монастырем находилась обитель отшельника Алексиана. Войдя внутрь, мы увидели красиво построенный храм³¹. Нас повели в келью, где он (Алексиан) 18 лет подвизался; там были описаны все [его] страсти, но скрижали и колонны обветшали. Оттуда нас повели к чудодейственному образу богоматери, из которого раздался глас: «Приведите сюда божьего человека», и были написаны [имена] отца и матери; [нам показали] часовню, где находились могилы родителей; мы поклонились им и попросили отпущения грехов³². Все эти монастыри были [расположены] на высокой горе, перед которой протекала река³³.

Оттуда мы пошли в монастырь Григория Акрагантийского³⁴ и увидели его темницу и моленную, || а [также] место, где священник Сабиний и дьякон Крескенд³⁵ были казнены. Лица всех клеветников были [изображены] черными, с разинутым ртом, а тела — горящими в огне. Мы помолились его святой могиле. Однако некоторые говорят, что Акрагон — это остров около Мальты и могила святого находится там.

Сан Стефано

Пройдя еще дальше, мы увидели круглую сводчатую церковь наподобие турецкой бани³⁶, внутри словно бассейн, а вокруг мраморные колонны. И сколько ни было святых от Адама и до наших дней и какие они только ни терпели муки, все это красками было нарисовано на четырех стенах; при виде таких немилосердных, горестных и скорбных мучений сердце человека [наполнялось] жалостью, а из глаз текли слезы. Кого распили-

вали от головы вниз, кого, как в тисках, сжимали меж камней, так что глаза, мозги и кишки вылезли наружу, у одних отсекали руки и ноги, у других язык, у кого щипцами вырвали соски, кому раздробили бедра, у иных скребком содрали [кожу], других разодрали железными клещами, а прочих какой-либо другой пыткой лишали жизни, как написано в их истории.

Они (франки) столь набожны и боголюбивы, что помимо больших церквей и монастырей на каждой улице построили || три, четыре, пять часовен одна другой краше.

Пантеон

Оттуда мы пошли в очень широкую и высокую церковь со сводчатым куполом³⁷. Верхушка купола была плоская, как у мечети. [Нам] сказали, что это здание [построено] идолопоклонниками; в праздник идола там собирались множество мужчин и женщин, приносивших жертвы бесам. Здание так высоко, что, войдя внутрь [одной] из многочисленных келий, [расположенных] кругом в верхнем своде, человек содрогался, к тому же [оно] не имеет колонн, и, хотя мы видели много [подобных] в других местах, в Бурсе и Кесарии, однако такого огромного и удивительного [нигде] нет. Ныне это церковь во имя праздника всех святых, а раньше [здесь] поклонялись всем бесам. С наружной стороны часовни стояли восемь толстых и высоких колонн; по измерении их оказалось, что в обхват [они имеют] три кулача, а в высоту семь. [Церковь] имела большую двустворчатую дверь, бóльшую, чем [дверь] св. Софии, шириной в три кулача и высотой в пять; дверь была облицована дорогой бронзой, к которой, как говорили некоторые, примешано золото. Эта дверь была поставлена в [церкви] Воскресения во времена христианства³⁸.

Рядом с нею одна возле другой стояло [еще] семь церквей.

Затем мы пошли и посмотрели дворцы Юлиана, || Диоклетiana, Максимиана, Нерона и других императоров-идолопоклонников. Однако они были разрушены и пустынные, виднелись лишь основания их и остовы, да и те высокие и обширные,

с мраморными колоннами, с изваянными на камнях и каменных плитах изображениями различных зверей, вишапов и исполинов, которые были повреждены и разбросаны в различных плохих и неподобающих местах и оставлены на обозрение и удивление зрителям³⁹.

Амфитеатр Флавиев

[Там] был еще другой дворец, высокий и обширный, круглый подобно высокой коробке, в десять человеческих ростов, со всякими помещениями внутри, с круглыми комнатами в два три этажа, весь из белого мрамора⁴⁰. Сказали, что здесь гуляли все первые цари; ныне там обитают хищные звери, и говорят, что зверям бросили туда Игнатия⁴¹.

Мы увидели также дворец св. царя Константина, [расположенный] на очень красивом и приятном возвышенном месте, однако он был наполовину разрушен.

Около церкви находился словно дворец большой и многоэтажный дом Пилата, который был разрушен и обращен в сеник для коней и вьючных лошадей.

[Там] была крестообразная дорога, по четырем сторонам ее стояли сохранившиеся от [времени] идолопоклонства четыре великана с родниками перед ними, которые держали в руках: || одни — [ветви] пальмы, другие — оливы, а третьи — цветы и водяных насекомых, которых прежде почитали⁴².

Там были еще две громадные мраморные колонны, подобные [колонне] на Аврат базаре в Стамбуле. На одной [стоял] св. Петр с ключами в руках, а на другой — св. Павел, изваянные из благородной позолоченной бронзы; [они стояли] далеко друг от друга, один у одних ворот стены, другой — у других, издали бросая друг на друга отблески⁴³.

А армянская церковь называлась Санта Мария Эйбчицка, то есть Мария Египетская⁴⁴.

Однажды мы перешли на противоположный берег реки, на другую сторону, ибо все, что мы описали, было [лишь] половиной города. Мы увидели чудесную, великолепную и очень богатую церковь имени Цецилии, то есть девы Кекилии⁴⁵.

Мы насчитали там сорок больших серебряных лампад и тридцать подсвечников и под каждым из них серебряное блюдо. Под алтарем, сложенным из одного пурпурного мрамора, который казался человеку блестящим зеркалом, была вырыта в земле пещера, где лежало тело святой девы. Мы увидели много других сооружений и образов, которых мы не описали, чтобы не докучать читателям и слушателям. Оттуда мы отправились в монастырь, где распяли Петра ⁴⁶.

Это была большая и великолепная церковь на возвышенном месте, откуда весь город был виден как на ладони. || Войдя внутрь, мы увидели много сооружений; по двенадцати ступеням мы спустились к месту распятия; подобно склепу, оно было сводчатым, а снаружи украшено колоннами, и те две колонны, на которых его (Петра) распяли, все еще существовали; пав перед ними ниц, мы, воздав почести, помолились и испросили себе и своим родителям отпущения грехов и вернулись домой.

На следующий день мы пошли в монастырь апостола Варфоломея ⁴⁷, помолились там и испросили себе и своим [родителям] отпущения грехов. Мы поднялись на алтарь, где в скрепленном железом мраморном сундуке лежала часть тела св. Варфоломея; днем и ночью над ним горели серебряные лампы.

Рядом с этим монастырем находились друг около друга [еще] четыре монастыря, один краше другого. Было еще много других монастырей и церквей, кои мы ни описать, ни посетить не смогли.

Еще дальше, на большой площади, находилась большая церковь, наподобие св. Софии, которая имела толстые и высокие колонны. Пройдя еще вперед на расстояние пущенной стрелы, мы увидели фонтан, который журчал подобно реке; у фонтана стояли две львицы, из пасть которых обильно била вода; по одну сторону был из камня изваян большой и бородастый пророк Моисей, а по другую — Агарон. Напротив него находилась красивая церковь, своим строением, формой и видом напоминавшая [церковь] святого Воскресения в Иерусалиме, а внутри ее было показано место святой могилы и нарисованы золотом изображения.

Фонтаны и бассейны

В Риме есть более десяти тысяч родников — все красивые и превосходные, с бассейном и фонтаном; они также очень благодетельны и милосердны*. Каждый фонтан непохож на другой, и вода брызжет в два-три копыя (струи). Мы видели большой бассейн наподобие сини из пестрого разноцветного мрамора, измерили его, и оказался он в десять кулачей. Были и другие удивительные родники. У некоторых на вершине фонтана стояли маленькие нагие мальчики и, как живые, смеясь играли друг с другом; в других местах [стояли] вздыбившиеся олени; вокруг некоторых бассейнов расставили уток и гусей, из клювов которых была вода; у прочих [фонтанов вода] была из животов змей, а в иных вода текла из пупка, срамных мест и груди девушек и из детородного члена мальчиков.

На базаре был большой бассейн, вокруг которого [сидели] страшные старики и безобразные старухи; некоторые дули в трубы, так что у них даже щеки раздувались, словно они настоящие трубачи. Жаль, что вода у них не в цене, ею поят лишь животных и [берут] для приготовления пищи. Иногда летом, || в часы зноя, увидев студеную и ледяную воду, мы хотели испить ее, но нам не позволяли, мол, не вздумайте пить, ибо умрете, и давали нам вино. Тысячу раз жаль эти бассейны, приятные фонтаны и вкусные воды, которые там не в почете, ибо они (франки) совсем не пьют воды, а только вино, а кто пьет, тот думает, что умрет от воды, но для нас вода — это жизнь.

**Выезд папы в [собор] св. Петра
в день святого Рождества**

25 декабря, когда у них богоявление, *вардапету* доставили коляску, запряженную двумя лошадьми, и почтили службой в [соборе] св. Петра, где литургию должен был служить папа. Мы увидели, что в этот день церковь была украшена разно-

* Имеется в виду обильны.

цветными тканями и различными цветами, зелеными листьями и ветвями олив и пальм. Там была такая большая и многочелюдная толпа, что мы не могли войти в церковь до тех пор, пока служители папы, раздвинув толпу, не провели нас с трудом к папе. Место, где [сидели] папа и кардиналы, большое и широкое, как церковь, [находилось] у главного алтаря, и с той стороны, [где стоял] народ, было кругом огорожено решеткой, чтобы толпа не теснила папу.

Дверь отворили, и мы вошли внутрь. Место папы было устроено на девять ступеней выше остальных, а над [его] головой [висел] красивый и удивительный балдахин. Он восседал на драгоценном золотом троне. В этой часовне было шесть колонн, привезенных из святого Иерусалима, одни [колонны] — из церкви св. Акопа, и другие — из храма Соломона. На этих колоннах [держался] купол, а под ним был алтарь; перед алтарем был расстелен большой драгоценный шелковый ковер. Места располагались в три круга: нижние для хореепископов, которых зовут бонсиньорами, средние — для архиепископов, а верхние — для кардиналов. По прошествии одного часа принесли четыре удивительные тиары папы: две мягкие, как наши, а две круглые, трехъярусные, наподобие шлема⁴⁸; они были унизаны такими крупными и большими камнями, рубинами, алмазами, изумрудами, яхонтами, что, как нам сказали, одна корона стоит сто тысяч флоринов. На алтаре стояли двенадцать апостолов, отлитых из серебра в человеческий рост; [было] много больших серебряных подсвечников, золотых сосудов, оправленных камнями и жемчугами, и бесчисленное множество [другой] утвари и сосудов; серебряными были даже светильники, тазы, сосуды для воды и огня. Пока мы, пораженные, смотрели на них, епископ принес большой крест на длинном стержне, пьедестал и ветви которого были серебряными. Его поставили || перед алтарем и сказали, что сейчас придет папа, ибо повсюду крест — предтеча папы. Солдаты расталкивали толпу, расчищая дорогу. И вот сперва появились князья, следом за ними священники, монахи, затем епископ, следом бонсиньоры и, наконец, кардиналы. И уже после всех — папа. Он сидел

в паланкине, который несли шесть епископов. Как армяне в великий четверг во время омовения ног несут на руках епископа или первосвященника, так и [у них] в обычае нести папу, когда [он] отправляется в церковь, а в другие места [он едет] на мулах.

И к кому он приближался, те падали на колени и, склонив головы, молили: «Благослови, святой отец». И он сверху крестил [их] и благословлял. Остановившись перед алтарем, он, преклонив колени, помолился и, поклонившись, обернулся к народу и перекрестил [его], затем поздоровался с кардиналами. Все поклонились ему, [затем] отнесли и усадили [его] в установленном месте. Когда он воссел, поднялись сперва нижние епископы и, подойдя, поцеловали стопы папы, а потом пятясь назад, вернулись и сели; затем поднялись бонсиньоры и поцеловали [его] колени, и, наконец, кардиналы поцеловали десницу [его]. Когда окончились приветствия, его облачили в очень || дорогую ризу, наподобие *филона*. [Эта ткань] на их языке именуется *алтембас*, и *кангун* ее стоит триста *курушей*. Белая, как снег, она блестела подобно зеркалу; на ней была крестообразная пуговица с бесценным камнем-изумрудом посередине. На голову ему возложили сводообразную трехъярусную тиару, драгоценную и невиданную, а на пальце его был золотой перстень с алмазом, который горел подобно светильнику. Затем начали облачаться в ризы кардиналы, следом [за ними] епископы, а потом бонсиньоры. Поднявшись на ноги, они все вместе возложили на голову папы тиару. Около папы стояли по правую сторону посол короля Испании, а по левую — [посол] императора, за ними уже все остальные, ибо все цари в знак любви и покорности имеют при папе своих послов и каждые три года меняют их, как [это делают] в Стамбуле и Халебе. И вот зажглись светильники, лампы, белые свечи и факелы.

Когда папа молился или читал евангелие, все клали земные псклоны. У бонсиньоров корона была цельная и плоская с одним крестом, у архиепископов — открытая и плоская с двумя крестами, а у кардиналов — раздвоенная и еще более красивая.

И когда они вместе с папой молились и ходили кругом, сияние множества корон устрашало зрителей, ибо напоминало || страшный суд. Когда папа начал литургию, дьячки стали подпевать. Папа имел одного искусного псалмопевца-служителя, обладавшего очень приятным голосом словно ангелы или Мамас⁴⁹; когда он пел, остальные молчали. Говорят, что еженедельно он получает от папы пятьдесят *деканов* золотом [в качестве] *олофе*. Каждая церковь имеет такого сладкоголосого мастера, но подобного этому мы не видели; кто услышит его, восхищается и замирает. А звон колоколов, звуки органа, труб, литавр и других музыкальных инструментов слышны были по всему городу, они оглушали слушателя, и, возрадовавшись, люди ликовали душой и телом.

Когда окончилась святая литургия, [папа] собственноручно причастил князей и кого сам пожелал. Молю господу бога помочь всем верующим, и особенно нам, армянам. После литургии принесли носилки, и он сел в них. Когда папа скрылся во дворце, принялись [все] палить из пушек, стрелять из ружей и трубить в трубы, радуясь и веселясь. Воины и вольные люди облеклись в доспехи, [надели] на головы шлемы, у некоторых в руках были обнаженные обоюдоострые мечи, а у других копья, щиты и пики, которые так сверкали в лучах солнца, что ослепляли зрителей. Почет и слава папы были таковы, как в древнем Израиле у ковчега завета⁵⁰.

В тот день в городе было большое веселие; мы же пошлн домой.

В Риме было семь башен наподобие башен Стамбула, однако эти [стояли] в отдалении друг от друга и [были] еще выше. Они были сооружены с таким искусством, что в прежние времена вода поднималась по свинцовым [трубам] до верхушки, однако ныне они разрушены, впрочем, трубы еще видны⁵¹. Слава богу. Аминь.

В нынешнем году преставился Христу благою смертью христианский аламанский император по имени Матвей⁵².

Около [собора] св. Петра находилась маленькая церковь, которая была полна костями умерших. Войдя внутрь, мы уви-

дели над дверями приставленный к стене труп, с волосами и бородой. Увидев это, мы спросили [о нем], и нам ответили: «Эта церковь — кладбище для гостей и чужестранцев, а также для паломников, ибо их хороним здесь; за 24 часа их мясо и кожа разлагаются и исчезают, остаются только кости; этот же [человек], будучи местным, обманул: мол, я паломник и чужеземец; его приняли и, когда он умер, похоронили там; однако он не истлел, но остался таким, как его видите, на диво || и удивление зрителям». Мы спросили: «Почему произошло это чудо?». Они ответили, что для могил сюда привезена земля, купленная на сребреники Христа*; впрочем, некоторые говорят, что привезена та земля, на которую пролилась в святом городе Иерусалиме благородная кровь Христа, потому и совершаются чудеса.

Нам показали также платок Христа, перед которым мы помолились и попросили отпущения грехов. И сколько ни есть предметов мучений и пыток, сосудов и гвоздей, копий, святого распятия и прочего, а также многочисленных костей, останков и мощей святых, — все собрано здесь, одно — куплей, а другое — воровством, ибо все церкви полны костями и мощами святых мучеников.

Школы

Папа имел 72 кардиналов соответственно 72 ученикам, 72 переводчикам⁵³ и 72 нациям. Каждый кардинал, как мы говорили, стоит во главе одной из наций, ибо в великом Риме живут 72 нации иноверцев и христиан и каждая из 72 наций имеет отдельные церкви, училища и странноприимные дома.

В городе имеется большое общее училище, в котором каждый день дают уроки богословия и разных других наук, как философия, геометрия, астрономия, арифметика, десять категорий Аристотеля и часть || введения Порфирия⁵⁴, песнопения. Там учатся пять-шесть тысяч душ из отдаленных городов и областей; туда приезжают из всех стран: Германии, Испаний,

* См. Матф., гл. II.

Польши и других, и не только бедные, но и сыновья богатых и князей, молодые люди и духовные чины. В Риме много богословов, философов и мудрецов; всех собирают там и оттуда отправляют в другие области, ибо сейчас Рим — это Афины, а может быть еще более. И все это даяниями папы. Они так стремятся к учению, что учатся 10, 15, 20 лет. Меж тем племя наше и его сыны совсем не имеют ни способности, ни любви к учению. Хотя детей и отдают учиться, но [только] в младенческом возрасте, пока они непригодны к работе; когда же они подрастут, забирают, говоря, что этого достаточно, пусть возвращаются домой. И не завершив учения, мальчик так и остается невежественным.

Благодеяния папы

У некоего именитого [человека] мы спросили: «Каковы доходы и расходы папы?» Ответили, что ежедневно он имеет 24 *куруша* дохода, который делит на три части: одна часть [предназначается] для конницы и воинов, ибо и он имеет галеры, укрепленные города, села и местечки и суда на море; он должен держать войско, чтобы враги не причинили вреда; другая часть идет на его личные нужды и третья — на милостыню и вспомоществование нищим и нуждающимся, || ибо ежегодно папа много тратит и на милостыню. Один *векиль* за год раздает 40 тысяч *курушей*. Другой *векиль* выдает замуж девушек-сирот, а мальчиков отдает учиться ремеслу и [дает им] деньги. Еще один *векиль* ведает больницей. Другой раздает милостыню паломникам и немощным, сколько бы тысяч человек ни пришло. [Папа] имеет еще *векилья*, который дает милостыню мирянам — собирателям пожертвований. И еще один *векиль* дает [милостыню] собравшимся духовным чинам, епископам, священникам, дьяконам.

Ты погляди, сколько каждый год приезжает одних только епископов, помимо [епископов] 72 племен. Так, однажды приехал из Хамида сирийский патриарх, бежавший от мусульман

из-за православной веры. Ему он дал тысячу *курушей*, и [каждую] неделю [епископ] получал как пособие одного быка, трех овец, пятьдесят кур, пять *мэтрэ* вина, десять хлебов в день, укус, соль, зелень и пр. Приезжают точно так же много греков. А из Армении ежегодно бывают пять-шесть епископов и *вардапетов*, помимо праздношатающихся иноков и иереев. Кроме этого, он посылал иногда помощь царям.

Об этом хочу кое-что сообщить слушателям, молю только выслушать мои речи охотно и не скучая.

|| Сперва о первой милости папы. Ежедневно за его обильный стол садятся есть 12 душ, а сам он [папа] должен прислуживать им. Впрочем, теперь он не приходит. Сказали, [будто] причина та, что однажды один француз опьянел, желудок его не выдержал и он срыгнул на стол; это вызвало в папе отвращение. В другой раз один сильно опьяневший армянин хотел поцеловать руку папы и, толкнув стол, опрокинул чары, иные разбил и пролил вино на него. С того дня [папа] не выходил к их столу, но приказал угощать их за другим столом и сказал, чтобы вместо него прислуживал им великий *кехья*, который был епископом. Однажды и меня повели к столу папы обедать. Когда мы собрались, принесли в серебряном тазу и кувшине воду и, после того как мы умылись, дали полотенца и усадили по порядку. Перед каждым были поставлены три вида кушаний, один *оха* неразбавленного вина и, согласно их правилу, вода; однако ты пей столько, сколько можешь, и, если выпьешь его, дадут еще. Впрочем, армяне пили без воды. А вино было семилетней давности: Такого в других местах не сыщешь. Нам прислуживали другие духовные чины. Мы, двенадцать человек, сели соответственно двенадцати апостолам, а в другом месте сели другие 72 человека соответственно 72 ученикам. Каждому принесли семь-восемь дорогих кушаний; что || можешь есть — ешь, а что не можешь — ставишь на скатерть, [мол], отнесите обратно. Каждый кусок стоит один *уруп*. После обеда подают сладости и дорогую, сладкую и вкусную халву. Ложки, ножи, тарелки — все серебряное, Армянину оказывают больше почета и сажают на главное место.

Вторая благостыня: принято, чтобы во время каждого его (папы) выхода нищим раздавали 25 *курушей*; если [папа] отправляется далеко, [он] садится в носилки, влекомые двумя мулами, один спереди и другой сзади, [за ним следуют] шесть белых мулов, шесть телохранителей, на них наброшен красный бархат до земли. Сам он также надевает красное. [К нему] другие солдаты не приближаются, окружают его только бородатые немцы, то есть тудешки⁵⁵, которых, как говорят, оставил Лусаворич.

Третья благостыня папы та, что ежегодно он должен обеспечить 500 мужчин и женщин; женщинам [он дает] приданое и деньги, а мужчин [отдает] учиться ремеслу, смотря кто [к какому ремеслу имеет призвание]; некоторым [жалует] 100 *курушей*, иным 50, либо больше или меньше.

Установлено, что каждый монастырь соответственно своим возможностям должен обеспечить 50 или 60 либо более девушек-сирот и бедных молодцов. Так как в этой стране девушек много, а мужчин мало, нужно иметь большое приданое, иначе никто || не возьмет жену без денег; то же самое и в Польше.

Четвертая благостыня папы та, что ежедневно он раздает [в качестве] пособия некоторое количество хлеба, вина, мяса и прочего нескольким сотням бедных служек и священников, а также мирян, старых и покинутых, немощных, больных, немощных, сирот, вдов, бедных, нищих и других.

Пятая благостыня та, что, сколько бы паломников ни пришло со всего света, он три дня должен кормить и поить их.

Шестая благостыня: кто бы ни был паломником, мирянин или духовное лицо, он [всем] дает на расходы 5, 10, 20 или 30 *курушей*; духовным лицам [дает] 10, 15, 20 *курушей*; если [это] епископ — 100 [*курушей*]; если *вардапет* — 200—300 *курушей*.

Посмотри, сколько тысяч составит это в год!

Седьмая: сколько бы евреев или мусульман ни обратились в христианство, папа должен одеть их с ног до головы в белое; он дает им также деньги, смотря по человеку, — 10, 20 или 30 *курушей*, и съестное.

Восьмая благостыня та, что, сколько ни есть мальчиков-сирот и неимущих девушек, он всех собирает и отдает учиться ремеслу.

Ты только посмотри, сколько там найдется своих и чужих мальчиков!

Девятый экат: каждый год в страстной четверг [папа] должен вымыть ноги 12 человекам, но днем раньше он отправляет всех в баню и дает им рубаху, штаны, белую чуху, туфли и шапку. Вымыв им ноги, он сажает их за стол, а армянин садится во главе его, и [папа] всем дает имена апостолов; армянина же всегда [нарекает] Петром.

После обеда он каждому дает пару больших четок и два распятия: одно — золотое, другое — серебряное.

Десятая милостыня — это больница Сан Спирито, которая больше целого города; мы уже говорили, сколько там человек и какие расходы на обеды, постель, дрова и пр.

Одиннадцатая: папа собрал в своем городе [представителей] 72 народов, и каждый народ имеет свою церковь, больницу, школы, обеды, постели, матрасы. Армяне также имеют церковь, больницу, школу, однако детей [там] нет, всего двое, так как армян мало. Они создали также печатню, которую мы видели своими глазами. Да просветит бог их души, за то, что они заботятся о нас больше, чем мы сами. Сказали, что печатня стоит 10 тысяч *курушей*. Однако сейчас, как и в Венеции, она бездействует, ибо из-за беспечности и злого нрава нашего народа нет ни управляющих, ни работающих.

Двенадцатая благостыня та, что в стране папы так милосердны, что, сколько бы пленных ни бежало и || ни попадало в эту страну, он всех освобождает. Король Испании даже не удостоивает их того, чтобы крестить. В других местах хотя и крестят, но не освобождают, ибо говорят: мол, «ты поневоле переходишь в христианство, а этого бог не приемлет; перешел бы тогда, когда был у себя дома и свободен». Но папа, как только крестит, [тотчас] освобождает.

Тринадцатая милостыня та, что, сколько бы ни поймали преступников, разбойников, воров и других, которых должны

посадить на вилы или четвертовать, он приказывает сперва отрубить им голову либо задушить, а потом уже применять другие пытки, чтобы [преступник] долго не мучался.

У них есть церковь во имя Обезглавления св. Иоанна, там хоронят всех смертников. В эту церковь с ладаном и свечами приходят с толпой одетые в черное священники, которые несут перед собой хоругвь Христа. Они остаются там до тех пор, пока палачи не исполнят приказания. А потом с большим почтением берут труп, кладут в гроб, закрывают черным саваном и, хотя он и грешен, его хоронят под пение псалмов и благословляя, ибо как христианина, который исповедовался и причастился, его следует почитать. После того как казнят, его не оставляют на виселице, на вилах или на колу, но [тотчас же] снимают и несут хоронить.

Четырнадцатая милостыня: у папы есть один *векиль-вигия*, который имеет пятьсот *курушей* дохода || за то, что каждый день ходит в тюрьмы, исследует, расспрашивает и допытывается, за что посажены в тюрьму, сколько лет сидят, виновны или невинны. Так как бывает много невинных, беспомощных, не знающих языка чужеземцев либо нищих и беззащитных [людей], [не имеющих] ни знакомого, ни [близкого] человека, которые так и остаются в тюрьме несколько лет, ибо это большая темница, наподобие Пападжафара⁵⁶. Он идет к судье и освобождает их.

Пятнадцатая: иногда папа посылает деньги и царям для жалованья войску, когда они ведут большие походы против турок или неверных; он же при необходимости дает средства, если денег для [собора] св. Петра оказывается недостаточно, ибо строительство требует больших расходов.

[Все это], не считая скрытой милостыни, о которой, кроме бога, не знает ни один человек.

Во многих местах он строит церкви и творит другие благодеяния, из множества коих я описал здесь немногое. [В папы] избирают [человека] старого, в годах, который едва может прожить 4—5 лет.

Впрочем, озлобленное и раздраженное племя еретиков со-

чиняет о нем много всяких сплетен, однако он во всем этом невиновен, и в день страшного суда клеветники будут осуждены Христом.

Кардиналы

Кардиналы также очень богаты, имеют города, села, поселки || и иные доходы. Живут они в роскоши и великолепии, независимо и самодержавно. Каждый четверг они едут к папе заседать; там, на площади св. Петра, можно увидеть множество карет и лошадей; все кареты позолоченные и дорогие, запряжены шестерками лошадей. Каждая карета стоит одну тысячу *курушей*, а верхняя покрывка их [сделана] из шерстяного кармазина. Они (кардиналы) строят церкви и монастыри, больницы и школы, в труднопроходимых местах возводят дорогие сводчатые, многопролетные * мосты, а в опасных местах [строят] гостиницы и таверны.

Они совершают тайно и другие благодеяния. Так, каждую субботу они посылают в тюрьму обед, хлеб, вино. Некоторые из них в страстной четверг отправляются в большую тюрьму и освобождают двух-трех должников, уплатив за них деньги. Есть и такие, что дают нескольким душам в качестве пособия обед. Они обеспечивают также ежегодно, соответственно своим возможностям, пять-шесть сирот, давая им деньги и приданое. Когда папа оказывает милость большому человеку, они также должны это делать.

Они совершают много других тайных благодеяний, о которых знает только тайновидец, ибо этот народ очень любит тайком совершать милосердные и добродетельные [дела].

Каждому кардиналу также подчиняются два-три бонсиньора, то есть хорепископа, которые по их приказанию разъезжают и ру||кополагают.

Они владеют такими большими дворцами, дорогими парками и райскими садами, которые стоят 30, 40 и более тысяч *курушей*.

* В тексте: *յոյնականի*, то есть «многоокие», «многоглазые».

Мы спросили, сколько в городе есть людей духовного звания. Нам ответили, что как-то по приказанию папы их переписали и внесли в *дафтар* и оказалось их, не считая схимников и исповедников, 100 тысяч душ. Слава богу!

Летняя резиденция папы Монте Кавало

Папа имел два больших дворца: один был около [собора] св. Петра, а другой — летняя резиденция, именуемая Монте Кавало, — находился в красивой местности, на высокой горе. Из-за хорошего климата [папа] живет там, так как в Риме воздух плохой и нездоровый. Прибыв туда, мы вошли внутрь.

Узнав об этом, садовники вышли навстречу, любезно приняли и сообщили [о нашем прибытии] *бостанджибаши*, который пришел, [держа] много ключей. Он взялся показать нам все по отдельности. Сперва мы увидели перед дворцом двух огромных неукротимых коней и двух державших этих коней великанов, которые как живые были изваяны из белого мрамора. Войдя внутрь, мы обошли весь [дворец], который был похож на другой, увидели разнообразно украшенные и убранные комнаты, одна другой краше, из которых одни [обтянуты] тканью, другие — бархатом, некоторые — шерстяной тканью, иные [облицованы] благородным блестящим мрамором, а есть и || [окрашенные] золотой краской, и в каждой комнате было что-нибудь необыкновенное.

В одной комнате стоял трон из черного мрамора, украшенный золотой резьбой; середина его покрыта золотом и серебром и оправлена драгоценными камнями наподобие трона царя Птолемея, посланного им в Иерусалим евреям, а в другой [комнате] мы увидели ляпис-лазурь и на ней лики. Еще в другом месте мы увидели удивительный образ, ибо, когда становишься напротив, видишь Христа, с правой стороны видишь богоматерь с однородным, а с левой — Христа, привязанного к столбу. Там более 400 комнат, все с украшениями и с чем-нибудь необыкновенным. А впереди как на ладони был виден город.

Войдя в райский сад, мы увидели многоликие образы, изображения и каменные статуи, из которых била вода. Там были красивые родники и удивительные фонтаны, а высота струй была в два-три человеческих роста. Там был род неувядающего тернового кустарника, который и лето и зиму остается зеленым и красивым и листья которого вьются подобно хмелю или вьюнку и словно атласом покрывают стены. Пройдя еще вперед, мы увидели большой куполообразный фонтан, в котором сидели кругом отвратительные, звероподобные, мерзкие люди, дувшие в трубы, только вместо звуков [из труб] текла вода; а наверху была изваяна || обезьяна, которая мочилась на музыкантов.

Там были фонтаны в виде рыб. А над одним фонтаном была изваяна из белого мрамора прекрасная дева, которая держала в руке большое зеркало и как живая смотрелась в него. Подойдя ближе, мы пораженные смотрели [на нее], как вдруг неожиданно она отвела зеркало в сторону и изо рта ее прямо на нас полилась вода, так что мы [поспешно] бежали. Увидели мы еще и другой фонтан, внутри и вокруг которого было собрано столько забавных вещей, что зрители [от изумления] разевали рот, [а они] обрызгивали людей водой. Из терновника словно живые были сделаны вишапы, змеи, звери и животные.

Пройдя еще дальше, мы увидели дерево с разнообразными плодами, и пока, стоя внизу, мы удивленно глядели [на него], из его листьев и ветвей на нас полил [такой] сильный дождь, что мы, промокнув, бежали от него. Против него находился большой бассейн с разными рыбами, и пока мы восхищались ими и изумлялись, из-под ног наших обильно проступила вода, и, сколько мы ни бежали, вода следовала за нами. Мы долго упрашивали главного *, и, [наконец], он показал нам сплетенные наподобие корзины оловянные трубы, которые были закреплены в земле; по ним с таким искусством пускали воду, что, когда открывали отверстия, вода поднималась наверх и лилась на людей, а когда хотели, || [воду] задерживали. Все

* То есть бостанджибаши.

это было сделано для смеха и забавы, дабы видевшие это веселились, мудрецы утешались, а глупцы обманывались.

Пройдя дальше, мы увидели человекообразных зверей, морских дев и страшных вишапов, а также большой бассейн, окруженный оградой; когда ты подходишь и облакачиваешься о камни, камни раздвигаются, ты попадаешь в воду и основательно промокаешь. Затем нас повели в папскую столовую, круглую, как свод или ниша, со стенами и дверьми, на которых были изваяны разнообразные лепные украшения и удивительные вещи. Дверь была двустворчатая; на одной створке был изображен с изумительным искусством св. Петр; источник воды замыкался винтом; когда пускали воду, св. Пётр двигался и ударял ключами о створку, св. Павел открывал, и вода, поднявшись на высоту человеческого роста, обливала людей. Место, где восседал папа, было сводчатым и круглым, красиво разрисованным разнообразными красками, золотом и благородной ляпис-лазурью. Согласно их обычаю, там стояли стулья, кресла и столы для трапезы. Нам сказали, что, когда папа обедает, орган [сам] играет без человека и исполняет разнообразные песни и мелодии. Мы упросили, || чтобы [он] немного поиграл, и, когда открыли комнату и пустили воду, заполнившую долины, орган начал играть по правилам музыки, и оттуда начали исходить сладостные и приятные звуки. И какую бы песню или мелодию ни пожелал человек, он тут же играл. И увидев все это, мы воздали славу подателю мудрости богу, который одарил сынов человеческих таким умом. Здесь исполнилось божье речение, что «сыны века сего догадливей сынов света в своем роде» *.

И пока мы, пребывая в восторге, изумленно смотрели [на все это], на местах, где мы стояли, проступила вода и словно дождь полилась на нас, так что мы едва бежали от нее. Пройдя далее, мы увидели дерево, на ветвях которого были посажены разные, каких только твоя душа ни пожелает, птицы, звери и животные — собаки, львы, лошади, верблюды, павлины, петухи,

* Лука, 161, 8.

голуби, гуси, утки, а также кареты, запряженные лошадьми, и другие разные вещи. И у всех изо ртов била вода, на диво зрителю. Было сделано так, что вода поднималась по дереву и проливалась на людей. Мы увидели много других удивительных и различных вещей, о которых не могу писать или рассказывать в отдельности. Ибо мы видели неслыханные деревья и невиданные плоды, очень много апельсинов и померанцев, || а также огромные желтые деревья, как занавес, свесившиеся со стен. На всех стенах были розы, приятным запахом которых восхищались прохожие. Там росли разнообразные и пестрые цветы со сладостным запахом и приятные взору, каких в другой стране не сыщешь.

На земле с изумительным искусством были словно пером нарисованы зеленою сплетения и сочетания [узоров] и вензелей; дороги же там были кривые и косые, когда человек вступал туда, то, как в городе Иерихоне⁵⁷, сбивался с пути и не мог оттуда выйти. Посмотрев все это и подобное этому, мы вернулись домой.

Сад папы

На следующий день мы пошли в другой сад папы, где увидели много удивительно устроенных вещей. Из мягкого камня особого вида там были воздвигнуты высокие горы, с которых струилась вниз вода, а на полях паслись овцы и коровы. Впереди находился большой бассейн, по четыре стороны которого стояли крест-накрест родники, а вокруг были устроены скамьи. Когда человек хотел сесть на скамью, она [неожиданно] погружалась в воду и сидение оказывалось мокрым. Мы увидели там много других зрелищ: здесь земля была разноцветная, и родники били в два-три копьа (струи), там были [такие] пестрые деревья || и цветы, что прохожие восхищались их красотой.

Сад великого кардинала

Нас повели также в сад великого кардинала. Сперва мы увидели двух больших собак на цепи, которые как живые были изваяны из камня. Мы от ужаса замерли, думая, что они действительно живые, а сопровождавшая нас маленькая собачка остановилась и не шла дальше, но только издали лаяла на них. Они были так похожи на живых собак, что тут ни на волос не могло быть ошибки, так что мы с трудом [заставили] нашу собачку пойти с нами по другой дорожке. Еще дальше мы увидели каменных овец и свиней, которые [также] паслись как живые, однако то были камни. Там был один большой бассейн, в котором стояли на высоком пьедестале четыре черных арапа, а над ними распростер крылья орел, из клюва которого наподобие дождя тонкими [струйками] брызгала вода. Из чугуна были отлиты люди, которые бились друг с другом; один, став на колени, натягивал лук, а другой, схватив камень, хотел его ударить, [люди] под деревом целились из ружей; были сделаны [также] совсем как живые павлины, только что не летали.

Там была и большая площадь со столом посредине, а вокруг ступени для отдыха; если кто-нибудь хотел наступить на них, на него брызгала вода. Там были жирафы, слоны, львы, || — все изваянные из камня. И человеческой памяти не хватит, чтобы все это описать в отдельности. Были и другие дорогостоящие сады с разнообразными вещами, один другого прекраснее. Тысячеустая слава подателю всех благ, богу!

Посреди города был большой фонтан на четырех вишапах, а посреди фонтана стояли четыре мальчика и держали мужские члены, из которых лилась вода. В другом месте стоял богатырь, а орел клювом проколол ему пупок, из которого текла вода. В церквах и домах так много золота и серебра, драгоценных камней и жемчугов, как у нас дерева и железа, а сады и каменные дома [таковы], что не хватит человеческой памяти, чтобы все описать или запомнить.

Об удивительных вещах

О братья мои, хочу рассказать вам об удивительных вещах. Эти [люди] своею мудростью и гением заставляли работать неразумных животных, а бессловесных обратили в говорящих.

Начнем сперва с собак, которые жарят пищу и, как человек, ходят на [задних] лапах. Мы видели больших пушистых собак, которые с корзинкой или плетенкой на шее и с [положенными] в нее завернутыми в бумагу деньгами шли на бойню, покупали мясо и несли [его] домой. Если по дороге эта собака видела чужих больших собак, || она возвращалась обратно и ставила корзину там, где купила мясо. Подождав немного, пока собаки разойдутся, она возвращалась, брала [корзину] и относила ее хозяину. Если на воде убьют птицу, посылают их (собак), они находят и приносят ее хозяину. [Собаки] выслеживают куропаток и другую дичь и показывают своему хозяину.

Слепые вместо человека имеют [поводырем] маленькую собачку, шея которой обвязана веревкой. Другой конец веревки либо привязан к поясу слепца, либо находится у него в руке. И собака водит его повсюду, по всем улицам, лавкам и домам и до тех пор жалобно воеет и ласкается, пока не дадут милостыню. Увидев, что [милостыню] дали, она, как настоящий человек, уводит слепца в другое место. Если у него нужда, собака знала место и вела его в уборную. И какие бы желания он ни высказал, она исполняла [их].

Вместо слуг купцы водили с собой щенков. Уходя на рынок или куда-нибудь в другое место, они поручали ей (собаке) охранять дом, лавку и товары. И она, как разумное [существо], строго охраняла, не двигаясь с места, пока не возвращался ее хозяин. Если кто-нибудь приближался или хотел что-нибудь украсть, она лаяла и набрасывалась на него.

Мы видели там также больших мулов, || которые в Турции стоят 500—600 *курушей*, и похожих на мулов ослов, которые стоят 70—80 *курушей*. Такого же мула я видел в Халебе; там его купили за 70 *курушей*. Эти неразумные животные так по-

корны и послушны, что исполняют все, что им говорят; скачут, становятся на задние ноги и понимают все слова своих хозяев: «принеси» или «отнеси», «подойди» или «отойди». Точно так же иноки посылают ослов в знакомые им места: пойди, мол, из такого-то дома принеси дрова, воду или хлеб; он (осел) подходил к дверям и до тех пор орал и бил ногами, пока кто-нибудь не выходил из дверей и, догадавшись, зачем он пришел, не грузил и не отправлял его в монастырь.

Князья также имели больших, как овцы, собак и овчарок, которые повсюду сопровождали своих хозяев. Если кто-нибудь начинал ссориться с хозяином или намеревался [его] ударить, они (собаки) набрасывались на врага и кусали его. На золоченых [решетках] окон у них (князей) сидели прирученные попугаи, голуби и соловьи. Они так сладко пели и говорили, что прохожие замирали от восторга. Кажется, что это [говорит] человек, а посмотришь — попугай. И, придя в восхищение, остаешься и не хочешь уходить. Если же кто-нибудь останавливался у дверей, он сверху подавал голос служанкам: мол, выходите, к дверям подошел вор. Если кто-нибудь постучит, || то [он] кричит: «Скорей откройте дверь». И обо всем, что видит, рассказывает хозяину.

Они обучают не только зверей, животных и птиц, но в работе и искусстве используют даже такие не[одушевленные предметы], как железо и медь. Они устраивают железный [духовой] шкаф, где жарится мясо, делают часы и [статуи] людей из железа, которые сами бьют в колокольчики, и разнообразные изящные часы, которые зрителю кажутся дивом. На часах ставят также орлов, и, когда часы должны бить, орлы, поднимая крылья, начинают хлопать ими друг о друга. Есть у них часы-будильники, которые, в каком часу хочешь, разбудят тебя, будь то ночью или на рассвете. И будут [они] звонить до тех пор, пока не проснешься и не воздашь хвалу богу. Такие неодушевленные предметы, как воду, они заставляют петь, а труба [у них] звучит и служит, как человек. Точно так же железо, дерево и прочее. Увидев это и многое другое, мы воздали хвалу богу.

Празднества на масленице⁵⁸

[В течение] двух недель карнавала, то есть великой масленицы, каждый день затевают какие-нибудь игры и забавы на радость и на смех людям и устраивают чудесные зрелища на подобие театра. На площади султана Баязида строят крепости: одну — христианскую, а другую — для неверных, после сражения побеждают верующие. На следующий день строят || большой флот и высокие башни, с которых спускаются по веревке. И каких только нет на свете игр и забав, [все их] должны в течение тех двух недель показать. Князья, господа, горожане, богатые и бедные, мужчины и женщины, а также девушки-затворницы, устлав балконы коврами или бархатом, смотрели оттуда, иные же [стояли] на земле. В эти дни бывает много веселья и зрелищ, как в Мсыре во время *суккесема*, смены *мухтесиба* и отправки шатра Мехмета.

Торжества на великий пост

У них установлено, что в каждое воскресенье поста в определенный час папа отправляется с большой пышностью в одну из церквей. В тот час, когда он должен проходить, улицы бывают украшены различными тканями и шелками; фонарей висит больше, чем звезд; из некоторых составлен большой крест; некоторые из них висят, а иные стоят, [и все] разного цвета: одни — белые, другие — красные, третьи — зеленые, прочие — голубые и желтые, так что в глазах человека начинает рябить. Папа идет с многолюдной толпой, священниками, клириками, хоругвью, факелами и фонарями, свечами и ладаном, крестом и евангелием и со всяческим благолепием, а следом [идут] воины, князья и военачальники. После окончания литургии || начинают стрелять из пушек и ружей, так что весь город гудит и дрожит.

В страстной четверг, сколько ни есть в соборе св. Петра мощей и реликвий Христа, все выносят и сперва показывают паломникам древо креста, платок Христа, гвозди, престол апостола Петра, а [потом] другие многочисленные реликвии.

Но [все это делается] с великим страхом и дрожью, при свете факелов и лампад, с воскурением ароматного ладана и под звон колоколов. Все, пав на колени, со слезами восклицают: «Свят, свят, свят господь Саваоф»*, «Будь защитником нам и всем верующим. Аминь». В эту ночь, стоя на ногах, тшатся и бдят до рассвета не только простолюдины и миряне, но и князья и кардиналы, однако эти [последние] тайно, чтобы никто не видел и не узнал их; они надевают черную толстую полотняную рубаху с капюшоном, оставляя только отверстия для глаз, чтобы видеть, и [бдят] босые и с непокрытой головой, опоясанные веревкой. И сколько ни есть в городе главных церквей, все их священники с толпой народа крестным ходом идут попарно и с белыми свечами в руках в [собор] св. Петра. [Каждый раз], как священники и народ из [церкви] крестным ходом приходят, *вардапет* поднимается на амвон и читает проповедь о страстях Христовых, а затем || увещевает их, говоря: «Смотрите, о братья, и помните, какие муки, побои, удары, поношения, а также смерть принял сегодня за нас от евреев наш господь; посему и нам надлежит сегодня плакать, скорбеть и мучиться, дабы и мы были прикосновенны и причастны ему». А они все, пав ниц и рыдая, трижды скорбно вопиют: «Смилуйся, о господи!» И обнажив тело, беспощадно бьют [его] пряжкой ремня, до тех пор пока не польется кровь. Потом эта группа уходит и приходит другая. От множества факелов и светильников весь город светится.

В одной церкви была устроена комната с двумя дверьми, а напротив дверей был воздвигнут наподобие неба синий потолок, и на нем ангелы. И когда начали «Сегодня неизреченно...», в дверях его (потолка) появился Христос и, пав на колени, стал молиться, говоря, согласно писанию: «Отче мой, если возможно, да минет меня чаша сия»**. Он был сделан с таким искусством, что иногда становился на колени, а иногда поднимался, и изобразили его с такой красивой золотистой бородой,

* Исайя, 6, 9.

** Лука, 22, 46.

светлыми волосами и белым телом, что зрители приходили в восхищение. Рядом с Христом были выточены из дерева такими, как они известны, Петр, Иаков и Иоанн, которые спали внизу в уголке, [положив голову] на руки. А Христос часто подходил к ним и будил, || [говоря]: «Что вы спите? Встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение»*. А сам снова начал молиться. Меж тем Петр, пробудившись ото сна, поднимал голову, оглядываясь по сторонам, и охваченный сном вновь засыпал. Неожиданно разверзлись те небеса, и из них вышел крылатый ангел, держа в руках чашу. Подойдя к Христу, [он] укреплял его, согласно сказанному Давидом: «ангелами укреплял» и «ангелы укрепят его». А затем на тонкой медной проволоке, чтобы не было видно людям, он вновь поднялся на небо; затем небеса закрылись. Пока Христос стоял в дверях, из другой двери вошел нечестивый Иуда, держа в одной руке кошелек, а другою показывая на Христа; затем пришли воины с мечами и дубинами, факелами и светильниками, в доспехах и с железным мечом и хотели схватить Христа. Меж тем Петр, проснувшись, увидел спросонья, что гóспода его связали, схватил меч и отсек ухо и правую руку раба нечестивого первосвященника; вместо крови ясно была видна красная краска. Затем Христа повели, понося его как осужденного на смерть. Увидев это, мы пролили слезы, всем телом дрожа от великой скорби, и казалось, будто в час страстей Христовых кто-то находился вблизи. Все, что написано в писании и евангелии, все это было представлено так наглядно, что каждый невежественный человек понял бы.

|| С полудня страстного четверга и до кануна пасхи в колокола не звонят, ибо траур; а глашатаи кричат; «Отныне и до следующего четверга ни суда, ни правосудия не будет, но все диваны и правовые учреждения закрыты». И [издается] царский указ, чтобы никто в эти дни не занимался мирскими вещами и делами, но ходили бы только в церковь, молились и

* Матф., 26, 39.

слушали проповеди, ибо в эти дни в каждой церкви три-четыре раза [в день] читают проповеди.

В эту неделю несчастные евреи нигде не показываются, но тщательно скрываются и запираются по домам и даже ставят перед дверьми воинов-стражников из страха и ужаса перед христианами. Впрочем, и это их не спасает, ибо они терпят большой вред от студентов, то есть *сохта*. Собираются много [студентов], которые идут по улицам, площадям и домам евреев, окружают их и причиняют много вреда, у одних [евреев] выбивая двери, у других [разрушая] дома; у иных разбивают окна; кого находят, мучают, грабят, а прочих убивают. Этот обычай мстить за Христа, как [это делали] некогда императоры Юстиан, Тиберий, Тит и Веспасиан, идет у римлян от их предков. Так как их много, они никого не боятся и делают, что захотят.

В великую (страстную) субботу вечером начинают звонить сперва в большой колокол [собора] св. Петра, а затем и в другие.

Пасхальные торжества

Там есть большая церковь [имени] святого апостола Иакова Зеведейского, а перед нею [простирается] большая площадь, где живет посол царя Испании. Ежегодно в пасхальную ночь здесь до рассвета бывает большое веселье, празднество и торжество. За месяц они уже начинают приготовления, [устраивают] различные укрепления, башни, вблизи [устанавливают] несколько тысяч кольев, и на всех фонари. Все стены рынка украшены шелковыми и шерстяными тканями, деревьями и ветвями; из улицы в улицу протянута тонкая медная проволока, точно так же в 14—15 местах — из окна в окно. На одной проволоке установили друг против друга огромных драконов [словно] для битвы, а на следующей расставили всадников с пиками и бомбами и разных морских животных. После этого на высоком стержне был поставлен сатана с ключами от ада в руках, а напротив него — архангел Гавриил с копьем. Меж

тем разнообразные и разноцветные фонари один другого краше сияли во множестве, словно звезды на небе. || Фонарями были украшены разнообразные строения, церкви, кресты, куполы и башни. Собрались бесчисленное множество духовных чинов, священников и монахов, которые устроили великое всенощное бдение, всем скопищем ходя вокруг с пением духовных песен, псалмов и благословениями. Наконец они вышли с многолюдной толпой на ту площадь, на свет. Посмотрели бы вы на множество мужчин и женщин, юношей и девушек, нищих и богатых, господ и князей!

Сперва набросились друг на друга вишапы, из пастей которых вырывалось пламя; их тела были искусно заполнены порохом, и они словно живые изрыгали пламя, до тех пор пока не иссяк [порох] и они, сгорев, не упали вниз. Затем начали вооружаться воины на конях. После многих часов побоища принялись стрелять из пушек, на копьях их (воинов) вспыхивало пламя и сжигало; треск и взрывы длились до тех пор, пока, упав, они не превращались в пищу огня; точно так же и остальные.

На башнях и крепостях совершались многочисленные чудеса; с треском вспыхивал огонь, на людей сыпались искры и молнии. А огонь, изверженный из крепости верующих, полностью сжег крепость неверующих. В воздух бросали также пустые камышовые трубки, которые, поднявшись высоко, затем взрывались на части и издавали разнообразные звуки; иные, вознесшись [вверх], огнем изливались на людей, подобно [струям] воды, а прочие с треском разрывались. Мы увидели много других невиданных и непостижимых вещей и дел, каких никогда не видели и которых не можем описать по отдельности.

После всего этого кичливый гордец [сатана], рыча, выступил вперед и стал похваляться, показывая ключи от ада: мол, моя сила, моя власть и моя победа, — кто может противостоять мне? Тогда Гавриил набросился на него, отнял у него ключи и пронзил грудь его копьем, и вырвалось из острия его пламя и, войдя внутрь, начало сжигать его с головы до пят до тех пор, пока не сожгло его начисто, а остатки упали вниз; растоптав

их, люди развеяли пепел по воздуху и принялись громко кричать: «Христос воскрес из мертвых», согласно писанию: «Ныне князь мира сего изгнан будет вон» *. Затем начали стрелять из больших пушек и несчетного числа ружей сперва на площади, а потом || во дворце папы.

В тот день была превеликая радость и веселье. Нам сказали, что такое празднество устраивается каждый год; каждое празднество обходится в 30 тысяч *курушей*. Оттуда мы пошли в [собор] св. Петра. Папа пришел служить литургию. Здесь также были большие торжества. Этого достаточно для слушателей.

Когда у них бывает праздник, который зовут Фест **, горе человеку, который будет работать или сидеть в лавке и что-нибудь продавать; они боятся папы и строго соблюдают праздники господни.

Дары царя Испании

Сказали также, что ежегодно от царя Испании прибывают для папы дары: 25 тысяч золотых и благородный конь, на которого грузят сокровища и [который], доставив их, становится перед папой на колени и склоняет голову, а когда папа перекрестит его, он встает, ибо так его научили. Лошади от природы обладают разумом подобно коню *хондкара* в Стамбуле, который, когда *хондкар* садится на него и едет на намаз, [наклоняет морду] и здоровается со [стоящими] по обе стороны людьми, а некоторые [лошади] благодарят, как люди, и идут спокойно и медленно.

О евреях

В стране папы существует еще одно хорошее правило и строгий указ о евреях, согласно которому они каждую субботу должны ходить в церковь; || для них отвели церковь имени св. Троицы, чтобы мужчины и женщины, старики и юноши со-

* Иоанн, 12, 31.

** От итальянского *la festa* — „празднество“.

бирались там; если кто-нибудь из них не окажется там, его наказывают тяжелым штрафом. В этот день (субботу) исполнители и воины ходят из дома в дом и уговаривают [идти в церковь]; если обнаружат, что кто-нибудь спрятался, его подвергают тяжкому наказанию. Когда они, собравшись у церкви и помимо своей воли обнажив головы, входят внутрь и видят страсти Христовы и образа святых, скорбят и смущаются и не желают больше смотреть на них. Затем они садятся группами, во главе каждой группы [сидит] солдат с дубинкой, то есть *ясахчи*. Когда они рассядутся, входит мудрый и сведущий в Ветхом и Новом заветах *вардапет*, который знает еврейский язык, и, поднявшись на амвон, читает проповедь о вочеловечении Христа, о том, что Христос — бог и мессия; он приводит свидетельства пророков и патриархов и их писанием и на их языке укоряет их и порицает. Меж тем *рабби* и *хаханы* и блюстители веры, чьи глаза, согласно Исае, слепы, а сердца окаменели, не хотят слушать и [либо] затыкают уши, либо притворяются спящими, согласно пророку Давиду: «Затыкает уши свои и не слышит голоса заклинателя»*. Увидев это, солдаты, которые для того там и сидят, || сильно ударяют их дубинкой по голым черепам, пока они не закричат «вай» и не откроют глаза. Таким образом те, в чьих сердцах возродится бог, обращаются в истинную веру, и не проходит дня, чтобы еврей или мусульманин не обратился ко Христу. Вот какие притеснения терпят евреи!

В стране франков евреям законом запрещено также заниматься мастерством и ремеслами; [они не могут] ни торговать по мелочи, ни в лавке сидеть и ничего другого делать, но только продавать старье, быть старьевщиками; они [не могут] ни пошлины взимать, ни подати, ни налоги и ничего другого, как это делается в Польше или Турции, где они все держат в своих руках, все захватили. В какое бы дело ни вмешались нечестивые, там исчезает благодать, ибо они криводушны и лицемерны. Поэтому та страна (франков) безупречна

* Псалт., 57, 5—6.

и чиста. Евреям также наказано, чтобы они обвязывали голову большим увяслым, как *чауши*, но только не белым, а желтым, а те, кто богаты и зажиточны, надевают желтую шапку либо пришивают кусок желтого шелка или шерстяной [материи], дабы отличались нечестивые от святых, подобно тому как в Стамбуле надевают шапки-колпаки. Впрочем, в Польше христиане и евреи равноправны, поэтому || не можешь определить или отделить их друг от друга; и не только миряне, но и священники и духовные чины одеваются одинаково; [им принадлежит] вся власть, сбор пошлин, таверны, *ханы* и гостиницы; они имеют даже мосты, усадьбы, села, поселки и все прочее, ибо христиане преданы в их руки. Поэтому [поляков] часто зовут полухристианами, или, как говорят франки, [они] мецохристиане.

У них (поляков) нет также добрых дел или достойных похвал порядков и установлений, но постоянно они заняты пиршествами и пьянством, драками и ссорами; военные постоянно оскорбляют и убивают друг друга и других; князья бессильны и беспомощны, будучи лишь слугами вина и чрева своего; они бродят толпой и кичатся посреди города своим оружием, мечами и ружьями и, связав татар и взяв в плен их женщин, возят в каретах, запряженных шестерками лошадей. Жены и дочери их слабого телосложения, все горожане — виноторговцы, ибо среди них нет купцов или хороших ремесленников, только [умеют] откармливать свиней на убой. И один такой человек водит с собой пять-шесть человек.

В Испанию евреям || или еретикам войти невозможно, ибо, если кто-нибудь узнает, сожгут на костре, подобно тому как христианам невозможно войти в Мекку и Медину. Поэтому только их (испанцев) зовут католиками, [а их веру] святой верой. Хотя в стране папы есть евреи, однако как слуги и рабы, ибо сколько ни бывает праздничных дней либо торжеств, порох для пушек должны давать евреям, а когда галеры отправляются против врага, они обязаны обеспечить их хлебом, припасами и всем необходимым. Точно так же они два-три раза в год платят налоги. Они совсем не имеют *мульков*, но живут арен-

дой и находятся под властью других. Мы видели на галерах большое число пленных, и многие из них крещеные.

Однако в этой стране (франков) и особенно в Испании мавров и арабов больше, [чем евреев], ибо они сопредельны. [Здесь] нет ни одного дома, где бы не было двух-трех мавров-рабов, которые обратились и стали православными христианами. В дороге мы не раз видели, как они босиком совершали паломничество — одни к святому Иакову, другие в [церковь] Успения богородицы. Они идут согласно правилам паломников, с посохом в руке, кожаной накидкой на плечах и знаком на голове, с большой верой, любовью и надеждой. Тысячекратная слава богу, ибо, хотя христиане отрекаются от веры из-за разных несчастных обстоятельств, || насилій, побоев, но в сердцах постоянно хранят прежнюю веру, а мавры становятся истинными христианами.

У папы есть два больших судна-галиона, которые он, посадив туда много людей, каждый год отправляет в Иерусалим; съестные припасы, вино и все прочие расходы [делаются] за счет папы; кто хочет, едет.

Флоренция

С [государством] папы граничит [государство] *гран-дуки* Флоренции, который является великим герцогом. Он весьма отважен и силен, могуществен, победоносен и удачлив в войне и в море выступает лишь с семью галерами, но очень большими. Они так искусны, что много раз добирались до Богаз-Хисара и островов, расположенных близ Стамбула, захватывали добычу и увозили пленных. Точно так же все встречающиеся на море турецкие суда они топят, груз захватывают, а людей — кого заберут в плен, кого мечом заколют; они разрушают также прибрежные села и города, сея страх и ужас среди иноплеменников; впрочем, христиан отпускают невредимыми. Они гораздо более сведущи в сражениях на море, чем на суше.

Согласно *дафтару*, он (*гран-дука*) имел в городе Флоренции 40 тысяч душ пленных турок, *заимов*, *чаушей*, *кази* и других

видных людей и бесчисленное множество янычар, *сипахов*, а также женщин, *шорвачи*, *реизов* и богатых купцов, которых он оценил с условием, что их скоро выкупят, в противном случае он их бросит на галеры или грузовые суда либо, заковав в цепи, заставит работать, тесать камни и таскать землю, как [поступают] с пленными в Стамбуле. Он [приказал] вырыть большие землянки и обширные пещеры: на ночь пленных запирают там, а днем заставляют работать. Дворцы, церкви, стены и множество других зданий его города построены их руками. Каждые десять человек имеют своего десятника; когда их выводят из пещер и ведут работать, цепи и железо издают такой звон, шум и гам, что люди даже затыкают уши. Когда другие князья и господа хотят построить здание, крепость либо ограду, они просят у него [столько пленных], сколько хотят — тысячу, две тысячи либо больше, а он посылает их одним за деньги, а другим — как пожалование. Там есть другие *дуки*, которые также имеют много пленных, однако не столько, сколько этот. Поэтому его зовут *гран-дука*, то есть великий герцог.

Флот герцога Мальты

Герцог Мальты также был очень решительным, воинственным и могущественным⁵⁹. Он также отправлялся к островам, [расположенным] близ Стамбула, причиняя много вреда и ущерба городам, селам и судам. В тот год, когда мы были там, на Мальте || спустили на море большое словно гора судно, которое имело 300 пушек, 12 парусов, тысячу воинов и 300 матросов. Судно имело вторую обшивку, а промежутки шириной в два кулача [был] засыпан землей, так что ни пушка, ни ружье не могли ее пробить и пули скользили и падали в море, ибо она была подобна стене. Сказали, что судно едва закончили за 30 лет. Да дарует им господь бог удачу и победу над врагами креста Христова! Аминь, да сбудется.

В той стране мы увидели и слышали много других вещей и дел, зданий, порядков и установлений, из множества коих мы

с великим трудом описали лишь немногое, из любви к читателям и в надежде на слушателей. Однако молю вас во время чтения не лениться и не скучать, хуля творение трудов моих, которое я писал, [плавя] иногда на корабле, а иногда сидя на вьючном животном, в гостинице или в хане. Другие [люди] ели и пили и развлекались иными вещами; я же, заботясь об этом деле, стремился закончить предлагаемую книгу, чтобы она была полезна и нужна паломникам и путешественникам. Для мудрых этого достаточно. Будьте здоровы.

Отъезд вардапета Закария

Спустя семь месяцев с *вардапетом* Закарией и его иноком случился большой позор и недоразумение из-за одной бесстыдной и распутной женщины, которая сопровождала их, называя себя девой и монахиней, пока злая молва об этом не достигла ушей папы, который приказал им в тот же день покинуть Рим; это было на вербной неделе. Духовному владыке Мелкиседу написали письмо, ибо он (*вардапет* Закария) был прислан им, и [послали в дар] две парчовые ризы со всеми их принадлежностями, митру, а также маленький золотой крест с кусочком от распятия в середине и на душу по 200 *марчилей* для расходов. Так Закария, который должен был удостоиться больших почестей и подарков от папы и кардиналов и увидеть пасхальные [празднества], лишился всего и был удален. Меж тем все люди из-за пасхи приезжают в Рим, ибо на пасху бывают большие торжества и показывают все кости и мощи святых и страсти Христовы. Незадолго до пасхи он выехал и отправился [обратно].

|| Я же, злосчастный, разлученный и отдаленный от него, остался там еще на два месяца, чтобы обойти монастыри и места паломничества, исполняя желание сердца и выполняя волю души моей.

9. ПАЛОМНИЧЕСТВО В МУШ

Празднование [дня] Вознесения в Венеции

По прошествии девяти месяцев я нашел товарищей и готовое судно; помянув имя божие, призвав на помощь святых апостолов Петра и Павла, мы сели на судно и в день Вознесения, который зовут *ценца* *, достигли великой Венеции. В этот день, [почитаемый] там большим [праздником], бывают большие торжества и веселье, как в Мсыре во время *суккесема*. Все улицы украшают подобно Испанской площади, а площадь перед [собором] св. Марка вся украшена зелеными деревьями, ветвями и листьями, дома и крыши [усланы] шелками, шерстяными тканями и атласом.

|| В этот день герцог должен был выйти в море, чтобы бросить жребий, поэтому было украшено шестьдесят судов одного другого лучше и дороже, а судно *дуки* было красивее всех, все было покрыто пластинками золота, от блеска которого человек не мог долго смотреть на него. Войдя первым внутрь [судна], я увидел престол, на который он должен был сесть, а наверху дорогой и редкостный балдахин и светильники, очень дорогие и редкостные, и т. д. Из-за этого его называли «Золотое судно». Когда пришло время, он поднялся [на судно], и [оно] вышло в море; надо было там слышать звуки труб и лиры, *даул-зурны*, [выстрелы] пушек и ружей и видеть флаги. Достигнув места, принятого обычаем, герцог бросил там [в море] перстень с [драгоценным] камнем¹, который стоил 10 тысяч *курушей*, а затем с большим весельем и радостью [все] вернулись в город.

Я спросил о *вардапете*, и мне ответили: «Давно уехал, так как здесь он пробыл один день».

Там я оставался две недели, пока не отправились суда. [Здесь] были хорошие люди, армяне, которые посоветовали мне: «Купи здесь какую-нибудь вещь; когда привезешь на место, расходы окупятся». У меня было немного денег, которые

* Искаженное «ascansione» — «вознесение», 31 мая 1612 г. (прим. Н. Акиняна).

я отдал им, и они приобрели мне на расходы мелкие румские монеты. Они знают стоимость денег во всем мире и имеют [монеты] любого места, какие только захотят. [Стоимость товаров] в Руме || низкая, в Анатолии еще ниже, но в Стамбуле [жить] тяжело и все дорого — и шерстяные ткани, и камка, и прочее.

Плач на смерть самой старшей сестры моей Джуар

Во время моих приготовлений в дорогу пришел некий муж, ванец по имени Чирах, мой знакомый и друг. Он привез мне из города Замостье скорбную и горестную весть: «Старшая сестра твоя умерла; я приехал сюда после ее похорон». Услышав это, возмутилась душа моя, заныло нутро мое, смешалось существо мое, побледнело лицо, потемнело в глазах моих, смешались мысли, склонилось тело мое, и я, пав на землю, с плачем сказал: «О милая сестра моя, горе мне злополучному; ах, увя моему горю, мне несчастному, о благодетельница моя, о моя благотворительница, о любимая моя, о моя труженица, о сестра моя и мать, ибо мать свою я знал мало, а тебя — всю жизнь мою. Ты была моим утешением, моей отрадой, целительницей моих горестей, ты была моей радостью. Что же теперь делать? К кому обратиться? О моя нежная и пронизательная сестра, почему ты не подождала немного, почему чуть-чуть не помедлила, пока я вернусь? Разве я недостоин свидания с тобой? Ведь ты всегда была в сердце моем, ты была в мыслях моих, и постоянно я вспоминал твою || нежность, любовь и заботу! Итак, пропала моя надежда, покинула меня жизнь, ибо я потерял мой желанный алмаз, мою бесценную жемчужину. О горе, тысячу раз горе мне злополучному, что не утолил я своей тоски, [не увидел] твой добрый и сладостный образ, ибо я спешил прийти к тебе, а ты бежала от меня и преставилась ко Христу».

В таком горестном и скорбном настроении сел я на судно. Мы проехали мимо большого острова Крита, [который] был больше, чем Митилена. Оттуда мы подъехали к весьма непри-

ступной и прочной как небосвод крепости Керфос (Корфу), промыслом божьим сооруженной на естественно возникшей горе, на вершине [которой] были построены здания; с нее с шумом стекала река, подобной которой больше нет.

Оттуда мы прибыли на остров Занта, а оттуда на большой остров Затра, о котором сказали, что там есть 365 сел. Из-за дувшего нам навстречу ветра мы пробыли там 12 дней. Там была большая каменная церковь наподобие св. Софии. Говорят, что, когда св. Елена вернулась со святым древом креста, она из-за беспорядков и волнений высадилась с войском здесь и приказала некоему мастеру построить эту церковь, а потом уже сын ее Константин построил [церковь] в Стамбуле. Все эти острова принадлежали Венеции, однако жили [здесь] греки. Если пересчитать все, сколько ни есть, острова от Венеции || до Стамбула и оттуда до Трапизона, повсюду [живут] греки; точно так же во всех прибрежных местах обоих берегов Белого * и Черного морей живут одни греки. Впрочем, греки тех мест были очень злы и неправедны и злейшие враги армян. При виде нас они плевали и кричали: «ишкил», что значит «собака» и «еретик», и, если кто-нибудь [из армян] ел или пил из их посуды, тотчас разбивали ее, даже если она была дорогая.

И это не удивительно, ибо греки — исконные враги армян. Кто хочет, пусть почитает книгу Михаила², историка Товму³ и других, чтобы узнать, сколько зла они обрушили на головы наших предков, как уничтожили они царство армянское, и так до Ована Одзнеци⁴, который отправился к могущественному царю Персии Омару и с помощью его эмиров по его повелению изгнал всех греков, выслев их на Черное море и во все прибрежные [места]. А потом наш святой патриарх Саак⁵ отправился к Мехмету и поручил нас ему, освободив армян от коварного и вероломного племени греков, наших древних врагов. Я прочел также у наших историков, что во все время владычества греков ни || один армянин не вступил в Стамбул и не то чтобы поселился там, но даже и купцов не пускали. Но когда

* То есть Средиземного моря

Стамбул взяли турки, тогда они с приглашениями и уговорами привезли из многих областей армян, так же как [было] в Польше и других местах. Точно так же турки отобрали у греков большие и великолепные церкви и передали армянам. Слава богу! Не знаю, чем мы заслужили, что, за исключением греков, все народы, и верующие и неверующие, любят нас, хотя у народа нашего нет единодушия и [армяне] не любят друг друга, чем даже сделались известны.

Гюзель-Хисар

Выехав оттуда и проехав множество островов, гор и мускатный остров, откуда вывозятся малмазию, мускат и другие дорогие вина, мы достигли города Сакыза, откуда вывозят прекрасные атлас, камку, вязаные пояса и белый и дорогой сахз, то есть мастику, однако не вошли в него. [Оттуда] снова [приехали] в город Измир. Там я продал немного товаров. Оттуда я поехал в Тире, где также обратил часть товаров в деньги. Захотел я поехать в Гюзель-Хисар; все свои деньги, редкостные вещи, четки и книги я оставил в чемодане в хане у одного богатого человека по имени Киракос, который имел много имущества, а сам отправился [дальше]. Однако очень плохой климат Гюзель-Хисара повлиял || на меня, на третий день я заболел очень тяжелой болезнью и свалился словно мертвый. Две недели меня мучила лихорадка. Когда я немного пришел в себя, то увидел, что комната ограблена и ничего в ней не оставлено. Впрочем, там была богобоязненная старуха, которая из любви к богу ухаживала за мной, она сказала мне: «Приходил бейтулмалчи, увидел, что ты очень плох, и забрал все твое имущество, но не беспокойся, ничего не пропадет, потому что все записано; поправишься, он тебе все вернет».

Поднявшись [с постели], я ходил в ознобе, опираясь на тростниковую палку и продавал все свои товары. В то время, как я еще не поправился, вдруг передали мне письмо; мол, спеши, ибо тот ходжа Киракос Ибирайзи, которому ты отдал [свои вещи] на хранение, умер, и все, что он имел, забрал бей-

тулмалчи. Будучи еще слабым, я все-таки нанял мула и приехал туда, чтобы позаботиться о своем товаре, однако меня схватил малумейтчи и посадил в тюрьму, мол: «Ты его товарищ, у тебя много его имущества». Узнав об этом, хорошие, добрые люди вмешались, дали деньги и с трудом освободили меня от рук насильников. От этих волнений повторилась моя болезнь, и я заболел еще тяжелее, чем в первый раз. Ничто мне не помогло — ни лекарства, ни другие [средства], так что я пять месяцев || пролежал в лихорадке и в жару. Едва выздоровев, я поспешил [отправиться дальше] и приехал в Бурсу очень печальный и грустный, ибо ни о чем так не беспокоился, как о своих книгах. И я сочинил плач о своей судьбе:

Господь Христос — мой царь.
 Вечная слава тебе,
 В беде моей ты помоги,
 От зол меня освободи.
 В посюсторонней этой жизни
 Я неудачи лишь нашел,
 С злым испытанием столкнулся
 И всех я благ своих лишился.
 О горе, что теперь мне делать
 В стране чужой, куда попал я?
 Сребра и денег я лишился.
 И телом тяжело заболел.
 Пять месяцев главы не поднимая,
 Как дерево сухое тлел,
 Творец, мой бог, помилуй меня,
 От этих бед избавь меня.

Я постоянно раздумывал о том, как бы мне не уклониться от паломничества и исполнить свой обет. Из Бурсы мы за три дня достигли Агач-Денгиза, который с трудом прошли за два дня. Оттуда через множество гор, лесов, полей и трудных дорог мы достигли Болу. Там было 15 домов армян, одни [армяне] были малярами, другие || — портными. Город находился на возвышенном месте. Сказали, что недалеко от него, на расстоянии мили, есть армянское село с двумя иереями, но мы туда не пошли.

Проехав оттуда немного дальше, мы увидели гору, откуда била вода, которая, стекая вниз, обращалась в камень; впрочем, он был мягкий. Восхищенные этим, мы воздали богу славу. В тот же день мы достигли Герада; он расположен на очень большой горе, высокой и холодной. Сказали, что зима здесь бывает такой же суровой, как и в Арзруме. Оттуда мы за пять дней достигли *касабы* Тосья, откуда вывозят власяницу, а вокруг все ткачи, изготавливающие власяницу. Однако это [место] не похоже на Анкурию, [оно] низменно. Сюда приезжают купцы из многих областей, а также Польши. Оно изобилует фруктами.

Оттуда мы за два дня достигли Османчуха. В нем была очень высокая и остроконечная крепость из естественных камней наподобие [крепости] Балва. Оттуда за один день мы достигли красивого армянского города Марзуана, изобилующего фруктами и садами. Там, посреди крепости, на высокой горе, откуда были видны весь город и равнина, находилась церковь святой богородицы, [прозывавшейся] по имени крепости [Марзуанской]. Там жили также хорошие и умные священники и более ста семей армян, местных и пришлых. Перед ним (городом) расположено большое село Кумиш; это действительно Кумиш*, ибо оттуда вывозят дорогую, тонкую и блестящую власяницу, какой нигде || в мире нет; за нею туда приезжают даже из Польши. Отсюда дальше [идут] все армянские села и города. Около города находилось село по имени Горк и красивый монастырь св. Геворка.

Амасия

Оттуда за один день мы достигли столицы Амасии⁶, откуда [происходили] полководец Теодорос, св. дева Катерина, Василискос и отважный воин святой Георгий. Она была расположена на двух горах, а меж гор протекала большая река. Там были три армянские церкви и двести семей армян пришлых и мест-

* Кумиш (тур. *gümüş*) — «серебро».

ных, один протоиерей *тер* Григор, исполненный мудрости и искусный *жамасау*, а также один приятно и красиво певший старый епископ — *тер варпет католикос* Азария. Там были именитые люди — золотых дел мастера и красильщики. Он (город) изобиловал фруктами и [всякими] благами; отсюда возят много превосходной айвы. Я пробыл там одну неделю; каждый день *тер* Григор и *паронтер* не отпускали меня от себя и много уважения и почестей оказали мне грешному.

Токат

Выехав оттуда, мы за два дня достигли Токата⁷. Этот город, изобилующий [всякими] благами и фруктами, находился в горах. Там было много воды и всего [прочего], ибо это столица и прославленный город. Там есть *безестан*, толкучка, золотых дел мастерская, все [построенные] из камня, минареты и *ханы*. || [Там] были восемь армянских церквей и образованные священники и сведущие сладкоголосые мастера, и один местный *вардапет* Магакия и 500 армянских семей; однако сказали, что раньше их было тысяча домов; джалалии кого разогнали, а кого поубивали. Там есть также различные ремесленники. Через весь город протекает большая река Казове⁸. Эта [долина] Казове — очень плодородная и хорошая страна, по обе ее стороны горы, а посредине течет река. На обоих склонах этих гор в три ряда расположены села армян, греков и мусульман. Там находился армянский монастырь [имени] св. Антона, а настоятелем его был *паронтер* Егия. У самого города находился еще другой старый и разрушенный монастырь св. Анарцата (Бессребреника), называемый Кэмэр, который ныне обновили. По другую сторону города [расположена] Комана, где находится могила Иоанна Златоуста, однако я не смог пойти туда. В то время там была большая дороговизна, ибо один *кэлэ* ячменя с трудом можно было достать за 50 *драхм*. Зато по моем возвращении все было очень дешево, так что [цена] одного *кэлэ* снизилась до пяти *драхм*. Слава богу!

Себастия

Оттуда через полтора дня мы поехали в первопрестольную столицу Себастию⁹ и в долину Ардох, то есть долину Алтун. Мы увидели большие и расположенные близко [друг к другу] села, однако все они были разрушены. Только в Чифлике мы нашли десять армянских домов и в Полисе. Тысячу || раз жаль эти изобилующие благами и водами села. Себастия — это большой и обширный город, многолюдный и исполненный [всяких] благ; там в изобилии хлеб, мясо, молоко и *мацун*, масло, однако фруктов и вина мало, ибо [здесь] холодная и долгая зима. Там имеются две церкви, одна святой богородицы, другая — св. Саргиса; священники все ученые, но гордые и спесивые, а народ очень богобоязненный и покорный. Говорят, что раньше [здесь] были две тысячи домов [армян], но теперь всего 600, остальные [армяне] разбрелись. Вокруг города протекала большая река, которую называли Кызыл-Ирмак; через город протекали и другие реки. [Город] имел две крепостные стены и превосходную цитадель, а за городом находились озеро и баня сорока отроков¹⁰, впрочем, вода высохла. На расстоянии дня пути была великолепная церковь св. Архангела, которая имеет три обители, и настоятелем [их был] *вардапет* Мелкисед. Вокруг Себастии было || много известных сел, благоустроенных и богатых; было село, где жила тысяча семей, [но] Пинкол и Энкел с их областями были полностью разрушены джалалиями. Войдешь внутрь — увидишь большие словно палаты дома, в каждом доме по два-три *тонира*, таких больших, что в них поместится бык, однако [все] необитаемые, безлюдные. Вне города находился монастырь св. Креста, построенный царем Синекеримом; в нем есть часть святого древа креста.

Малатия

Затем оттуда мы за шесть дней достигли Малатии¹¹; там мы совсем не видели [жилых] домов, но одни лишь ханы. Там был красивый *хан*, называемый Гурджи-хан. Малатия была обнесена оградой и || изобиловала фруктами. Однако людей не

было, одна лишь охрана; сказали, что все находятся в селе Азпус, ибо каждый год во время сбора [фруктов] все уходят в село и город остается безлюдным словно Сис. Там были большая каменная церковь имени Лусаворича, три священника, сто домов армян; изобилие и дешевизна: 40 огурцов — одна драхма, пять-шесть арбузов — одна драхма, четыре хлеба — одна драхма, один оха мяса — четыре драхмы. И в селении были одна церковь и 30 семей армян. [В ожидании] каравана я пробыл там две недели. Однако мусульмане там приятные, человеколюбивые и добрые люди, не [такие] ехидны и змеи, как другие мусульмане, даже ни разу они не сказали *гявур*, но христианин и слуга Иисуса и очень почитали и любили наш народ.

Харберд

Оттуда за три дня мы прибыли в Ширак, то есть Харберд¹², расположенный на высокой горе. Там были три армянские церкви и сто семей армян. Мусульмане здесь очень злые, дурные и жестокосердые, а в особенности янычары, ибо они владеют городом и построили [себе] большие словно дворцы дома; каждый из них (янычар) сам себе господин; много несправедливостей, но никто не осмеливается что-нибудь сказать; поэтому армян осталось мало. Церковь св. Акопа так могущественна, что даже мусульмане || от страха перед ее чудесами трепещут и почитают [ее] и дают дары. В городе и в окрестных деревнях всей области жили также много сирийцев. Около самой крепости находилась большая и древняя церковь сирийцев; как говорят, она была [построена] раньше, чем крепость. Перед городом была большая долина, столь же красивая и изобилующая водами, как долина Ардох. На этой долине вплоть до реки Евфрат тянулись одни лишь армянские села, там были и большие сирийские села: Авюс, Абдухэр и др. В долине находились три известных больших монастыря: первый — Сорсорский монастырь св. Геворга¹³, второй — св. Абделмсеха¹⁴ и третий — Кармирванк¹⁵. Монастырь св. Абделмсеха расположен под горой и там еще находится тот окровавленный камень, на котором

отец принес сына в жертву [богу]. В Кармирванке живут мудрые *вардапеты* и переписчики, о чем свидетельствуют историки, и по сей день оттуда выходят книги и хорошие *вардапеты*. В [монастыре] св. Геворга настоятелем был ученик католикоса Азарии, *вардапет* Мкртыч, у которого я жил; увидев меня, он забрал меня к себе. Там было большое село Касрик, в котором были тысяча домов, три каменные церкви и много священников, однако людей было мало, ибо их обратили в бегство янычары. Там было еще село Пезмишен, изобиловавшее благами, а люди его богаты; однако ныне из всех тех *танутеров* остался один || Мурад, сын Маргаре, который почтил в своем доме пашу со всей [его] конницей; [в первый день] он накормил их без огня, а на второй он накормил такое же число людей вареной пищей; он один дал корм и ячмень [всей] коннице.

Там (в Харберде) были такие же большие дома, как и в Себастии. Мы увидели там один дом в сорок колыбелей*, и все были покорны отцу, а если отец умирал, подчинялись старшему брату; вот какую большую любовь и единодушие мы увидели в той стране; меж тем в других местах даже два брата или две сестры не могут ужиться вместе в одном доме. Армяне и сирийцы были дружны, ибо отдавали и брали друг у друга девушек [в замужество], и, если кто-нибудь из армян умирал, звали на похороны сирийского иерея, а [если умирал] сириец, то армянских священников, и все говорили на армянском языке. Среди них были и греческие села, [жители] которых так же отдавали [своих] и брали [армянских] девушек; они были очень дружны и единодушны с армянами и говорили на армянском языке, так что не поймешь, кто армянин, кто грек, кто сириец, ибо между ними ни в чем нет различий.

Притеснения

У *вардапета*, который ко мне был очень добр, я прожил две недели. Он посоветовал || мне: «Лучше ты свою лошадь не бери с собой, но оставь лошадь здесь, у меня, а также перемени

* То есть семей.

одежду и надень старую, бедную, ибо здесь [уже] Курдистан». И я поступил так, как он приказал. Янычары были так злы, что не позволяли христианам садиться на лошадь или на мула, надевать хорошую *чуху*, иметь сад, большой дом, но все у них отбирали. Точно так же они не позволяли архиереям разбирать вопросы *хаса* и *чехаса* или соблюдать закон; если кто-нибудь хотел взять себе жену, но имелись препятствия, он шел не к пастырю или епархиальному начальнику, а к какому-нибудь янычару, давал ему взятку, и тот приходил и дубинкою заставлял неряя венчать, и тот поневоле должен был слушаться его; в противном же случае на голову его обрушивалось много бед, [ему наносился] ущерб и штрафовали его, а также церкви и монастыри.

По всей стране турок [происходит] так, но в Харберде более, чем в остальных местах. В Стамбуле у христиан несколько больше утешений и радостей, ибо [они] имеют великолепные церкви и празднества с пением, ездят на лошадях и мулах, надевают *чуху* в сто, в семьдесят мотков ниток, едят, пьют, веселятся, имеют большие дома, виноградники и сады и прочее. Всего этого в Анатолии вовсе нет; дома наподобие хлевов, низкие, глинобитные, а в городах из кирпича, с маленькими дверьми, приземистые и темные. || В тот год*, когда я был в Токате, вышел злой указ о том, чтобы в церквях и монастырях не жгли восковых свечей, но только сальные, и, если где-нибудь находили, штрафовали.

Так их (христиан) мучали и притесняли мусульмане, поэтому они очень бедны и неимущи, ибо их постоянно обирают, гнушаются [ими] или штрафуют [их], чернят и требуют больше налогов; если кто-нибудь имеет десять сыновей, со всех взимают *харадж*, если [кто-нибудь] уйдет, все равно взимают. В Стамбульской области ездят на лошадях и мулах, оттуда в Себастию до Амида на ослах и верблюдах, а в домах Себастии даже осла не увидишь, все имеют быков, грузят на них соль и поклажу, да и сами ездят. Из-за этого в каждом городе,

* Имеется в виду 1613 г.

в каждом месте я терпел много убытка и платил штраф за лошадь, оставляя ее на хранение в темных местах, помещениях и домах всадников, платя всем деньги, чтобы не брали с меня *улаг*. По дороге неоднократно *взимали* [с меня] *улаг*, так что я с трудом [при помощи] подарков избавился от уплаты его за свою злосчастную лошаденку. Так путешествовал я, дрожа, боясь и сомневаясь, хотя и ездил повсюду с большим караваном, ибо везде и всюду были разбойники и *сохта*, всюду были грабежи, разбои и насилия. От [всего] этого я мучился и огорчался больше всех остальных, удивляясь и очень страдая, ибо не был осведомлен об этих вещах. || Я постоянно грустил, скорбел и был неутешен.

Балу

Там (в Харберде) я нанял одного сирийца, который знал по-курдски и по-армянски, и трижды пересек славную реку Евфрат, один раз на спине курда, а [два] другие на лодке. Вода там очень приятная на вкус и здоровая, так что, если даже съешь целого ягненка и [потом] выпьешь [воду], переварится. Оттуда через множество армянских сел мы в полтора дня [достигли] *касабы* Балу. Балу был похож на остров, ибо его окружал Евфрат и оставалось лишь немного суши для выхода. Там была высокая, неприступная, остроконечная крепость, подобная Османчуху. Там была одна церковь и мельница *варданета* Месропа¹⁶, войдя в которую, мы помолились и попросили отпущения грехов себе и своим усопшим. Напротив нее стояла скала, похожая на еврейский ковчег; на ней была надпись, которую мы не смогли прочесть; сказали, что это те знаки, которые бог дал армянам. Там были восемь новых и красивых церквей и одна курдская мечеть, однако последняя была бедна, [построена] из камыша, покрытого соломой. Впрочем, вина — изобилие, ибо здесь много виноградников; [здесь] много жирных куропаток, по одному *парá* за три-четыре штуки. Там я пробыл одну неделю и нанял другого человека, ибо тот [сириец] вернулся домой.

|| За один день [пути] горами, ущельями и лесами мы достигли Чапахджура. Перед ним протекали большая река и другие реки с холодными и вкусными [водами]. Там жили несколько семей армян из села Касми, у которых мы переночевали. [Отправившись] на рассвете [в путь], мы за полдня достигли Манушкута — крепости на высокой горе. У подножия [горы] находились армянские села, которые отстраивались. Сказали, что джалалии их разрушили, а армян разогнали. Ныне сей курдский *парон* очень любит армян, поэтому он собирает [их]; каждый возвращается на свое место и отстраивается, никого не боясь.

Проехав оттуда немного [далее], мы поднялись на высокую гору в праздник Креста; на горе лежал снег. На вершине горы был превосходный и бесподобный источник, который называли Шакарлу*, и действительно, вода его, которой мы досыта напились, была сладкой и холодной; и хотя мы были потными, она нам не повредила, ибо мы пошли пешком. Спускаясь оттуда, мы прошли через густые леса, множество гор и рек, где видели диких кабанов и медведей. Добрались мы до села Куарса; курды принесли нам обед, ибо у них существует обычай, что, какой бы национальности ни пришел к ним гость, [они] должны его накормить, но когда [гость] уйдет из их дома, они догонят и || ограбят [его] подобно арабу. Эта страна, как Польша, очень холодная. [Здесь] совсем нет фруктов, винограда, вина, но лишь репа, масло, молоко *машун* и холодная вода. По дороге к монастырю Карапета также в двух-трех местах взимают *гафар*. В Куарсе меня увидел *субаши* и спросил: «Откуда он?». Мой товарищ отвечал: «Из Себастии». «Неправда, — сказал он, — ты из Стамбула», и все говорили: «Он не из местных жителей, поэтому пусть заплатит десять *курушей*», в то время как с других брали два *урупа*; наконец армяне с трудом помогли мне отделаться одним *курушем*.

Оттуда мы по полуразрушенной дороге поднялись на Тозлу-Даг, тоже очень высокую гору, по другую сторону которой

* Шакарлу (ст.-тур. шекерлю) — букв. «сладкий», «сахарный».

в полудне пути находился [монастырь] св. Карапета¹⁷. И ска-
зали, что когда Трдат¹⁸ и Лусаворич были там, от [села]
Куарса до Муша [стояла] конница.

Мушский султан св. Карапет

Увидев куполы мушского султана, св. Карапета, мы пали
ниц и исполненные великой радости возблагодарили бога, кото-
рый сподобил нас увидеть св. Карапета. Слава богу! Это была
большая и великолепная каменная сводчатая просторная цер-
ковь с двумя куполами; верх ее, как у мечети, был свинцо-
вым. || Войдя внутрь, мы увидели большой огороженный двор
со множеством келий и помещений. Там были один избранный
и богоугодный *вардапет* по имени Погос, четыре епископа,
15 иноков, экономы и дьяконы. Все *миаки* были курдами и
свободно говорили на армянском языке, и не только в мона-
стыре, но по всей Мушской долине и области курды говорят
по-армянски и клянутся именем св. Карапета.

Мы отнесли небольшой дар, отдали его после службы и по-
просили, чтобы нас повели туда, где находится гробница.
В церкви были красивые мраморные колонны; по правую сто-
рону находилась часовня и могила св. Карапета, а с другой
[стороны — могила] епископа Атанагэна¹⁹; поклонившись им,
мы испросили отпущения грехов нам, нашим родителям и на-
шим благодетелям. Мы достигли исполнения нашего желания.
Да приведет бог всех к исполнению их желания. Нам дали
драгоценную землю, взятую со святой могилы.

Вардапет пригласил нас на обед; он был богобоязненный
и боголюбивый, говорил приятно и занимательно; мы поели
монастырский обед и испили воды. Начав говорить, *вардапет*
сказал: «Что делать мне, сынок? Я недавно отстроил и обно-
вил монастырь; он был очень разрушен и пустынен, ибо
каждый год *кызылбаш* сжигал и || разрушал его. Вот [уже] два
года, как мы [живем] мирно». Они [монахи] имеют 10 буйво-
лов, 100 овец, 15 быков. Оттуда мы пошли в большое хозяй-
ственное поместье и увидели там такой большой *тонир*, что

туда мог провалиться целый бык. Сказали: «Сколько бы здесь и в *тонире* ни было сора и пыли, мы никогда не подметаем: поднявшись утром, мы находим [все] подметенным». И сказали, что есть хромой *дэв*, которого св. Карапет оставил там служителем монастыря.

С левой стороны мы увидели другую часовню. И сказали: «Построила ее некая княгиня; она хотела войти внутрь, но [ей] не позволили, ибо женщинам не разрешалось [входить]; однако она силою вошла внутрь, и тогда проявилось могущество святой могилы, ибо из нее поднялся муж в доспехах и поразил ее копьем; она была похоронена здесь». Выйдя наружу, [мы увидели] с восточной стороны, напротив дверей, маленький купол наподобие башни, который зовут Воскресением. Войдя внутрь, мы увидели алтарь; поклонившись, мы вышли оттуда. Сказали, что под этим куполом заперты *дэвы*; [и действительно], приложив ухо к земле, мы слышали разные устрашающие звуки. Рядом с ним, один подле другого были источники Иннакнеан (девять источников) с превосходной и приятной водой. Там был бассейн больше других, где, как говорят, Лусаворич совершил крещение; когда мы начали пить, не смогли и трех глотков сделать, так как [вода] была очень студеной. Пройдя еще далее, || мы увидели тысячу, а может и более, *тониров* и очагов для паломников, которые готовили там *хору* и шашлык; со всего мира, из дальних и чужих стран, из Румелии и Польши, сюда на преобразование господне приходит до двух-трех тысяч душ паломников.

Позади церкви мы увидели воздвигнутые там большие каменные кресты, на которых были искусно вырезаны различные узоры. Несколько ниже находился еще другой монастырь, который называют Джорехангист; впрочем, он разрушен; говорят, что мулы, на которых везли святое тело, остановились там и не могли двинуться с места, и, когда [люди] стали сомневаться, появился ангел господень и говорит: «Здесь благоволил господь поселить святого». На этом месте была построена церковь.

Обойдя церковь с правой стороны, мы увидели могилу Медведя²⁰, расколотую, однако, пополам. И сказали: «Кто ляжет на

камень, [у того] перестанет болеть спина». Из-за воров-курдов построили высокую ограду. [Монастырь] св. Карапета находится в лесу, в гористом и очень красивом месте, а по дороге растут лишь бессмертники, гиацинты и другие пахучие цветы. Лес весь из плодовых [деревьев]: яблонь, груш и слив, также много ореха. Там есть особый плод бело-красного цвета, круглее и меньше черешни, который имеет кисловатый вкус и зовется *алоч* *. Ветви орехового дерева сломали, постоянно влезая на него, медведи, ибо их много в лесу и они очень любят орехи.

Из [монастыря] св. Карапета были видны горы Вана и Багеша, другая сторона реки Евфрат и город Муш с его долиной. В долине есть три известных чудотворных больших монастыря; они треугольником расположены один возле другого. Один — Матнаванк²¹, где находится палец апостола Петра и много других мощей; их привез из Рима сасунский *танутер*, который построил над ними церковь и назвал ее Матнаванк. Второй — св. Ахберк²², где хранится в бутылке благородная кровь Христа, [истекшая] из бока. И у подножия горы [расположен монастырь] св. Аракеоц²³, где находятся гвозди, коими был пригвожден Христос, копье, и другие святыни. А еще ниже тянутся густые леса и горы Сасуна.

Я пробыв там три дня, исполнил все свои желания. Там был один епископ и певец по имени *тер* Мартирос, который очень приятно пел; когда он начинал петь, как Мамас, не только люди восхищались, но и птицы собирались вокруг него. Его долго уговаривали остаться в Амиде, но он не захотел, ибо искал славы не у людей, а у бога²⁴.

10. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТАМБУЛ

Цовк-Аргни

С горячей любовью и даже пролив слезы, я распростился со святыми местами и богоревнивыми монахами и вновь вернулся в Харберд. Там мы услышали, что Мурад-паша с бесчис-

* То есть плоды боярышника (лат. *crataegus*).

ленной конницей пошел на шаха и, достигнув Амида, умер¹. Поздоровавшись со своим *вардапетом*², я забрал лошадь и свою одежду и направился в Амид, так что через два с половиной дня [пути] горами и лесами достиг Цовка. В Цовке на острове было армянское село и каменная церковь, в которой хранилась часть креста; в святых книгах она названа [церковью] святого Знамения Цовка³. И по сей день там совершается много знамений и чудес, о них я читал в книгах и слышал от многих. На суше был хан, прижавшийся к покрытой лесом горе, мы переночевали там. Оставив в хане свои вещи, имущество и вьючных животных и разыскав маленькое судно, мы перебрались || в село и вошли в церковь, там еще служили вечерню. Мы попросили показать нам святое Знамение, пав перед ним на колени, мы испросили отпущения грехов себе и своим усопшим.

Оттуда за один день мы достигли города Аргни, который находился на высокой горе. На вершине ее стояла большая каменная купольная церковь, которая зовется Бардэр Аствацацин⁴, и еще другая церковь внизу горы, подобная [церкви] Варага; там было также благоустроенное село. Сказали, что верхний храм построен апостолом и весьма чудотворен, ибо каждый раз в канун воскресения на купол нисходит видимый всем свет.

Оттуда за полдня мы достигли дикой горы, которая называлась Нал Гран*, и она действительно такова, ибо состоит из одного камня, ни земли, ни зелени на ней не видно; мы с трудом перешли ее, не осталось ни подков, ни ботинок, и каблуки на моих сапогах отвалились. Оттуда мы прибыли в Девегечит**, где была глубокая река, которую мы с трудом перешли на верблюдах. Около Амида [расположены] одни лишь армянские села и монастыри, одни благоустроенные, а другие разрушенные. От Стамбула до Амида мы не видели ни греков, ни евреев; впрочем, в Токате было несколько еврейских семей, и

* Букв. «разбивающий подковы» (тур. nal kiran).

** Букв. «верблюжий брод» (тур. devegeçit).

говорили они также по-армянски. До Себастии сирийцев было мало, но оттуда до Мосула и Багдада и далее одни только армяне и сирийцы, почему [эта страна] и зовется Сирией.

Амид-Тигранакерт

Когда мы приближались к Амиду, престолу и трону армянских патриархов и царей, показалась превосходная и прекрасная стена, построенная Тиграном⁵. И ныне там находится престол патриархов и учителей-вардапетов. Оттуда всегда выходят любознательные и мудрые епископы, вардапеты, мастера-музыканты, избранные священники, есть также писцы и школы. Войдя в [город], я остановился в хане Хасан-паши⁶; это было большое и бесподобное здание из тесаных и нетесаных камней; при нем были две подземные большие конюшни, в которых помещались 500 лошадей; посредине находился превосходный бассейн, огороженный железной решеткой, которая была выкрашена различными красками; там были три этажа комнат — нижний, средний и верхний — все каменные. При нем (хане) была удивительная сводчатая золотых дел мастерская, как Геленджик в Бурсе и Али-паша в Атрানে. В ней есть такие хорошие ремесленники, каких нигде, кроме Стамбула, не сыщешь: ювелиры, золотых дел мастера, кожевники, башмачники, сапожники, чувячники и другие, которые изготовляют [товар] очень прочно и хорошо; и каких только ремесленников ни пожелаешь, там найдешь.

Там были две большие каменные великолепные армянские церкви, одна — соборная церковь св. Киракоса и [другая] — [церковь] св. Саргиса. Там были дворец, епископская резиденция и школа; настоятелем был ученик католикоса Срапиона⁷, некий вардапет по имени Барсег, муж мудрый и многоумный. Он узнал меня, как только увидел, ибо когда-то приезжал в Польшу *нвираком* св. Эчмиадзина. Там (в городе) жила тысяча семей армян, все они богаты и зажиточны, великолепны и достопочтенны. И сколько ни есть там имущества и важных [должностей], все захватили они: и монетные дворы, и тамо-

женные пошрины, и *ханы* и все остальное. Точно так же и все повара, продавцы жаркого и шашлыка, хлеботорговцы, бакалейщики и мясники — армяне. И когда в воскресенье или в праздник армяне не открывают лавок и не работают, кажется, что [город] опустел и замер. Здесь и в Себастии я увидел добрую веру и хороших христиан, [которые] и в церковь ходят, и праздники соблюдают и законы, и гостеприимны, и почитают монахов и [знают] службы, проповеди, божественные песнопения, сборник церковных песен и мелодий, [слушают] уроки *вардапетов* и грамотны.

Однажды я пошел на службу [в церковь] св. Киракоса; там в пяти местах служили литургию, ибо в [церкви] есть пять алтарей. Я насчитал двадцать пять иереев, помимо *вардапетов*, иноков и епископов. Там я увидел доброе правило; если кто-нибудь заказывает службу, то после «Славься в горних», когда приходит заказчик службы со своим священником, он раздает дары [всем], начиная от *вардапета* и до служки, в таком порядке: половину того, что дал священнику, дает дьякону, || половину его [дара] — клирику, точно так же на похоронах и других службах, а служкам дают по два-три *шаи* либо еще больше, а по окончании ведут домой ужинать. Они угощают очень вкусными и приятными, превосходными кушаньями; стол их изобилен, разнообразен и дорог; ни в Стамбуле, ни в Халебе и ни в каком другом месте я не видел такого изобилия кушаний, разве только в Польше. [Подают] и такие яства, как шашлык и пироги, и другие вкусные и дорогие кушанья. Вино в Аргни сладкое и густое: с тебя хватит, если выпьешь один *финджан*. В стране турок употребляют три [сорта] вина; одно — [вино] Пултухлу, второе — Анкурии и третье — Аргни.

Снаружи дома кажутся грязными, но, когда войдешь внутрь, больше уже выйти не хочешь, ибо дома [здесь] похожи на [дома] Халеба — превосходные, с крышей, разноцветные и с теремами. Горожане очень зажиточны и благопристойны; садясь за ужин, не пьянеют, не говорят много, но [держатся] кротко и спокойно, ибо все они начитаны, знатоки *томара* и

даровиты; и разговор, и торговля и беседа — все ведется вежливо и со знанием; говорят они на *грабаре* и высоким стилем. Сами они величавы, высоки ростом и сильны подобно джюльфинцам и полякам, так что человеку приятно || на них смотреть. Ныне там находятся армянские Афины. Даже маленькие дети учены и даровиты, постоянно допытываются и исследуют [что-либо]. Дети помавают рипидой и бьют в кимвалы так сладко [звучно] и внимательно, как в других странах и священник не умеет.

Город изобилует товарами и фруктами, но особенно хороши и сладки дыни, большие, желтые и длинные, так что их даже везут *хондкару* в качестве *пешкаша*. Из них готовят на масле сладкое пирожное. Очень вкусен шашлык из дынь. Славятся *пача* Токата, *яичница* Халеба и хлеб-*чахал* Харберда. Слава создателю богу! Там, как и в Мсыре, сидит *беглербек*, находится главный престол сирийского патриарха; имеется большая кафедральная церковь, которая зовется Мариам. Там же престол армянского [епископа].

Солнцепоклонники

За Мардинскими воротами [Амида] мы увидели капище; сказали, что это молельня солнцепоклонников⁸ и что раньше в каждый канун воскресенья они, собравшись там, до вечера ели, пили, а когда темнело, зажигали свет, немного молились, затем, погасив огонь, словно животные с бесстыдными и распутными лицами блудили друг с другом, отцы совокуплялись с дочерьми, братья с сестрами, а матери с сыновьями, как во времена идолопоклонства. Когда об этом дали || знать *беглербеку*, он позвал их, ибо там [такое] сборище солнцепоклонников, как в Арзруме [сборище] цыган, и повелел им не ходить туда (в кумирню). [Тогда] сообщили ему, что они не имеют молитвы (вероисповедания): они не армяне, не евреи и не греки, только говорят по-армянски. Снова он призвал их и говорит: «Какой веры вы придерживаетесь?» Они ответили, что армянской. Говорит он им: «Тогда идите в их церковь, а если

нет, ходите в нашу мечеть, иначе предам вас мечу». Принялись они вопить и, дав взятку, пообещали ходить в армянскую церковь. Тогда отпустил он их и огласил строгий указ, мол: «Кто не пойдет [в церковь], имущество — царю, а голову отсечем». Мечеть же их осталась заброшенной, ибо они рассеялись: одни отправились в Персию, другие — в Сирию, половина — в Токат, Марзуан и другие места. А те, кто остался там, из страха и ужаса нанимали какого-нибудь армянина, мол, ходи вместо меня в церковь. Иные же из недели в неделю поочередно и по порядку ходили в церковь, но поневоле — как евреи в римскую церковь.

У других ворот [города] было армянское кладбище, где находились дорогие и большие гробницы с надписями, как в Польше, и все камни были черные. Сама крепость, построенная из камня, была очень крепкой и неприступной, с большими башнями. У подножия [крепостной] стены течет большая река Евфрат и, слившись у Ниневии⁹ с текущим из Сирии || Нилом¹⁰, течет [далее] в Багдад.

Там я прожил две недели. [Затем] снова вернулся вместе с *вардапетом* Магакией в Себастию и Токат, а оттуда в Стамбул.

11. ПАЛОМНИЧЕСТВО В ИЕРУСАЛИМ.

Приготовления

Там (в Стамбуле) я пробыл один год, трудясь и зарабатывая перепиской книг, чтобы накопить [деньги] для поездки в Иерусалим, ибо я дал обет [побывать] и там. В Стамбуле писцы очень ценятся, и, хотя [там] много монахов, писцов нет, ибо чтение — это одно искусство, а письмо — другое. Мне дали переписать много книг и миряне, и монахи, и священники. Я же работал, трудился и старался дни и ночи, || беспрестанно спешил и торопился, чтобы заработать на дорожные расходы, ибо у меня ничего не осталось. В день я зарабатывал 50—60 *драхм*. Да благословит бог народ и священников Стамбула, ибо в тот год я скопил 80 *курушей*.

Отъезд

На усение богородицы паломники наняли судно; я также купил себе место, приготовился в дорогу и [заготовил] продукты, ибо мне сказали, что для путешествия по суше потребуется больше въездных пошлин и расходов. У всех были любимые, родственники или соотечественники, только я был чужеземец и никого не имел. Однако в той стране люди очень боголюбивы, богобоязненны, человеколюбивы и любят чужеземцев; увидев, что я печален и грустен, они утешили меня и ободрили, пока я не познакомился с [ними] и не привык к ним.

Когда мы сели на судно, поднялся попутный ветер и за три дня донес нас до Галлиполи; там суда подвергаются осмотру. Там мы пробыли три дня из-за воды и сухарей. Оттуда мы достигли великого Родоса; это большой порт и неприступная крепость. Там оказался Халил-паша¹ || с 60 галерами, стоявшими [на якоре], и воинами на них. Там мы пробыли пять дней, ибо боялись франков. Этот город имел тройную крепость и [друг к другу] близко стоявшие неприступные и прочные башни. Там были парки, цветники, сады, много винограда и фруктов; [все] здания — франкские. Вместе с нами капитан отправил три галеры.

Призвав в помощь бога, мы вышли в открытое море, которое лежало у нас на пути. Больше не стали нам видны горы и доли, но лишь море и небо. У нас было пять галионов; каждый галион, как дворец, был в три этажа: трюм, середина и верх; там помещается столько товара, что его с трудом можно погрузить за шесть месяцев и за шесть месяцев разгрузить; а если не окажется товара, туда грузят столько [разных] материалов, камня и больших строительных балок и бревен, пока [он] не заполнится. Он (галион) имеет девять парусов, 150—200 служителей, моряков; одни — повара, другие — сокольники, бочары, смольщики, клеймовщики, писцы и прочие; в трех местах там находятся кухни; есть 30—40 кают, 15 быков, 50 овец, лошадей, а также прочие съестные припасы, тысяча бочек воды помимо вина и уксуса; там же находилось

несколько путешественников. Там было одно судно по имени «Кырх аршин»*, реи которого были толщиной в два кулача и длиной в двадцать шесть кулачей, а на верхушке было [устройство] наподобие тарелки, на которой постоянно сидит человек, высматривает || на поверхности [моря] суда и предупреждает, чтобы были готовы [к нападению].

Однажды страж поднял шум и закричал: «На помощь! Остерегайтесь!» И говорит: «Вон враг идет». Поднялась страшная суматоха, зарядили пушки, взяли ружья, вооружились, приготовились; поднялся шум, плач, вопли и крик. Кто может рассказать или описать [это]? Всех нас отправили в трюм, а двери за нами закрыли; казалось, что мы задохнемся в трюме, многие упали в обморок. Воины, [вооруженные] мечами и саблями, дротиками и копьями, пиками и луками со стрелами, поднялись на трюм, готовые к атаке. Однако бог смиловился над нами, ибо ветер дул нам в спину, а им в лицо, поэтому [они] не смогли нас догнать. Мы достигли Александрии, то есть Скендера². Из сопутствовавших нам галер три скрылись на Кипре, а одна отстала, ибо была тяжело [нагружена], и ее захватили франки. Тысячу раз жаль, ибо на ней были три армянина-купца. Вышли мы из трюма, принесли жертву и устроили празднество, палили из пушек и воздали богу славу.

Александрия

Этот город построил Александр Македонский и назвал его своим именем. Это большой город, огороженный стеной, однако половина его пустынна³; со всех сторон [он окружен] морем, и лишь с одной стороны суша, || откуда течет река Нил. Здесь мы испили воду третьего рая⁴, увидели и место [обитания] 72 переводчиков, где на побережье еще остались развалины их жилья. Здесь, в [городе], находились четыре посла. Там были одна греческая церковь и большие ханы. [Здесь] жили греки, копты, франки, но армян не было. Была одна каменная церковь

* Букв. «сорок аршин» (тур. kırk arşın).

имени Савы, очень чудотворная и могущественная на море, потому моряки просили у нее помощи. Войдя внутрь, мы обошли ее и, поклонившись, вышли. Там с каждого взяли *харадж* по одному золотому, даже с иереев, но с иноков не берут. Там было множество очень жирных и мягких перепелок; пять-шесть [штук] — один *пара́*; впрочем, из-за обилия жира мы не смогли [их] есть. Но из их мяса сварили плов. Там было превосходное франкское вино. Глубоко под землей, в пещере, мы увидели каменное сводчатое строение, а внутри пресную воду, ибо там нет ни дождевых колодцев, ни воды. Под городом повсюду была вода. Там мы увидели очень высокие и красивые финиковые пальмы. Небольшая речушка вытекала из Нила и текла в город. Сказали, что эту воду с большими трудностями провел в город царь Александр.

Путь из Александрии в Каир

Здесь начинается Малая Аравия. Они (арабы) не черные, как индийцы, а смуглые и темные, женщины у них крупные.

|| Сев на суденышко, которое на их языке зовется *тчера*, мы, [плавя] вдоль берега моря, за полдня достигли города Рещида, очень богатого торгового порта. Здесь мы увидели всю целиком желанную райскую реку Нил, которая с шумом несла большие волны и впадала в море, как Дунай в Черное море. Надо было там видеть, в каком бурном волнении река сталкивалась с морем при впадении [в него], ибо море мешало реке влиться в него. Сказали, что, когда дует ветер и поднимается буря, никто не может там проехать, ибо несутся гороподобные водяные валы и с шумом сталкиваются друг с другом, а потом волны выравниваются и исчезают и поднимаются горы песка, и шум сталкивающихся волн слышен на расстоянии дня пути. Мы въехали в город по пресной воде. В начале реки стояла укрепленная крепость, а оба берега были покрыты зеленью и финиковыми пальмами, которыми мы восхищались в пути. Вступая в огороженный стеной город, мы увидели горы бобов,

чечевицы и риса, много коровьего масла и меда. Здесь также находился посол Франции. [Там] мы пробыли один день.

Наняв маленькое суденышко другого типа, мы со страхом и дрожью вступили на него, ибо боялись арабов, так как они поднимались на суда и похищали людей. Впрочем, христиане дали мне добрый совет: «Ты, мол, человек простодушный; || не вздумай садиться у борта, но [устройся] под реей». Арабы вероломны, но очень боятся ружей греков, а также *сипахов* и яшычар. Так как дул слабый ветер, а течение реки быстрое, моряки привязали к концу реи длинную веревку и, выйдя на берег, стали тащить [судно] вдоль берега. С обеих сторон подходили голые арабы и просили хлеба; греки стреляли из ружей, и они убегали. Когда наступил вечер, нам наказали быть осторожными, ибо арабы — разбойники и лукавы.

Некий [человек] рассказывал: «Не спите, ибо когда-то я плыл по этой реке в Мсыр и, зная их хитрость, собрал все, что имел, — серебряную саблю, седло, кладь и сумку, положил все под себя, а седло под голову и старался не уснуть, однако сон одолел меня. Увидев серебряное седло, арабы подплыли, поднялись на судно и хотели взять [седло], но не могли, [боясь], как бы я не проснулся. Тогда один схитрил — укусил меня за большой палец ноги; от боли я подпрыгнул, а они схватили седло и убежали».

В то время как он рассказывал это, кто-то принялся вопить, крича: «Горе мне, горе». Мы поняли, что его стянули в воду, придушили и, нащупав на спине пояс, — в той стране все хранят деньги в поясе, — достали деньги, а его бросили в воду. Нечестивцы так хорошо плавают и || ныряют, что нет живых творений, равных им; они похожи на нырков. Мы своими глазами видели, как они ныряли в реку, оставались там одно мгновение и выплывали в другом месте. Если бросишь в реку монету, они нырнут, найдут и достанут. Ночью они, как рыбы, плывут за судном и похищают людей, которые уснули, так что больше и не увидишь их.

Меж тем мы, [плывя] вдоль берега, за два дня достигли портового городка, называемого Булак. Это также красивый

египетский порт; отсюда река течет в другое место. Мы сошли с судна и наняли ослов, ибо отсюда до Мсыра четверть мили. Отсюда воду отправляют в Мсыр; сказали, что ее возят 40 тысяч верблюдов.

Мсыр (Каир)

Войдя в Мсыр, мы так долго шли, что устали; лишь через два часа мы достигли армянского квартала, ибо город был очень велик и многолюден.

Там была коптская церковь, а в ней одну часовню выделили армянам, наверху находился женский терем, а еще выше жили монахи. Здесь были один священник из Никисара || и инок *тер* Магакия из Токата, который принял меня очень любезно и никуда больше идти не позволил, но оставил у себя. Я прожил там два месяца, и [за это время] ни одной монеты он не позволил мне истратить, но сам угощал меня различными кушаньями. Да вознаградит его господь Христос тысячекратно за каждую его [услугу]! Лестничная клетка была очень темной, [поэтому] там день и ночь горела лампада.

В Мсыре было более 200 семей армян, все [они] бежали от джалалиев.

Копты

Город этот * так же велик и многолюден, как великий Рим. Сказали, что здесь согласно *дафтару* живут 40 тысяч домов коптов⁵. Все они состоятельные и богатые люди, ибо здесь [место] их сборища, как у евреев в Салониках, и все дела города находятся в их руках. Они имеют каменные дома, одеваются в шелковое увясло и сидят в диване паши, ибо они от предков унаследовали [должность] писцов дивана и *дафтаркетабчи*. Среди них есть человек, который является владельцем 100 тысяч *курушей*. Впрочем, церкви их находятся в мрачных и

* То есть Каир.

темных местах, покрыты сажей и даже вместо лампад там висят длинные паутины. Алтарь и четыре стены покрыты пылью. Полагаю, что никогда там не подметали и не вытирали. Их патриарх сидит в Скендерийе. || Их церкви не имеют ни правил, ни порядков, ни украшений, — о чем же мне писать? Они поступают согласно еврейской ереси, ибо, как и евреи, обрезают мальчиков, а когда они достигают 10—12 лет, крестят их подобно арианам. Когда они отправляют литургию или другую службу, лица и головы покрывают покрывалом и по-гречески поют «Кирелезион» * и прочее, а вместо кимвал бьют в щелкушки. Их женщины также поют какую-то песнь, ударяя пальцем по губам и бубня при этом; и это не только в церкви, но и на свадьбах и на всех празднествах. Иереи имеют жен; иноки носят черное вретисце; мяса вовсе не едят; в постные дни не едят постного масла и не пьют вина. Миряне [по обычаям] не отличаются от евреев **. Монахи надевают на голову большой черный колпак из власяницы, как евреи в Польше; точно так же [одеваются] и миряне. Впрочем, они мало заботятся о молитвах и других добродетелях и благих делах, соблюдая лишь пост и голод. Мудрости и дарований я у них вовсе не заметил. Просvirки, как и у греков, из домашнего хлеба, да и их всяк печет и продает. Они обрезают не только мальчиков, но и девочек, а если хочешь узнать причину этого, почитай историков, коих нет нужды повторять. Нищие и немущие у них живут || очень плохо, [ходят] с непокрытой головой и босиком, как арабы; капы не имеют, но [носят] лишь толстую рубаху и короткую широкую безрукавку. Пищей им [служит] хлеб из отрубей и бобы, и тот с пеплом и всякими овощами, так что курдский просяной хлеб лучше этого. Зачервивевший и заплесневевший вонючий бурдючный сыр они едят как сахар.

* Букв. «господи, помилуй» (греч. *кирие элейсон*).

** В тексте: *աշխարհ(ազաճ)ք Եւս որպէս հայք* — «миряне такие же, как армяне», что не соответствует общему смыслу контекста. Поэтому мы перевели эту фразу как «миряне (по обычаям) не отличаются от евреев», полагая, что вместо *հայք* должно быть *հրեայք*.

Феллахи

Нечестивые арабы-феллахи очень неопрятны и грязны, ибо едят все нечистое: кротов, мышей, змей, лягушек, выпавшего из живота коровы дохлого теленка, кошек, лисиц, волков, бобров и других поганых, издохших и провонявших [животных]. Они ничем не брезгают и едят, как собаки; мышей же готовят в *ашхене*, ибо они у них в почете. А мясо овец и быков они разделяют, подобно евреям, вытягивая все жилы, кости и сухожилия, так что остается лишь мясо, нарезанное наподобие *куфты*. Повара да и все арабы омерзительно нечистоплотны, наги и бесстыдны, [ходят] в одной рубахе на грязном теле, лица и руки у них невымытые, губы большие и отвислые, из носа сопли текут, глаза гнойные, из ушей течет желтый гной, на ногах у них можно посеять зелень, колени как у верблюда, и всем телом они подобны гергесейскому бесноватому⁶. Когда месят тесто, рукой трут глаза, иногда промежности; ногти длинные и || черные; точно так же тарелки, кастрюльки и другие сосуды дают лизать собакам и свиньям. При виде всего этого мне стало так противно, что я убежал и дал себе обет ничего не есть из их рук.

Городская вода

Однажды мы пришли к местам, где собирают воду, которую во время разливов реки Нила запасают в колодцах, на улицах и в ущельях. Мы увидели озеро, из которого водоносы таскали воду — кто на ослах, а кто на плечах; вода была мутной и грязной. Я спросил: «Почему [такая]?» — «Потому, — сказали, — что из каждого дома сюда стекают сточные воды и нечистоты». Там же купаются дети, моются там грязные арабы и их женщины, а также стирают белье. И еще сказали: «Сейчас хорошо, воды много, а когда спадает и высыхает, тогда начинает гнить; посмотришь, чего только не окажется в воде, и дохлые собаки и люди». Я спросил: «Тогда откуда они пьют?» Сказали: «[Привозят] на верблюдах из Бултаха или из Бу-

лака». Я всегда посылал за [водой] в Булак, ибо [он] находится близко.

Расскажу я вам еще об одном чуде: привезя эту мутную воду, ее наливают в большие ямы и карасы, потом края и стенки [обмазывают] горьким миндалем и абрикосовыми косточками, и тотчас вода становится чистой || и прозрачной, тогда ее пьют, а без этого она бывает настоящей грязью. Там очень жарко и много блох; из земли изготовляют красивые кувшины; ночью воду выставляют на холод, а утром пьют холодную [воду].

Там был большой турецкий хан, который звался Халилхан. В нем живут лишь турки, армяне и мусульмане. Они гнушаются арабами, сами пекут там хлеб, имеют отдельных поваров, мясников, *кахведжи* и других, ибо там много купцов. Мы все покупали оттуда хлеб и *лаваш*, мясо и ягнят, масло, фрукты [и прочее].

Ходжа Ибрагим-шах

Там сидит великий *беглербек*; [там] были хорошие ремесленники, золотых дел мастера, оружейники, златошвей и другие мастера из Амида, Халеба и Стамбула. Там жил один *хуюмчибаши* из Амида по имени ходжа Ибрагим-шах, очень мудрый и умный, начитанный и одаренный. Он был церковным старостой и известен при дворе паши и во всем городе. Увидев однажды меня в церкви, он повел меня к [себе] домой; [Ибрагим-шах] имел великолепный каменный дом. Каждый день он приглашал меня к себе домой и угощал различными кушаньями, яствами и сладкими напитками, каких там ни у кого нет, кроме одного лишь посла. Он же давал [вино] для церковной чаши. Водки там || нет. Ее курят из инжира, да и то [это обходится] дорого; она стоит один *куруш*, [точно] так же одна чара, то есть *оха* вина, [стоит] один *куруш*.

В других местах от цыплят несло запахом мусора, а в его доме нет. Я спросил: «Почему так?» — «Ибо здесь, — ответил он, — курица не высиживает цыплят, яйца тысячами закапы-

вают в мусор, а через двадцать дней достают и продают на вес, поэтому они пахнут мусором. Я же, купив их (цыплят), две-три недели откармливаю». Тогда я сказал: «О ходжа, значит, в этой стране мы осквернились. Нужно, чтобы наши рты вновь осыятили в Иерусалиме». Он, смеясь, ответил: «Не думайте, что и я ем их кушанья, [у меня] все домашнее».

Халил-хан. Хнай-хан

Однажды он (Ибрагим-шах) повел меня из золотых дел мастерской на *безестан*, где [продавали] тонкое полотно; края его шелковые, ибо это тонкое и дорогое полотно, которое из турецкого Мсыра и Трапизона развозится по всему миру; впрочем, мсырское [полотно] еще лучше. Мы увидели разнообразное тонкое, пестрое полотно, шерстяные попоны и паласы Мсыра, различные шелковые кумачовые ткани и несчетное [количество] редкостных вещей.

Затем мы вошли в Халил-хан, где находились // многочисленные купцы — армяне и мусульмане из Стамбула, Халеба, Амида и других [городов], а также из Индии, Медины и Абиссинии. Там можешь найти все, что пожелаешь: фарфоровые тарелки, *финджаны* и другие редкостные вещи; неотделанные кнуты [продают] по пять *драхм*; [их] вывозят в Стамбул, красят, приделывают к ним костяные рукоятки и продают по одному *курушу* [за штуку]; [здесь] продают черное дерево, индийские тонкие редкостные вещи и тонкие кисейные покрывала. Из Мсыра до индийского порта, именуемого Тимиат, как и до Португалии, десять дней пути, однако этот [рынок] хорош, ибо все, что пожелаешь, найдешь. И каждый день на этом рынке бывает большая торговля и [собирается] толпа, как на *безестане* Стамбула.

Вплотную к нему находится другой рынок, именуемый Хнай-хан*, ибо там мешками продают настоящую хну, и дешево. Еще дальше [расположен] рынок, на котором продают

* Должно быть «кына-хан» (тур. Kına-han) — рынок, где продавали краску для волос и ногтей — хну.

кумачи из чистого шелка — и пестрые и одноцветные; шелк привозят из [такой] страны, как Сирия.

Еще далее в одном месте находятся два рынка — один для плененных белых турок, а другой для мавров. Войдя внутрь, мы увидели группы черных абиссинцев — мавров, мужчин и женщин, от черноты которых и стены казались черными. Там были нагие и бесстыдные девушки, у которых были видны срамные места. Впрочем, там были в почете не черные, а только белые: одного белого давали, а забирали трех черных. В других ханах продавали обезьян, морских котов и других невиданных || зверей. Пленные турки были одеты и опоясаны, а черные — нагие. Одну черную девушку или черного парня отдают за два *куруша*.

Выйдя оттуда, мы по дороге увидели одного араба, который гнал перед собой 50—60 коз и кричал: «лапан, лапан»*, то есть молоко; кто хотел, тому он надаивал [молока] и давал; если оно не нравилось им, он открывал их (коз) рты и выливал молоко туда.

В начале каждой улицы, как в Венеции, стояло 100—200 гондол; если кто-нибудь хотел отправиться в какое-либо место, платил пять-шесть *драхм*, садился и уезжал и возвращался [на ней], ибо город велик, а рынки далеки и никто не может идти туда пешком. Там есть такие большие ослы, на которых садятся две-три женщины; есть также погонщики ослов**, которые, посадив на осла блудницу, возят ее по улицам. Однако, как и в стране турок, городские женщины и коптки закрывают лица, а крестьянки [ходят] с открытыми лицами.

В Мсыре есть 80 тысяч домов евреев, все они состоятельные и богаты, и так же, как и в Польше, все находится в их руках: и *харадж*, и таможни, и таможенные пошлины, и монетный двор, и прочее; а самые богатые из них ходят в сопровождении 10—20 телохранителей

* Араб. «лабан».

** В тексте: *ḥḍḍar ḥḥḥar* (*ḥḍḍar*) «погонщик мулов», *ḥḥḥar* «чаша». Мы перевели это слово как «погонщик ослов», исходя из общего смысла контекста.

Плоды земные. Болезни

Впрочем, Мсыр — страна весьма неприветливая, безводная, бесплодная и не имеющая вина, там нет ни садов, ни парков, || ни цветников, она [скорее] похожа на ад, поэтому Египет в переводе означает ад⁷, то есть горнило; там нет ни фруктов, ни древесных плодов, только лишь на камедных деревьях растет безвкусный плод, называемый чмез; огурцы [там] маленькие и безвкусные, арбузы также безвкусные, маленькие водянистые, дыни внутри пусты и безвкусны, их посыпают сахаром, а потом едят; и [вообще] там ничего не найдешь, кроме бобов, чечевицы, риса, фиников, тростникового сахара, противных, больших, как арбуз, баклажан, и то невкусных. Туда [можно] поехать только на два-три дня, купить товар [и поскорее] бежать, вернуться домой. Вода и воздух там хорошие. Однако там распространен недуг, хворь какая-то, из-за которой глаза у всех — мужчин и женщин, девушек и юношей — гноящиеся, красные и опухшие. Есть еще другой недуг, [которым страдают] малые дети: едва рождаются, как уши их червивеют и они умирают, как в Стамбуле от чирьев, поэтому дети там не живут. Третья [болезнь] та, что яички у мужчин опухшие и вспучены больше арбуза, и эта болезнь встречается не только у некоторых, но у всех и зовется тепэ. Сказали, что в городе нет соли, а дров мало и те, что есть, продаются за деньги; поэтому в обед кладут каменную соль, чтобы быстрее сварился, иначе будет убыток. А глаза [у них] болят от пыли и ослиной мочи, ибо там годами не бывает дождя. На рынке || многолюдно и тесно, как на рынках Венеции и на рынке Узун-Чаршу Стамбула.

Нравы и быт феллахов

У нечестивых арабов грудь голая, лица безобразные, губы отвислые, и сами они наглы и бесстыдны и никчемны; нет у них ни стыда, ни брезгливости; один отправляет на воду нужду, другой входит в [эту] воду, отводит мусор и пьет. Также развратны и бесстыдны женщины, не стыдятся друг

друга, ходят голые и позорные; точно так же в баню ходят без покрывала, открыто; банщики укладывают их и моют срамные места мужчин и женщин. И так как нет дров, то печи топят мусором, от чего бывает дым и дурной запах. И я вспоминал турецкие бани, еду, все благополучие, а также их благочиние, вежливость и всю благопристойность — и вздыхал. Те даже не харкают и не плюют перед человеком, а эти мочатся, пачкают и совершают много других нечестивых и омерзительных вещей, о которых не считаю нужным писать, чтобы не осквернять вашего чистого слуха, ибо они очень гадки и грязны. Да еще гордятся, мол, мы дети Мехмета и истые исмаилиты⁸, а турки лишь наполовину, чужие и незаконнорожденные [дети], не такие, как арабы; *хондкар* тоже рожден от служанки и не настоящий мусульманин. || Они (мусульмане) враждуют друг с другом: персам не нравятся турки, туркам — курды, впрочем, [арабы] считают персов хорошими, мол, они дети Авраамовы.

Однако оставим их вздорные сказки и перейдем к сути нашего повествования.

Ат базар

Однажды мы пошли на Ат базар. Это большая площадь, там продают несчетное множество верблюдов и ослов, и дешево, ибо хорошего верблюда, который в Сирии или в Халебе стоит 30 *курушей*, здесь продают за 10 *курушей*; так же [дешево продают] и благородных коней; но ослы у них обучены, ибо они быстрее и проворнее лошади; когда араб садится на [осла], тот, услышав его голос, летит. Видя это, мы удивлялись их быстроте, и наши паломники купили 30—40 ослов и откармливали их. Но я не любил ослов и не желал ни их противного голоса слышать, ни их седел [видеть]. Сказали: «Дорога в Иерусалим очень песчаная, так что даже осел не выдержит; ты даже выгадаешь, если купишь кобылу». И я купил хорошую кобылу за 25 *курушей*. Когда мы пустились в путь, быстрые ослы двигались с трудом и оказались старыми и ленивыми, и чем больше кричали на них, тем больше они отставали.

Мы удивились этому, не понимая причины. Нам сказали, что [арабы] сильно || мошенничают, ибо одни колют и мучают ослов, другие кусают им яйца, иные жгут [ослов] раскаленным железом, а те от боли подсакивают. Когда же ослы попадают в другие руки, то уже не боятся. И многие бросили их из-за лениности, а иные продали за полцены; это было бóльшим чудом, чем раскрашенный кесарийский осел⁹.

В Мсыре была большая каменная красивая мечеть с высоким минаретом, называвшаяся Ешил меджит, рядом с нею находился *имарат*, где лежали больные и хворые¹⁰; на дворе также всем, кто хотел, бесплатно давали разные лекарства для глаз, от зубной и головной боли и других [болезней]. Вне города находилась еще другая большая площадь, где продавались быки и овцы; быки здесь крупнее буйвола, а овцы [больше], чем ослы. Мы увидели также шести- и четырехрогих овец. Слава богу!

Эски Мсыр

В другой раз ходжа Ибрагим-шах повел нас в большой и широко раскинувшийся Эски Мсыр¹¹, где стоят еще старые дома, однако он был безлюден. Там были большие греческие и коптские церкви; мы обошли [эти] церкви. Нам показали также много останков отшельников и пустынников, [лежавших] в сундуках, коим, поклонившись, мы помолились. Церкви были каменные и деревянные. Оттуда были видны семь житниц, то есть Шбихлир Иосифа Прекрасного — огромные, || длинные, высокие и широкие, [построенные] из обожженного кирпича¹². [Эти] строения были разрушены.

Вернувшись оттуда, мы вошли в Серай-паши¹³, большой словно город; во дворе бродили большие *девекушик**, то есть страусы; ноги [у них], как у верблюда, голова маленькая, как у гуся, шея длинная, и сами они больше, чем верблюды, а крылья — птичьи; ему говорят: «лети», — он на ноги пока-

* Букв. «верблюд-птица» (тур. *devekuşu*).

зывает, хотя взвалить на него груз, он говорит: «Я птица». Его можно встретить во дворах всех знатных людей. Яйца его стоят 6—8 драхм.

Там есть еще [другой] зверь — крокодил, которого поляки называют *базилес*. [Их] много бывает на берегах Нила. Он зол и опасен, раньше человек не мог [здесь] пройти или жить в городе. Александр Македонский, как говорят, нашел талисман, от которого они издохли и больше не показываются в городе, а только в отдаленных местах. Кожа их прочнее и крепче, чем железо, ее не могут пробить ни меч, ни ружье, ни копье; поэтому, как в других местах двери обивают железом, так здесь — ею. Мы увидели также разнообразных рыб, зверей, пресмыкающихся. Над воротами дворца было повешено ребро рыбы толщиной в *гркач* и длиной в три *кулача*.

[Там] был еще высокий и обширный дворец *дафтардара*; // обойдя его, мы там также увидели удивительные вещи. Феллахи-арабы были в домах как рабы и пленные; в доме каждого ага было по два-три араба. Перед Сераем был еще дворец со множеством мраморных больших и красивых колонн, верх был разрушен, [остались] одни лишь колонны. Сказали, что это дворец фараона. Еще далее находился другой большой, круглой формы дворец. Ныне это мечеть; ее построил Гурджи-султан, ибо Мсыр принадлежал Гурджи¹⁴. Мы увидели еще много других дворцов, строений и зданий. На одном холме был колодезь глубиной в 300 *матов*¹⁵; через каждые 100 *матов* [стоят] быки, которые при помощи колеса поднимают воду наверх: нижние — средним, средние — верхним. Вот таким способом из пропасти достают холодную и пресную воду, ибо в городе недостает воды. Сказали, что на этой работе используют 300 быков.

Матарна

Однажды *тер* Магакия повел меня и всех паломников в Матарну¹⁶, которая находилась в полумиле от города. По дороге [туда] был расположен монастырь св. Саргиса; там хоронили

армянских покойников. В Матарии имеется большой бассейн; вода в нем была налита при помощи колеса. Сказали, что, когда Христос бежал в Мсыр, он остановился в этом селе; Христос попросил воды, пошла [его] мать просить воду, но не || дали [ей], тогда святая богоматерь прокляла [их]: «Да будет ваша вода соленой», и так и случилось. Грустная вернулась [она] к сыну и увидела, что из-под ног Иисуса забила вода. Слава богу! И по сей день во всех местах и селах вода соленая, а там пресная. Каждый день паше возят эту воду, ибо другой он не пьет. Перед бассейном был круглый свод наподобие ниши, скамьи и столы (престолы), где мы заклали жертвы и зажгли свечи.

Оттуда мы вошли в большой сад; обойдя его, мы увидели много лимонных деревьев; в Мсыре лимоны маленькие, величиной с орех, очень водянистые и кислые; повсюду на земле лежали подобно граду осыпавшиеся [лимоны]. Мы увидели и бальзаминовые деревья, но они были высохшими; сказали, что раньше их охраняли четверо *ясахчи*. [Оттуда] мы вернулись домой.

Монастыри

На следующий день мы пошли в [монастырь] св. Минаса, который называют Мина. Это наша церковь; ибо там же хоронят [наших] мертвецов. Во всех церквях есть армянская часовня или престол, ибо, как [нам] сказали и мы нашли у историков, здесь [раньше] было 30 тысяч домов армян; эти церкви остались от той поры.

|| Вокруг Мсыра расположены прославленные и большие церкви и известные монастыри, могущественные и чудотворные: большой и великолепный монастырь св. Антона, к нему примыкает гора, из которой добывают каменную соль, примешиваемую к обеду; другой монастырь — это [монастырь] отшельника Макара, где в сундуке хранятся его святые останки; в этих монастырях много иноков. Есть еще и другие чудотворные монастыри, в которые мы не пошли, но о которых мы услышали

от надежных людей. В десяти днях пути от Мсыра находится гора Синай, [куда] едут Красным морем.

На их судах совсем нет железных гвоздей, но все деревянные, а в море много развалин. В Мсыре много стали, и стоит она дешево.

Вокруг города всюду монастыри пустынников и отшельников; как читаем мы в книгах, Египет цветет отшельниками и пустынниками. Все святые — из Мсыра, где до сих пор еще можно их встретить. Копты надевают убогую и черную одежду, наги и неимущи, многие надевают шапки и *капы* из листьев пальмы, едят и пьют мало, постели не имеют и спят на земле и, отказавшись от всех благ мирских, постоянно заняты подвижничеством и умерщвлением плоти. Таковы у них правила, поэтому || и раньше из них выходило много отшельников.

Пальмы. Подати

Подобно тому как у нас прославляют: мол, такой-то имеет тысячу *курушей*, такой-то две тысячи, так у них хвалятся хурмой: мол, такой-то араб имеет сто [финиковых] пальм, а другой — двести или триста, ибо это дерево очень выгодное. Ничто от него не пропадает: плоды продают, косточки сжигают и получают масло, из листьев плетут корзинки; кору, так как она волокнистая, бьют и плетут из нее тонкие и толстые веревки, дерево же идет на строительство домов, ибо оно не гниет и прочно; так, все, что имеет дерево хурмы (пальмы), идет на пользу и прибыль. Да и сама она зелена, неувядаема и высока, поэтому Давид восхищался ею и с вожделием сравнивал праведных с пальмами, говоря: «Праведник цветет, как пальма» *.

Мы спросили, сколько казны дают царю; нам ответили, что восемнадцать раз сто тысяч красных золотых; их делят на три части: сто тысяч *хондкату*, сто тысяч мсырским воинам и сто тысяч шатру Мекки¹⁷; воины Мсыра и Шама достойны упоминания, они отчаянные и именитые, их насчитывается

* Псалт., 91, 13.

более пятнадцати тысяч, все [они] воинственны и || вооружены копьями, надевают широкие и длинные штаны из красного кармазина.

Мы задержались в Мсыре, из-за того что дорога была тяжелой и страшной, даже караваны не шли из страха перед арабами. Нам сказали, что отправляется казна, и так как на море боятся франков, то ее повезут по суше. Мы обрадовались [этому].

Празднование отправления даров в Мекку

Нам сказали, что в Мсыре бывают три празднества и больших зрелища, во время которых царят великая радость и торжество: первое — *сувкесем*, второе — когда отправляют в Мекку шатер и третье — когда сменяется *мухтесиб*. Я видел два из них и только не видел *сувкесема*. В этот день бывает такая толпа и столько веселья, что весь город гудит. А женщины, занятые шитьем, на эти три дня оставляют работу и веселятся. Из многого я расскажу лишь немного.

[Здесь] в обычае каждый год отправлять на могилу Мехмета черный бархатный шатер, а старый оставлять шейхам. Этот шатер должен быть сделан в Мсыре; весь он выткан и разукрашен золотыми нитками. Говорят, что ткут его 200 женщин и идет на него две-три тысячи *мискалей* золотой пряжи, не считая других расходов и нанизы жемчуга. Один шатер обходится в 40—80 тысяч, еще 40 тысяч золотых расходуется на дорогу; || вместе с ним отправляются бедные хаджи и много людей. Когда [шатер] бывает окончен, его торжественно несут и кладут в Еашил меджит. Спустя две недели украшают десять превосходных крупных верблюдов, покрывают их шелковой тканью, а на шею накидывают тафту, ибо шатер будут везти на них. Украшают еще много других верблюдов и коней, а затем назначается какой-нибудь ага или паша, чтобы отвезти его, ибо это важная служба и за эту службу жалуют титул *парона* или паши. Ага с конницей, а также и все горожане наряжаются, [затем] с великими почестями и торжественно при-

ходят, берут [шатер] и возлагают его на десять верблюдов; и сколько ни есть воинов и слуг, все они должны сесть на коней и снарядиться как на войну. Собираются горожане и все [жители] окрестностей и сел, так что не остается ни одного пустого магазина или дома. Так с плясками, [под звуки] песен, труб и *даул-зурны* [шатер] увозят из города, а зрители толпятся в два-три ряда по обе стороны шествия. Те, кто находятся близко, с большим желанием и вожделением трогают руками верблюдов, а потом касаются своих лиц; они хватают также [концы] шатра и прикладываются [к ним] лицами; те, кто не достает руками, передают близстоящим платки, чтобы они коснулись ими верблюдов и шатра и вернули им, а они прикладывают [платки] к лицам и тысячекратно завидуют верблюдам || и шатру, мол, «вы коснетесь Мехмета и увидите Мекку». Мужчины и женщины так голосят и кричат, что [только] там и смотреть на плач и вопли неверных. Только в древности можно было увидеть такую славу и почести киоту святого завета, когда Давид нес его в дом первосвященника Авиафара, что заслуживало еще больших почестей; но у этих мы увидели больше. Как было бы хорошо, если бы эту любовь, веру и надежду, раскаяние и желание они питали к Христу. Увидев это, мы поразились [их] великой, горячей любви, меж тем христиане вовсе не имеют такой любви к истинному Христу, как они к лжепророку — *кунту*¹⁸.

Точно так же их хаджи, чтобы попасть в Мекку, берут на себя тяготы трудной безводной дороги, на которой в течение сорока дней нет воды и ее приходится везти на верблюдах в стеклянных сосудах, ибо очень знойно; пока достигнут [места], израсходуют много *деканов*, встретятся со множеством происшествий и затруднений; но считая все это пустяком, [идут] со слезами, плача, босые, бия себя в грудь и почитая себя недостойными увидеть *кунта*. Ежегодно в Мекку отправляются более 40—50 тысяч душ. Они идут три раза и тремя путями: один — морем, а два — сушей, || а именно: один (путь) идет через Халеб, Шам, другой — через Маграб. Все должны посетить Иерусалим, иначе их назовут *гутсузхаджи*. Поглядите

только, какую славу и величие имеет *кунт* и сколько подарков и даров отвозят ему, словно во времена поклонения идолам! А сколько горячей любви проявляют те, кто прибывает туда: с бесконечными коленопреклонениями и страхом лижут они землю на его гробнице, целуют голени верблюдов, на которых сидел Мехмет, и прикладывают к ним глаза. Поэтому они почитают всех верблюдов и сочиняют много легенд, о которых считаю лишним писать здесь. Две недели шатер остается там; [потом] его отвозят оттуда в Мекку.

У них есть еще другой, маленький шатер отца Авраама, которого они зовут Халил Ибрагим; этот [шатер] отвозят на его могилу около Иерусалима; однако ему не оказывают таких почестей, как [шатру] *кунта*.

Празднества в честь смены *мухтесиба*

Второй праздник — это смена *мухтесиба*. В эту ночь до рассвета веселятся, как в вечер *рамазана*. В начале каждой улицы устроено что-нибудь удивительное и невиданное, над каждой лавкой висит фонарь, кофейни по-праздничному украшены, и все в городе до зари гуляют и смотрят зрелища, || ибо [устраиваются] различные игры, [показывают] чучела, [звучит] музыка, шутят и смеются, как в праздник радости, и веселье не убывает. Сказали, что эта ночь обходится *мухтесибу* в три тысячи золотых.

Празднества в честь прилива вод Нила

Третий добрый и полезный, приятный и пристойный праздник это *суксесем*. К месту прилива благословенных вод приходят не только горожане либо простолюдины, но и сам паша со своим знаменем, князьями и конницей, имея наготове восемь по-праздничному разукрашенных галер. А лампад, факелов и фонарей так много, что они даже затмевают лик неба и звезды. Вода начинает постепенно прибывать, и словно из кипящего котла разливаются воды реки по всей стране египтян.

Так, прибывая, вода заполняет все колодцы и котловины, а [потом] словно море заливает всю равнину, закрыв даже холмы. Затем все идут к городу, там собирается большая толпа, и, когда потоки воды поднимают суда, тогда наступает великое веселье и ликование и у богатых, и у бедных, и у горожан, и у сельчан, и вообще у всех. Начинают стрелять из пушек и ружей, играть на *даул-зурне*, трубить в трубы; и весь город по реке || возвращается домой. Эта вода остается в стране шесть месяцев, а потом начинает убывать и высыхать, пока не покажется суша. А удобренная земля, согласно притче господя, дает урожай плодов сам-сто, сам-шестьдесят и сам-тридцать и дает так много плодов, что, как сказано в притче, заполняет весь мир*. Если во всем мире будет недостаток [продуктов], Мсыр накормит, но если в Мсыре наступит голод, весь мир не сможет его накормить.

Положение феллахов

[Эта страна] так плодородна, богата и изобильна, меж тем жители ее страдают от голода, нищи, жалки и наги, нуждаются в куске хлеба, ибо никогда они не едят досыта, даже тяжелый хлеб из отрубей. Если им попадается где-нибудь острый, заплесневевший и зачервивевший сыр или дохлая корова, или [еще] что-нибудь, едят словно сахар. Сказали, что они из племени фараона, т. е. цыгане¹⁹; над ними тяготеет проклятие; они трудятся, но не вкушают, засевают, но жнут не для себя и остаются грузчиками, слугами и рабами чужеземных племен. И то, что свершили они над детьми Израиля, ныне терпят от племени турок, ибо все, что они зарабатывают и получают, турки захватывают и отбирают || у них, а [они] остаются ни с чем. В писании сказано, что они [происходят] из поколения Хама, поэтому и на них пало его проклятие. Нет в мире племени более злого и бессовестного, а также презренного и слабосильного, они не только пищи не имеют, но [у них нет] и одежды, плащей, шапок, обуви, [хорошего] дома либо жилища

* Марк, 4, 8.

и прочих благ. Словно свиньи они сидят и встают, едят и спят на земле, совсем не имеют тарелок и ложек, но каждый день едят что-то противное из грязной посуды, которая никогда не моется. Дома у них круглые наподобие овчарен, окружены тростниковой изгородью, наверху открыты, а внизу песок, и сами они наги, некоторые живут в расщелинах скал и в песках. Впрочем, воровства, разбоя и грабежа на берегах реки не бывает. В то время как в других странах дают десятину, они из пяти дают одну [долю], поэтому они лишены всех благ — и духовных и телесных, а также милостей сына божьего.

Путь из Каира в Иерусалим

После всего этого собрали в путь мсырскую казну. От хонд-кара прибыли парча, кафтан и приказ одному важному парону, которого звали Сулейман-ага. Он был другом хуюмчибаши Ибрагим-шаха. Когда он (Ибрагим-шах) узнал [об этом], он обрадованный пошел [к Сулейману-ага] и поздравил его, а тот сказал: «Друг мой, если имеешь || ко мне какую-нибудь просьбу, скажи». Он ответил: «У меня здесь есть племянник, который хочет поехать в Гуцшериф (Иерусалим)». А тот сказал: «О уста, будь то не один, а десять, ради тебя возьму с собой, приведи его ко мне, чтобы я познакомился с ним». Однажды он (Ибрагим-шах) повел меня к нему, [и] я, пав к ногам [его], поцеловал [его] колено. Он (Сулейман-ага) спросил: «Ты о нем говорил?» — «Да», — ответил [Ибрагим-шах]. Он наказал мне, чтобы я всегда останавливался [на привал] около его шатра и приказал также кехье, чтобы тот помогал мне и не позволял взимать с меня гафар.

Когда наступил день отбытия казны, сам паша со своей свитой и конницей с милю провожал нас. Казну сопровождали 300 человек, все мужественные и храбрые, наряженные и опоясанные, и восемьдесят могучих и сильных, больших превосходных мулов; головы всех были покрыты шелком, как головы мулов караван-паши*. Каждому янычару была дана вьючная

* Имеется в виду начальник каравана (тур. kervanbaşı).

лошадь, на них была навьючена казна; позади шло войско, а сзади всех — мы, паломники, которых было сто душ. Впереди ехал [паша со своим] шатром, который выбирал место [привала]. Когда казна приближалась на четверть мили к привалу, мулов украшали и начинали дуть в трубы и бить в барабаны и бубны, [играть] на *даул-зурне* и лире различные песни. Сперва раскидывали достойный царя большой и великолепный шатер ага || и там ставили казну; сто человек никогда не отходили от него. А паломники останавливались далеко [от этого шатра].

В той стране существует такое правило, что таможенную пошлину не платят, если даже имеют товара на 100 тысяч *курушей*; зато с каждой души и скота каждый вечер взимают иногда один *шаи*, иногда — *пара́*, а бывает и *руп*, пол-*куруша* и даже один *куруш*; с осла [взимают] мало, а с верблюда и лошади больше, но с теми, кто едет с казной, говорят почтительно. Когда я выезжал из Мсыра, мне посоветовали взять сахар, лимон и уксус, ибо воды будет мало, да и та горькая, вонючая, заплесневевшая, и, чтобы ее выпить, надо добавить сахар, лимон либо индийский тмин.

Когда мы прибыли в гостиницу, вода еще была. Через два с половиной дня мы достигли Салахадина, там также в озерах и котловинах еще сохранилась вода Нила. В этом селе мы увидели несчетное множество деревьев хурмы; хурмы здесь много и [стоит] она дешево; сказали, что хурму отсюда вывозят в Мсыр, Стамбул и другие места; мы купили свежую и вкусную [хурму] по три *драхмы* за *оха* и довели [ее] до Иерусалима.

Оттуда за один день мы достигли села Хиласа, откуда вывозят хну, ибо горы, ущелья и долины — все [здесь] покрыто низкой, как хлопок, хной, с зеленой, как у гречки, листвою; || после просушки ее перемалывают, и получается мука; там [хна] настоящая, а в других местах наполовину смешана с песком, ибо около тех мест есть мелкий, как пыль, песок, [который] примешивают к ней, чтобы стала тяжелее, поэтому в ней остается мало крепости. Один *оха* ее стоит одну *драхму*.

Уже за день пути чувствуешь ее запах. Мы купили оха [хны] за три драхмы; она имела такой запах и была так крепка, что даже в сухом виде красила руки.

Дальше райская вода исчезла, и в какой бы гостинице [мы] ни останавливались, воды не могли достать, а если где она и была, то бурая и вонючая; впрочем, томившиеся от жажды люди и животные набрасывались на нее. При этом [некоторые] вместе с водой доставали и ил и [таким образом] осушали колодец. Другие же у краев [колодца] рыли песок, откуда выступала теплая и зеленая вода, на которую смотреть не хотелось, не то чтобы пить. Видя это, я вспоминал вкусную воду, вздыхал и, неохотно набрав [воду], подмешивал сахар и с отворачиванием пил. А на других привалах прибывшие до нас люди поглощали всю горькую воду; даже вьючные животные, раза два фыркнув, отказывались пить [эту воду], но [потом] от страшного зноя под жарким солнцем и от жажды [все же] пили. Песок так накалялся, что если положить [в него] яйцо, испечется. Из-за сильной жары и зноя караван никогда не выступал днем, но только ночью. Весь день мы томились от зноя, || а остальные двадцать часов шли. Снизу нас жег песок, а сверху солнце. Кто имеет палас, подстилку или что-нибудь подобное, расстилает их и отдыхает, а кто нет — томится от зноя. Из песка выползают большие кровожадные осы и оводы и до тех пор жалят тело, пока не выступит кровь. Там нет ни дерева, ни ветки, ничего, что давало бы тень, [всюду] лишь один песок. Местами ветер собрал и нагромоздил песок в виде гор, как по дороге в Анкурию или в Бекбазар; от скоплений песка нельзя двигаться ни пешком, ни на ослах, а только на верблюдах и мулах; если нищий идет босиком, — ноги обжигает, если в башмаках, — через пару дней они разваливаются.

Через восемь дней мы достигли *касабы* Гатиа, расположенной на полпути в Иерусалим. Там установлена высокая въездная пошлина: с осла — пол-*куруша*, с лошади — один, с верблюда — два. Паломников там задержали. Кто был богат, сразу же уплатил, а бедным и неимущим досталось много розог и побоев: с них несправедливые арабы силою взымали пошлину.

А мне говорили: «Почему ты купил лошадь? Ты должен заплатить 12—13 *курушей* въездной пошлины». Но да благословит бог души Ибрагим-шаха и Тер-Маргаре, ибо они словно отец или брат много добра и благодеяний сделали || для меня и в Мсыре и по дороге. Как только *парон* останавливался на привал, приходили служители и устраивали меня около его шатра, иногда давали обед, да и *парон* через каждые пять-шесть дней призывал меня к себе и спрашивал: мол, «Как поживаешь?» И иногда говорил, чтобы мне дали воду, ибо он навьючил десять верблюдов бурдюками с водой, [сделав запас ее] на пять-шесть дней пути. Если кто-нибудь забирал мою лошадь, воины догоняли его, отбирали ее и возвращали мне.

Оттуда мы за пять дней достигли Газы, о которой вспоминает в своем послании и Павел *. Это красивая *касаба*, там можно найти все, что хочешь: фрукты и плоды, гранаты, инжир, айву, виноград, маслины, а также воду в водоемах; мы немного утешились этим и досыта напились воды. Оттуда мы за полтора дня достигли порта Рамла, а там до Иерусалима оставалось два небольших перехода. В Рамле высаживаются и паломники, [приехавшие] морем; собравшись в одно место, они дожидаются, пока приедут переводчики иерусалимского патриарха и заберут [их]. Там были большие, но пустые каменные церкви; иерея не было; [там] жили немного греков и пять-шесть домов армян.

|| Отсюда казну отделили от нас и повезли прямо в Шам. Бог да пошлет им благополучие за то, что мы доехали без страха и дрожи; не говоря уже о том, что каждую ночь устраивали *нобат* и каждый раз при разгрузке и погрузке [казны] веселились. В Рамле с каждого человека взяли по два *куруша*; высокую въездную пошлину берут здесь, а также в Гатиа, а в других [местах] мало.

Коварство арабов

Меж тем злое и вероломное племя арабов творит на суше еще больше козней и ухищрений, чем на море, [рассказами]

* Деяния, 8, 26.

о коих я дивлю слушателей; они так хитры и коварны, что никто не сравнится с ними. Немного расскажу вам об этом.

Как мы сказали, караван выходит вечером, чтобы идти, пока прохладно. Когда наступает ночь и темнеет, людей начинает одолевать сон, и охватывают их дремота и оцепенение. Некоторые засыпают на осле и падают вниз, иные же спускаются и ведут животное на поводу. [Тогда] нечестивые арабы подкрадываются, снимают с головы осла повод, один забирает осла, другой берет повод и, натягивая его, некоторое время идет следом, а потом бросает и уходит. Когда человек, очнувшись, оглянется, осла уже нет, один лишь повод в руках. Другие же приходят и смешиваются [с паломниками], ибо караван большой, в несколько тысяч человек, кто кого там знает? Подойдя [к кому-нибудь], они начинают говорить по-арабски: «Эшт калак сейди?», то есть: «Как поживаешь, господин?» А тот, погруженный в сон, что-то бормочет во сне, думая, что с ним говорит кто-нибудь из товарищей. [Араб] же, увидев, что он дремлет, снимает чалму с головы и удирает или сбрасывает человека с лошади и сам, вскочив на нее, удирает. Некоторые из них (арабов) немного поодаль следуют за караваном; если кто-нибудь по нужде или по другой причине немного отстанет, они забирают осла и товар и убегают; они подобны оводам и осам, которые вылезают из песка; каждая яма и куча камней служит им жилищем, ибо в стране Мсыра не бывает дождя; даже в семь лет раз не бывает дождя. Прочие идут за грузом, [находящимся] на верблюдах: кто-нибудь хватает [один] из тюков, другой перерезает веревку и остается висеть на ней, прочие подхватывают тюк и удирают; провисев так некоторое время, [араб] выпускает веревку и сам бежит, а человек, [сидящий] наверху, и другой тюк падают на землю. Вот когда услышишь вопли и плач, крики и печальные вести; кто плачет, что нет выюка, кто — осла, а кто — корзины; скорбят и плачут, но пользы от этого нет.

Могила пророка Самуила

Выехав оттуда (из Рамлы), мы за один день достигли высокой каменной горы, ибо от Рамлы до Иерусалима одни камни и скалы.

У подножья той горы находилось арабское село, где с каждого взяли по одному *рупу*. На вершине горы была могила пророка Самуила. Сказали, что каждую субботу там собираются евреи || и, обернувшись к югу, смотрят и призывают: «Приди мессия, царь Израиля!» Оттуда мы поднялись на холм, с которого был виден Иерусалим. При виде великолепного храма Соломона²⁰ и купола [церкви] святого Воскресения мы возликовали, так что от радости я заплакал там и, пав тотчас же ниц, поклонился святым местам вочеловечения Христа и возблагодарил бога, который сподобил меня, недостойного раба, увидеть святой град, где ступали божьи стопы!

12. ИЕРУСАЛИМ

Прибытие

Там я отдал свою лошадь некоему нищему старцу, а сам до города шел пешком. Существует правило, согласно которому, когда паломники приближаются к светлому Иерусалиму, [духовный] предводитель высылает им навстречу людей. Если среди [паломников] есть епископы и *вардапеты*, он высылает епископов и *вардапетов*; если только священник и миряне, он высылает навстречу главного переводчика и священников. Меж тем вся церковная братия, епископы, *вардапеты*, священники облачаются и наряжаются и всем причтом с факелами и лампадами, кадилами и хоругвями, ладаном и свечами выходят навстречу. И сколько ни есть священников и || [духовных] чинов, всем дают ризу и стихарь, а [затем] вступают в город под пение радостных *шараканов* и духовных песен. Когда они подходят к дверям церкви, к ним выходит патриарх и вводит их в церковь. Поклонившись там земно алтарю, они затем целуют

десницу настоятеля. А он соответственно достоинству распределяет для них жилье: кому дает отдельную комнату, а кому — на двух-трех [человек] одну. Точно так же [поступают] с вьючными животными.

Святой Акоп

В [монастыре] св. Акопа¹ имеется 365 помещений, построенных из камня и извести. Помимо соборной церкви есть еще две маленькие церкви — св. Тороса и св. Апостола. [Монастырь] имеет две большие конюшни, вмещающие по тысяче лошадей, три бахчи [и] мельницы, приводимые в движение лошадьми*. Хоромы и резиденция настоятеля велики и обширны: [есть] кухня, пекарня и погреб. Там, в квартале иноков, дома двухэтажные, с нижним и верхним этажами. У [монастыря] — сорок колодцев; он обнесен высокой и широкой каменной стеной с большими железными воротами наподобие городских, а выше ворот [находится] трехэтажный патриарший дворец. Каждая улица имеет какое-нибудь название.

Там я увидел большой порядок и в церкви и снаружи. Ибо там были 15 || иноков, которые неизменно каждый день служили во всех церквях службу, два *вардапета*, три епископа и хороший мастер *жамасац*. В [монастыре] были привратники, которые днем сидели, а на ночь запирали ворота и ключи отдавали *паронтеру*, пекари, повара, мельники, писцы, свечники, два ключника, портные, золотых дел мастера, счетоводы и [два] эконома: один [ведал] вином, а другой — обедами. [Монастырь] имеет также сборщиков из монахов и мирян, которых посылает в армянские города, двух ризничих, шесть переводчиков. Там неуклонно служили церковную службу, [пели] псалмы, песнопения и [совершали] литургию, каждый день с полуночи бдели на всенощной и каждый день священники [читали] восемь канонных; весь год [они] ели всухомятку и только раз в два дня обедали да и то овощами или одной лапшой; в субботу же

* В тексте: *իրիբ ւաղաշյ շաղաքըն մէջ ձիու*, букв. «три бахчи — мельницы в лошадях».

и в воскресенье [ели] сыр, мацун, яйца, маслины и иногда рыбу. Одежда у них была шерстяная.

Паронтер должен три дня кормить всех паломников, хотя бы их была тысяча душ. В первый день паломникам дают по две большие восковые свечи: одну оставляешь в [монастыре] св. Акопа, а другую несешь в [церковь] Воскресения; существует обычай, что [свечи] надо отнести в тот же день. Каждый человек соответственно своим возможностям дает один или два куруша, а иные — два или три. Через три дня собирают дворцовую плату, || кто сколько может: с епископов, вардапетов, богатых [берут] много, с нищих — мало, с имущих — много, с немущих — немного; не только монахи, но даже нищие должны давать [дворцовую плату]. Затем спрашивают у каждого, что он пообещал или обетовал — сороковицы ли, службу ли на помин души или жертву — [за все надо заплатить], и будь то крест, риза или что-нибудь другое — должно быть там отдано.

У меня был некий знакомый, любимый [мною] епископ по имени Гукас; когда я возвращался, он поехал со мною в Польшу [в качестве] *нвирака*. В Стамбуле я исполнил много его поручений и других вещей; переписал для него много книг и оказал ему другие услуги. Увидев меня, он очень обрадовался и познакомил с настоятелем, ибо он был смотрителем и надзирателем, а также преемником Паронтера²; он (последний) любил его больше остальных. Однажды он (епископ Гукас) повел меня к нему. Пав к его стопам, я отдал ему мои [деньги] для поминания, а он, взяв их, благословил меня и сказал: «Ты должен был бы дать больше, ибо ты из Польши; вот епископ Гукас доволен тобою; ты оказал много услуг святому Иерусалиму». Я ответил: «Я давно выехал из Польши; я сирота и [дитя] бедных родителей, и это труды моих рук, прими от меня немного». Он приказал дать мне отдельную комнату || и сказал: «Пока ты здесь, будешь питаться от моего стола и все, что прикажу тебе, будешь для меня писать». Я поцеловал его десницу и вышел. Он прислал мне бумагу и чернила, и я начал писать циркулярные [послания], он рассылал во все страны *нвираков* и послания церквам и отдельно епархиальным

начальникам, ходжам и протоиереям. Меж тем епископ Гукас наполнял мою комнату всяческими благами: вкусными кушаньями, различными дарами, утешал [меня] и оказывал много благодеяний. Да и вся братия монастыря любила и почитала меня свыше меры, чего я не заслужил. Да воздаст им за это господь. Я пробыл там от [дня] креста Варага (25 сентября) и до армянской пасхи, писал и вместе с другими дьяконами служил в церкви.

Посещение святых мест

Спустя несколько дней местный *вардапет* собирает всех паломников и согласно списку начинает водить их по всем святым местам, где ступали стопы божьи. Всюду он читает *шаракан*, проповедует, рассказывает, показывает все эти места, говоря, что это такое-то место, а то — вот такое-то; затем увещевает нас и говорит: «Тысячекратно блаженны и вы и ваши глаза, что удостоились видеть эти святые места. Хотя вы [проделали] длинный путь, претерпели трудности, горе и мучения || и из любви к святому Иерусалиму лишились имущества, товаров и денег, однако удостоились многих благ и даров». И он говорит еще многое из священного писания. [Затем] коленопреклоненно помолившись, [все] идут в другое место. Так до вечера обходят все места паломничества и возвращаются домой.

Потом все вместе начинают умолять настоятеля, чтобы он приказал открыть врата [церкви] Воскресения³, ибо они всегда заперты, замкнуты и запечатаны; оставлено только отверстие, через которое ризничему дают еду. Все народы имеют там ризничих, которые подметают, вытирают [пыль], чистят, зажигают лампы, курят ладан и совершают литургию. Там был [также] армянский ризничий, святой и добродетельный, аскет и постник, у которого все тело высохло и остались лишь кожа да кости; сказали, что прошло уже 12 лет с тех пор, как он вступил в [церковь] Воскресения; горе мне грешному! Паронтер присылает главного из шейхов, ибо в храме Соломона есть

более тысячи шейхов. Он снимает печать, а *кази* — замок. Вместе с ними приходят *кехья*, *субаши* и *парон* и садятся у дверей [церкви] святого Воскресения, приходит и наш патриарх и садится рядом с ними.

Приходят и переводчики; каждый народ имеет своего переводчика, но наш — самый главный. В то время [переводчиком] был Ходаверди, важный и именитый, знаменитый || и прославленный среди всех народов. Он уже 25 лет был переводчиком. У него было четыре *чауша*, которых он посылал в Амид, Халев, Мсыр, Стамбул и куда только хотел. Но сам он не удалялся из Иерусалима. Он был краснойбай и поэт.

Взимали подушную подать с [мужчин], а также с женщин: с четырех душ один золотой, с иереев два, [впрочем], с иноков, епископов, *варданетов* и клобучников [не брали] ни копейки, а с франков, так же как и с поляков, взимали девять золотых, ибо они не *райя*. Так все платят и берут *тезкере*, как у *хараджчи*. Как только открывается дверь, они смело входят, показывая *тезкере*; кто не имеет, того не впускают. [Церковь] открывают не всегда, но только в праздник пасхи или когда бывает много паломников; для пяти-шести человек не открывают. Дав привратнику по одному *пара́*, мы вошли внутрь. Настоятель и все, сколько ни было с ним, монахи, дьяконы и служки облачились и, зажегши лампы и фонари, с распятием и хоругвью и всяческим благолепием под звон кимвалов и клепал обошли все святые места в [церкви] Воскресения; над каждым [из них] была построена часовня. Там есть 12 часовен 12 племен, и в какую бы ни вошли, сперва пели *шаракан*, а относительно того, какие таинства ||, что за места или в чьих руках [находятся], об этом не стоит повторяться, ибо все это собрано и написано с великими трудностями в [книге], именуемой Тноринаканк⁴. Найди и прочти.

Собор святого Воскресения

Я поведаю вам о порядках, строениях, церковниках, о благолепии, что слышал и видел, обо всем расскажу вам.

В [соборе] Воскресения был небольшой свод наподобие часовни, ибо [собор] Воскресения больше св. Софии. Маковка его покрыта оловом; говорят, что раньше там было золото, но неверные сняли его. Мы вошли внутрь, где находилась святая и животворная могила Иисуса Христа; [над нею] висели 12 огромных серебряных лампад. Нас охватил ужас, и со слезами и смехом мы пали ниц, ибо за великой радостью следуют слезы; мы не переставали кланяться и целовать, и губы наши стали слаще меда от вкусного и приятного, бесценного клада; и чем больше мы целовали, тем больше хотели и желали и не могли утолить свою любовь, ибо она [могила] желаннее и драгоценнее, чем золото и камень, и в мире нет ничего, что бы стоило ее, ибо святая могила Спасителя — это жизнь для всех; иные даже замирали, || восхищенные тонким благоуханием, как некогда ряды апостолов в горнице. Место было столь желанно, что человек не хотел удаляться оттуда, но [стремился] всегда и постоянно служить и священствовать; подобно [апостолам], которые в день преобразования не хотели удалиться с горы Табор⁵ и молили господя: «Если хочешь, сделаем здесь три кущи»*; точно так же и вошедшие сюда не желали выйти отсюда. Меж тем множество людей, которые находились там и, словно жених невесту или кто-либо далекого возлюбленного, с великим нетерпением и желанием ожидали, увидев, что мы задержались там, вошли и принялись тащить нас наружу, вплоть до того что даже рвали наши воротники и рукава, тащили за бороды и царапали лица, однако не могли сдвинуть с места, ибо, лежа всем телом [на могиле], [все] с горячей и беспредельной любовью обхватили обеими руками животворную святую могилу, как если бы кто-нибудь испытывал жажду и утолял ее водами родника или умирал с голода и нашел хлеб. А те, которые имели [особенно] большую любовь и желание, вопили: «Здесь поселиться, здесь жить и не удаляться до самой смерти». Но вот пришли ясахчи и ударами плети с трудом вывели нас наружу, говоря: «Выходите, чтобы и

* Матф., 17, 4.

другие стали сопричастны, ибо она (могила) не только для вас, но и для всех». И, помолившись, [мы] испросили отпущения грехов себе, нашим родителям и благодетелям || и всем христианам. И словно ягненок от овцы мы с плачем и воплями удалились от святой могилы. Вслед за нами группами вошли остальные. Часовня была мала, в ней едва умещались десять человек.

Голгофа. Гефсимания

Оттуда мы поднялись на гору Голгофу⁶, на которой было 15 ступеней. Вплотную к ней [была расположена] наша горница, где находился наш алтарь и престол. Поклонившись всем святым местам, мы вернулись домой.

На следующий день нас повели в Гефсиманию⁷, где находится могила святой богоматери. Это большая и великолепная церковь вне города, в ущелье, куда мы спустились по 40 ступеням, и, читая «Сегодня, собравшись...», мы вошли внутрь. Над могилой божьей матери в церкви была построена куполообразная часовня. Мы горячо и долго молились там, испросив отпущения грехов себе и нашим родителям и благодетелям. Позади мы увидели мрачную и глубокую пещеру; [нам] сказали, что это «Врата ада». Мы поднялись на вершину лестницы, где находилась могила родителей всеблагодословенной богоматери. Мы обошли много мест паломничества, о которых по отдельности написано в книге Тноринаканк. По правую сторону [лежал] Иоаким, а по левую — Анна.

|| На следующий день мы пришли в каменный сводчатый монастырь Архангела, окруженный стеной. В нем было 50—60 каменных помещений. Там также было много святынь.

Выйдя оттуда за город, мы вошли в большой и прославленный монастырь святого Спасителя, огражденный стеной, в котором было 60 новых каменных помещений. Во дворе было прекрасное померанцевое дерево, которое поразило всех*. Мы

* В тексте: *Եւ կայր բազն ծառ մի թորթիջի յորմէ բախեաց ամենայնի*
Смысл этой фразы определить трудно, поэтому мы и переводим ее приблизительно.

увидели также обнесенную оградой древнюю оливу, [о которой] сказали, что к этому дереву был привязан Иисус и мучим там. На нем было немного пло́дов, часть их мы сорвали.

В этих больших местах паломничества повсюду после службы должны давать соответственно [возможностям] человека *уруп, парá, куруш* или золотой.

Гора Елеонская

Оттуда мы поднялись на гору Елеонскую⁸, откуда вознесся наш господь. На горе стоит высокая и большая церковь, окруженная стеной, а вокруг наподобие [церкви] Воскресения 12 часовен 12 племен. Войдя внутрь, мы увидели места ног Иисуса, помолились там и попросили отпущения грехов себе и нашим родителям. Однако ныне [церковь] захватили мусульмане.

Выйдя оттуда и поочередно посетив все места паломничества, мы вернулись и обошли кругом [церкви] Воскресения. || Поднявшись на одну высокую гору⁹, мы увидели там очень древнее дерево, [о котором] сказали, что это дерево Сабек, на котором вместо Исаака оказался висящий овен; на нем было немного плодов, с него мы тоже сорвали. Еще впереди находился жертвенник Авраама, который мы поцеловали, прижавшись к нему лицами. Мы положили туда свои кошельки, чтобы снизошло на них благословенное изобилие.

Оттуда мы пошли в Хачаванк¹⁰; это большой сводчатый монастырь, построенный из больших плит; [он] огорожен кругом стеной и [имеет] просторные помещения. До сих пор еще видно место, где было поставлено распятие; поклонившись там, мы помолились и испросили отпущения [грехов]. Иноки почтили нас и поставили перед нами еду. Он (монастырь) был в руках грузин. Оттуда, пройдя через много мест, по которым ступали божьи стопы, мы вернулись домой.

Природа страны

[Местность] вокруг святого Иерусалима очень камениста, скалиста и безводна. Земли там вовсе не видно, меж тем [страна] очень плодородна, изобилует плодами и фруктами. Горы и долины сплошь [покрыты] оливами. Плоды такие сладкие и вкусные, что в другом месте таких не увидишь; есть превосходные огромные дыни и арбузы, очень большие гранаты, хороший инжир и айва, сладкие и вкусные; [айва], хотя и маленькая, но сладкая и желтая, можешь сорвать с дерева и есть, чего в других странах я || не видел, ибо там вынуждены месяцами хранить, а потом есть; имеются также различные [виды] винограда, и грозди винограда большие. Всех благ там много и в изобилии: белый хлеб, белый мед, превосходное масло, и, согласно рассказу соглядатаев *,

Хоть камениста и безводна,
Но всяких благ полна она.

Мы взвесили одну гроздь, и она оказалась [весом] в полтора оха. Слава богу! Роза имеет изумительный запах, и [розовую воду] возят из страны в страну в качестве подарка и дара. Вино там только белое, красного нет, — дешевое и крепкое, так что без воды человек не может его пить. Оха оливкового масла стоит пять *стаков*, точно так же и кунжутное масло. Белый хлеб пекут и буханками и в виде *лаваша*, но самый вкусный хлеб — *чахал*. Молоко, *мацун*, сливки, масло — очень вкусные и бывают круглый год. Ибо там всегда лето, зимы не бывает: животные дважды плодятся; два раза в год засевают и два раза снимают урожай. На великие праздники [подают] ягненка, но козленок там гораздо вкуснее ягненка, мы также были восхищены его вкусом. Огурцы, розы, ячмень поспевают к пасхальным празднествам, так же как и урожай.

Население

В святом Иерусалиме жило около 12 семей местных армян, но бедных; все [они] — ткачи и поясники, изготавливают для

* Числа, 13—14.

паломников тесьму и чресельники, || а также полотно для сава-нов. Коптов там 20—30 семей, есть также греки, но и они бедны. [Там] есть четыре главных монастыря (соответственно) четырьмя племенам, то есть армянам, грекам, франкам и сербам. Среди них, сербов и франков, нет [мирян], одни только монахи. Эти четыре монастыря [платят] подати *авана*, *чобана*, *парона*, *субаши*, шейхов. Так, круглый год, как установлено предками, эти четыре монастыря платят подати и налоги, не считая того, что нечестивцы несправедливо и обманом, клеветой берут, а за проступки штрафуют на сотни и тысячи. Горе мне, ибо из-за моих бесчисленных и несчетных грехов бог предал дом свой и город в руки неверных, жестоких и злоумышленных!

И сколько бы ни прибыло паломников, много или мало, богатых или бедных, *парон*, *субаши* и шейхи поздравляли [армянского] патриарха, а тот должен был посылать им дорогие подарки. Другие племена не имеют такого места или монастыря, [как армяне], их паломники приезжают и останавливаются в гостиницах. А армянский [монастырь] св. Акопа большой и просторный и, если даже прибудет 10 тысяч душ, [все] поместятся, ибо он подобен городу. Слава богу!

Когда наступают великие праздники, отовсюду начинают прибывать паломники; с четырех сторон, туда и обратно, морем и сушей. Те, кто [живет] близко, || торопятся приехать к воздвижению креста и к пятидесятнице, другие — к великим праздникам, часть — к великой масленице, а прочие — от начала великого поста до вербной недели. Без паломников Иерусалим пустынен, но на пасху бывает много мужчин. На великий пост врата [церкви] святого Воскресения открываются каждое воскресенье, и, сколько хочешь, можешь входить [туда] и выходить.

Мы досадовали и тосковали, ибо Иерусалим подобен монастырю, это место святынь и паломничества, но не купцов. Но когда наезжали паломники, бывала и великая радость, ибо приезжали со всего мира. В наш год* там было свыше ты-

* То есть в 1617 г. (прим. Акиньяна).

зачи человек. Вместе с последними паломниками прибыл и католикос Сиса, духовный владыка Ованнес¹¹, которого я уже долгие годы стремился увидеть и, [наконец], достиг [исполнения] этого желания в Иерусалиме. Благодарение и слава богу! Во время масляной площадь перед воротами [монастыря] св. Акопа уподоблялась ярмарке или базару, ибо все, что пожелаешь, ты мог там найти: и еду для людей, и корм для животных, и полотно и прочее.

Посещение реки Иордан

В великий понедельник *парон*¹² присылает человека, мол, горе тому, кто не пойдет вместе с *пароном* на Иордан, ведь с каждого || человека он взимает [за это] по два *куруша*. Собравшись все вместе, мужчины и женщины, старики и юноши, монахи и миряне [отправляются] — одни на ослах, другие на лошадях, а иные пешком — и к вечеру достигают Сейд Мусы, где подвижничал эфиоп Мовсес. Там есть каменная пещера, медресе и колодезь с протухшей водой. Там мы остановились. Так как было очень жарко, мы с утра томились под палящим солнцем, водоносы разносили воду по два *мангра* за кружку, ибо в Аравии повсюду ходит *мангр*. Мы также купили воду и выпили, но наша жажда еще более усилилась, и до того захотелось пить, что гортань и языки наши высохли, ибо вода была горькой и соленой. Там мы увидели страну Содома, где камни горели, подобно дереву, и [на них] готовили обед, а обгорев, [они] чернели подобно древесному углю. Там мы увидели и проклятое море¹³, от которого поднимался еще дым и гадкий запах. Мы увидели также город Иерихон, остановились и в Вифагии и в Вифании, где господь оживил Лазаря*; войдя [туда], мы помолились.

Посетив еще много других мест паломничества, мы на второй день достигли реки Иордан. Около реки находились гора Искуса** и монастырь Иоанна, где он молился, и место, где

* Иоанн, гл. 11.

** Матф., 4, 8—11.

он крестил, а перед ней монастырь и обиталища многочисленных пустынников. Река подобно реке Хотин — большая и стремительная. || Рассеявшись вдоль реки, мы разделись, и кто умел плавать, бросились в реку, а прочие купались, схватившись за ветви деревьев и берега, иные обвязывались веревкой, а старики, набрав воды в кружку, лили ее себе на голову; все-таки двое из-за быстрого течения и илистой почвы были унесены рекой.

Парон торопил нас из-за арабов [племени] Аси, [боясь], как бы они не напали на нас и как бы не поднялось солнце и не высушило росу. Хотя все арабы — воры и разбойники, однако Аси и грабят и в плен берут. За один день мы достигли какого-то ущелья, по обе стороны которого была гора, а посередине узкая дорога. Подойдя к началу [ущелья], *парон* раскинул шатер. С ним было двести вооруженных всадников, ибо иначе никто не решился бы выйти из города. Там начали взимать *гафар* по два с половиной *куруша* с человека; кто имел, поскорее отдал и избавился, а кто не имел, [того] били, оскорбляли и даже, бросив наземь, 50—60 раз ударяли каблуком. Горе мне! День стал клониться к концу, люди истомились от жары, а бежать не было возможности, ибо со всех сторон дорога была отрезана. Тогда вмешались священники и богатые люди и заступились за бедных и неимущих; || кто дал по пол*куруша*, с кого взяли по одному *курушу* и тогда отпустили нас¹⁴. Шесть человек все же умерли из-за трудной и каменистой дороги, один из-за сильной жары и один от сильной жажды. Мы похоронили их в камнях; один из них был старый священник.

Вифлеем

В день рождества [Христов] патриарх повел нас в [церковь] святого Рождества Христа в Вифлееме,¹⁵ который находился на расстоянии двух милей от Иерусалима, откуда была видна церковь. На полпути мы увидели могилу Рахили, которая плакала об избииении детей своих и не хотела уте-

шиться*. Оттуда мы пошли в большую и удивительную [церковь] Рождества; верх ее был оловянным, а внутри были красивые мраморные колонны. Однако пещера, в которой родился Христос, находилась в руках франков. Мы попросили, [и] они открыли, украсили [ее], зажгли свечи и лампы [и] пригласили нас [внутри]. Мы вошли, помолились, совершили литургию, попросили отпущения грехов себе и своим родителям и дали церкви, сколько могли. Выйдя оттуда, мы пошли в свой [армянский] монастырь около церкви святого Рождества, который был расположен на ровном месте. Однако он был пустынен и в развалинах из-за беспечных хранителей, почему и разрушился. Сохранилось лишь несколько келий, а церковь и все остальное обрушились. Паронтер начал заново их отстраивать. Там также были часовни 12 племен ||, но наша была больше остальных. Сказали, что [церковь] Рождества построил Трдат¹⁶, а церковь святого Воскресения — Константин¹⁷. Все горожане — греки и бедные — являются слугами монастыря; там были также вероотступники, рабы папы. Мы увидели много других мест паломничества, а [потом] вернулись в монастырь св. Акопа.

На следующий день мы пошли в пустынь Иоанна [Крестителя] в горах и увидели место [его] 29-летнего обитания, а также дом Закарии и Скалу, которая приняла младенца**. Вся церковь была каменная, но службы [в ней] не служили, и священника не было из-за отдаленности от города и из-за арабов. Мы увидели много других разнообразных вещей, о которых подробно узнаешь в Тноринаканке.

Дружба франков и армян

Франки очень любят армян и дружат с ними; три раза в год они приходят в [монастырь] св. Акопа служить литургию, и настоятель устраивает в их честь пиршество и вечерю;

* Иерем., 31, 15; Матф., 2, 18.

** Лука, гл. 1.

эти почести обходятся в 50—60 *курушей*. Точно так же они оказывают почести и нашему патриарху и устраивают вечерю. У нас готовят наши повара, а у них — свои. Греки, копты, айсоры и армяне дружны и единодушны, [взаимно] берут и отдают девушек [замуж]; они приходят на наши свадьбы, похороны и поминки, а мы идем на их; так живут они в мире и дружбе.

Празднества в день вербного воскресенья

У франков в Иерусалиме есть хороший обычай — ежегодно представлять в действиях страсти Христовы, как [это делают] в Риме. В Лазареву пятницу викарий *паронтера* отправляется в крепость, где находится могила Лазаря, и там с иноками служит литургию и бдит всю ночь. Утром в вербное воскресенье он вновь садится на осла и [вместе] с иноками, [идущими] впереди и сзади, спускается меж олив и пальм с горы Елеонской и, войдя в город, проходит мимо [монастыря] св. Акопа, ибо таков был путь. Армяне выходят из монастыря навстречу ему; одни раскидывают перед ослом одеяния, другие [снимают] с головы чалму, а иные кладут под ноги осла ветви и листья олив и пальм подобно евреям, [встречавшим] Иисуса; так, прославляя и величая его, они идут следом, что мы видели своими глазами.

Торжества в дни великой недели

Во время великой недели на площади перед [церковью] святого Воскресения бывает базар, где продаются только духовные вещи; как в Риме перед воротами св. Петра [продают] агнцев и четки, так и здесь — чресельники, кушаки, пояса и прочее.

В страстную пятницу раскидывают шатер суда, и врата [церкви] святого Воскресения окружают стеной. Приходит главный из шейхов и садится, а [затем] *кази*, *субаши*, наш *паронтер*, главный переводчик и *ясахчи*. Потом приходят все палом-

ники всех племен, каждый дает по четыре золотых и входит, и записываются до вечера субботы. Остаются нищие богомольцы, чтобы меньше взяли, ибо таков обычай. Но что пользы от того, если они оказываются лишенными духовных благ, ибо пришедшие раньше входят отдельно по 10—12 раз и исполняют волю [свою].

Сперва в великий четверг прибывшие [паломники] входят в [церковь] Воскресения и совершают [обряд] омовения ног; выйдя оттуда, они идут в пещеру, где молился Христос, а также туда, где его схватили, и там проводят ночь в бдении и молитвах. В страстную пятницу идут || на Голгофу и бдят весь день до вечера; в субботу, на рассвете, спускаются вниз, где Христос был положен в саван, и там совершают погребение, зажигают много факелов, фонарей и лампад, курят дорогой душистый ладан, мирру, корицу, фимиам, *сабур*, после этого бальзамируют и совершают помазание лавандой, бальзамом и другими разнообразными лавандовыми маслами, как то делали жены-мироносицы*. От приятного запаха и аромата масел весь город и улицы наполняются благоуханием; у врат [церкви] Воскресения [все] замирают от восхищения. Меж тем почуяв запах, мусульмане, приговаривая: «Аллах, Аллах!», поспешно идут к вратам Воскресения; многие даже входят внутрь и удивляются: «Откуда у них такой превосходный и редкий ладан, какого даже цари не находят?»

Большая радость бывает у христиан, когда в одно время бывает и пасха франков, ибо [они] вместе с нами ходят крестным ходом, торжественно празднуют и очень веселятся. Но в тот год, когда я был в Иерусалиме, их пасха была на пять недель раньше¹⁸, но даже если они празднуют одни, [все равно] неуклонно выполняют и ничего не упускают.

Тяжелое положение христиан

В стране арабов существовало злое правило, которого не было ни в Турции, ни в Персии: христианам нельзя ездить верхом на лошади, верблюде или муле, а только на осле. На вер-

* Матф., 28, 1; Марк, 16, 1.

блюде, говорят, ездил Мехмет, поэтому они почитают верблюда и величают; точно так же шапки из верблюжьего волоса, шерстяные ткани или что-либо иное [из шерсти верблюда] христианам носить не дозволяется; [шапки] надевают на голову и набрасывают [шерстяной плащ] на плечи только *мевляны*. Впрочем, и на осле нельзя было проезжать перед судом и мечетями и вообще по городу, но только пешком. Я, злополучный, не зная этих горестных обстоятельств, проезжал в Мсыре верхом на осле мимо суда. Вдруг на меня набросились *ясахчи*, дубинкою нанесли мне много сильных ударов по голове и спине и даже сбросили меня наземь. Я не понимал [причину] неожиданного несчастья, постигшего меня. И [тогда] они сказали: «Больше не садись на осла, ибо не велено, но ходи пешком». Не разрешали также хоронить с почестями и пением мертвецов, а словно падаль укладывали [их] на доски и безмолвно несли, да и то по безлюдным улицам, как евреи в Польше; а если кто встречает, то толкает или отворачивается, как от гроба богоматери, и еще ругают верующих, обзывая: «назарейнин», «упрямец», «собака», «свинья», тогда как турки говорят только «неверный» и «неверующий». Самые злые — арабы, персы и курды, ибо они ругают не только человека, но и веру [его], законодателя¹⁹, крест и причастие и другие святыни, о чем не смею даже говорить или писать здесь, на бумаге. Вот в таких страданиях и муках живут верующие; из-за этого нарушена церковная служба, разваливаются церкви, а растерявшиеся и сомневающиеся священники, забросив проповеди, службу и молитвы, пребывают постоянно в заботах и страданиях; и, если иногда идут в церковь, торопятся поскорее кончить [службу] и удалиться, боясь, как бы их не обнаружили в церкви. В той стране священники подобны *гзира*м, ибо они должны заботиться обо всем — и о *харадже*, и о [всяких] происшествиях и о прочем. Священники должны давать приют и пищу *субаши*, *кази*, *чаушу*, *авану*, *чобану*; если потребуется вино или еда, бьют и таскают за волосы иерея; мол, скорее найди нам; то же самое [в отношении] матрасов, одеял и прочего. Точно так же и народ: не то чтобы в церковь ходить,

но от множества забот, налогов, указов и разных податей забыли даже бога, ибо у них нет ни одного спокойного и мирного дня. Хотя двери их [домов] низки и малы, а || дома темные и вырыты в земле, однако нет у них покоя, ибо приходят [неверующие], спускаются [к ним], помыкают [ими] и мучают [их], не говоря уже о злословии, вероломстве, лишениях, захвате [имущества] и несправедливости, которые обрушиваются им на голову.

И кто [из них] может построить хороший дом, держать лошадь или мула, надеть хорошую шапку или повязку на голову или носить дорогую чуху и башмаки? Но [носят] *посдал*, *чарух* и старое-престарое тряпье и все-таки не могут избавиться от них. Только в главных городах — Халебе, Стамбуле и других подобных им — [христиане] живут в некотором покое и мире.

Патриарх Давид. Причины долгов

Оставив в стороне горести и притеснения христиан, кои известны очевидцам, обратимся к сути нашего повествования, [расскажем] о том, как в сочельник появляется свет, какую мы увидели славу и величие армян в святом Иерусалиме.

Сперва начнем с патриархов. Кто они и какими были, откуда появилось богатство [церкви] народа армянского?

Там жил некий епископ по имени Давид, местный житель, убеленный сединами, приятной, красивой внешности и престарелый, говорили, что ему сто лет, родом парфянин, сладкоречивый, смиренный, тихий и || добронравный; кроме того, он искусный и приятноголосый певец и по сей день, только в торжественные дни он поет стихиру и песнопения. Будучи наследником знаменитого престола Иерусалимского [патриаршества], он сел на престол вслед за *тер* Андриасом. Семьдесят лет он был патриархом прославленного монастыря св. апостола Акопа, ныне он по своей воле и желанию отказался от всего, оставаясь лишь церковным певцом. И дал ему Паронтер большой дом из четырех-пяти комнат, с кухней и садом и

200 *курушей* олофе в год; еду, вино и хлеб ему приносят из монастыря.

Во время его [патриаршества] появились джалалии; дороги были отрезаны; [из людей] кто обеднел, а кто погиб. Паломники больше не приходили в Иерусалим, из-за этого возросли долги престола, умножились злоупотребления; долги достигли 40 тысяч *курушей*; выхода не было, [поэтому] вся утварь, золотая и серебряная, будь это крест, потир, кадило, писание, ризы и все остальное, была захвачена неверными, которые имели от этого большую выгоду — 10, 14, 15 [процентов] в месяц, а *паронтер* Давид был человеком мягким и стыдливым. В Иерусалиме, в [церкви] святого Воскресения был некий священник Киракос Трапизонци и епископ Саргис, мужи богатые и видные, [которые], отказавшись от благ мирских, оставили все свое имущество и богатство, а сами взвалили на себя крест Христов, приняв нищенство и отшельничество. День и ночь служа господу богу, они уподобились первым отцам и подвижникам; слава об их житии и подвижничестве разнеслась по всей стране, в особенности среди армян. С ними был и сей Григор, который ныне патриарх [Иерусалима]. То был муж высокий, крупного телосложения, святой, исполненный и украшенный всякими достоинствами, внутренними и внешними, то есть духовными и физическими, именем и делами [своими] подобный Григору Лусаворичу. Об этом [муже] и об обновлении святого Иерусалима и я расскажу и представляю любезным слушателям из многого лишь немногое.

Долги патриаршего престола

Уже задолго до этого епархия армян в святом Иерусалиме была захвачена и разграблена; опустели, как было сказано выше, все святые места и церкви божьи, [отданные] в залог.

Все это случилось из-за беспечности и слабости прежних патриархов. Если нужно было служить литургию, не было ни потира, ни креста, ни евангелия; шли, давали взятку, приносили ризы и все прочее, совершали литургию и поспешно

относили обратно. || Долги так умножились и выросли, что даже святые места были отняты у армян, так что у них ничего не осталось. Горе мне, [ибо] из-за меня, погрязшего в грехах, преданы в руки неверных святыни и святые места Христовы, как в древности ковчег. И сам Паронтер сказал плача: «Было время, когда мы, согласно обычаю, пошли в день рождества в Вифлеем и не имели креста, чтобы освятить воду; сняв маленький крест с тревника, мы им осветили [воду]; в час сошествия света армяне не показывались в [церкви] святого Воскресения от стыда и попреков: мол, «у вас нет ни места, ни утвари, ни риз». Претерпев все это, народ армянский растерялся и унился; и стал он предметом насмешек, издевательств и позора всех христиан. Никто не мог помочь святому Иерусалиму или освободить [его] от долгов, — ни католикос, ни епископ, ни *вардапет*, ни ходжа, ни знатные, ни богатые до тех пор, пока милосердный бог, который не покинул [нас] окончательно и не навечно разгневался, смиловившись, сжалившись [над нами], нашел нам исцеление и стал помощником и спасителем уповающих на него, избавив нас от горя, печали и позора и придя на помощь заблудшим и потерянным.

Сбор пожертвований

18 июля 1059 года армянского летосчисления (1610) пробудил господь бог некоего ходжу Енки Амидеци, подобно тому как в древности Зорабавеля*, чтобы он с великим душевным попечением и заботой отправился в Хaleb по поводу долгов святого Иерусалима. Разыскав там видных ходжей и купцов, он написал и в другие столицы, [чтобы] поскорее приехали в Хaleb посоветоваться о том, как бы избавить Иерусалим от долгов. Тогда воссоздатель всего господь Иисус вновь сам встал и вдохнул в их сердца любовь и охоту, так что по доброй воле и своему желанию благочестивые и боголюбивые *танутеры*, прибывшие из [разных] мест и областей, объединив-

* Закар., 4, 6.

шиеся с *вардапетами* и священниками единством воли и мыслей, приехали в город Халеб и три месяца совещались там и осведомились обо всех вещах и сомнительных делах, то есть о 40 тысячах *курушей*. И не нашли они иного выхода, || как только заплатить долги. Тогда принялись они воодушевлять друг друга и [давать] щедрые дары, многочисленные и радостные, богатые и дорогие. Во главе всех был церковный староста Енкиходжа. И все достопочтенные и именитые богачи начали давать в меру своих возможностей, кто тысячу, кто две, кто пять и более тысяч *курушей*. Были и такие, что дали 10 тысяч. А бедные [дали] 100, 50 и так далее. И набрали сокровищ больше, чем было долгу, ибо давали [даже] нищие и просящие подаяния, слепые и женщины.

Двадцать избранных мудрых и разумных мужей собрались вместе с Енкиходжей, поторопились и прибыли в святой Иерусалим. Войдя в замок, они сообщили *парону* о своих намерениях: мол, «мы хотим уплатить все долги». И повелел *парон* провозгласить всенародно в городе, чтобы все заимодавцы пришли к *парону*, принесли с собой все данное им в залог, и горе тому человеку, кто в течение трех дней не подаст голоса или не принесет залог и не получит плату; после этого данные им *взаимы* деньги пропадут. Так приходили очень многие и приносили, а они (ходжи) в присутствии *парона* и *кази* платили [долги на основании] судебных записей и владенных. Когда уплатили, вновь огласили просьбу: мол, «кто дал *взаимы* либо имеет залог и не придет, что бы потом || ни показал, — запись ли, бумагу или что другое — не будет ему ни суда, ни права».

Выборы Григора Паронтера

Когда уплатили все долги до последней копейки, начали совещаться и искать средства, как или каким образом поступить, или кого поставить предводителем и пастырем, а также попечителем святого Иерусалима, чтобы он заботился о стране божией. И по зову божьему и общему желанию избрали некоего монаха по имени Григор из Татевской области, мужа

добродетельного и подвижника, строго блюдущего религию, посты и молитвы, который с юности был добродетельным. Уйдя из Нахичевана паломником в Иерусалим и поклонившись святым местам Христовым, он уединялся в пустынях и потаенных местах, иногда по ту сторону Иордана, а иногда по эту, временами на горе Искуса, а временами в другом тайном месте, умерщвляя плоть свою голодом и жаждою, вкушая [пищу] лишь раз в два-три дня, да и то небольшой сухарь для поддержания души.

Пригласив и благословив его в монахи и ризничии, они все дела поручили ему. Он же бежал и отказывался от всего, неоднократно его находили и возвращали || в Иерусалим и принуждали исполнить наказ. После всего этого он добровольно и чистосердечно стал служить святым местам. Спустя несколько дней посвятили его в священники, через несколько лет мольбами и понуждением вручили ему армянскую епархию и все церковные дела ²⁰.

А ходжи разъехали по домам. Он же изо дня в день все больше постился, молился и подвижничал и, сидя на престоле, совершил много добра и благодеяний, из множества коих мы расскажем немного, что слышали [своими ушами] и видели своими глазами.

Строительство Паронтера

Сперва он обновил и благоустроил много церквей армянской епархии в городе и вне [его] числом 12, а в [монастырях] св. Акопа, св. Архангела и святого Спасителя построил помещения для гостей и больных, каменные кельи для братий, красивые врата и соразмерные трапезные, сады, виноградники и цветники и много других строений. Он обновил 365 келий св. Акопа и церкви. В его время армянская епархия, преуспевающая, стала пышной и богатой.

|| Затем он украсил церкви и монастыри священниками, *вардапетами*, мастерами, клириками и всеми отроками братии, а также ризами, одеяниями, светильниками и лампадами, раз-

личной золотой и серебряной утварью, а также большими, в рост человека кандилами и крестами, превосходными книгами, большими кадилами, евангелиями в золотых переплетах, ладанницами и прочим. Я увидел там [такие] бесценные ризы и драгоценную утварь, каких и в Польше не сыщешь. Он велел написать новые книги, а старые переплести и обновить. Он установил порядки и правила монастырские, кои в прошлом были нарушены и пришли в упадок. Во всех церквах он назначил ризничих и священников, отправляющих литургию, дабы день и ночь неустанно молились и были зажжены [все] лампы и светильники. Он узаконил, чтобы служили с вечерни всенощную, бдели на ногах и каждый день пели восемь канонов псалтыря.

Он построил сводчатые обители и оградил их неприступными укреплениями, дорогостоящими, великолепными башнями; вот они: святого Спасителя, св. Архангела, св. Тороса, св. Апостола, св. Саргиса и др. Он упорядочил, исправил многочисленные порядки и установления священников, [братий] монастырей, отшельников и мирян, чтобы круглый год они вкушали один раз в день, || да и то постное; только в субботу, в воскресенье и в пять [предпраздничных] канунов разговляются рыбой, оливковым маслом, молоком и прочим. Из-за строительства святых церквей и монастырей он претерпел много ненависти, трудностей и мучений от шейхов, *парона* и прочих. Много раз его сажали в тюрьму, заключали в оковы и цепи, и, связанный, он терпел попреки, ужас и страх, вынесли ему [даже] смертный приговор. Он же, возложив надежды на бога и лишь его призывая на помощь, не боялся пыток и не уклонялся от страданий, не страшился смерти, согласно [словам] Павла: «Кто отлучит нас от любви [Христовой] божьей: скорбь или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч, или еще что-нибудь?»*; и еще: «Страдания ради Христа почитаю жизнью», а также: «Если бы я поныне угождал людям, то не был рабом Христовым»**, и еще:

* Римл., 8, 35.

** Галатам, 1, 10.

«[Являем себя]... под ударами, в темницах, в изгнаниях...» * и так далее. Так, претерпевая много мучений, он был причиной добрых дел и, претворяя в жизнь свои хорошие начинания, доводил их до завершения; и господь бог помогал ему. Он сражался и со знатными [людьми], и с мерзкими клеветниками и арабами и противоборствовал [им] и могуществом божьим одерживал над всеми верх, согласно писанию: || «Если бог за нас, кто против нас?» **

Описание сурового жития Паронтера

Он был человеком добрым, деяниями и житьем своим святой и добродетельный. Речь [его] была красочна и полна мудрости, грозная и всех устрашающая, так что никто не мог прекословить ему, но все, онемев и [словно] набрав в рот воды, умолкали. Иногда он платил штраф в 100, 200, 300 *курушей* и [все-таки] настаивал на своем. Он создал и по сей день создает много других строений, порядков, установлений и правил. Мы такого благоустроенного монастыря, где было бы семьдесят человек, нигде не видели. Сам он также старается, трудится день и ночь, мало ест, мало спит, а ночью, бодрствуя, читает молитвы божии; когда его одолевает сон, он ложится на землю во власянице, надетой на голое тело, [даже] не растегнув пояса, и, немного поспав, снова встает; он [тайно] совершает много других благих дел и подвижничает, что я видел своими глазами и слышал своими ушами.

Когда он строил [церковь] Спасителя²¹, завистливые || шейхи донесли *парону*, что, мол, митрополит Григор, объединившись из коварства и вражды с франками, строит укрепленную крепость, чтобы хранить в ней порох и оружие, ибо [церковь] святого Спасителя была за городом. Они подняли такую свару, что *парон* схватил его и бросил в тюрьму. Когда ему вынесли смертный приговор, он совсем не беспокоился о себе, но постоянно посылал, мол, пусть [приговор] приведут в исполнение,

* Коринф., 6, 15.

** Римл., 8, 31.

а потом его все-таки освободили. И еще однажды, когда он находился с мастеровыми, шейхи бросили ему на голову сверху камень, который упал ему на руку и раздробил большой палец; и сейчас у него нет этого пальца. Он был [человеком] умелым и одаренным и силою денег исполнял все, что хотел, так что даже *парон* стыдился и почитал его. О многом не стану говорить, ибо многословие докучает слушателям, а повторения нагоняют скуку и сон. Я, последний из немощных, с лицом, посыпанным пеплом и проливающими слезы глазами, молю щедрого господа, чтобы даровал ему долгие дни и сохранил его на многие лета, до глубокой старости в добром здравии, на благо святым церквам, на гордость || страждущему народу армянскому и во славу бога. Аминь!

Захват церкви Вознесения

Но тысячей уст [возгласим]: горе нам, ибо в этом году, то есть в 1065 году армянского летосчисления (1616) в святой Иерусалим прибыл побуждаемый злым духом некий *муфтий*, которого звали Азат-эфенди, и, увидев благолепную красоту церковей божьих, исполнился злой завистью, отобрал большую церковь Вознесения и вплотную к ней воздвиг мечеть и минарет. Давно уже шейхи и мусульмане города завидовали, но не могли отнять [у христиан эту церковь], ибо Паронтер [Григор] писал прошения, жаловался в Стамбул, а также ездил в Халеб, Шам [и] взятками спасал церковь. Однако *муфтий* отнял ее силой, ибо он был знатного рода, а также [был] приближенным и советником *хондкара*. И овладело всеми христианами великое горе. Случилось это из-за моря грехов моих; горе мне, что увидел я это несчастье! У Паронтера очень много налогов и податей — в год две тысячи и более *курушей*. У него нет ни денег, ни армян, ибо вокруг все Аравия, только в двадцати днях пути, в Мсыре и Халебе, есть армяне. Если прибывают паломники, он тратит деньги, если же паломники не приезжают, тогда других источников денег у него нет.

Святой свет — дары царя Хабаша (Абиссинии)

В великую субботу Паронтер вместе со священниками и всеми отроками монастырскими идет в [церковь] святого Воскресения, точно так же и все народы со своими главами; и собирается в [церкви] Воскресения много людей пришлых и местных, верующих и неверующих. Каждое племя заходит в свою часовню, а армяне в горницу. И как ни велика церковь, все стены ее покрывают кумачом, украшают также и святую могилу. Сказали, что бархатные занавеси прислал царь Хабаша в честь святого Воскресения; он посылает их каждый год, но из-за очень большой дали из тысячи даже одна не достигает места, ибо дорога пустынна и безлюдна, местами живут дикари и на границе [страны] мусульман — арабы Аси; они не дозволяют достигнуть места, хотя [те] едут в сопровождении конницы. Однажды он (царь Хабаша) прислал 40 тысяч золотых; они (арабы) ограбили [посланцев царя], золото захватили, а людей убили. Только два инока, спасшись, пришли и остались там*. Мы также видели их, они были черны, как уголь, только зубы белые. Их почитали из-за величия и богатства [их] царя, а у мусульман (арабов) они пользовались почетом из-за вод Нила, ибо река течет от них, и, если они захотят, || могут запрудить и отрезать [воду]. Пока эта чудесная река течет по стране христиан, [воды] ее бывают прозрачными и чистыми, но когда она вступает в страну неверных, мутнеет, грязнится и меняет цвет. Слава богу!

Между тем они (абиссинцы) из-за вод Нила никогда не платят ни *гафар*, ни четыре золотых за двери²², поэтому они заходят [в церковь] первыми и зажигают свечи, а потом остальные. Они обходят могилу Христа и держат [нечто], подобное шатру, с которым кружат, бьют в щелкушки, кимвалы и сладко, приятно восклицают: «Кирелезион»; так же кричат и все почитатели креста, каждое племя на своем языке, так что [даже] церковь гудит.

* То есть в Иерусалиме.

Лампада Лусаворича

У армян на кафедру поднимается *паронтер* или учитель-*вордапет* и начинает проповедовать и рассказывать о происхождении света, затем ободряет народ, [говоря, что] блаженны они, что встретились в такой час; поэтому нужно страхом и дрожью, раскаянием и мольбами, исповедью и святостью удостоиться видения света и с великими приготовлениями служить ему. Меж тем несчастные нищие, что остались у дверей, рыдают, плачут и молят, чтобы их впустили. А они || (шейх, кази и *ясахчи*) говорят: «Нет. Дайте три или два золотых». Когда же они клянутся, что ничего не имеют, их раздевают и обыскивают с ног до головы. Если ничего не находят, посылают за переводчиком и говорят: «Что дадите, давайте, чтобы они не лишились света». Он идет и говорит Паронтеру [Григору], и Паронтер убеждает ходжей, молит и просит из любви к Христу: «Не допустите, чтобы они остались снаружи, но подайте каждый соответственно своим возможностям, чтобы они также увидели свет». И в кого проникнет святой дух, подходит и говорит: «Я проведу одного». Другой говорит: «Я двух», а иные — трех, четырех или пятерых. Таким образом, многих вводят в [церковь] Воскресения. Если же останется 10—15 душ, переводчик идет и говорит: «Эти слепы, а остальные хромы, безруки и немощны, пустите их ради любви к богу, ради головы *хондкара* и ради солнца его. Скиньте им по одному *орду*». Они соглашаются: «Лучше, — говорят, — взять хоть немного, чем ничего». Ибо существует *налатлама* против тех, кто не впустит в церковь [видеть свет]. Сказали, что когда-то остались такие нищие богомольцы снаружи, не впустили их за входную плату, мол, давайте полностью, и так остались они лишенными [света]. Но когда появился свет, он сперва устремился для нищих наружу и сжег верхушки мраморных колонн по обе стороны двери. || Многие видели это и воздали славу богу. До сих пор видны места, охваченные огнем. Сообщили об этом *хондкару*, и он, пораженный, послал в Иерусалим указ и грамоту с *налатлама* о том, что, если нищие не будут иметь [де-

нег] и поклянутся, что не имеют, впустить их внутрь, чтобы они не лишились света. И мы также своими глазами видели обожженные и почерневшие колонны.

Этот указ о чудесном свете вырезан на каменной плите дверей [церкви] Воскресения, эта грамота написана по-мусульмански.

Вновь *вардапет* убеждает народ, говоря: «Из любви к богу и ради святого света подайте милостыню, чтобы и те оставшиеся нищие вошли внутрь». Милосердные и жалостные спешат дать, сколько могут, платят им и вводят [нищих] внутрь. И наступает великая радость и ликование. На пасху врата [церкви] Воскресения бывают открыты и ночью и днем, ибо приходят много мусульман и садятся посмотреть на обряды христиан.

А в великий четверг вечером приходит один шейх, *кази*, а также *субаши* и гасят все лампы. *Кази*, *субаши* и два шейха запечатывают скинию Христа и ставят охранниками *ясахчи*, как бы не случилось козней и обмана. Они остаются там || до вечера субботы. И вообще все крестопоклонники (христиане) кричат, ходят вокруг могилы Христа и поют на своем языке и, плача, молят о пришествии света. Монахи каждого племени вместе со своими главами облачаются. Затем наш патриарх жалобным голосом и плача говорит народу: «Будьте осторожны и остерегайтесь грехов, ибо приближается пришествие света. Смотрите, чтобы среди вас не оказался крамольник или злопамятный, или распутник, или маловеер, непокаявшийся или неисповедовавшийся. Знайте, что из-за наших грехов запретит Христос [сошествие] света». И говорит еще много других речей и поучений. Затем велит трижды прочесть жалобным голосом: «Господи, помилуй». Вслед за тем мужчины и женщины три раза, а старики и дети дважды кричат: «Славою Лусаворича восславим господа бога!», потом поют *шаракан*: «Светися, Иерусалим, ибо приспел свет Христа»*, и еще: «Радуйся,

* Эмин, *Шаракан, Канон на священный кивот господен*, М., 1879, стр. 226.

святая церковь»*. Вдруг неожиданно раздается страшный гром, так что некоторые даже цепенеют [от ужаса]. Затем появляются голуби, летящие к куполу. И снова дважды и трижды поют и возглашают: «Господи, помилуй народ» и «Славою Лусаворича восславим господа бога!». Вновь гремит и сотрясается святая могила Христа. Приготовившиеся и облачившиеся монахи || берут в руки крест, евангелие, кадило, хоругвь, а дьяконы, *дпирь* и клирики берут рипиду, кимвалы, а прочие — [что-нибудь] другое. *Паронтер* приказывает всем примириться и поцеловаться друг с другом, ибо Христос не подходит к грешникам и злопамятным, но бежит от них. И вновь трижды громогласно возглашают: «Господи, помилуй», а вслед за тем: «Славою Лусаворича восславим господа бога!». Могила страшно гремит, и на ней появляются большие трещины, оттуда излучается свет и через окно выходит наружу. Увидев свет, начинают снимать печать. Сперва входит абиссинец, следом армянин, а затем грек. Наш *паронтер* пригласил *католикоса* Ованнеса, [который] облачился в ризы, омофор и возложил на голову тиару, как во время святой литургии. И увидел [в яме] лампаду армян зажженную, почему она и называется лампадой Лусаворича. От нее зажигают светильники, и, выйдя наружу, патриарх каждого племени поочередно дает свет своему племени, а они, взяв [свет], касаются его лицами и бородами, и он не жжет, ибо это еще не огонь, но свет; лишь пройдя через третьи руки, [он] начинает жечь; тогда [все] поочередно, один за другим входят в часовню. Святая могила становится красной, раскаленной и горячей, и [с нее] катятся [капли] пота в виде гороха, который стирают тряпками, и на тряпках || словно грязь виден пот. Зажигают 12 лампад, и сколько ни есть часовен, во всех становятся на литургию. После литургии все племена остаются там на ночь, соблюдая пост, и только армяне подкрепляются рыбой, яйцами и сыром, при виде чего другие племена смеются и укоряют нас. Увидев все это, турки кричат: «Аллах, Аллах» и расходятся по своим домам.

* Там же, *Канон Шогакат*, стр. 275.

Впрочем, я расскажу вам о чуде, совершившемся в нынешнем году. Света не было два часа, отчего Паронтер с *вардапетами* и епископами впали в великое беспокойство и в слезное горе и не нашли иного выхода, кроме как молиться богу. Пав у дверей ниц, они долго молились. Там же был и великий *вардапет* Амида *тер* Барсег. Они вопили: «Господи, помилуй нас, ибо на тебя уповаем, и нет у нас никого, кроме тебя; прояви свое милосердие, ибо стали мы бесчестьем для наших соседей, посмешищем и предметом шуток. Да не скажут никогда язычники: „Где же их бог?“ Помоги нам, боже, спаситель наш, ради великой славы имени твоего. Не для нас, господи, не для нас, но ради имени твоего святого». И, пройдя вперед, Паронтер Григор от глубины сердца пообещал богу [совершить] втайне две тысячи коленопреклонений, а *тер* Барсег тысячу коленопреклонений. Тогда милосердный бог смилостивился и сжалился || и послал свет, обрадовав христиан.

Поспали немного, и в полночь ударили в колокол сперва греки, колокол тот был из грузинской бронзы и издавал очень приятный, мягкий и сладкий звук, так что мы даже замерли от восхищения. Затем ударили в деревянный [колокол] армян, который звучал подобно колоколу святого Воскресения, звонко и благородно. И, наконец, начали ночное бдение до рассвета.

Патриарх отслужил пасхальную службу. Надо было видеть там множество епископов, *вардапетов*, священников, монахов, дьяконов, а также облачения и убранство, утварь и чаши. Сам он (Паронтер) облачился в парчовую ризу, сделанную в Стамбуле. Сказали, что она стоит тысячу *курушей*, ибо это очень трудная работа. [Там было также] несколько сотен других златотканых и шелковых риз. Я подсчитал, что в эту ночь в одной только [церкви] святого Воскресения было пятьсот лампад и светильников, не считая [монастыря] св. Акопа и других обителей. И все это принадлежало только армянам. Ибо в то время племя армянское процветало и было богаче всех племен. Полагаю, что если оно когда-нибудь и было таким, то только во времена царей.

Точно также в других местах нет такой церковной службы и книг, которые он (Григор Паронтер) не дал бы переписать или обновить. || Какую бы книгу ни пожелал, найдешь в свягом Иерусалиме. Все это я видел своими глазами.

В нынешнем году* бежал из-за долгов патриарх греков, ибо сказали, что у него 40 тысяч *курушей* долга. Благодарение и слава богу, что мы увидели наши церкви такими благоустроенными и прочными, ибо, как мы сказали выше, было время, когда и армяне находились в таком положении.

Вслед за патриархом поклонились и мы [и] все вернулись в [монастырь] св. Акопа. И сколько ни было человек, он, Паронтер, всех накормил, а было нас более тысячи душ. Усевшись на кровлях и крыше св. Акопа, мы съели ягненка, *хэрису* и *хору* и выпили сладкое вино.

Отъезд

В среду на пасхе паломники начали уезжать из святых мест — кто морем, а кто сушей. Надо было видеть плач и вздохи, когда они расставались со святыми местами, по коим ступали божьи стопы. Сперва мы отправились в святой Вифлеем, затем к [церкви] святого Спасителя и на кладбище, где покоились мертвецы и откуда исходил сладостный запах. Сказали, что грехи тех, кто будет похоронен на [этом] кладбище, простятся, ибо оно приобретено ценою крови Христа²³. Затем [мы пошли] в Гефсиманию и к источникам Селловама, к могиле святой богородицы, к [церкви] Архангела и святого Воскресения, в последний раз попросившись [с ними]. Горе мне, лишившемуся столь прекрасных и спасительных мест, ибо отъезд наш казался таким горестным, как если бы мы [лишились] объятий матери.

Они (паломники), чтобы сесть на судно, направились в Рамлу. А я, ничтожный, продав лошадь, купил хорошего осла и отправился с паломниками сушею вместе с владыкою *парон-*

* То есть в 1617 г.³

гером Гукасом, который ехал в Польшу [в качестве] *нвирака*. Он приказал мне не удаляться от него, и я согласился сопровождать его до Львова, оказывая ему во всех делах услуги.

С нами был и духовный владыка католикос Ованнес. Поэтому Паронтер — патриарх [Григор] — провожал нас до Чешмелу, то есть на полперехода. Меж тем мы в пути ехали и плакали и, оглядываясь назад, || смотрели на святой Иерусалим и вздыхали от глубины сердца. В этом Чешмелу были два больших источника, из которых обильно била вода. Паронтер Григор опять угостил нас обедом и сладким вином, а также приказал сварить пилав и сердечно утешал нас. Ночь он провел там вместе с нами.

Рано утром он благословил нас и отправил в далекий путь. Мы, пав к его ногам, с плачем поцеловали его стопы и, скорбя, послали ему наш последний прощальный привет. Мы очень сожалели о разлуке с нашим благодетельным духовным отцом. И, пожертвовав каждый соответственно возможностям на церкви, мы поцеловали его десницу и отправились с плачем [в путь], ибо расстались с нашим добрым пастырем.

Не только христиане, но и евреи, которые приезжают туда, остаются там и больше не возвращаются. Каждый год едут из Польши евреи, которых я видел и с которыми говорил; евреи всего мира посылают им милостыню. И нам следовало бы [скорее] остаться там, чем возвращаться и сожалеть.

Подвижники в [монастыре] св. Акопа

В иерусалимском [монастыре] св. Акопа жили хорошие люди [народа] армянского, || миряне и монахи, избранные и святые люди, которые остались там.

Некий старец по имени Шахроз, который бежал из царского дворца в Стамбуле, приехал в Иерусалим и оставался там уже сорок лет; за триста золотых он купил бахчу, которую зовут бахчой Шахроза, и с юности работал на монастырь. Ныне, постарев, он уже не может выполнять тяжелых работ, ухаживает только за садом, и все, что собирает три раза в год в сорокоуст,

отдает паронтеру, а сам ходит босиком, с непокрытой головой и прикрывшись старым тряпьем; ест он всухомятку.

Я видел и другого мужа, изготовлявшего четки, который прожил там семь лет; все, что [он] зарабатывал, он отдавал святому Иерусалиму; круглый год он [жил] всухомятку и в день клал 150 поклонов.

Там был старый муж-портной, который шил монастырские и церковные облачения, новые ризы и чинил старые. Круглый год он [жил] всухомятку, из недели в неделю вкушал лишь хлеб с солью. Слава богу!

Там были два ризничих, [то были] избранные подвижники, ибо они ели раз в два дня, да и то немного вареных овощей и один маленький сухарь. Они никогда не спали на койке или в постели, но немного дремали, стоя или сидя.

|| Я видел еще двух других подвижников, служителей святого монастыря. Головы и тела их обросли волосами, колени и пальцы рук, как у верблюдов, ослабели* от многочисленных коленопреклонений, а глаза их покраснели от обильных слез.

Были у монастыря и другие служители, которые из любви к Христу мололи на мельнице, другие пекли хлеб, а прочие исполняли какие-нибудь другие тяжелые работы и службы и постоянно молились. Они всегда находились в церкви и все делали скрыто, тайно от людей носили грубую власяницу, что я однажды случайно увидел. Также и монахи и иноки носили власяницу и опоясывались веревкой, подобно первым подвижникам иссушали и умерщвляли плоть свою голодом и жаждою; лица их поблекли и пожелтели, тела почернели; от подвижничества, многочисленных бдений и бодрствования у них остались кожа да кости; [у них не было] ни подушек, ни постелей, ни одеяла; с непокрытой головой, босые, они спали очень немного; положив голову на доски или на камень.

Там были также собиратели пожертвований, именуемые чаушами, которые проводили ночь, стоя на ногах, ибо, как

* У Симеона здесь описка: вместо «ослабели» (*ἄσθενῆσαι*) должно быть «отвердели» (*σκληρῶσαι*)

в Польше, ночь длится там пять часов, а иные из любви к Христу отправлялись с посланиями в тридцатидневный путь пешком.

|| [Там] был подвижник по имени Абдал, [человек] очень убогий, который никогда не садился ни на лошадь, ни на осла, но ходил [только] пешком, собирая в разных городах пожертвования для Иерусалима; впрочем, он всегда жил в Халебе, нищенствовал и просил жертвования для святого Иерусалима. Все любили и почитали его; одеждой его были лохмотья, [ходил] он с непокрытой головой и босой, а пальцы рук и колени, как у верблюда, отвердели; он постоянно молился и клал поклоны, и все дни ел всухомятку. Вкушал раз в три дня, да и то овощи. Он не имел ни кафтана, ни портов и ничего другого, кроме широкого плаща без пояса, который он надевал подобно мусульманским дервишам на голое тело. Поэтому его очень почитали и целовали ему руку, ибо день и ночь он ревностно старался для святого Иерусалима, так что в год он посылал в Иерусалим три-четыре тысячи *курушей*. Он был опорой и помощником [Григора] Паронтера. Люди в той стране очень милосердны и жалостливы, они не только отдают свои сокровища и имущество, но и себя || не щадят из любви к Иерусалиму; и не только мужчины, но и женщины и вдовы вынимали серьги из ушей, браслеты, ожерелья с шеи, золотые кольца, отрывали серебряные пуговицы и отдавали [их] из любви к Христу.

[Там] был один священник из Джуги по имени Мкртыч, из знатного и богатого рода, который круглый год старался и трудился и привозил из Сфахана в Иерусалим тысячу *курушей* и больше.

В [церкви] святого Спасителя были также женщины и вдовы. А в [церкви] Архангела монахини и старухи день и ночь молились, голодая и подвижничая; и питаюсь всухомятку, они работали и старались; одни собирали колосья, другие пряли лен и заработанное отдавали монастырям. Половина их собирала маслины, ибо все горы и доли вокруг Иерусалима покрыты оливами, и солили их; когда приезжали паломники, они

продавали маслины им, а деньги отдавали монастырям. Другие вязали [?], или собирали снопы, или жали, либо выполняли какую-нибудь другую работу, совсем не беспокоясь о плоти || своей и заботясь только о своей душе и святом Иерусалиме.

[Там] была также старая женщина по имени Улита, которая от подвижничества и многочисленных коленопреклонений сгорбилась. Сказали, что вот уже сорок лет, как она, привезя с собой много имущества, отдала его монастырю, а сама с юных лет подвижничает здесь, работает и отдает заработанное [трудами] рук своих на литургии и церкви. [Григор] Паронтер сказал: «Когда я посылаю ей из монастыря еду, она не ест, говоря, мол, я должна давать монастырю, не то, чтобы [самой] есть». Сказали, что она девственница и строго блюдет религию, ибо раз в неделю ест то да се и умеренно.

Точно так же все иноки и монахи каждый день в полночь просыпаются, читают восемь канонів псалтыря; затем бьют в клепала, еще восемь канонів читают в церкви и до конца пребывают на ногах. Они покорны старшему, [живут] в любви и дружбе друг с другом, у них существует правило, чтобы каждый день каждый из них, согласно поучению святого патриарха Нерсеса, служил литургию в одном из святых мест: в воскресенье — в [церкви] святого Воскресения, в понедельник — в [церкви] св. Архангела, во вторник — в [церкви] святого Спасителя, в среду — на могиле святой богородицы; в четверг — в [церкви] св. Апостолов, в пятницу — на Голгофе и в часовне св. Иоанна, || что перед воротами [церкви] Воскресения, — там находится столп, к которому привязали Христа; в субботу — там, где покрыли саваном Христа. Так, неуклонно каждый день, в каждом месте бывает литургия. Да будет это защитой всем христианам и в особенности народу армянскому.

Тайно от людей и явно богу они совершали еще много других добрых дел, о которых знает только отец-исповедник. [Там] была одна женщина, которая дала обет никогда не выходить из монастыря и не клясться, а еще другая не говорила с неверующими и никогда не ела фруктов. Мы видели много других житий и слышали святых слуг божьих — мужчин и женщин, кото-

рые и днем и ночью [не выходили] из церквей и не переставали молиться, постоянно благословляли бога, просили мир миру и отпущение грехов армянам.

Как Египет цветет подвижниками и пустынноиками, так и святой Иерусалим — избранными и добродетельными святыми; и то, что мы читали о скитских подвижниках, ныне, в эту зимнюю и холодную пору, мы увидели своими глазами в святом Иерусалиме.

И кто как не духовный глава [тому причиной], ибо добрый пастырь имеет добрых овец; глава-подвижник и подчиненные подобны ему; по господам и князьям узнаются и воины, злы они или добры, || ибо как от доброго дерева бывают добрые плоды, так благой глава бывает причиной благих дел, а благой *вардапет* — благого ученика. Блаженно время и еще тысячекратно блаженны патриарх и подвижники, коих мы увидели. Их молитвами да смилостивится над нами господь. Да будет над нами их благословение. Слава подателю могущества богу! Аминь.

13. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ИЕРУСАЛИМА В ХАЛЕБ

Старшим и главой паломников был католикос Ованнес. При нем находились два отрока-инока, целомудренных и стыдливых; один был сладкоголосым певцом и *жамасацем*, второй — словолюбом и превосходным переписчиком. Они были одеты в черную власяницу, и клобуки закрывали их лица. Нас было 600 душ мужчин и женщин.

Полуверы

С нами были также мусульмане, которых зовут полуверами; они также с великой верой совершили паломничество в Иерусалим, говорят на армянском языке, турецкого не знают. Они [приехали] из страны Ромкала; мальчиков, подобно коптам, сперва обрезают, а потом крестят; ходят и в церковь и || в мечеть; поминки по усопшим сперва зовут отслужить священника,

а потом приходит имам и несет хоронить. Они делают это из страха, но больше любят веру Лусаворича, чем Мехмета.

С нами были два конных переводчика и четыре *чауша*, т. е. *хулавуза*, которые ездили взад и вперед. С нами был также и тот Абдал и еще служки двух других монастырей, которые весь путь до Халеба проделали босиком и пешком по каменистой, пыльной и покрытой колючками дороге.

Стоянки в дороге

Мы достигли Турабека, [где] дали по одному золотому. Оттуда мы прибыли в хан Лубен, [где] уплатили по два *пара*; там также мы выпили дождевой воды; там с каждого человека взыскали по два с половиной *куруша гафара*. В полудне пути от Лубена находится Лагиса, то есть город Наблус. Этот город был построен христианами, повсюду в нем церкви, и, кажется, [все] франкские, ибо все они — монастыри; сказали, что здесь обезглавили Иоанна Крестителя.

Оттуда через множество гор и лесов мы добрались до святой горы Табора, а против нее увидели привлекательную и красивую, плоскую и покрытую цветами [гору] Ермон, запахом цветов которой люди наслаждаются¹. У подножия горы было || село; сказали, что на вершине стоит каменная куполообразная церковь 12 племен, однако она разрушена и пустынна. Мы не смогли подняться наверх, ибо караван скоро пустился [в путь].

И прибыли мы в *касабу* Чинди, которая является обиталищем *дэвов*. Сказали, что там были изгнаны из Марии-Магдалины семь бесов*; под одной горой [расположен] город Наин, где господь воскресил сына вдовы**. И в какое бы святое место мы ни приходили, нечестивые арабы ругали нас: мол, вы недостойны ступать по этим святым местам. Мы спасались, [лишь] платя *гафар*, иначе они уничтожили бы нас. Оттуда мы

* Лука, 8, 2.

** Лука, 7, 12—15.

пришли в Айнтухар²; налево от него в полудне пути находится город Назарет, куда отправились некоторые из наших товарищей, ехавшие на лошадях, и рассказали, что в окрестностях есть римские * монастыри, весьма могущественные и чудотворные. Там также мы дали по 12 парá. Из Тучара мы за один день достигли села Лупия. При всех этих стоянках были глубокие колодцы, туда приезжали из окрестных сел и далеких мест за водой с бурдюками, и вокруг колодца собиралось много скота и верблюдов. Из-за воды поднимался шум; кто был сильнее, вытягивал воду и поил животных, и так как [многие] не могли найти места, из-за воды дрались. До сих пор существует правило, которое было в древности. Это те колодцы, из которых доставали воду Иаков, || Авраам и Исаак и помогали Рагуилу³. Около Наблуса мы увидели также колодец, воду из которого попросил Христос у самаритянки **. В дороге мы проезжали также мимо холма, наверху которого были дома и дворец, перед дворцом стояли разукрашенные ворота, от которых остались одни мраморные колонны, сказали, что это дворец Ирода. Пройдя еще дальше, через одну стоянку, мы вышли на красивую ровную долину; сказали, что здесь Христос накормил пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч душ***; проезжая через [то] место, мы, положив наши сумы, пали с поклонами наземь и попросили бога, чтобы и нам было [даровано] такое благословенное изобилие.

С этого места было видно Тивериадское море⁴; спустившись с горы, мы искупались в море. На этом берегу моря стояли разрушенные дома, и сказали, что это [дома] апостола Петра. Еще дальше находилось селение сыновей Зеведеевых, Иоанна и Иакова****. На другом берегу моря [была] гора Тира и Сидона, откуда бежали и упали в море свинопасы*****. Мы напились превосходной воды и вымыли руки и лица. Там мы

* То есть католические.

** Иоанн, 4, 7—9.

*** Матф., 14, 17.

**** Матф., 4, 18—21.

***** Матф., 8, 32.

сделали привал. Оттуда мы достигли колодца, в который был брошен [своими] братьями Иосиф и из которого он был извлечен и продан египтянам*. Над ним (колодцем) на четырех столбах висел свод; около была мечеть и каменная стена; там было превосходное пастбище [с травой] в рост человека, однако колодец высох.

Оттуда мы за день достигли моста Иакова; в том месте, где он боролся с богом**, стоял большой и великолепный монастырь, ныне впрочем разрушенный. Перейдя на тот берег, мы остановились на привал. Река, которую мы перешли, была Иорданом. Там также [с нас] взяли по девять *пара́*. Оттуда мы вышли в жару, и, так как жара была сильная, мы шли ночью; кроме того, страшились арабов; хотя нас было много, мы все же боялись, ибо, как мы говорили [об этом] выше, это — коварное и порочное племя. Каждый день мы встречались с их становьями, они, переходя с пастбища на пастбище, пасли верблюдов подобно туркменам в Турции. Однажды мы встретились с бесчисленным множеством верблюдов, больше чем тысячей, а также с большим числом арабов; вслед за ними прошел большой верблюд с носилками, в которых сидел араб с подобием короны на голове и с ним жена его; сказали, что это царь; вокруг [него] ехали на конях арабы в одних рубахах, с необутыми ногами в стремях; впрочем, кони у них превосходные и редкостные, изящные и породистые, с красивыми и длинными ногами, тонким станом и очень быстроходные. Один конь продается там за одну-две тысячи *курушей*; в мире нет коней, подобных их коням. Как бы ни была гора || камениста и крута, они поднимутся; если в безводных местах три дня не дают воды, молчат; они так быстры и стремительны, что мчатся, как стрела, и летят, как птица, и если будут три дня бежать, не устанут. Каждый грязный, ничтожный араб, не стоящий ни копейки, сидит на лошади в тысячу золотых, без седла, с уздечкой в одну *драхму*, с деревянными стремянами, в рубашке; у них нет другого оружия, кроме копья; им поражают

* Быт., 37, 16—22.

** Быт., 32, 24—30.

человека на расстоянии пущенной стрелы; оно [сделано] из тростника прочного, как дерево. И подобно тому как говорят о ружье поляков, стрелах татар, аркане курдов, так [упоминают] и о копье арабов. Увидев царя, мы остались ждать, пока они прошли; однако вреда они нам не причинили, ибо это не Аси, а Тапы, которые только бродят со своими шатрами, подобно Аврааму, Исааку и Иакову и другим.

За один переход до Шама⁵ мы увидели холм, к которому направился духовный владыка и мы все следом, там он спел *шаракан*, и мы помолились. Сказали, что здесь умер мученической смертью Ваган Гохтнеци⁶. Приблизившись к Шаму, мы увидели полноводные речки, множество виноградников, плодовых садов и цветников. Полдня дорога [шла] одними садами, красивыми и приятными.

Дамаск

Войдя в Шам, то есть Дамаск, мы увидели благоустроенный и богатый, изобилующий фруктами и плодами [город], который был больше Стамбула. [Там] были большие мечети и высокие минареты, дорогие бани и многоэтажные ханы, сводчатые кофейни из чистого мрамора, каких в других местах даже не бывает. На каждой улице, как в Бурсе, много воды, дешевизна и изобилие всех продуктов. Однажды мы пошли в Еашиль — мечеть, которая была высока, обширна и очень красива; сказали, что раньше это была церковь, а ныне неверные ее отняли и превратили в мечеть⁷. По правую сторону от нее находился большой источник, о котором говорили, что здесь был крещен Ананией апостол Павел*. В эту мечеть христианам ходить не позволяют. Оттуда мы пошли на *безестан*, который был похож на [безестан] Али-паши в Эдирне, но это строение, очень красивое и бесподобное, каменное и сводчатое, было больше и удивительнее. Мы увидели [там] разнообразные шелковые ткани, тафту, узорчатые ткани, гут-

* Симеон ошибается, должно быть: «Савл», а не «апостол Павел», см. Деяния, 9, 10—17.

ник (?)*, атлас, вязаные пояса, кфдрик (?)**, тонкое полотно и другие невиданные вещи, названия и цены которых знают только купцы; оттуда вывозят также много шелка. [В городе] были кипарисы, деревья хурмы, богатые магазины и много торговых рядов. Сказали, что в город втекает и бесследно исчезает тридцать ручьев, ибо мельница внизу гонит воду обратно, и никто не знает, куда девается эта вода***. Подобно тому как река Тигр, достигнув [местности] Карин⁸ и исчезнув в песке, больше не видна, так и эта [вода]. Через город протекает еще и другая большая река. Этот город так привлекателен, что своей волею человек никогда не захочет удалиться от [такой] красоты. Там мы увидели белый изюм, крупный, как хурма, зеленый [виноград] и белый как снег хлеб; [там] пекут длинный и вкусный *лаваш*, и, когда его режешь, он тянется, как жилы, а арабы кладут его на плечи и так несут. Точно так же [там] есть белая пастила, превосходная айва и много других благ, вина и прочего.

Мусульмане справедливо говорят: «Эвэл Шам, ахыр Шам»****. Мусульмане в [этом] городе очень робки, человеколюбивы, богобоязненны, христиан любят и никогда не говорят «неверный» или «неверующий», но «слуга Иисуса» или «хаджи». Если *аван* или *чобан* кого-нибудь притесняет, все они бросаются на выручку и освобождают [его], не допускают, чтобы [кого-нибудь] заставил незаконно работать или [совершил] другие какие-нибудь несправедливости. Я не видел в других местах таких приятных и добрых людей; они достойны христианства.

Там жило пять-шесть армянских семей. Сказали, что раньше было пятьсот семей. Церкви и священники перессорились. Священники, ктиторы и прихожане учинили шум || и беспорядки, вплоть до того что предали церковь неверным и, сами будучи преданы неверным, уплатили штраф и были наказаны. По-

* В ориг.: *դուքիդե*.

** В ориг.: *քֆդրիդե*.

*** Так как смысл этого предложения неясен, перевод его приближителен. (*նի ներքեւ ջուր է եւ ջաղջնիքն ջուրն շուր անէ*).

**** «Шамом начинается, Шамом кончается».

этому, из-за своей несправедности, рассеялись они и исчезли, согласно Давиду, как сновидение*. Горе мне, что повсюду армяне в ссоре и вражде [друг с другом] и по справедливости зовутся *хайками*⁹, то есть неединодушными.

[В городе] было 40 тысяч греческих домов, там же местопребывание греческого архиепископа. Сказали, что эфиопов рукополагает епископ Шама. Мы пробыли [там] три дня, видели много вещей, изделий, кумачей и [разных] чудес, а также [много] зданий, которые я не могу описать по отдельности. Мы дали [здесь] по два *куруша*.

Оттуда мы прибыли в одно село и увидели [здесь] на высокой горе сирийский монастырь; монастырь окружала высокая каменная стена; внутри было 46 мраморных колонн и [жили] 40 игумений; там мы дали по три *пара́*. Оттуда мы пришли в другое село, которое называли греческим именем Апрут. Там были две великолепные церкви: одна — в селе, а другая — перед селом, оттуда увезли красивые колонны и поставили их в хане, остались только алтарь и верхние своды.

Оттуда мы приехали в Майлун; [там] мы увидели две высокие горы с каменными пещерами; они стоят так близко друг от друга, словно слились, однако || они не соединены, между ними есть очень узкая, тесная дорога, по которой можно с трудом проехать верхом на коне. Камни на этой горе похожи на [куски] теста, они (горы) так высоки, что если посмотришь наверх, то шапка свалится [с головы]. Оттуда мы приехали в другую *касабу* по имени Харалар; там мы дали по десять *пара́*. Оттуда мы приехали в город Хамус, который был построен христианами; там на высокой горе стоит неприступная крепость, вроде крепости Халеба, вокруг [нее] каменный ров, выложенный тесаным камнем, и стена также из тесаного камня.

Оттуда мы за полтора дня достигли Хамы; дома его похожи на дома Хамуса, а дорога тянется меж оливковых и инжирных деревьев. В Хаме мы увидели большое дерево хурмы, высотой в тридцать халебских *кангунов*, которое служило *долапом*,

* Псалт., 72, 20,

направлявшим в город воду¹⁰, оно находилось на высокой горе. Там были древние каменные церкви и огромные пещеры, разрушенные и пустые, ибо там не было ни одного христианина. Отсюда также вывозили шелк и разнообразные невиданные ткани, златотканые покрывала, скатерти, платки и прочее, кушаки и узорчатые шелка, как в Ша́ме. На заре, когда головная часть каравана тронулась, арабы отрезали его хвост, кого ранили, кого ограбили, у кого увели осла, [унесли] суму и прочее. Поднялись крики и вопли; сообщили || ехавшим впереди, тогда всадники с саблями и мечами вернулись, ибо с нами были янычары и *сипахи*. Стали они стрелять в них (арабов) из ружей, и те бежали. Однако каравану причинили большой вред.

Оттуда мы отправились в Капернаум, то есть в Сыфат¹¹; издали были видны город и крепость, ибо они находились на высокой горе, согласно сказанному господом: «И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься»*. Сказали, что в нем (Капернауме) одни жи́ды [живут] и страна принадлежит Ман-оглы¹². Точно так же жители города Сайида, то есть Бетсайида, и [города] Коразина — самаритяне. Будучи полуверами, они любят христиан, едят свиное мясо, но [мальчиков] обрезают. У них нет ни церкви, ни мечети, ни священника, ни *раби*, ни имама. Почитают Христа, но богом [его] не называют, они близки к евреям и древним законам. Страна эта очень камениста и скалиста. Здесь получают много шелка.

В том году *хондкар* воевал с Ман-оглы, прибыло много войск, а также воины Мсыра и Шама. Меж тем Ман, собрав войско, пошел против них войной и, победив, всех перебил, а прочих обратил в бегство. [*Хондкар*] вторично отправил войско, и его также он порубил мечом, взял много добычи и, став могущественным, дошел до Шама, но в город войти не смог, тогда он не оставил вокруг ни одного строения, || все обратил в пустыню, опустошил и разрушил; сказали, что из-за этого — шелка мало, ибо не осталось ни тутовых деревьев,

* Лука, 10, 15.

ни шелковичных червей — все уничтожил Ман-оглы. На третий год он отправился к папе и, приняв крещение, стал христианином. И дал ему папа в помощь пять галер с войском; он же по пути разорил много городов и островов, а также овладел Айя-Пайясом, Трапулусом и другими прибрежными местами и портами; [затем] он опять отправился в Рим и там умер. Вслед за ним его сын проявил мужество и унаследовал доброе имя¹³.

[Но] вернемся к сути нашего повествования. В Хаме мы дали по одному *рупу*. Оттуда мы прибыли на постоянный двор, где с нас взяли по пять *пара́*. Оттуда мы достигли постоянного двора Тума и переночевали там, ибо это был большой, каменный и красивый хан. Перед ним протекала большая река.

Халев

Оттуда за один день мы достигли известной, прославленной столицы Халеба¹⁴. Духовный владыка повел нас с собой во || дворец, и мы остановились в резиденции епископа. Рядом с дворцом в одном дворе стояли друг около друга четыре церкви: одна — маронитская, другая — греческая и две армянские [имени] святой богородицы и св. сороковицы. В этом году¹⁵ они были заново обновлены и расширены, [стали] большими [и] обширными, куполообразными и сводчатыми, очень красивыми и привлекательными. Строителем был ходжа Санос, брат ходжи Петика. Сей Петик был знатным и видным человеком, ибо разъезжал, как паша, [в сопровождении] тридцати-сорока *ясахчи*, имел янычар и *сипахов*. Сказали, что он имеет двадцать четыре взятых на откуп дела; *комрук*, *мухтесибство*, *субашество*, *ханы*, бани и все остальное находится в его руках.

Халев — большой торговый город и столица. В нем есть торговые люди из Индии и купцы из всех мест, и какие только пожелаешь шелка, там найдешь. Там сидят четыре посла. В нашей церкви святой богородицы || франки имеют три алтаря, где каждую субботу и воскресенье служат литургию, а если [там] служат литургию наши, то они идут в [церковь] св. со-

роковицы. Однако марониты проявляют большую любовь и покорность нашему патриарху; когда выходят из церкви, подходят и целуют [его] десницу и просят отпущения. Если служба не кончилась, они до тех пор ждут там, пока она не окончится, тогда берут крест и выходят; греки же так не поступают. [Там] есть также много именитых сирийцев, они имеют каменные церкви в других местах.

Рядом с епископской резиденцией находились каменные армянские кельи. Епископская резиденция имела каменные нижний, средний и верхний этажи. Патриархом Иерусалима и католикосом Сиса был католикос Ованнес, который постоянно восседал в Халебе. [Там] был также некий *вардапет* Ованнес Урхаэци и архиепископ *тер* Хачатур, [а также] священник, хороший певец; они были гостеприимны, кротки и сладкоречивы. Кроме них, были еще три епископа, пять иноков и пять иереев. Там были триста домов армян, и подобно джюльфинцам и амидийцам [все] они мудрые, богатые и благообразные, именитые и крупные купцы, в лицо которым человек [даже] стеснялся смотреть. [Там] был ходжа Гантил со своими сотоварищами, владельцы 40—50 || тысяч вьюков. Им принадлежат дорогостоящие дома из тесаного [камня], высокие и большие, наподобие [домов] Амида, и стоимостью 10—15 тысяч *курушей*. Это все благопристойные [люди], крупные купцы, которые ездят в Индию, Багдад и Исфахан. Они едят превосходные кушанья. У них есть род кушанья, которое называется *мехла*, похожее на пирог; в него кладут сорок-пятьдесят яиц и разнообразные овощи, но больше всего каперсов, то есть ...*; его без мяса отправляют жариться в пекарню; оно имеет удивительный вкус. Одежда их из шерсти, хутни,** атласа; [они имеют] шестьдесят, семьдесят, сто шерстяных *чух*. Впрочем, ни армянского, ни турецкого языка они не знают и говорят только по-арабски; арабское письмо хорошо читают не только миряне, но и священники¹⁶, и все бумаги

* Пропуск в тексте.

** В ориг.: *խուխի*

переводят на арабский язык; точно так же не знают армянского языка польские и стамбульские армяне.

Город окружен стенами с башнями и укреплениями, имеет десять ворот, на каждой башне — пушки.

Кроме [этих] укреплений [город] имеет очень сильно укрепленную городскую стену из нетесаного камня, высокую и остроконечную, наподобие крепости Хамуса; впрочем эта еще выше и больше, [расположена] она на возвышенном месте и окружена рвом; из бойниц смотрит наружу много пушек. В большом и глубоком рву — вода. Там ты [можешь] увидеть любых животных, каких только пожелаешь. По эту сторону рва лежит Несими¹⁷, на [могиле] которого выросли два тонких и высоких дерева.

Там есть 365 ханов один другого лучше и бесчисленное множество магазинов, лавок, безестанов и другого, и что ни пожелаешь, там найдешь, ибо это большая столица. Там есть также франкские ханы, где сидят послы. [Там] найдешь хорошие шерстяные ткани, чуху, атлас, камку и франкские шелка. Точно так же [в Халебе есть] превосходные бани и здоровая вода в большом количестве. Мы прибыли там один месяц, так как духовный владыка выказал к нам большую любовь.

Когда мы подъезжали к Халебу, в полудне пути [от него] нам навстречу вышли армяне, мужчины и женщины, старые и малые, юноши и девушки, а также сирийцы, копты, марониты и турки, ибо, согласно обычаю, когда приходят паломники из Иерусалима, [все] должны выйти им навстречу. Так как с нами были духовный владыка и викарий города, нам оказали большие почести, [так что] город гудел. Верхом на белой арабской лошади, в золоченой сбруе и седле, оправленных драгоценными камнями и жемчугами, прибыл и ходжа Петик с двумя братьями; сверкали золото, камения и переливчатая драгоценная парча. || Его словно пашу сопровождали множество рабов и слуг, всадников и янычар. Приблизившись [к нам], он сошел с лошади, пал к ногам католикоса и приветствовал его. И тогда сел он (католикос) [за трапезу] с епископами, вардапетами, священниками и многолюдной толпой, которая радовалась, что

лицезрит его, и целовала его десницу; оттуда [он] вернулся к паломникам и знакомым, любимым и друзьям с водкой, вином, кушаньями и прочим; и, радуясь их (паломников) приходу, целовали друг друга и, сев за трапезу, веселились. И не было никого, кто не имел бы знакомых или любимых, кроме меня. Ибо не было у меня ни любимых, ни знакомых, ни родственников. И я никого не знал, и меня никто. И остался я в стороне, в отдалении, никому не нужный и одинокий. Смертельно я затосковал, возмутилась душа моя, и, проливая слезы, я вздохнул и произнес этот плач:

Обошел я вокруг света,
Не нашел по сердцу друга,
И, поразмысливши над этим,
Я другом сделал длань свою.
Изгнанником плачевным я
Пришел в страну эту чужую.
Отца и брата не имею,
Нет также друга у меня.
Когда бы друг был у меня,
Чтоб беды мог поведать я.
Тогда, увидевши его,
Утешил сердце б я свое.
Ужели мать, родив меня,
Прокляв, к изгнанию обрекла?
Пойдешь изгнанником в чужбину,
Отца, мать, брата не имея.
Увидев брата и сестру,
Ты отвернешься и заплачешь,
От глубины души вздохнешь
И «горе мне!» произнесешь.
Тебе подушкой станет камень,
А спать ты будешь на земле,
Поднимешь голову от сна,
Одна надежда лишь на бога.
О, сжался надо мной, господь,
Меня, убогого, помилуй,
Спасителем моим ты будь
В несчастьях, что ко мне придут.

После обеда духовного отца, епископа Гукаса и прочих ввели в город, а по обе стороны словно стена [стояла] много-

людная толпа христиан и иноплеменников. Женщины, согласно арабскому обычаю, забубнили, ударяя себя по губам; так поступали женщины в церкви в праздничные дни. С великим почетом ввели [всех] во дворец. Я же с грустным лицом, исполненный печали, одиноко следовал за ними издали, вытирая глаза, и благодарил бога. В тот день ходжа Петик устроил большое пиршество, и [все] веселились до самого вечера.

В Халебе была большая башня; ныне там мечеть, [но] говорят, что раньше это была колокольня.

14. МАРАШ — КЕСАРИЯ — АНКУРИЯ — СТАМБУЛ — ЛЬВОВ

Но вот вышеупомянутый Абдал купил пять лошадей и дал нам по сто *курушей* на харчи, а в сопровождающие приставил одного *мшака*, по имени Петрос, и другого *мшака*, по имени Ахичан. || Попрощавшись со всеми, мы отправились в наше путешествие в Польшу.

В какое бы армянское село или город мы ни приезжали, нас встречали с уважением и почестями; мол, едут *махдаси* из Иерусалима.

Оттуда мы приехали в город Мараш, где сидит паша; там было двадцать домов армян. Оттуда мы приехали в армянское село Фрноз, которое расположено на высокой горе; там находится могила Степаноса Улнеци¹; из святой могилы бьет сладкий источник, и вниз по горе бежит холодная, студеная вода. Там мы переночевали. Некоторые поднялись на гору и обошли ее, но я не смог, так как устал.

Через село Зейтун мы до полудня достигли очень высокой горы, которая зовется Капак Тебеси, и только к вечеру мы с трудом достигли ее вершины. Через эту гору протекала река Джейхан. В Фрнозе имеются святая церковь и один монастырь. В Зейтуне — шесть церквей и один монастырь. Сказали, что [здесь] было 800 домов армян, но сейчас [осталось] только тридцать домов, ибо они рассеялись, преследуемые джалалиями.

Оттуда день пути до Сиса.

Страна эта гористая и каменистая, сухая и прибрежная, [растут] только померанцы, апельсины, [там] много больших блох и комаров. Меж гор протекала река Джейхан, || в которой рыбы было так же много, как песку.

Кесария

Оттуда многочисленными селениями и горами мы достигли престольной Кесарии, которая огорожена двумя стенами — внутренней и наружной. Внутри были две церкви — святой богородицы и св. Саргиса, однако они находились в местах, вырытых в земле и темных, куда спускаются по деревянной лестнице².

В нем (городе) было пятьсот домов армян, а может быть и более, [среди них] богатые купцы и именитые богачи-ходжи, однако бедных больше; все они портные и кафтанчи, других ремесел нет. Армяне, живущие в [крепости], армянского языка не знают, но только турецкий и персидский, а вне [крепости] — армянский язык знают. Мусульмане Хайсары очень злые и плохие, все [они] эмиры, враги веры, много аванов. Дома построены из необожженного кирпича, двери низенькие, [так что] входят сгибаясь; поэтому город разрушается и пустынен. [Там] есть ханы, безестан, магазины, торговые ряды и золотых дел мастерская; впрочем, людей в ней видно мало; [люди] не благоустранивают [город], во-первых, потому что разорили [их] джалалии, во-вторых, из-за злоупотреблений авана эмира.

Я пошел к *вардапету* Григору, у которого остановился [раньше] и который тоже полюбил меня, [он] очень обрадовался и с удовольствием принял меня. || В городе и вне [его] я увидел старые и новые здания, а также большие сводчатые и каменные церкви. [Увидел] и ту церковь, в которой были рукоположены патриархом Леонтием наш святой Лусаворич и патриарх Нерсес; она большая и великолепная³. Все они превращены в мечети.

Внутри и вне [города] есть много святых мест. Святая могила Василия Кесарийского⁴ находится вне города; с восточ-

ной стороны перед ней была большая церковь, ныне она разрушена и армяне хоронят там своих покойников, ибо камни ее разобрали и употребили на строительство крепости. С южной стороны, за стеной, стоит большая церковь полководца Меркерия⁵, могила которого находится там; она также разрушена, остался лишь маленький купол. На святой могиле стоит алтарь, куда каждый понедельник весь город совершает паломничество с ладаном и свечами.

Войдя туда, мы также с поклонами помолились и попросили отпущения грехов себе, своим родителям и всем благодетелям. Там, как и в Стамбуле, есть много мощей святых и много церквей; однако они разрушены, видны только их остатки.

Против [церкви] св. Меркерия, на расстоянии одной мили к югу, находится прославленная, всем известная древняя гора Эрджиас, похожая на Кешиш-Даг Бурсы, только еще больше и выше; зимой и летом на ней виден снег тысячелетней || давности; его было так много, что он даже падал вниз. Сказали, что [там] есть много церквей, а кафедральная церковь — большая, каменная, куполообразная, с мраморными колоннами, но и она разрушена. Сказали, что каждый год в день святой богородицы горожане с жертвенными [животными] поднимаются к ней. Мы также захотели подняться, но нам сказали, что подъем очень высокий и трудный, а наверху острые скалы и снег; в скалах и снеге выдолблены места для ног, подниматься надо при помощи разных приспособлений, иначе, если упадешь, разобьешься на тысячу кусочков. Сказали, что [гора] покрыта глубокими снегами, [там] холодно и [дует] сильный ветер.

У подножия противоположного склона [горы] находится *касаба* Девелю, там также есть много армян, церковь и священники. Рядом с Эрджиасом имеется гора-двойник, которую называют Али-Даг, однако она гораздо меньше Эрджиаса; там также есть церковь имени святой богородицы⁶; там есть и оружие Меркерия, которым он убил нечестивого Юлиана, когда богоматерь приказала Меркерия, мол, иди и убей хулителей сына моего. Если хочешь знать, почитай Житие святого Василия⁷. Там была и могила святой сестры Василия.

Вокруг города было много садов, как в Эдирне, многочисленных и изобилующих фруктами. Мы увидели там семь видов || винограда. Люди там гостеприимны и человеколюбивы. Каждый день нас уводили в какой-нибудь сад и до вечера угощали кушаньями и сладким питьем, ибо вина у них в изобилии. Люди беседуют красиво и сладкоречиво, обходительны, благоразумны, они стихотворцы и иносказатели, шутники и весельчаки, наконец, красильщики⁸ [ослов].

Вардапет также имел большой, как город, сад; мы много раз ходили туда и утешались. Сказали, что в его винограднике есть двенадцать видов винограда.

Св. Карапет

Вокруг города все окрестные села были армянские. Однажды я верхом на лошади с другими товарищами ехал в монастырь св. Карапета (Иоанна Крестителя), и, пока мы проезжали город, неверные бросали в нас камни и палки, ибо, кроме осла, там ни на какое другое животное не разрешают садиться; насилу вырвались из [города]. В том году в город приехал некий злой *кази*, враг христиан; он приказал, чтобы в церквах не зажигали свечей, на свадьбах не было *даул-зурны* и [христиане] не ездили на лошадях. Мы достигли очень красивого, прекрасного каменного сводчатого монастыря св. Даниила⁹, [там] были епископ и два инока. Пройдя оттуда еще с четверть || мили, мы достигли большого куполообразного и великолепного [монастыря] св. Карапета¹⁰, который был расположен на высокой горе и из которого был виден весь город. Перед монастырем простиралась большая, обширная долина наподобие долины Харберда, и все поселения и села [на ней] были армянские; церкви и монастыри благоустроены.

Из-под монастыря св. Карапета вытекала холодная вода и подобно речке сбегала в долину. Здание монастыря было удивительным, ибо он был высечен в скале, а внизу до самого города [тянулись] пещеры, [служившие] помещениями и кельями для многих подвижников, как на горе Тороса в Кони

или в подземелье Манкермана¹¹. Сказали, что здесь находилось святое тело* и отсюда половину его Леонтий отдал нашему Лусаворичу.

Еще дальше находилось большое село Евгар, где были три церкви и триста домов армян. На расстоянии пятикратно пущенной стрелы находится село Низия, то есть Нюсия, где лежит тело святого Григория Нисского, брата великого Василия. Внутри монастыря бьет источник, [воды которого], вытекая [оттуда], обращаются в большую речку, вращающую десять мельниц; она орошает всю долину; там, у дверей церкви, похоронено тело блаженного; поклонившись ему, мы помолились и попросили отпущения грехов. [Там] был один епископ || по имени Тели-Малаз и один инок. Мы увидели много других обладающих чудотворной силой монастырей, высеченных в скалах и построенных из каменных плит.

Обернувшись на восток, мы увидели около Кесарин большие и древние каменные здания, подземелья. Сказали, что их (подземелья) называют Батыл-гази, там есть огромные пещеры и скалы. Говорили, что раньше здесь находился город, построенный царем Кесарем¹². Мы пробыли там один месяц, чтобы посмотреть святые монастыри и места паломничества.

Покинув Кесарию, мы достигли [моста] Ялынокоз; он так высок, что, когда смотришь вниз, [река] Кызыл-Ирмак кажется маленькой и узкой; он похож на венецианский мост Райтал; в начале моста бьет превосходный и приятный на вкус теплый источник, из которого пей сколько хочешь, — полезно.

За пять дней мы достигли Анкурии¹³. По дороге в Чешникире мы вторично перешли Кызыл-Ирмак. Армянских сел мы больше не видели, но только туркмен, встречавшихся нам по одиночке, с отарами овец, которых они пасли, как [арабы] в Аравии верблюдов. И не проходило дня, чтобы мы не встречали десяти-двадцати тысяч овец с большими курдюками, которые они волочили за собой. Туркмены тоже бродили по пастбищам с женами и детьми; женщины у них очень красивые, нежные и румяные.

* То есть мощи Иоанна Крестителя.

Анкурия

Наконец мы приехали в торговый город Анкурию¹⁴, окруженный тремя стенами — наружной, средней и последней (внутренней), где наверху находится крепость и греческая церковь святой богородицы, а [между] средней и нижней [наружной] есть восемь армянских каменных церквей и двести домов армян.

Все горожане — продавцы шерсти; оттуда вывозят хорошую шерсть и развозят ее по всему свету. Там всегда сидят купцы со всей земли и скупают шерсть, камлот, бурки и прочее, поэтому сюда притекают деньги со всего мира. При каждой церкви были два-три местных и приезжих священника, ризничий и служащий обедню, ибо в Армении отправляют службу не священники, а иноки. Джалалии разрушили и ограбили и этот [город]; ныне его обновляли. Город был расположен в каменной местности. Здесь так же были очень злые разбойники.

За городом на расстоянии в четверть мили находился красивый, большой и великолепный каменный и сводчатый, куполообразный монастырь. Сказали, что это строение апостола Павла, он построил его и освятил. Настоятелем монастыря был *паронтер* Аваг; при нем были три инока. Перед монастырем протекал маленький ручей, полный рыбы. Я пробыл там месяц, ибо [в монастыре] было много польских [армян], которые нас утешили. || Вокруг него находились три армянских села: Сданос, Пэнтос и Эркапсуий. Во всех селах также изготавливают шерсть, но лучше всех [шерсть] в Алачухе; впрочем, такой, какую делают в Анкурии, нет. В этом городе имеется хорошее сушеное мясо, превосходное, густое и вкусное вино, какого в других местах не бывает.

Оттуда мы поехали в Конию, затем в Ахшар, Енкишар, где также живет немного армян. Там мы увидели могилу Насреддина¹⁵, над которой висел балдахин, и посмеялись. В Енкишаре тоже есть каменная церковь, которую, как сказали, также построил и освятил Павел. После мы приехали в Сиври-Хисар

и Кара-Хисар, откуда вывозят опиум. В нем (Кара-Хисаре) была удивительная крепость с неприступными укреплениями, высокая и каменная, как в Османчухе. [Там] есть шестьдесят домов армян, одна каменная церковь и в четверти мили от города монастырь в армянском селе. Однако они также не знают по-армянски и говорят на турецком языке; все они принадлежат к епархии Анкурии. Точно так же [армяне], живущие в крепостях Кони и других городов, не знают [армянского], а живущие вне [крепости] знают.

По всей стране стаями бродят белые козы, шерсть у них блестящая и красивая, как шелк и парча, черных совсем нет. Сказали, что раньше их было бесчисленное множество. Джалалии одних убили, других разогнали, а прочих угнали. В городе было большое древнее каменное, мраморное || здание с высокими стенами; говорили, что это была церковь, ныне она до основания разрушена, на ней были франкские надписи, мы не смогли их разобрать.

Оттуда за полтора дня мы достигли Бекбазара, который изобиловал и плодами и фруктами, а дыни и арбузы [там] вкусные, как амидийские, отсюда их отвозили хондкару. Там было шесть домов армян.

Оттуда мы приехали и остановились в Саруларе; двухдневная дорога туда тянулась меж одних садов, бахчей и фруктовых деревьев, посередине бежал большой ручей; по одну сторону — села, по другую сторону — фрукт[овые деревья]: крупная айва, яблоня, много пшата, винограда, дынь, арбузов, которые прохожие без страха едят для утоления жажды, ибо они посажены на дороге на пользу путникам.

Затем мы пришли к покрытому зарослями гористому, опасному проходу. Сказали, что раньше здесь не могли пройти ни 100, ни 200 человек, ибо это было ущелье; ныне же Насрпаша (?) построил новые ханы, караван-сарай, целые села, мечети; там были и шестьдесят-семьдесят домов армян, священник и церковь. Дорога шла ущельем и была труднопроходима; в иных местах был песок; мы увидели даже большущие песчаные холмы, как в Мсыре.

За полтора дня мы достигли другого ущелья, которое было еще более опасно; и там тот же Наср-паша приказал построить удивительные дома, || хан, караван-сарай, мечеть и села наподобие первых и [все] благоустроил. Там также жили армяне.

Оттуда за два с половиной [дня] мы приехали в порт Измид. Пробыв там один день, мы сели на судно и поехали в Стамбул. [В Стамбуле] мы оставались два месяца, пока не прибыл польский караван. Присоединившись к нему, мы сели на большую телегу, [запряженную] тремя лошадьми, и отправились в Польшу. Исполнилось двенадцать лет моего паломничества.

Возвращение во Львов

Приехав в Молдавию, я увидел страну разоренной и безлюдной. Точно так же, въезжая в Польшу, я увидел разрушения и развалины, причиненные татарами. Много городов, сел, деревень, поселков и крепостей были безлюдны, и [это не только] вчера и не третьего дня, ибо нечестивые татары два-три раза в год подряд, никого не страшась и не боясь, приходили и уходили, сжигали и убивали, грабили, а прочих уводили в плен в свою страну.

15. ОПИСАНИЕ ГОРОДА ЛЬВОВА

Прибытие

И вот мы приехали в опекаемый господом, богохранимый столичный город, именуемый Львовом, где находятся престолы трех архиепископов: польского, русского¹ и армянского.

|| Навстречу нам вышли священники и народ и с почестями препроводили нас в монастырь св. Ачкатара² и оказали большой почет паронтеру Гукасу как *нвираку* Иерусалима. Там он оставался две недели, а затем его отвезли в город и поместили в великолепном дворце, который был епископской резиденцией. Ибо во Львове существует следующее правило. Когда из Иерусалима или Эчмиадзина приезжает *нвирак*, он оставнавливается сперва в монастыре; спустя три дня собираются

12 ага вместе с ктиторами и священниками и посылают к нему священника и двух ага и спрашивают, зачем он приехал. На сбор [пожертвований] или по другому делу? Он говорит причину. Если он имеет свидетельство, его с почестями везут в город, а если нет, выпроваживают из монастыря.

Местные национальные учреждения

В городе есть большая и великолепная каменная сводчатая, плоская и крестообразная, окруженная стеной церковь³; горница и кельи монахов — каменные. Есть также летняя и зимняя большая каменная школа, а также книгохранилище. Около церкви [расположены] *вакуфные* каменные дома и богадельня для мужчин и женщин. А за городом, напротив монастыря, стоит большой и прекрасный странноприимный дом.

В школе было более восьмидесяти мальчиков, которые изучали различные науки: || музыку, грамматику, словоударение, толкование и искусство счисления. [Там] есть большое присутственное место духовного суда, где каждый четверг заседают 12 ага с епископом и протоиереем, рассматривают и осведомляются о *хасе* и *чехасе*, осуществляют также правосудие и суд [по поводу] *хаса* и *чехаса*, ибо имеют указы *католикоса* и *царей* Польши.

Вне [города] есть три каменных монастыря; друг около друга находятся [монастыри] св. Ачкатара и св. Акопа, рядом стоит дворец епископов, а отдельно — благоустроенный и прочный монастырь св. Креста⁴; при них есть богадельня, экономия, конюшни, две-три бахчи и помещения для монахов, иноков, священников и прочей братии, там жили еще две-три престарелые монахини. В большом монастыре была в изобилии холодная, студеная вода.

Все дома в городе построены из тесаного камня, дорогостоящие, широкие и высокие — в три-четыре этажа. Есть [в городе] под землей погреба — каменные питейные дома, где летом напитки бывают холодными и студеными. Каждый дом стоит две, три, четыре тысячи *курушей*.

Горожане

В городе было семьдесят домов армян; в каждом доме два-три *танутера*; а вне [города] шестьдесят домов пришлых и || немного местных. Горожане были богаты и достопочтенны, великолепны и достославны, как князья, статные и *азнауры*; одежда у них была дорогая — из камки, шерсти, кармазина и сукна, а шапка — бархатная, [отороченная] мехом. Одни владели селами, а другие — угодьями и поселками; однако теперь владельцы перешли [в иной мир] и села достались другим, впрочем, армянские названия сел еще сохранились.

Они (армяне) имеют свой отдельный суд и меч, которые наказывают и казнят армянских воров и разбойников, никто не имеет права судить армян, кроме армянских судей. *Танутеры* одеваются в черное.

Среди них (армян) нет ремесленников, все они крупные и именитые купцы, имеют *векилей* в Стамбуле, Анкурии, Спакхане, Москве, Гданске, Португалии и других [местах]. Среди них есть ходжи, которые имеют 50, 60, 80 и 100 тысяч *курушей* и более. Они имеют *мульки*, сады, бахчи, плодовые деревья, парки, вертограды, цветники, розарии, а также высокие дворцы, палаты и обильные источники и большие и широкие пруды, изобилующие рыбой. Некоторые имеют даже удивительные башни и дворцы на воде.

Церкви и церковники

Там были мудрые и ученые священники из местных [жителей], а также епископы и *вардапеты*, которые ныне преставились, и мы, жалкие, остались одинокими.

Церкви очень богаты, [имеют] разнообразные и дорогие облачения, потиры, кресты, кадила, распятия и несчетное множество другой золотой и серебряной утвари, ибо в каждый праздничный день достают другие облачения и другие кресты, потиры, кадила, распятия, занавесы. Городская церковь имеет более 200 риз, покрывал и прочего помимо монастырских, а также рипиды, кимвалы и ладанницы. [В ней] были пять

переев, семь *дпиров*, один *вардапет* [по имени] Лазár и епископ [по имени] Степанос.

Колокольня была большая и высокая, наподобие Софийской и Иерусалимской, с большими колоколами, сладковзвучным звоном которых люди восхищались.

Здесь также была твердо установленная церковная служба, неуклонное пение псалмов и литургия, что мы видели только в Иерусалиме и Амиде. В праздничные дни службу и литургию служит епархиальный начальник в дорогом омофоре и бесценной короне, которая унижена камнями и крупными жемчугами. Однажды даже польские иереи дали знать царю, что армяне «имеют такую корону, какой нет в твоей казне, стоит [она] 12 тысяч *курушей*». Он надевает ее на пасху, точно так же и ризы и омофор с их принадлежностями; даже покрывала на аналое и рубашки *дпиров* были из белой французской ткани, именуемой *алтембас*, [вытканной] из одних серебряных ниток, один халебский *кангун* которых стоит тридцать *курушей*.

На каждый праздник выбирают особый цвет, особое облачение, особую корону, сосуды и пергаментное евангелие в серебряном переплете; так, на пасху и рождество — белые, на духов день — зеленые, на преображение — красные, в [праздник] богоматери — фиолетовые, [в праздник] Креста — белые и желтые, вытканные золотом, а в другие праздники — одна парча, атлас, камка, *хутни*, в великий четверг и всю [великую] неделю — черный бархат и атласные ризы и т. д., все не могу описать по отдельности; для мудрых достаточно и этого.

Нравы и благотворительность армян

Из многого я хочу рассказать лишь немного. Они (армяне) очень милосердны, жалостливы, сострадательны, нищелюбивы, любят церковь и молитвы. Еще больше благодеяний совершают их жены, которые имеют много добрых дел и заслуг. || О них (армянах) более или менее [подробно] расскажем слушателям. Первое: священникам дают [в качестве] жилища *вакуфные*

дома и олофе. Второе: они (армяне) постоянно держат главного чтеца для проповедей, который также имеет доход. Третье: [они] держат учителей и платят им ежегодно плату, точно так же дают пособие больницам и монастырям. Четвертое: если кто-нибудь умирает, то завещает соответственно своим возможностям долю сперва церкви, затем монастырям, потом больницам, потом школе и, наконец, священникам, кто по десять *курушей*, кто по двадцать, кто по тридцать и так далее. Пятое: установлено, что сколько ни есть сирот — юношей и девушек, — каждый год должны двух-трех [из них] женить [или выдать замуж], и ага дают им приданое деньгами, пятьдесят *курушей* либо больше или меньше. Шестое: неместных юношей-сирот из других городов или областей — Молдавии, Армении и т. д. тщательно обучают книжной науке и посвящают в дьяконы; расходы по посвящению их в духовный сан и по свадьбе из поколения в поколение берет на себя один человек (одна семья); если они умрут, должен похоронить и устроить поминки. Седьмое: сколько бы ни умерло, кроме того, пришлых и чужих нищих, кто-нибудь для [спасения] души приобретает саван, гроб и берет на себя все расходы. Восьмое: сколько бы ни было в других городах бедных священников или церквей, им из Львова посылают одежду, книги и все прочее; точно так же священнику из года в год дают плату, чтобы он неуклонно || исполнял церковную службу. Девятое: [там] есть богатые ходжи, которые после смерти завещают 4—5 тысяч *курушей* на пожертвования, на упокой души (поминки), сороковицу и прочее. Десятое: существует правило, что, когда из святого Иерусалима и Эчмиадзина приезжает *нвирак*, ему дают много подарков и пожертвований: прежде всего золотой и серебряный крест, священный сосуд и кадило, затем ризы и другие облачения, а также 400—500 *курушей*; [точно так же] и приехавшему [*нвираку*] отдельно [дают] деньгами подаяние и отдельно *чуху*, *филон* и прочее.

Каждые воскресенье, понедельник, вторник и субботу в городе постоянно служат литургию, а в монастырях — каждый день; на литургию дают один *куруш* или один золотой.

У них в обычае по воскресеньям не обедать без нищих. Монахов приводят к себе домой и оказывают им почести; некоторые посылают обед на дом; чужеземцам дают жилища; нагих одевают, больных лечат. Если зима здесь бывает долгой и суровой, нищим раздают меховые шапки, тулупы, чуху, башмаки и прочее, покупают также много дров, чтобы топили печь и грелись. Согласно обычаю, каждый год сюда приезжают со всего света 10, 20 или 30 нищих, ибо нуждающимся каждый день раздают много подарков и милостыни. Каждый день в церковь приходят мужчины и женщины, старики и дети, юноши и || девушки и раздают дары священникам, монахам и нищим.

Предками установлено, чтобы все — стар и млад, вплоть до грудных младенцев — на пасху причащались. Хотя на всех праздниках причащаются, однако на пасху должны в особенности, и, если кто останется без причащения, будет великий стыд.

Некоторые в великий четверг раздают нищим 10, 20 рубашек, иные [раздают] башмаки или штаны, а те, кто богат, раздают 10, 20, 30 чух, другие — шапки и прочее. Так радуют они и утешают монахов и нищих едой, питьем и одеждой. Когда после пасхи [нищие] собираются уходить, они дают им, смотря по человеку, на расходы и благосклонно отпускают.

Кроме того, каждый год приезжают сборщики [пожертвований] — *вардапеты*, епископы, священники, иноки, а также миряне-заимодавцы и имеющие близких в плену; одни [говорят], мол, должны построить монастырь, а другие — церковь. Никого не отпускают с пустыми руками, дают 10, 20, 30, 40, 50 *курушей*, одевают с ног до головы и с любовью отпускают.

Описание города

Это многолюдный город, исполненный благ и изобилующий фруктами. Сказали, что в стране русов || другого такого города нет, это столичный город. Горожане [живут] в богатстве и роскоши, *безестан* и лавки полны благ, всего много, и что

захочешь, во Львове найдешь. Там есть много различных мастеров и ремесленников: золотых дел мастеров, золотошвеев, ваятелей, каменщиков, каменотесов, резчиков по мрамору и других. Поэтому туда приезжают со всего света и из всех областей, одни [изделия] находят готовыми, другие заказывают.

Туда приезжают также конники и воины, князья и господа и покупают там оружие, доспехи, шлемы, латы, пики, копья, ружья, пушки, стрелы, луки, щиты, мечи, топоры, секиры, кольца и прочее; отсюда вывозят все, что нужно воителям. И, если даже приедет сто тысяч воинов, они найдут здесь все, что им нужно, ибо это великая столица. Там есть портные, одеяльщики, кожевники, красильщики, спичечники, платочники, различные ткачи, палатчики и другие, набойщики, золотоплавильщики и золотари-искусники. Есть также живописцы, рисовальщики, граверы и мастера, печатающие по-польски, по-русски и по-армянски.

|| [Город] окружен тремя стенами и частыми вышками, и на каждой вышке [стоят] пушки. Есть также высокий каменный дом, который называется ратушей, с большими часами наверху, каждый час они трубят. Там же находятся польский и армянский суды. Есть также церкви и клашторы, то есть монастыри мужские и женские, огромные, каменные, [но] без купола.

Армянский язык. Анийцы

Львовские армяне не знают армянского языка, но говорят по-польски и по-кыпчакски, то есть на татарском языке. Говорили, что местные армяне переселились [сюда] из Ани⁵; согласно историкам, они (анийцы) разделились на две группы: одна пришла в Кафу и Аккерман, и до сих пор их [потомки] живут в Сулуманастре и говорят по-армянски; другая — в Анкурию и оттуда в Польшу. Это не позор, что они анийцы, ибо хотя город и оставшихся в нем [бог] проклял, но ушедших [оттуда] благословил; как в древности [бог] проклял Содом и Гоморру, а Лота с его близкими спас, точно так же он погу-

бил Ани вместе с нечестивыми жителями, а добродетельных вывел || из него, [или] как [он] оставил жить Ноя, а весь мир предал гибели. Для мудрых этого достаточно.

Жители города

Поляки — хорошие христиане; впрочем, русов вдесятеро больше, чем поляков, они греческого исповедания и подчиняются константинопольскому патриарху, а поляки — папе. Там много различных еретиков, которых зовут лютеранами, есть и ариане и другие зловредные богохульники, коих [насчитывается] 14—15 сект одна другой злее; не то что законы и веру, но даже имени их не следует упоминать. Они хуже евреев и мусульман. В этой стране совсем нет греков, только в Львове живут две-три семьи греков.

Армяне в городах Польши

В других городах, как в Каменце, Язловце, Замостье, Луцке, Манкермане, также есть немного армян. Раньше в Луцке было 300 домов [армян], [они] имели села, поместья и много *вакуфов*, там находился раньше престол. Ныне остались две армянские семьи, но каменная церковь и село еще существуют. Говорят, во время войн в великом Манкермане на войну выступали 500 душ армян — храбрых богатырей, а ныне остались всего лишь четыре армянские семьи. Однако много лавок, *вакуфных* домов, мельниц, полей, бахчей и прочего остается еще в руках армян. || Львовские господа послали иереев также и туда* и в Луцк, дают им *олофе* и содержат [церкви] в благоустроенном состоянии.

Есть и другие древние города, в которых живут армяне, как Пелза, Вилна, Володимир и другие села, которые уничтожены, видны только их остатки, а почему [уничтожены], не знаю. Полагаю, что за грехи или из-за проклятия святых отцов, ибо все народы растут и умножаются, а мы исчезаем и уменьшаемся. Горе мне!

* То есть в Манкерман (Киев).

16. АВТОБИОГРАФИЯ СИМЕОНА

Женитьба

Меж тем я, приехав во Львов, пробыл там два месяца. При виде меня друзья и близкие мои очень обрадовались и стали убеждать меня остаться у себя в стране и жениться, но я не соглашался и не хотел остаться, словно душа моя предчувствовала [дурное]. Ибо вспоминал я те края и благодатную страну, а также хороших людей, добрых христиан, человеколюбивых и гостеприимных, и святые места, Иерусалим, [монастырь] св. Карапета и другие, что есть небеса земные и рай божий; тосковало мое сердце, томилось нутро, из-за того что я лишился таких святынь, удалился от славы [божьей] и пришел в эту печальную и холодную страну.

Они долго укоряли меня || и с мольбами убеждали послушаться их: «Довольно, — говорили они, — с тебя паломничества и жизни на чужбине, согласись с нами, не покидай нас окончательно в горе и печали». У меня были две сестры, племянники (дети сестер) и много других родственников. И увидев родной дом и обиталища, имущество и прочее, я умилился и, смягчившись, согласился остаться с ними.

И пока *паронтер* Гукас был еще там, меня поскорее обручили с одной девушкой. А спустя немного дней после этого епископ Гукас уехал в Иерусалим. 16 августа 1069 года (1620), после успения всеблагословенной богородицы, я обвенчался и устроил свадьбу. Забрав свою супругу, я увез ее из Львова в Замостье, в дом отца моего и матери.

Симеон в Замостье (1620—1624)

Там я прожил пять лет. Спустя несколько лет на голову мою обрушилось много неприятностей, злослучений и бед. У себя в стране я, злосчастный, претерпел горе и огорчения от родных и домашних, злых и коварных || людей. Те, кто раньше принял меня с любовью и почитал, потом ввергли меня в [ад] и подвергли смертельной опасности, и не то чтобы один

или двое, но многие и многие, в особенности из монахов; и не было никого, кто бы не укусил меня, согласно сказанному в святом евангелии: «Не бывает никто без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем»*. Подобно тому как поступили евреи с Христом, когда он на осле ехал в Иерусалим и старцы и дети, выйдя ему навстречу с ветвями олив и пальм, кричали осанну и с великими почестями ввели в город, а потом, возгоревшись завистью, согласно сказанному: «ревность по доме твоём снедает меня»**, обрушили на голову его всяческие несчастья, как написано: «и распяли его»***.

Встретили меня недостойного с большой любовью и почестями, но вот кое-кто исполнился завистью, согласно сказанному: «Завистью диавола вошла в мир смерть»****. «Это наследник, давайте убьем его, выгоним его из [города], ибо не желаем, чтобы он был священником». И кричали: «Мы не знаем тебя, убирайся от нас, о бродяга, который покинул дом свой, отправился в чужую страну, удалился, а ныне, вернувшись, хочет унаследовать то, что сам оставил чужим!» Ибо другие овладели моим [имуществом], вычеркнув меня из числа близких [своих], взяв в соумышленники || своих друзей. И исполнилось на мне слово: «...Пророк не имеет чести в своем отечестве»*****. Они постоянно говорили мне: «Почему не остался, но бросил свое место и уехал? А теперь снова вернулся? Чего ты желаешь? Какую пользу получил от того, что столько разъезжал, поехал в Иерусалим? Если бы ты был здесь, давно бы стал священником. Что выгадал?»

Меж тем я, растерявшись, безмолствовал и ничего не отвечал им. Даже родственники мои отвернулись от меня, ибо я был вроде чужой [здесь], а они — местные. Всегда и постоянно я тосковал и грустил и не знал, за что и откуда постигли меня эти беды, и, наконец, узнал и понял, что из-за моря грехов моих.

* Марк, 6, 4.

** Иоанн, 2, 7.

*** Марк, 15, 25.

**** Иерем., 2, 24.

***** Иоанн, 4, 44.

И увидел я, что лучше в жизни мучиться, быть пренебрегаемым и презиравшим, чем достигнуть славы и величия. И обнаружил также в священном писании, что ни один из избранных и святых божьих, || начиная с пророков, апостолов, патриархов, царей, мучеников и [кончая] всеми святыми людьми, не удостоился славы и почестей, но [претерпел] лишь гонения, муки, притеснения и различные страдания, меж тем они были невинны и достойны многих благ. Терпели [все] только ради имени Христова. Но я заслужил все это и больше этого, ибо прогневал господу моего нечестивыми и мерзкими делами своими и нагромоздил различные грязные грехи, приумножив один грех к другому. И преступления мои лишили меня благоволения божьего и всех забот его, чего я заслуживаю. Горе мне!

Эпидемия чумы во Львове

В 1072 году армянского летосчисления (1623) прошла по Польше страшная и ужасная смерть, в особенности в городе Львове, от которой все бежали в разные города, села и так далее. Иные с семьями приехали в Замостье; некоторых я принял в своем доме, с ними прожили мы в любви [и мире] до часа их отъезда. Они, видя мое [положение], соболезновали мне, мол: «Ты местный [житель] и паломник, повидавший столько святых мест, меж тем ныне другие опередили тебя. Мы поедем, поговорим с нашим господином и заберем тебя к нам; ты подстать нам, а не им» *. И так точно и поступили.

Пожар во Львове 17 августа 1623 года¹

В то время когда нам еще угрожала свирепая и яростная чума, прибыла из Львова горестная весть о том, что в воскресенье на усение святой богородицы во Львове, за Краковскими воротами, вспыхнул большой пожар; вокруг было полностью сожжено несколько сот домов; достигнув Армянской улицы, [огонь] сжег и испепелил весь квартал; сжег также

* То есть недоброжелателям Симеона.

и большую дорогостоящую больницу, так что не осталось ни единой щепки; оттуда пламя перебросилось на наш монастырь² и горницы, и так как сам [монастырь] был каменный, то сохранился, но хозяйственные помещения, конюшни, жилища иноков, сад и баня, горницы и трапезная — все сгорело, сравнялось с землей. Армянам [пожар] причинил много вреда.

[Огонь] сжег и русский монастырь³ с домами. Затем пламя перекинулось на другой монастырь [имени] св. Креста и уничтожило его с домами и садом. Сгорело также несколько сот еврейских домов. Образовалась большая площадь, и стало там, как в поле. Впрочем, городу вреда не было⁴. Так, город Львов претерпел двойное наказание — смертью и пламенем. Господи помилуй! Смерть уничтожила много людей, а огонь — [много] домов. Когда прошел гнев смерти, стали люди в зимнюю пору, после праздника, возвращаться во Львов и, неустанно благодарствуя, прославляли бога за то, что спаслись от кары.

Переезд Симеона во Львов в 1624 году

Итак, вернемся вновь к сути нашего повествования. Уехав из Замостья, львовские беженцы все объяснили священникам и господам. А те, собрав совет старейшин и всю общину на совет, написали мне, чтобы я приехал к ним во Львов. Когда же я поспешно приехал, они сказали мне: «Мы желаем, чтобы ты приехал сюда и обучал наших детей; мы дадим тебе 300 злотых в год; помимо церковной службы и прочих доходов, которые будут поступать к тебе от священников и общины, ты будешь также получать доходы от поминок». Я согласился, мы заключили между собой письменный договор и скрепили бумагу печатью. Мне дали десять злотых, чтобы я перевез семью. И так как был я раздосадован, продал дом и все имущество и, взяв жену, 15 августа 1624 года переехал во Львов. В праздник Варагского Креста (26 сентября) мне вручили школу и детей. Для жительства мне дали бесплатно каменный дом при больнице, за что да вознаградит господь бог их и тех, кто

построил дом, где мы нашли покой и облегчение. Да упокоится парон Тонаваг в царствии небесном, ибо || это его *вакуф!* Да смилостивится господь бог над благотворителями и благодетелями нашими. Вечная слава ему! Аминь!

17. ПОХОД СУЛТАНА ОСМАНА НА ПОЛЬШУ (1622 год)

В 1071 году армянского летосчисления (1622) поднялся ветер южный, гордый и спесивый, кичливый и исполненный злобы, по имени Осман¹, сын султана Ахмеда², который по наущению сатаны возымел против христиан, в особенности против поляков, злое и вероломное намерение — пойти на них войной и стереть, уничтожить их полностью. И сделав кое-кого своими советчиками, он повелел провозгласить в Стамбуле: «Семь лет буду воевать против Польши». Он сам готовялся и составлял хорошо вооруженное войско.

Однако *муфтий*, вельможи и везир не одобрили это, говоря: «Не делай этого, ибо мы имеем союз и договор с ними, и никакого вреда или предательства в них ты не нашел». А *муфтий* даже не дал *фетвы*. Но, так как он (султан Осман) был летами ребенок, несмышлен, кичлив и надменен подобно Иеровоаму³, послушался он советов не старцев и мудрецов, а [людей], подобных ему. Он понадеялся не на бога, а на величину и бесчисленность своего войска; презрел он главу и законодателя своего, ибо повелел сослать || *муфтия* с сыновьями и товарищами в отдаленные и чужие края, а везиров и князей, которые не захотели идти с ним на Польшу, приказал убить.

Отправил Осман грамоту *нахарарам*, наместникам, начальникам краев, *беглербекам*, князьям и пашам, тысяцким, сотникам, полковникам, полководцам, военачальникам, воеводам, а также воинам Мсыра и Шама, арабам, халдеям, курдам, абазам, во все края и всем отдаленным и иноплеменным народам, которые находились под его властью, чтобы они поторопились присоединиться к нему. Затем он послал письмо и в Македонию, Элладу, Болгарию, в Сырф, паше всей Руме-

лии и Боснии, а также паше Силистрии, чтобы они, собрав все войско, поскорее прибыли к нему. Он написал также крымскому хану, чтобы и тот подоспел со множеством войск татарских и еще чтобы пришли на войну стрелки Ногая и Самаркандского Ногая⁴. И все постепенно собрались.

Сам *хондкар* поспешно прибыл в Эдирне и приказал перекинуть мост через непроходимую реку Дунай, чтобы через него прошло бесчисленное множество войск. Поэтому при помощи приспособлений от одного берега к другому очень скоро возвели || мост, через который проходили тысячи тысяч и тьмытемен. Он приказал перевезти через Дунай двести пушек и забрать и повезти также пушки всех городов. И оказалась бесчисленная и несчетная конница, какой никогда не было ни в древнее, ни в новое [время], ни в дни великого Дария⁵, Арташеса⁶, ни при императорах римских, ни при великом Аршаке⁷, царе армянском, и ни при других.

Кое-кто из придворных Османа сказал, что собрались семь раз сто тысяч душ и семьсот тысяч, кроме погонщиков верблюдов и мулов, конюхов, табунщиков (?), пастухов, не считая прочего разнообразного люда; одних только груженных верблюдов прошли две тысячи, пушки везли на буйволах и быках; в [войске] Османа были и слоны, а также разное оружие.

Двинувшись в Эдирне, он [Осман] написал царю Польши письмо такого содержания: «Я, могущественный и великий султан Осман, победитель всех и никем не побежденный, царь царей и самый властный из *хондкаров*; под властью моей находятся четыре страны света, я обратил в данников все племена и народы; подчинив себе 15 царств, я господствую от моря и до моря, а также над всей вселенной, начиная с зеленого древа Мекки; будучи старшим сыном Мехмета и подобным ему, я владею могущественным зеленым древом, помогающим мне || и моим. Знай, Зигмунд⁸, царь Польши, что я иду на тебя с несчетным войском и бесчисленной конницей подобно орлу, кличущему и грозному, чтобы ты признал меня и понял мое могущество, коим я подобен небесным силам. Между тем, если ты, слабый и ничтожный, не подчинишься мне,

могущественному, и не станешь моим данником, то увидишь еще, какие беды обрушатся на голову твою и твоих.

Кто ты, чтобы противостоять мне или моему победоносному войску? Кто ты? На кого надеешься? На церкви свои, где вы молитесь? Я обращаю их все в хлевы для моих животных и лошадей. Если же ты надеешься на ваше дерево, то я им разобью тебе голову. Клянусь верою Мехмета и мусульманской религией: что задумал, то и совершу, а твою столицу Краков, Львов и Люблин пожалую войскам своим!» Он написал еще много других хвастливых и ругательных речей и послал царю Зигмунду. Сам же он поспешил вслед за письмом прибыть в Молдавию. Вслед за ним подоспел и хан с 80 тысячами татар и, первым вступив в пределы Польши, причинил большой ущерб. Меж тем войско мусульманское, разбив в трех местах стан, || намеревалось вступить в Польшу с трех сторон. Однако поляки, услышав о их прибытии, приготовили большое войско и, отрезав все дороги, ждали прибытия царя.

Когда послы передали письмо [хондкара] и прочитали его перед всеми, [все] были охвачены ужасом и исполнились страхом, так что дрогнули у всех сердца от страха перед неверным. Растерялись все перед бесчисленностью войск, коих нельзя было счесть. Тогда благочестивый царь сказал: «Не бойтесь, не ужасайтесь и не падайте духом от угроз насильника. Уповая на бога и на могущество святого креста, мы с ними победим врага. Хотя им нет ни числа, ни счета, но они неверующие, мы же хотя и немногочисленны, но верующие. Могуществом бога и святого креста, которые он презрел, немногие победят многих». Это письмо подобно письму полководца Рабсака⁹, которое он написал Езекии¹⁰, благочестивому царю Иерусалима и израильтян. Это письмо подобно также письму законодателя его (Османа) Мехмета и Омара¹¹, которое они написали в Константинополь боголюбивому императору греческому, великому Ираклию¹². «Ибо, — сказал он, — это не есть война против нас или против тела, но против непобедимого могущества божьего. Сей [султан], раздувшись подобно пус-

тому бурдюку, принялся ругать || бога живого и святое знамение да еще осмелился уподобить себя небесным [силам]. За это бог полностью уничтожит его, истребит его дом и род». Так, уповая на бога и на святой крест его, они (поляки) ободряли друг друга, говоря: «Вот он, день спасения, посвятим себя сегодня смерти и будем сражаться за святую веру».

Владислав выступил против врагов

Призвал царь своего старшего сына, великого Владислава, поручил ему мужественное и храброе войско и говорит: «Иди до Хотина, границы Валахии, и оставайся там с ратью, пока я приду. Он повелел также 60 тысячам казаков разбить в том месте стан, ибо казаки — храбрые и мужественные; они постоянно вторгаются в Турцию и морем и сушею, разоряют, разрушают, сжигают, как [поступили с] Кафой, Синопом, Понтом, Варной, Балчком (?); иногда они достигают Енгикейя около Стамбула. А полководцам, начальникам, полковникам, тысяцким, сотникам, коннице, начальникам областей, наместникам и всем вельможам велел охранять тыл. Великому же *спарпету*, грозному для врагов Ходкевичу¹³, приказал собраться с войском и отправиться на помощь сыну. || Он повез с собой много больших пушек. Так поспешно собрали они отряд за отрядом и раскинули лагерь в условленном месте.

Меж тем семиглавый дракон, надменный и спесивый Осман, надеясь не на бога, а на могущество длани [своей] и победу войска, приказал войскам приблизиться к лагерю поляков. И запомывал он сказанное в писании: «Как бы мог один преследовать тысячу и двое прогонят тьму...»*, и Псалтырь, где сказано: «Ненадежен конь для спасения, не избавит великого силою своею»**. И еще: «Горе хвлящемуся, что хвалится не о господе»***, и много другого, что найдешь в священном писании.

* Второзаконие, 32, 30.

** Псалт., 32, 17.

*** Иерем., 9, 24.

Наконец, в один из дней началось сражение, и столкнулись враги [лицом к лицу]. С обеих сторон пали весьма многие. Меж тем гетман, который был очень мудрым, сперва приказал казакам рассеяться по полям, лесам и ущельям; они устраивали коварные ловушки и крали людей и животных, оружие, щиты и прочее; ночью они подползали на животе и, неожиданно напав на стан, причиняли большой вред || мусульманам; они отнимали у них даже пушки.

Меж тем некий паша по имени Каракаш¹⁴, который прибыл из Шама с пятьюстами душами, явился к Осману и говорит: «Что представляют собой неверные? И какая может быть против них война? Прикажи мне, я пойду со своими войсками и всех их живьем приволоку к тебе, а табор рассею». И сказал он (Осман): «Отправляйся, погляжу я на тебя». Меж тем несчастный положился не на бога, а на собственное могущество. В то время, когда он спускался по равнине, густо заросшей деревьями, меж которых спрятались казаки, один из них, увидев, что паша идет очень уверенно, понял, что он глава, и, прицелившись в него из ружья, выстрелил; пуля пробила шлем и [вышла] с другой стороны, как [то было у] Давида с Голиафом, и [паша], свалившись с лошади, издох. Неожиданно выскочив из-за кустов, казаки окружили со всех сторон отряд из Шама и всех изрубили. Немногие, спасшиеся бегством, рассказали [об этом] Осману. Разгневавшись, он приказал татарам вторгнуться в Польшу. В бесчисленном множестве, рассеявшись словно саранча, шли они и не видели расставленной для них опасной ловушки: им дали возможность пройти глубже и тогда, окружив их спереди и сзади, [одних] предали мечу, других || обратили в пищу для пушек, погубив 60 тысяч душ.

Меж тем благоразумный и мудрый муж, храбрый гетман, услышав о множестве войск мусульманских, начал опасаться и написал королю Зигмунду: мол, поспеши нам на помощь, ибо словно песок бесчисленны и несчетны войска иноплеменников, а нас мало. Сам же он от великой заботы слёг там из-за болей в животе и умер. Да просветит господь бог его душу!

А царь торопился и спешил с 300 тысячами душ к сыну, в стан войска.

Меж тем с обеих сторон войска, противоборствуя, сражались и убивали друг друга. То была вторая и третья битва обеих сторон.

Но вот Осман отдал приказ многочисленному войску ударить по армии поляков. И начали сражаться с утра до вечера, и пало много воинов и у поляков и у них. Ночью, когда рассвело, вновь начали сражаться. То был великий и знаменательный день; битва была такой большой и ужасной, что не могу ее пером описать. От густого пушечного и ружейного дыма померк свет и никто не мог понять, кто враг, а кто друг. Ужас и дрожь объяли всех, вплоть до того что войска польские отступили и потеряли надежду. ||

Уповая на бога, послали они в города и села [гонцов], чтобы во всех церквах молились и служили молебен о спасении христиан, ибо, говорили, мы погибли. Три дня и три ночи в церквах все духовенство и миряне молились богу, говоря: «Не для нас, господи, не для нас, но ради имени твоего и великой славы твоей помилуй верующих, которые почитают твое святое имя».

А на третий день, когда вновь столкнулось друг с другом множество войск и мусульмане, взяв верх, хотели полностью уничтожить верующих, милосердный и человеколюбивый бог, сжалившись над христианами, заставил ветер дуть со стороны польских войск на исмаильтян, и пушечный дым с обеих сторон стал въедаться в глаза и ослеплять [их]. Верующие, бросившись на них с мечами, зарубили более 50 тысяч душ, а прочих обратили в бегство и захватили их добычу¹⁵. Это чудо сотворил бог. Слава богу! Это случилось в день воздвижения святого креста.

Тогда великий везир и прочие вельможи говорят Осману: «Мы не можем победить неверных, потому что нарушили клятву и без причины напали на них. Из-за этого || война наша не удалась, потеряли мы храбрых и мужественных мужей и бесчисленное множество мусульман». Меж тем он,

с сердцем, окаменевшим и ожесточившимся, как у фараона, не тяготясь злом и потоками крови, сказал с гневом: «Мне невозможно вернуться обратно до тех пор, пока я не овладею Польшей, а царя не захвачу живым». Однако с самого начала и теперь все войско не желало этой войны, и так как он понудил их [к этому] силою, они в сердце своем затаили ненависть. Но в то время, когда Осман намеревался послать против Польши другое войско, Зигмунд достиг Львова, находившегося в трех днях пути от армии сына.

Меж тем в польской армии распространилась страшная болезнь, а вместе с ней и голод, поэтому не осталось ни скота, ни пищи; ели лошадей и прочих нечистых [животных] и даже мертвечину. И людей осталось мало.

Услышали магометане, что царь идет с бесчисленным войском, пали к ногам Османа и говорят: «Прекрати войну и заключи мир, ибо если мы не смогли победить сына, ужели сможем [победить] его отца? Вот он уже в трех днях пути отсюда, идет с бесчисленным и несметным войском, которое покрыло лицо земли и полей. Народ этот — чистое железо и пламя». Меж тем сей раздувшийся, спесивый гордец, который летел, как орел, и рычал, как лев, услышав [это], обмяк и || обратился в слабосильную лисицу. Сказал он великому везиру Байрам-паше¹⁶: «Ступай и делай, что хочешь». Он же (везир), взяв в посредники парона Валахии, который звался Каспар¹⁷, и других, послал их к королевскому сыну Владиславу¹⁸ для [заключения] мира. После долгих переговоров они поклялись друг другу в союзе и дружбе. Осман послал королевичу дорогие дары, а также живых слонов, а тот также послал ему взаимно [подарки]. И наступила великая радость и ликование среди всех христиан.

Услышав об этом, царь Зигмунд радостно вернулся обратно. Вернулся также в свою столицу с великой победой, в ореоле храбрости и с добычей проницательный Владислав.

Меж тем войско и великие князья турецкие, увидев, что победил бог, говорили: «нас сковала наша клятва». Сами же они скрежетали зубами против Османа, который погубил без

вины столько войска ратного, и в мыслях своих задумали коварную измену.

Вернулся султан Осман в Стамбул опозоренным и обещанным, побежденным и с поникшей головой. И вот, спустя немного дней, подняло голову войско, янычары и *сипахи* и, || объединившись клятвою, бросились все ко дворцу. Осман бежал в Эскисерай, они пошли следом. Уйдя оттуда, он скрылся у *енкичери-ага*. Там они окружили дом и сказали: «Выдай нам нашего губителя, иначе мы на куски изрубим тебя». И он от страха предал его в их руки. Меж тем несчастный Осман с накинутым на шею полотенцем плакал и молил в отдельности каждого из слуг своих: «Пощадите меня, слуги мои, и не убивайте, я удостою вас великих почестей». Но они, упорствуя, совсем не пожалели его: «Ты, мол, не пощадил и не послушался ни *муфтия*, ни нас; мы также не сжалимся над тобой». И приведя ломовую лошадь с плохим седлом, они посадили его на нее и так повезли через весь город, [затем] привезли его к Еотн-Гула и задушили, [погубив] тяжкой смертью.

Так от зла сгнуло зло, и исчез неправедный; да не увидит он славы божьей.

18. ЛЕТОПИСЬ 1623—1635 годов

Абаза-паша. Избиение янычар

В 1072 году армянского летосчисления (1623) некто из племени абазов, злой и кровожадный, дурной и коварный, которого звали Абаза¹, выйдя из [Высоких] врат, при поддержке матери Османа, Косам², везира Халила и других сделался пашой. Когда он достиг Анатолии, его [войско] усилилось и, выступив || мстителем за Османа, он начал избивать янычар. Постепенно возвышаясь, он собрал войско, стал могущественным и, согласно обычаю джалалиев, сперва начал захватывать поселки, села, затем крепости, а потом города и, где слышал о янычарах или находил их, безжалостно убивал, умерщвлял в жестоких мучениях, говоря: «Вы убили вашего царя, так

я вашу кровь выпью!». Так поступал он десять лет. Говорят, что он убил 40 тысяч янычар, ибо *муфтий* дал ему *фетву*. И хотя [Высокая] Порта много раз посылала против него [войска], но [они] ничего не смогли сделать, ибо он был хитер и колдун, а также имел большую конницу и много сокровищ. Но не будем затягивать повествование, чтобы не докучать слушателям.

Послал царь против него великого везира³, а он, бежав, засел и укрепился в Арэруме. Тогда, разрушив с одной стороны стену, его схватили живым и повезли к царю. Спросил он (царь): «Почему ты решился на такие дела и погубил стольких моих слуг?» Он ответил: «Я мстил за твоего сопредстольника и брата Османа; у меня есть также письмо от твоей матери и главного везира, чтобы я это сделал». И выложил бумаги перед царем. Когда султан ознакомился с сутью дела, он не дозволил убить его как преступника, но дал ему *беглербекство* в Румелии и послал в Боснию. И там также он совершил много вреда и злодеяний, обложив всю страну высокими налогами, притеснял, нарушал клятвы, причинял убытки и возложил тяжкое бремя на *райя*. Он разрушил и опустошил Румелию, а людей, как и в Анатолии, обратил в нищих.

Оттуда он приехал в Силистрию, Ибраель и другие города на берегах Дуная и начал замышлять зло против Польши. Отправившись к [Высоким] вратам, он сказал: «Дай мне приказ и войско, чтобы я пошел на Польшу и отомстил за твоего брата Османа». И снова он (султан) нарушил клятву и сказал: «Иди. Покажи свою храбрость».

Смерть Зигмунда. Воцарение Владислава

Меж тем в 1081 году армянского летосчисления (1632) умерла сперва царица польская и потом король Зигмунд. Но провидением и промыслом бога, а также по желанию всех князей и войска на престол предков [своих] сел достойный наследник Владислав, и стал он царем Польши.

|| Война Москвы с Польшей (1632 год)

В том же году взбунтовалась Москва, стала великим врагом Польши и, собрав много войск, пошла на Польшу, захватывая города и села⁴. [Москва] послала также к *хондкару* султану Мураду посла с дорогими дарами и обещаниями, мол: «Я буду постоянно платить тебе дань ежегодно 100 тысяч золотых *деканов*, 200 хороших собольих шуб и прочее, но молю тебя помочь мне теперь, я пойду отсюда, а ты оттуда, и истребим мы Польшу». Он же (*хондкар*) с большой радостью взялся это исполнить.

Когда об этом узнал нововенчаный царь Владислав, оставил он свой трон и тотчас же поспешно пошел с многочисленным войском на Москву. Он приказал [выступить] и казакам, коих было 40 тысяч, а сам отправился туда с 20 тысячами. Он написал также хану, чтобы тот прибыл на помощь, и хан с радостью пошел со 100 тысячами душ [на Москву], грабя, разрушая, сжигая и забирая бесчисленное множество пленных. Ибо между прежними царями польскими и ханами существовал договор о том, что, если будет война и необходимость, когда бы ни пожелал король, татары должны выступить; но король должен дать им тысячу золотых и тысячу мехов, и сколько бы пленных и добычи ни взяли — все будет татарам. Поэтому они готовы были идти каждый год, но боялись поляков, ибо должны были проходить через Польшу.

|| Но войск московских было много — 200 тысяч душ, а наших, не считая казаков, 30 тысяч. На греческую кривую пасху⁵, в субботу, в день сошествия святого духа, когда оба войска вплотную подошли друг к другу, столкнулись они два-три раза друг с другом, и обе стороны потеряли много людей. Тогда москвиты вырыли окопы, построили укрепления и засели лагерь на горе, воды было в изобилии, и возвели подобно окопам вал, который не то что простые люди, но даже духи не смогли бы взять. В той же крепости были 80 тысяч душ, пушки, а *сардар* звался Шанном⁶. В то время когда великий Владислав пребывал в заботах и сомнениях, промыслом божьим начались

в войске московском страшный голод и большая смертность. Увидев, что их постигла кара божья, они смирились, ибо и снаружи (вне крепости) убивали их. Наконец военачальник отправил к королю [посла], прося, чтобы им сохранили жизнь. Выйдя из крепости, они, побросав на землю оружие и знамена, с непокрытыми головами попадали к ногам короля, говоря: «Сколько ни есть оружия, денег, сокровищ и имущества, пусть будет тебе, только дозвожь нам отправиться восвояси». Меж тем благодетельный король приказал идти порожняком и ничего не брать, но если бы захотел, всех бы предал мечу. Пошли они другой дорогой. Вступив туда [в лагерь], нашли там 12 тысяч пушек, 120 больших пушек. 12 пушек были || из царской сокровищницы; одна звалась царем, другая царицей, а иные орлом, змеей, драконом и так далее, [все] очень большие и длинные. Медь их была благородна, как золото. Такой в другом месте, полагаю, не найти. В одну [из них] впрягли 200 быков и с трудом смогли сдвинуть. Было еще много другого оружия, доспехов, лат, муки, масла, сушеного мяса и прочего, нашли также их серебряные деньги, которыми уплатили своему войску. Взяв добычу, [поляки] заключили с ними мир и союз. Впрочем, московский царь отрубил голову Шаину: мол, почему заключил договор? Но затем поневоле дал клятву и послал королю дорогие дары, а также [отдал] 15 городов и обязался платить каждый год 40 тысяч золотых, ибо испугался войска польского⁷.

Поход Абаза-паши на Польшу

В то время как они (войска польские) были там, Абаза решил, что в Польше не осталось людей, все ушли в Москву. Собрав войско, коварный с 60 тысячами пошел на Польшу и с ним хан Демир с 20 тысячами татар. Он написал также султану Мураду: «Наступил день, наступило время. Выходи и осторожно следуй за нами, ибо [здесь] никого нет и двери городов сами собой раскроются перед нами». Тогда султан направился в Эдирне и там остановился. Меж тем Абаза вновь построил через Дунай || мост и, не опасаясь, перешел [его],

взяв с собой 80 пушек. Он забрал также пушки из других городов.

Услышав об этом, Владислав послал [против него] своего брата Казимира с 20 тысячами казаков и приказал гетману так же идти с войском против него. Меж тем наместники, губернаторы, начальники областей и прочие господа и вольные слуги поспешно собрались в неприступной крепости Каменец, что находится на каменистой горе. И там, под горой, на равнине, раскинули лагерь. Казаки [расположились] в другом месте. Тогда умный и проницательный гетман приказал вырыть тайно в четверти мили впереди окопы и там в двух-трех местах поставил пушки, а перед окопами разместил конницу, сам же занялся сбором войска.

Меж тем коварный, прибыв в Молдавию, призвал парона Карафлахии, чтобы и он прибыл со своей конницей, точно так же парона Молдавии. Когда они* столкнулись лицом к лицу, турки шли справа, татары — слева, а валахи — впереди. С обеих сторон было перебито бесчисленное множество воинов; их было 70 тысяч, а наших вместе с казаками не было и 20 тысяч. На следующий день сражение возобновилось, и опять с обеих сторон было перебито много. И с криками: «уй» многочисленное войско [Абаза-паши] уверенно шло на поляков, убивая [их], а они бежали к устроенной ими западне. || Когда они добежали до западни, из двух-трех мест по ним выстрелили из пушек, от [выстрелов] которых там издохло семь тысяч мусульман. Выскочившие с другой стороны немцы стали рубить их и захватили кое-кого из знатных: сына сестры Абаза и других больших людей, зятя и брата хана Демира и убили много татар и его (Демира) сына. Когда нечестивые увидели это, на них напал страх и ужас. И пустились они бежать, показывая пятки, и, опозоренные, скоро вернулись в свою страну⁸. Меж тем христиане — каждый с радостью и ликованием вернулся к себе домой, благословляя, восхваляя и благодаря бога, который дарует победу верующим в него. Слава богу! В каждом городе Польши праздник наступил.

* То есть турки и поляки.

Поход султана Мурада на Польшу

Меж тем сердце султана Мурада все еще не насытилось злом, снова запало в него [намерение] идти на Польшу, схватить молдавского *парона* и *парона* Карафлахского, убить их за то, что они предали Абазу, мол, иначе он (Абаза) завоевал бы Польшу. Поэтому, радостно выслушав лживого обманщика, он приказал объявить войну Польше⁹ и построить мост через Дунай, чтобы по нему прошли пушки и войско. Он приказал, чтобы сперва в Польшу вошли татары, || которые, [вторгшись туда] в числе 30 тысяч, причинили ущерб и совершили много преступлений.

Услышав об этом, вельможи и князья польские сообщили своему королю (Владиславу), что идут турки и татары. А он приказал собрать войско и идти против врагов. Он велел 20 тысячам казаков идти морем; и разорили они (казаки) много городов, сел и местечек, разрушили прочные крепости и захватили много добычи золотом и серебром, а также угнали в плен богатых мусульман.

Пароны Молдавии и Карафлахии восстали против *хондкара*. Точно так же и *парон* мадьяров заключил клятвенный союз с Владиславом — объединиться и бить турок¹⁰. У него было 30 тысяч облаченных в железные [латы] богатырей, которые разбили лагерь в трех местах. Когда турки узнали, что *парон* Валахии изменил, послали они другого *парона*, которого звали Васил Лубул¹¹. Сам он (Мурад) вернулся из Атраны в Стамбул и сказал везиру Муртуза, чтобы помирились [с поляками]. Тогда отправил он (Муртуза) к гетману послов в знак дружбы. После долгих переговоров, отправки даров и отменных коней они примирились, и наступил великий мир. Турецкий великий посол Шахин-ага приехал со ста душами и, увидев войско польское, удивился, что все оно в броне и латах, и || сказал: «Кто может противостоять им?» Мадьяры дали туркам три больших сражения, пока не [уничтожили] их полностью.

Поход царя Владислава на Швецию (1635 год)

В 1084 году армянского летосчисления (1635), 15 апреля, Владислав с многочисленным войском и 50 тысячами казаков пошел на Швецию, которая давным-давно, еще при отце [его], взбунтовалась. Много раз отец [его] шел войной [против нее] и ничего не мог поделывать, ибо их много и они имеют много сокровищ. И сколько ни есть неверующих, все они объединились, ибо и шведы неверующие. Он (Владислав) захватил несколько городов; увидев их (поляков) храбрость, шведы хотели стать данниками, но король не согласился: мол, мечом завоюю.

Ливни 1635 года

В этом году, начиная с пасхи и до августа, в Польше непрерывно день и ночь лили сильные дожди. Мы видели солнце едва ли несколько дней. Так что поднялись воды, заполнились озера, разлились реки и причинили много вреда всем городам и селам, вплоть до того что, как некоторые говорили, ливни земные были подобны потопу, ибо разверзлись хляби небесные. Созрела жатва, но нет [ясного] дня, чтобы жать. Бог даст хороший конец! Аминь!

Поход султана Мурада на Персию (1635 год)

В этом году дерзкий и высокомерный зверь, спесивый дракон дал строжайший приказ и велел объявить семилетнюю войну против *кызылбашей*¹². Сам он поспешно отправился в Измут, а оттуда в Конию. Сказали, что с ним были 15 тысяч человек, не считая везира, который с такой же конницей находился на зимовье. И [повелел] он провозгласить: «Горе тому человеку, который, получая [хотя бы] полдрахмы олофе в кормление, не явится в поход». Так вслед за царем шли тысячи тысяч и тьмы-тьмущие, не считая татар. Только бог может освободить народ армянский от этих бесчисленных и несчетных войск, которые вышли и словно саранча покрыли поля и землю, двигаясь через армянские города и села и все области. Да спасет их (армян) Христос бог!

Сургун 1635 года

Снова опубликовал чудовищный вишап злой приказ о том, что [все] приехавшие менее сорока лет назад будут высланы. По всем городам, и прежде всего в Стамбул, послал он эмиров. Горе тому человеку, который в течение двадцати дней не уедет на родину. О, великое горе! О, [тяжкая] неизвестность и мучения! Откуда появились эта кручина и несчастья народа армянского? Надо было видеть крики и вопли и [муки] преисподней! Одни направились в эту сторону*, и половина их стала добычей меча. О, || горе и несчастье обездоленным людям! Ибо здесь они теряют или оставляют чужим, или продают за полцены дом и место, сад и *мульки*, а там попадают прямо в пасть столь [многочисленной] коннице и мечу. И не знают они, куда идти, ибо страна та разрушена и опустошена. Одни утонули в море, другие умерли в дороге от голода и жажды.

Рассказывают, что несколько сот семей со всем имуществом своим переправились на судне на другой берег, а там на них напали сохта и всех до единого беспощадно зарубили мечом. Эти были уничтожены здесь, а тех, что были в Анатолии, шах угнал в глубь [страны]; некоторые бросились в море, считая, что лучше умереть, чем попасть в руки войска или идти в разоренную страну. Со всех сторон была армянам погибель. Господи, помилуй! Ужели пришел конец света или наступило пришествие Антихриста? Но полагаю, что исполнились слова св. Нерсеса, что так уничтожен будет народ армянский. Так, более или менее коротко мы описали горестные и скорбные события, совершившиеся с армянами в наши времена. Вечная слава человеколюбцу Христу! Аминь!

Ведьмы

И опять в 1083 году армянского летосчисления (1634), 12 октября, во Львове поймали трех ведьм и, разложив за городом большой костер, сожгли их. || Три дня в городе Львове не рассеивался зловонный дым от их сожжения.

* То есть в Молдавию, Польшу.

Пожар в Ярославле в 1627 году

14 августа 1076 года армянского летосчисления (1627), в день успения святой богородицы, разразился гнев над землею польской, ибо в городе Ярославле начался большой пожар во время ярмарки, где собралось множество различных купцов из всех стран и областей, а также различных местностей, ближних и дальних, с несчетными сокровищами и множеством тканей; от нее (ярмарки) вспыхнул и сгорел весь город со всеми стенами, домами и прочим. [Сгорели] также сводчатые, куполообразные, построенные из тесаного камня церкви и монастыри и все дома, так что не осталось вовсе строений. Сгорело множество сокровищ и тканей; ни цифрами и ни словами не могу передать неисчислимую сумму ущерба. Сгорели также много людей; некоторые полуобгорели, иные сошли с ума и пришли в исступление из-за [понесенного] от ужасного бедствия убытка. У кого сгорела одежда, у половины — борода, у других почернела кожа и сгорели, опалились волосы; иные же, едва спасшись, обратились в бегство и с трудом убежали из города, || ибо с четырех сторон было пламя и со всех сторон грозный гнев божий. Погиб город, погибли и сгорели все жители его вместе с сыновьями и дочерьми, вещами и скотом, домами и всем имуществом.

Там были богатые купцы и богачи — владельцы тысяч и десятков тысяч, которые, обратившись в одетых во вретиче нищих, рассеялись [повсюду]. Ненмушие, одинокие и всего лишённые, они бродили по улицам и площадям, у некоторых даже хлеба и еды не было, чтобы поддерживать душу. Вот где можно было увидеть тяжкую скорбь, горе, плач и стенания, рыдания и слезы.

Сказали, что погибли сокровища, равные 15 мсырским сокровищам: парча, *хамгалатчи* *, атлас-камка, пряности, шерстяные ткани, несколько сот лавок с шерстью, ковры, паласы, шелка, несколько сот тюков мехов соболя, белки, белого горноста, лисицы и других разнообразных мехов. У каждого продавца пряностей было на 100 тысяч *курушей*, точно так же и

* В ориг.: *խամղալի քիլիք*(?)

у золотых дел мастеров и продавцов шерсти. [Все это] сгорело за один день, не считая наличных денег, *курушей*, золота, *стаков* и прочего. Пропала [казна], равная казне *хондкара*, и не только у поляков, москвитян и турок, [но и у] франков, мадьяр, валахов, *кызылбашей* и многих других, || которых не могу перечислить и описать. [Столько] довольно.

Эпидемия чумы 1627 года

В то время когда мы еще пребывали в горе и сомнениях, напала на втором году на Польшу страшная неожиданная смерть и не осталось села, местечка или городка, которые избежали бы смерти, но первая смерть (то есть в 1623 году) была страшнее. Из всех городов началось бегство. Во Львове не осталось ни людей, ни радости. Когда распространилась эта вторая смерть, я, ничтожный, страшась гнева божьего, также бежал вместе со всеми беженцами на некоторое время в городок Рохатин, в девяти милях от Львова. Мы прожили там всей семьей три месяца и одну неделю, то есть от воздвижения креста до св. Акопа. Там пребывали мы в великом горе и печали, пока не забрезжило утро мира наимилосерднейшего господя нашего. Прошел гнев [его], и воздали мы благодарственную хвалу богу, который спас нас, достойных чумы. Тогда вернулись мы домой, в свои жилища. Слава богу!

Набеги татар (1628 год)

Я расскажу вам еще о другом большом и тягостном бедствии, случившемся в нынешнем году, от которого дрогнут сердца слушателей. В то время когда мы были в бегстве, снова разразился над нами гнев божий, ибо поднялся ветер || северный и рассеялся по всем четырем сторонам страны Польской. То были сборища, орды татар, [которые] сжигали, разоряли, разрушали, поджигали страну. Кого угоняли в плен, а кого убивали, одних грабили, а других связывали, жен и детей уводили продавать, юных девушек позорили, оскверняли

и порочили, изнуряли [людей] голодом и жаждой, волокли голыми, летом опаляя солнечным зноем, а зимой, в суровую стужу, замораживая жестоким холодом, подвергали их жестокой смерти и мучили голодом; грудных младенцев бросали или в воду, или под копыта лошадей, старикам и старухам разбивали головы, знатных женщин и благородных воинов уводили с собой. Надо было слышать вопли и рыдания, когда разлучали невесту с женихом, отца с сыновьями, мать с дочерьми, брата с братом, мужа с женой, товарища с товарищем. Тысячеустое горе мне, что я видел [это] своими глазами! Ибо, связав, их вели толпами словно стадо овец, сжигали их дома и строения и угоняли гуртами овец, лошадей, коров, быков и весь скот. Кто может все описать по отдельности! Многие области опустели, а люди покинули жилища. Горе мне из-за этих трех бедствий! || Как, например, в древности, во времена Давида, бог наслал три кары на израильтян, так ныне постигли нас голод, меч и смерть, от которых да спасет нас господь бог! Аминь.

Католикос Мелкисед в Польше в 1626 году

Меж тем в 1077 году армянского летосчисления (1628), в сентябре-месяце, в Польшу приехал эчмиадзинский католикос Мелкисед¹³, старый и седой, умом ослабевший и немощный, пьяница и сребролюб. С ним было много епископов, подобных ему, и пьяниц. А от науки они были очень далеки. Во Львове они пробыли полгода.

КОММЕНТАРИИ

1. ВВЕДЕНИЕ

¹ Гуннами Симеон называет крымских татар, страной гуннов — Крым.

² Русами Симеон называет украинцев в отличие от москвитян — русских.

2. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЛЬВОВА В СТАМБУЛ

¹ Здесь имеется в виду река Сучава, впадающая в Серет, приток Дуная.

² Под «домом» здесь и в дальнейшем Симеон подразумевает «семью», «дым».

³ Мсыр (от араб. Миср-ал-Кахире) — название Каира. Относится также к Египту в целом; в данном случае имеются в виду египетские корабли.

3. ОПИСАНИЕ СТАМБУЛА

¹ Вланга — один из районов Стамбула, примыкающий к Мраморному морю.

² Балатна (правильно Балата) — один из богатейших районов Стамбула, в котором жили преимущественно евреи, а также армяне, у которых здесь была церковь святых апостолов.

³ Сулуманастр — так назывался древний монастырь и примыкавший к нему район. Монастырь этот, известный также под названием св. Геворга, был передан армянам султаном Мухаммедом II Завоевателем и до 1641 г. оставался резиденцией армянских патриархов Стамбула.

⁴ Джалалиями (правильно: *джеляли*) называли участников повстанческих движений в Турции; название это произошло от имени шейха Джеляли, руководителя крестьянского движения, вспыхнувшего в начале XVI в. в районе Токата и Амасьи.

⁵ Григор Кесарацц был патриархом армян в Стамбуле (в 1601—1603, 1611—1621, 1623—1626, а затем в 1632—1636 гг.).

⁶ Джуга — город, расположенный на северном берегу р. Аракс, на пути из Армении в Персию, был одним из крупнейших торговых центров средневековой Армении. В 1605 г. персидский шах Аббас I, разрушив город,

переселил его жителей в Персию, где они обосновались около г. Исфахана, в предместье, получившем наименование Новой Джуги.

⁷ Собор св. Софии, представляющий собой классический образец византийского зодчества, был построен Исидором из Милет и Анфимием из Траалл в 532—537 гг. После взятия Константинополя турками собор св. Софии был превращен в мечеть.

⁸ Григор Лусаворич (Просветитель) — первый патриарх армян (301—333), насадивший в Армении христианство.

⁹ В Никее в 325 г. был созван первый Вселенский собор, на котором был разработан и утвержден «символ веры» ортодоксальной христианской церкви и осуждено арианство, признанное ересью. В соборе принимали участие 318 представителей высшего духовенства, которые после окончания работы собора были приглашены императором Константином на торжества в Константинополь.

¹⁰ Симеон, по-видимому, оговорился; должно быть султана.

¹¹ Симон (Симеон) Волхв — основатель гностической секты симониан, существовавшей еще в III в. Симеон Лехази имеет здесь в виду легенду о его противоборстве с Петром и неудачной попытке вознестись на небо (см. «Псевдоклементины»).

¹² *Аслан-хане* (Арслан-хане) — древняя церковь св. Иоанна Евангелиста около собора св. Софии в Стамбуле, превращенная турками в зверинец.

¹³ Ат-мейдан (букв. «ипподром») — большая площадь в Стамбуле, которая находилась на месте древнего ипподрома, построенного при императоре Константине Великом в IV в.

¹⁴ Симеон имеет в виду обелиск Феодосия Великого, монолит из фиванского гранита высотой 30 м и шириной у основания 2 м. Он был воздвигнут в Гелиополе фараоном Тутмосом III в 1700 г. до н. э. В 381 г. Феодосий Великий установил его на ипподроме в Стамбуле. На пьедестале вырезаны рельефы, изображающие различные события времен Феодосия. Иероглифы на нем хорошо сохранились.

¹⁵ Змеиная колонна находится несколько южнее обелиска. Колонна имеет форму трех переплетенных змей и отлита из темной бронзы, захваченной греками у персов после победы над Ксерксом. Стояла она на кубическом камне, теперь покрытом землей. Змеи поддерживали знаменитый золотой треножник, пожертвованный храму Дельфийского Аполлона победителями при Саламине и Платеях. Это произведение греческого искусства было перевезено в Византию Константином Великим.

¹⁶ Речь идет о колонне готов, представляющей собой гранитный монолит 15-метровой высоты, который стоит на террасе, в саду императорского дворца. Колонна была воздвигнута в память о победах, одержанных над готами при императоре Клавдии II Готском.

¹⁷ Симеон описывает дворец Топ-Капу, построенный султаном Мухам-

медом II. Дворец занимал огромную территорию и походил на город; третий двор его был предназначен только для султана и дворцовых служащих.

¹⁸ *Чемза-хане* — деревянная церковь св. Ирины; после того как она была захвачена турками, ее превратили в арсенал, а затем в оружейный музей.

¹⁹ *Диван-хане* входил в дворцовый комплекс Топ-Капу. Над залой дивана высилась большая квадратная башня. Зала дивана освещалась большими решетчатыми окнами.

²⁰ *Безестан* представляет собой громадный крытый рынок, перерезанный множеством улиц, по обеим сторонам которых тянутся лавки. В Стамбуле было два безестана.

²¹ Ясыр базар — невольничий рынок, часть *безестана*.

²² Согласно библейскому преданию, древнесврейский патриарх Авраам имел от Агари, служанки своей жены, сына Измаила, которого мусульманские народы считают своим родоначальником. Поэтому христиане называли мусульман измаильтянами или агарянами.

²³ Так Симеон называет крепость Еди-Куле, в переводе «Семибашенный замок» (еот по-армянски также означает «семь»). Еди-Куле, расположенная на берегу Мраморного моря, служила тюрьмой для государственных преступников.

²⁴ Имеется в виду Констанций (351—361), сын императора Константина Великого.

²⁵ Симеон упоминает Адрианопольский рынок Али-паши (первая половина XV в.); интересен тем, что в нем под одним сводом находилось около ста лавок.

²⁶ Геленджик — крытый рынок в Бурсе.

²⁷ Аврат базар — рынок, где продавали невольниц; находился на месте бывшего форума Аркадия, в центре которого стояла колонна, воздвигнутая в честь императора Феодосия I. В настоящее время от колонны остался лишь пьедестал шестиметровой высоты.

²⁸ Тавух-хане (тур., тавук-хане — букв. «птичий двор») — рынок, где продавали птицу, лошадей и мулов. Он находился около бывшего форума Константина, посреди которого возвышалась колонна, привезенная по приказанию Константина из Рима. Во время пожара XVI в. она очень пострадала, и ее вынуждены были оковать железными обручами.

²⁹ Всех ворот было 33: 11 — со стороны суши, 13 — Золотого Рога и 9 — Мраморного моря. В дальнейшем некоторые из них были замурованы.

³⁰ Чатлатгапу — шестые по счету (начиная от Семибашенного замка) ворота на Мраморном море с примыкающим к ним районом.

³¹ Дворцом Константина Симеон называет дворец Палеологов, так называемый Текфур-серай (XIV в.).

³² Порт Еямиш расположен на берегу Золотого Рога (недалеко от входа в Мраморное море).

³³ Галата не остров, как называет ее Симеон, а отделенное от города заливом предместье Стамбула.

³⁴ Здесь слово «милостыня» дано Симеоном в качестве армянского эквивалента арабского слова «зекат».

³⁵ Караман — один из кварталов Стамбула, называется так по имени переселившихся сюда при султানে Мухаммеде II Завоевателе жителей Малоазиатской Карамании (большинство их были мусульмане). В этом квартале находился мясной рынок, где, согласно мусульманским обычаям, подкармливали животных.

³⁶ Аллах, валлах, таллах и рух — форма клятвы, в переводе означает: «Клянусь богом и духом божьим».

³⁷ «Книга Вопрошений» принадлежит перу крупного армянского философа XIV в. Григора Татеваци. В ней в форме вопросов и ответов критикуются нехристианские религии и еретические учения.

³⁸ Вардапет Матеос — ученик Татеваци, Матеос Джугаеци, на книгу которого «О вопрошениях неверных; различные ответы» и ссылается Симеон Лехаци.

4. ПУТЕШЕСТВИЕ ВДОЛЬ БЕРЕГОВ МРАМОРНОГО И ЭГЕЙСКОГО МОРЕЙ

¹ Азария Джугаеци, католикос Сиса (1584—1601).

² Прохор — ученик Иоанна Евангелиста.

³ Бурса — крупный торговый центр в азиатской Турции, особенно разросшийся при византийских императорах. Был своего рода торговым складом Константинополя. Около города сохранились развалины древней крепости, дворцов, стен. Симеон ошибочно отождествляет Бурсу с Эфесом — древнегреческим крупным торгово-ремесленным городом на побережье Малой Азии, который в средние века потерял былое значение из-за обмеления гавани.

⁴ Семь отроков — сыновья знатных семей в Эфесе, которые, согласно Четьям-Минеям, жили в III в., подверглись гонениям за христианскую веру и были заживо замурованы в одной из пещер горы Олимп.

⁵ Эрджиас-Даг — самая высокая гора Анатолии, достигающая 3841 м.

⁶ Под царем Бузандом Симеон разумеет легендарного основателя древнегреческой колонии Византиума (VII в. до н. э.), Бюзаса (см. Лазар Парбеци, *История*, на древнем армянском языке, Венеция, 1793, стр. 12). В действительности, Симеон описывает развалины не Византиума, а одного из известнейших городов древности — Кизика (тур. Балкиз-серай), основанного милетцами. Он оставался довольно большим городом вплоть до захвата его арабами в 675 г.

⁷ Иоанн Евангелист в 95 г. был сослан императором Домицианом на остров Патмос, который приобрел благодаря этому известность.

⁸ Форт, расположенный на азиатском берегу Дарданелльского пролива.

⁹ Арий — священник из Александрии (год рождения неизвестен, умер в 336 г.), отрицал церковное учение о единой сущности троицы. Никейский собор 325 г. признал арианство ересью.

¹⁰ Согласно преданию (см. Айсмавурк), сын Григора Лусаворича, Ари-стакес (а не Врданес, как у Симеона), идя в Никею на собор, встретился на берегах Никейского озера с арианами, которые, насмехаясь над ним, предложили ему в доказательство своей святости вспахать воды озера. Ари-стакес будто бы прошел с упряжкой быков по озеру, и плуг его оставил на нем глубокие борозды, обнажившие даже дно.

¹¹ Нестор, епископ константинопольский (428—431), основатель несто-рианской секты, признавал лишь человеческую природу Христа. Эфесский собор 431 г. осудил Нестора как еретика.

¹² Езика (правильно Ерзинга или Эрзинджан) — город в Турции. В окрестностях города находился монастырь св. Акопа Кайпоса (Капоса), о котором и упоминает Симеон.

¹³ Происходивший из рода Григора Лусаворича католикос Нерсес (352—372), согласно преданию, был сослан императором Валентом на какой-то островок в Мраморном море, где оставался 9 лет, до смерти Валента.

5. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ СТАМБУЛА В ВЕНЕЦИЮ

¹ Закария Ванакан (правильно Ванеци) был *нвираком*, т. е. уполномо-ченным представителем эмиадинского католикоса Мелкиседа. В 1611 г. под предлогом паломничества отправился в Рим. Был одним из глав про-римской партии в армянской церкви. Дважды был константинопольским патриархом армян.

² Симеон имеет в виду реку Рашку.

³ Босна-Сарай был основан в XIII в. у слияния рек Босна и Маглия-ска. В период турецкого господства представлял собой один из крупнейших торгово-ремесленных центров Румелийской провинции Османской империи.

⁴ Симеон полагал, что так называется дом, в котором проходили карантин [«назарет» в переводе с польского (lazaret) означает «карантин»].

6. ВЕНЕЦИЯ

¹ Симеон сравнивает здесь Венецию с Медным городом из «Повести о Медном городе», которая была широко известна в средние века в стра-нах Ближнего Востока. (см. *Գիրք շատմութեան, որ Կոչի Պղնձի — Քաղաք. . . Պոլիս, 1792*)

² Симеон имеет в виду армянский дом, служивший гостиницей и бога-дельней, который упоминается уже в источниках XIV в. Здесь же находи-лась и церковь св. Креста.

³ Собор св. Марка — один из древнейших архитектурных памятников Европы. Согласно летописям, в начале IX в. два венецианских мореплавателя — Маломокко и Рустик — похитили в Александрии останки евангелиста Марка и привезли их в Венецию. На месте погребения построили собор, который неоднократно перестраивался. Последние переделки относятся к концу XI в. В таком виде он и дошел до нас. Работа по внутренней отделке собора затянулась до XVI в. Ряд мозаик выполнен по картинам Тициана, Тинторетто.

⁴ Три огромные бронзовые мачты, постаменты которых украшены рельефами и орнаментами, были воздвигнуты в начале XVI в. Они предназначались для знамен города и его заморских владений.

⁵ Над главными воротами собора стоит четверка бронзовых позолоченных коней, которые украшали триумфальные арки Нерона, а затем Траяна в Риме и, наконец, Константина в Константинополе. В 1254 г. после взятия Константинополя крестоносцами они достались в качестве военного трофея дожу Энрико Дандоло.

⁶ Симеон имеет в виду колокольню, называемую Кампанилла, строительство которой было начато в X в. и окончательно завершено в начале XVI в. архитектором Бартоломео Буоном Младшим. Высота колокольни — 99 м. На верхушке ее стоит золоченый ангел, показывающий направление ветра. В древние времена Кампанилла служила маяком для венецианского флота.

⁷ Речь идет о дворце дождей — одном из замечательнейших памятников архитектурного искусства Венеции. Он был построен в начале XV в. и в XVI в. после большого пожара перестроен архитекторами Сансовино и Палладио. Внутренняя отделка дворца была осуществлена прославленными архитекторами, живописцами и резчиками (Скамоцци, Веронезе, Бассано, Тинторетто).

⁸ Симеон описывает монетный двор и библиотеку, к которой он непосредственно примыкает. Монетный двор и библиотека построены в XVI в. архитекторами Сансовино и Скамоцци. Под карнизом здания тянется балюстрада, увенчанная 26 статуями.

⁹ Эти колонны из монолитного гранита были привезены с Востока в XII в. и подарены Венеции дожем Доменико Микеля. В 1329 г. на одну из них поставили статую св. Феодора на крокодиле, в XV в. на вторую колонну водрузили бронзовую фигуру крылатого льва св. Марка.

¹⁰ Домом часов Симеон называет часовую башню, которая была воздвигнута в 1499 г. архитекторами Мауро Вердуччи и Пьетро Ломбарди. Большие часы были сконструированы Паоло и Карло Раньери, а статуи черных мавров отлиты скульптором Амборджо делла Анкоре.

¹¹ Речь идет об источнике, или водоеме, Силоама (Селловама), который находится в юго-восточной части Иерусалима, у подножия горы Сион.

Вода в источнике имеет сладковато-солончатый вкус и считалась христианами и мусульманами священной и целебной.

¹² Оружейная палата, или арсенал, была построена в XIV в. Она окружена высокими стенами с башнями. Двое ворот ее были построены во второй половине XV в.

¹³ Монастырь св. Геворга, который со второй половины XVII в. принадлежал бенедиктинцам, расположен на острове св. Георгия. При нем находилось армянское кладбище, первые упоминания о котором относятся к XIV в.

¹⁴ Моран (правильно Мурано) — пригород Венеции, расположенный на одноименном острове. Был построен почти одновременно с Венецией. Издавна являлся центром стекольного производства Венеции.

¹⁵ Райтал — район Риальто, колыбель Венеции, один из важнейших торговых районов города. Здесь через Большой канал, главную водную артерию Венеции, переброшен мост, знаменитый Понте Риальто, построенный архитектором Антонио да Понте в 1588—1592 гг. Длина моста равна 48 м, ширина — 22 м.

¹⁶ Так Симеон называет знаменитый одноарочный мост Тек-Гёз через Кызыл-Ирмак, который находится недалеко от Кесарии.

¹⁷ Речь идет о войне 1607 г., которая вспыхнула между папой и Венецией на почве религиозных разногласий.

7. В ГОСУДАРСТВЕ ПАПЫ

¹ Симеон имеет в виду Лоретто — небольшой городок недалеко от Рима. В средние века прославился «святым домом», где будто бы находился нерукотворный образ богородицы.

² Сунниты — мусульмане, принадлежащие к ортодоксальному направлению в исламе и признающие сунну (предание о поступках и суждениях, приписываемых Мухаммеду) вторым после Корана источником веры.

³ Морик — византийский император Маврикий (582—602). Древние армянские историки считают, что при Маврикии в Византии воцарился необыкновенный мир. В действительности, во время его правления народные восстания и волнения в армии достигли особенной силы.

8. РИМ

¹ Симеон имеет в виду кардинала Сципиона Боргезе, представителя старинного рода Боргезе, брата папы Павла V (1605—1621), который был основателем знаменитой виллы Боргезе.

² Непрístupной крепостью автор называет замок св. Ангела, построенный в 135—140 гг. и служивший мавзолеем императора Адриана и членов его семьи. В средние века он был превращен папами в крепость и тюрьму.

Ныне там находится военно-исторический музей. Статуи апостолов Петра и Павла, стоящие по обе стороны моста, принадлежат скульпторам школы Бернини.

³ Перед собором св. Петра высится египетский обелиск, который был привезен из Египта императором Каллигулой в 39 г. н. э. Первоначально обелиск стоял перед зданием цирка, в XVI в. его перенесли на площадь св. Петра.

⁴ Юбилейный год (лат. *jubilaeum* от др.-евр. *йобель* — «год свободы») в римско-католической церкви был впервые установлен в 1300 г. папой Бонифацием VIII. Согласно папской булле, паломники, посещавшие в юбилейном сотом году базилики св. Павла и св. Петра, ежедневно в течение 30 дней получали полное отпущение грехов. В дальнейшем, по настоянию пап, юбилейный год стали праздновать сначала через 50 лет, затем — через 33 и, наконец, через 25 лет (в XV в.). Одна из дверей собора св. Петра, так называемые «Святые врата», наглухо заделанная камнем, открывалась только в юбилейный год. Юбилейный год привлекал много паломников в Рим и приносил большие доходы папской казне.

⁵ Имеется в виду строительство собора св. Петра, которое было начато в 1506 г. по решению папы Юлия II на месте более древней базилики св. Петра. Автором проекта был архитектор Браманте. В 1607—1614 гг. собор перестраивался. Именно эти строительные работы и видел Симеон, принявший на веру, будто храм строили тысячу лет и будут строить еще двести лет.

⁶ По этому поводу Вазари в своих «Жизнеописаниях» пишет следующее: «Микельанджело, назначенный начальником строительства собора св. Петра, нашел, что четыре пилястра, на которых держится вся тяжесть купола, слишком слабы и дополнил их двумя витыми лестницами со ступеньками, настолько пологими, что по ним на ослах возят груз до самого верха, равным образом люди на конях могут ехать до верху арок» (Вазари, *Жизнеописание...*, т. II, стр. 379—380).

⁷ Имеется в виду госпиталь Сан Спирито (св. Духа), построенный в VIII в.

⁸ Церковь Санта Тринита деи Пеллегрини находится на площади Пилигримов в Риме; в 1615 г. она была реконструирована.

⁹ Узун-Чаршу — большой рынок в Константинополе.

¹⁰ По преданию, книги Ветхого завета были впервые переведены на греческий язык в середине III в. до н. э. 72 переводчиками.

¹¹ Имеется в виду Месроп Маштоц — изобретатель армянского алфавита (405 г.). Умер в 440 г., похоронен в селе Ошакан, в 10 км от Эчмиадзина.

¹² Саак I Партев — сын Нерсеса, армянский католикос (387—436).

¹³ Аршакуни и Багратуни — армянские царские династии, правившие соответственно в 66—428 и 885—1045 гг.

¹⁴ Пахлавуні — армянский княжеский род, один из представителей которого *спарпет* князь Ваграм Пахлавуні возглавил при последнем Багратуні сторонников независимой Армении в борьбе против Византии.

¹⁵ Церковь Сан Джуан, т. е. базилика Сан Джiovанни ин Латерано, — одна из древнейших римских базилик, была построена в IV в.; в последующие века неоднократно реставрировалась и перестраивалась.

¹⁶ Египетский обелиск на площади Сан Джiovанни ин Латерано является самым высоким в Риме, высота его — 47 м.

¹⁷ Речь идет о баптистерии (крестильне), построенном императором Константином Великим и перестроенном в V в. папой Сикстом II.

¹⁸ Церковь Санта Маджор (букв. Святая Великая), т. е. базилика Санта Мария Маджиоре, была построена в V в. на развалинах древнего храма Юноны. В XIII—XIV вв. подверглась некоторой перестройке.

¹⁹ Циркульные церкви в Риме, как, например, церковь Санта Констанца (с гробницей дочерей Константина Великого — Констанции и Елены), церковь св. Марцеллины и св. Петра, построенная при Константине, церковь Сан-Стефано Ротондо, служили, как правило, баптистериями и имели посредине купели для крещения; трудно сказать, о которой из них говорит Симеон.

²⁰ Симеон, по-видимому, имеет в виду церковь св. Марии в Арачели, построенную в VI в. (называлась вначале Санта Мария Капитолийская) на Капитолийском холме. В ней имеется капелла и порфиновая урна с мощами Елены, матери императора Константина.

²¹ Симеон упоминает дворец Палаццо Сенатори, который находится на Капитолийском холме. В XVI в. он был перестроен из средневековой ратуши знаменитым Микеланджело, который, несмотря на позднейшие отступления от его плана, может считаться автором всего Капитолийского ансамбля.

²² Вход на Капитолий охраняют две гигантские мраморные статуи Диоскуров — сыновей Зевса и Леды, согласно греческой мифологии.

²³ Имеется в виду уникальный конный памятник античности — конная статуя императора Марка Аврелия, отлитая из бронзы. В народе ее считали статуей императора Константина.

²⁴ В центре стоит древняя статуя богини Минервы, которая стала богиней — покровительницей Рима, справа — статуя реки Нила, слева — статуя реки Тибр (описание Симеона совпадает не во всех деталях).

²⁵ Церковь св. Павла — базилика Сан Паоло фуори ле Мура, один из замечательнейших памятников раннехристианского зодчества, — была построена в 386 г. Интерьер ее поражает своей грандиозностью. В 1823 г. базилика сгорела во время пожара, но затем была полностью восстановлена в прежнем виде.

²⁶ Аббатство трех фонтанов стоит на месте, где, согласно преданию, подвергся мученической смерти апостол Павел. Оно состоит из трех церк-

вей: церкви св. Винченцо и св. Анастасии, церкви Санта Мария ин Скала и церкви Сан Паоло алле тре фонтане.

²⁷ Базилика Сан Лоренцо фуори ле Муро (св. Лоренцо) относится к числу наиболее древних римских базилик, связанных с периодом раннего христианства; была построена при Константине Великом, в XIII в., и позднее подверглась некоторым изменениям и реставрации.

²⁸ Церковь св. Креста — церковь Санта Кроче ин Джерусалиме — была построена в IV в. Ее называют также Еленовой — в честь матери императора Константина, Елены.

²⁹ Согласно преданию, последние дни своей жизни апостол Петр провел в Маммертинской тюрьме — древнейшем сооружении Рима, которое служило тюрьмой. В 1540 г. над Маммертинской тюрьмой была построена церковь Сан Джузеппе деи Фаленьяни.

³⁰ Церковь св. Доминика (церковь св. Сабини) была построена в V в. на Авентинском холме. В XIII в. папа Гонорий III посвятил ее св. Доминику и передал доминиканскому ордену.

³¹ Храм Алексиана — церковь св. Алексиана — была построена в VII в.

³² На какое предание ссылается здесь Симеон, установить не удалось.

³³ Имеется в виду Авентинский холм, у подножия которого протекает р. Тибр.

³⁴ Григорий Акрагантский был епископом города Агригенте (ныне Агридженте) в Сицилии (вторая половина VI в.), где и умер.

³⁵ Крескент — священник и Сабиний — епископ Ассизский — подверглись гонениям и мученической смерти при императоре Диоклетиане.

³⁶ Симеон, по-видимому, описывает церковь Сан Стефано Ротондо (V в.), стены которой покрыты фресками, изображающими страдания мучеников.

³⁷ Речь идет о Пантеоне, или «Храме всех богов», который был построен около 125 г. Стены его имеют толщину 6 м, внутренний диаметр ротонды 43,2 м. Портик с 16 колоннами (из них восемь колонн по фронту) служит входом в Пантеон. Купол Пантеона является самым большим храмовым куполом, созданным в античный и средневековый периоды, а также и в эпоху Возрождения. В центре купола находится круглое девятиметровое отверстие.

³⁸ Имеется в виду церковь Воскресения в Иерусалиме.

³⁹ В долине между Палатинским и Капитолийским холмами раскинулся обширный комплекс римских форумов. Там сохранились многочисленные развалины общественных зданий, храмов и дворцов.

⁴⁰ Симеон описывает Колизей — одно из самых величественных зданий античной эпохи. Он построен в последней четверти I в. н. э. Колизей имеет форму овала 188 м длиной и 156 м шириной. Высота его достигает 48,5 м. В древнем Риме Колизей был предназначен для массовых зрелищ, в частности для боев гладиаторов.

⁴¹ Игнатий — архиепископ Антиохийский, в 107 г. по приказанию императора Траяна был брошен в Колизее на растерзание львам.

⁴² Симеон имеет в виду перекресток Четырех фонтанов (здесь пересекается улица Четырех фонтанов с улицей Квиринала и XX сентября); на углах его стоят фонтаны со статуями, изображающими Тибр, Анио (приток Тибра), Верность и Силу.

⁴³ Первая колонна — это колонна Траяна (на форуме Траяна), достигающая 40 м высоты, на которую в 1587 г. по приказанию папы Сикста V была поставлена бронзовая статуя св. Петра. Вторая — колонна императора Марка Аврелия (на площади Колонны), воздвигнутая в честь его побед над германцами. Своим декоративным оформлением она походит на колонну Траяна. В 1590 г. увенчавшая ее статуя Марка Аврелия была заменена бронзовой статуей св. Павла.

⁴⁴ Церковь во имя Марии Египетской была создана в IX в. вместо древнего языческого храма Фортуны Вириле. В XVI в. папа Григорий XIV основал при ней школу для армянских детей, а его преемник Клемент построил при церкви помещение для приезжих.

⁴⁵ Церковь св. Цецилии была построена в V в. и полностью перестроена в IX в. при папе Паскале I.

⁴⁶ Церковь св. Петра в Монторио была построена в VIII в. на месте, где, согласно преданию, был распят Петр. В XVI в. она была перестроена архитектором Понтелли и приобрела современный вид.

⁴⁷ Церковь св. Варфоломея была построена в X в. при германском императоре Оттоне III и полностью перестроена в 1625 г.

⁴⁸ Тиара — трехъярусная корона, парадный головной убор римского папы. Три яруса тиары символизируют власть папы над небом, землей и чистилищем.

⁴⁹ Мамас — почитавшийся армянской церковью христианский мученик III в., обладавший, согласно преданию, необыкновенно красивым голосом.

⁵⁰ Ковчегом завета в древнем Израиле называли отделанный золотом деревянный ящик, в котором евреи якобы хранили скрижали Моисея.

⁵¹ Речь идет о древнеримских водонапорных башнях и водопроводе.

⁵² Имеется в виду германский император Матвей (1612—1619).

⁵³ Согласно преданию, по просьбе царя Птолемея Филадельфийского (283—246 до н. э.) иерусалимский первосвященник прислал ему экземпляры еврейских священных книг, а также 72 переводчиков, которые перевели эти книги на греческий язык. Симеон имеет в виду этих переводчиков.

⁵⁴ Порфирий — древнегреческий философ.

⁵⁵ Имеются в виду швейцарцы.

⁵⁶ Пападжафар — тюрьма в Стамбуле.

⁵⁷ Иерихон — один из прославленных и древнейших городов Иудеи — был расположен в 6 км к северо-востоку от Иерусалима. В XVII в. на

его территории находилась маленькая деревушка, называемая арабами Риха.

⁵⁸ См. описание этих празднеств в главах, посвященных Каиру.

⁵⁹ Симеон имеет в виду генерала ордена мальтийских рыцарей. В 1530 г. остров Мальта был пожалован во владение рыцарям иоаннитам (госпитальерам) императором Священной Римской империи Карлом V с условием, что они будут противодействовать завоевательной политике турок на Средиземном море. Орден после этого стал называться мальтийским.

9. ПАЛОМНИЧЕСТВО В МУШ

¹ Симеон описывает обряд бракосочетания дожа с морем, символизовавший зависимость благосостояния Венеции от моря и заморской торговли. Впервые этот обряд был осуществлен дожем Себастианом Зиани в 1177 г.

² Имеется в виду хроника Михаила Сирийского, историка XII в.

³ Товма Арцруни — армянский историк X в.

⁴ Ован III Одзнецци — католикос армян (717—728), в 715 г. ездил к халифу Омару с просьбой о пожаловании налоговых привилегий армянской церкви.

⁵ Саак III Дзоропореци — католикос армян (677—703). При нем начинаются первые походы арабов в Закавказье. Последние годы своей жизни провел заложником в Дамаске. Умер в 703 г., возвращаясь в Армению, куда он ехал для переговоров о заключении мира с арабами.

⁶ Амасья — город в азиатской Турции на одном из притоков реки Ешил-Ирмак (Ирис). Тавернье следующим образом описывает этот город: «Амасия — это большой город в углублении меж гор, построен на одном из их склонов. Он виден только с юга, со стороны красивой долины. В Амасии имеются только два плохих караван-сарая, но земля там хорошая, там произрастают лучший виноград и лучшие фрукты Анатолии» (*Les six voyages de Jean Baptist Tavernier...*, t. I, p. 9).

⁷ Токат — город в азиатской Турции, на левом берегу реки Тозанлу-су. Недалеко от города находятся руины древней Команы. В IV в. город был назван Евдокией по имени матери императора Феодосия. В 1397 г. был завоеван султаном Баязидом Илдеримом.

⁸ Рекой Казове Симеон называет р. Тозанлу-су, которая протекает по долине Каз-Ове.

⁹ Себастья (г. Сивас в Турции) — один из древнейших городов Малой Азии. Современный Сивас расположен в нескольких километрах на восток от развалин древней Себастии. Около города протекает река Кызыл-Ирмак, берега которой связывают два моста, построенных после турецкого завоевания. В двух километрах от города на холме возвышается

армянский монастырь св. Креста. Строительство одной из его часовен предание приписывает апостолу Фаддею.

¹⁰ Сорок отроков — сыновья знатных семей из пределов Кесарии, Себастии и Токата, которые, согласно Айсмавурк, во времена соправителя Константина Великого, Лициана, подверглись преследованиям за приверженность христианской вере и были утоплены в озере.

¹¹ Малатия — город в азиатской Турции. В древности он назывался Мелита и был центром провинции Мелитены. При Юстиниане город расширился и был украшен многочисленными памятниками. Однако при последующих завоеваниях арабов, сельджуков, монголов и турок все эти памятники античности были разрушены и уничтожены.

¹² Харберд (ныне Харпут) — город в азиатской Турции; точная дата его основания неизвестна. Расположен на склонах горы, возвышающейся над долиной Улу-Ове (Большая долина). Был одним из важнейших городов Малой Азии. В центре находится полуразрушенная цитадель, некогда хорошо укрепленная.

¹³ Сорсорский монастырь св. Геворга находится в часе езды от Харберда посреди долины Улу-Ове. Одна из часовен его, по-видимому, довольно древнего происхождения; Сорсорский монастырь был построен в XV—XVI вв.

¹⁴ Абделмсах — христианский мученик-еврей. Согласно преданию, он, отрекшись от еврейской веры, принял христианство, за что был убит отцом прямо в поле. Его именем и называется монастырь (вероятно, V в.) в Харбердской долине.

¹⁵ Кармирванк (Красный монастырь св. Креста) в средние века был известным местом паломничества. Своим названием Кармирванк обязан красноватому цвету земли и камней в его окрестностях.

¹⁶ В Балу находится церковь и молельня *вардапета* Месропа Маштоца. По преданию, в этой молельне и был создан Месропом армянский алфавит.

¹⁷ Монастырь св. Карапета (Иоанна Крестителя) расположен в гористой местности в 6 часах пути от города Муша. Сама часовня св. Карапета была построена, возможно, в IV в. (предание приписывает строительство монастыря Григору Лусаворичу), но остальные строения монастыря относятся к более позднему времени. Вокруг монастыря имеется много относящихся к нему строений и святых мест, в том числе и Джорехангист, небольшой монастырь, где, по преданию, будто бы остановились мулы, на которых везли останки Иоанна Крестителя.

¹⁸ Трдат III — армянский царь (297—330).

¹⁹ Атанагэн (правильно Атанагинес) — епископ Себастии во времена Диоклетиана (вторая половина III в.). История его мученичества вошла в Айсмавурк, так как, согласно преданию, в 302 г. Григор Лусаворич привез его мощи в Армению в монастырь св. Карапета.

²⁰ Согласно народному преданию, имеется в виду могила медведя, который в старые времена будто бы верно служил обители св. Карапета.

²¹ Монастырь Матнаванк расположен в пяти часах пути на восток от монастыря св. Карапета, на берегу маленькой речки. Согласно преданию, монастырь этот построен Григором Лусаворичем.

²² Монастырь св. Ахберка, или Вандирванк, находится в долине Муша. Предание приписывает его строительство апостолу Фаддею и Григору Лусаворичу, однако едва ли он построен ранее IX в.

²³ Монастырь Аракелоц, т. е. святых апостолов, находится в 11 км от Муша. Традиция приписывает его строительство Григору Лусаворичу.

²⁴ Амид (ныне Диарбекир) — город в Турции, на левом берегу Тигра. Основание города приписывается армянскому царю Тиграну II Великому (I в. до н. э.). Грекам и римлянам он был известен под названием Амиды. Город окружен высокой двойной стеной с 72 башнями, сооружение которой приписывается сыну Константина Великого, Констанцию (351—361). В 1514 г., после битвы при Чалдыране, город оказался в руках турок.

10. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТАМБУЛ

¹ Мурад-паша умер 5 августа 1611 г. Симеон же решил, что это событие произошло недавно (*прим. Н. Акиняна*).

² Имеется в виду *вардапет* Мкртыч Харбердци (см. главу о Харберде).

³ Древняя церковь св. Знамения, построенная на острове посредине озера Цовк (находится в горах, в восьми часах пути на юго-восток от Харберда), привлекала много паломников. После того как уровень воды в озере поднялся, жители селения переселились на берег, где построили новую церковь св. Знамения. От церкви, описываемой Симеоном, остались одни лишь развалины, часть их уже покрыта водой.

⁴ Церковь Бардэр Аствацацин (правильно Барэрахацц Аствацацин) находится на очень высокой скалистой вершине, именуемой Аргноберд. Традиция приписывает ее сооружение апостолу Фаддею (IV в.). В XV в. она была заново отстроена епископом Диарбекира Мкртычем Нагашем.

⁵ Имеется в виду армянский царь Тигран II Великий (95—55 гг. до н. э.).

⁶ Хасан-паша-хан — один из самых больших караван-сараев Востока. В кладке стен его чередуется черный камень с красным. Эта кладка свидетельствует о высоком искусстве древних архитекторов. Упоминаемые Симеоном церкви св. Саргиса и св. Киракоса были построены в XVI в.

⁷ Епископ Урфийский Срапион — эчмиадзинский католикос (1603—1606).

⁸ Поклонниками солнца Симеон называет курдов, принадлежавших к религиозной секте незидов. В религии незидов сочетаются зороастризм

(огнепоклонство), иудаизм и христианство. Таинственность, которой они окружали свои религиозные обряды, служила причиной распространения о них различных слухов. Особенно много иезидов было в окрестностях Диарбекира.

⁹ Ниневия — древняя столица Ассирии (5000—612 гг. до н. э.) — находилась на левом берегу Тигра, недалеко от современного Мосула.

¹⁰ Здесь Лехази допустил ошибку; должно быть «Тигром».

11. ПАЛОМНИЧЕСТВО В ИЕРУСАЛИМ. ПРИГОТОВЛЕНИЯ

¹ Халил-паша — известный сановник Османской империи, неоднократно занимавший посты капитан-паши и великого везира. В 1615—1616 гг. он вторично занимал пост капитан-паши и вел борьбу с эскадрами мальтийских рыцарей и герцога Флорентийского.

² Скендерийе (искаженная форма от «Искендерийе») — Александрия. Во время турецкого завоевания (1517 г.) Александрия была разрушена и пришла в полное запустение. От памятников античности сохранились лишь руины.

³ По свидетельству Пьетро Делла Валле, «город внутри весь разрушен, и то, что осталось от домов, находится у берега моря для удобства порта и таможни. Стены остались те же, какие некогда построил Александр, с большими башнями, защищающими их. Однако все приходит в упадок, ибо турки никогда не любили восстанавливать старые сооружения» (*Voyages de Piétro Della Vallé*, t. I, pp. 235—236).

⁴ Согласно христианскому вероучению, существовали два рая: земной, созданный богом для первых людей, где-то на востоке в стране Эдемской, и небесный. Симеон называет Египет третьим раем, так как он славился своим необыкновенным плодородием.

⁵ Копты — потомки древних египтян, исповедующие христианство.

⁶ Согласно евангелию, в Гегесе, одном из заиорданских городов Палестины, будто бы находились два бесноватых, к которым никто не смел подойти (см. Матф., 8, 28).

⁷ Трудно сказать, откуда Симеон заимствовал подобное значение слова Египет. Название «Египет» унаследовано от греков. Из многочисленных этимологий этого слова наиболее правдоподобна та, которая связывает его с древним священным названием Мемфиса — Гаката.

⁸ Исмаилиты — представители мусульманской шиитской секты, возникшей около VIII в. в странах арабского халифата. Свое название они возводят к потомку первого шиитского имама Али—Исмаилу, которого считают последним имамом.

⁹ На рынках Кесарии иногда продавали старых ослов, подкрашенных под молодых, отсюда и возникло выражение «кесарийский осел»; употребляется оно в том случае, когда хотят сказать, что какая-то сделка связана с обманом.

¹⁰ Симеон имеет в виду, по-видимому, мечеть Келауна, при которой была построена богадельня с больницей (XIII в.).

¹¹ Эски Мсыр, т. е. Старый Каир, или Фостат, был населен преимущественно коптами. В этом районе находилось двенадцать церквей, построенных на развалинах более древних церквей.

¹² Шбахлиром, или житницами Иосифа Прекрасного, в народе называли пирамиды.

¹³ Серай, т. е. дворец паши и дворцы беев, подчиненных ему чинов, находились в цитадели, построенной в 1166 г. Саладином.

¹⁴ По-видимому, Симеон, говоря о Гурджи (грузинском) султани имел в виду представителя черкесской династии мамлюков.

¹⁵ Упоминается так называемый колодезь Иосифа. Его глубина составляет 40 м.

¹⁶ Матария — небольшая деревушка в двух часах пути на восток от Каира. Согласно библейской легенде, здесь, под огромной смоковницей, Мария с Иисусом скрылась от преследовавших их солдат царя Ирода.

¹⁷ То, что Симеон неверно разделил 1800 тыс. на три, следует считать, по-видимому, простой опиской. Что же касается общей суммы дохода, то она нуждается в проверке. Согласно Делла Валле, она составляла 2400 тыс. золотых, из коих 600 тыс. отправлялись турецкому султану.

¹⁸ Армянское слово *կրչի* «кунт» означает «плешиный», «лысый»; так называли армяне Мухаммеда и вообще мусульман.

¹⁹ Симеон имеет в виду древних египтян. Их потомками были копты, но не цыгане, как ошибочно утверждает Симеон.

²⁰ Дворец и храм царя Соломона были построены в X в. до н. э. в Иерусалиме; ни от одного из них не сохранились даже развалины. Храм Соломона трижды разрушался завоевателями. После того как он был разрушен в 70-х годах I в. н. э., его уже не восстанавливали; впоследствии на его месте была построена мечеть Омара (VII в.), которую и видел Симеон, ошибочно назвав ее храмом Соломона.

12. ИЕРУСАЛИМ

¹ Монастырь св. Акопа (Иакова), так же как и ряд других церквей Иерусалима и его окрестностей, является одним из памятников раннего христианского зодчества. В средние века монастырь принадлежал армянской церкви, как принадлежит ей и сейчас.

² Григор Паронтер — патриарх иерусалимский (1613—1645).

³ Базилика св. гроба господня, или Воскресения, была построена в IV в. матерью императора Константина, Еленой, на горе Елеонской. Она состоит из трех церквей: собственно церкви св. гроба господня, церкви Голгофы и церкви Обретения св. Креста. Первая из них имеет циркулярную форму, напоминающую Римский пантеон; 60 мраморных колонн поддерживают, об-

разу 17 аркад, верхнюю галерею, также имеющую 60 колонн и 17 аркад. Стены украшены мозаиками, изображающими Елену, Константина и 12 апостолов. За хорами имеются две лестницы, ведущие в две другие церкви.

⁴ Слово «Тюринаканк» Симеон соотносит с различными легендами, касающимися Христа и его жизни; его можно перевести как «Описание мест вочеловечения Христа», «тайнств», «страстей Христовых» и т. д. Под книгой «Тюринаканк» следует понимать Евангелие.

⁵ Гора Табор (араб. Джебель-Тур) находится на юго-запад от Тивериадского озера. Согласно библейским преданиям, на этой горе произошло преобразование Христа.

⁶ Голгофа — холм, на котором, по преданию, распяли Христа.

⁷ В северной части Гефсимании, находящейся у подножия горы Елеонской, на восток от Иерусалима, и принадлежавшей в то время католическим монахам монастыря Сан-Сальвадоре, имеется подземная часовня, где будто бы лежит гроб богоматери.

⁸ Гора Елеонская — одна из возвышенностей Иерусалима; находится к востоку от города.

⁹ Гора Мориа — одна из возвышенностей Иерусалима, на которой, согласно традиции, Авраам хотел принести в жертву своего сына Исаака.

¹⁰ Монастырь Хачаванк (св. Креста) был построен в IV в. императрицей Еленой. Стены его были покрыты фресками, сохранившимися, несмотря на свою древность, довольно хорошо.

¹¹ Ованнес III Айтипацци — католикос Сиса (1601—1627).

¹² Здесь и ниже Симеон, говоря о пароне, имеет в виду арабского градоначальника Иерусалима.

¹³ Проклятое море, о котором говорит здесь Симеон, — это Мертвое море, образовавшееся в результате катастрофы вулканического характера, разрушившей древние города Содом, Гоморру, Адаме и Себоим.

¹⁴ О вымогательствах местных властей пишет Делла Валле: «Во вторник, на пасху, градоначальник сообщил нам, что желает сопровождать нас на реку Иордан, куда христианские паломники всех национальностей идут все вместе только раз в год; их сопровождает тот же градоначальник и большой отряд его гвардейцев не столько для того, чтобы защищать их от арабов, сколько для того, чтобы, как я полагаю, затребовать с них высокую пошлину, которую обязан каждый уплатить» (*Voyages de Piétro Della Vallé...*, t. I, p. 69).

¹⁵ Вифлеем — деревушка, недалеко от Иерусалима, где, по преданию, родился Иисус. Вифлеемская церковь Рождества также была построена в IV в. императрицей Еленой. Церковь неоднократно реставрировалась и перестраивалась.

¹⁶ Симеон имеет в виду, очевидно, армянского царя Трдата III.

¹⁷ Речь идет об императоре Константине Великом.

¹⁸ В 1617 г. пасха по новому стилю была 26 марта, а по старому — 20 апреля, т. е. на 25 дней позже (прим. Н. Акиняна).

¹⁹ Имеется в виду Христос.

²⁰ Григор Паронтер был рукоположен в епископы 5 апреля 1613 г. (прим. Н. Акиняна).

²¹ Церковь святого Спасителя, где был впоследствии погребен Григор Паронтер, была в то время, по-видимому, в разрушенном состоянии (прим. Н. Акиняна).

²² Симеон имеет в виду плату, взимавшуюся у врат церкви Воскресения.

²³ Так называемая земля крови, или Хакел-дама, находится к югу от горы Сион.

13. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ИЕРУСАЛИМА В ХАЛЕБ

¹ У подножия горы Ермон расположен город Наин или Наим, с которым связано предание о возвращении Христом зрения слепому.

² Айнтухар (в переводе «Фонтан купцов») — крепость на большой дороге в Дамаск; расположена на холме. При ней находится большой караван-сарай, где останавливались купцы. Крепость охранял небольшой гарнизон из янычар под управлением *субаши*. В окрестностях крепости много колодцев, в том числе колодец, куда, по рассказам местных жителей, был будто бы брошен Иосиф.

³ Нам не удалось установить, на какой эпизод из Библии намекает Симеон.

⁴ Тивериадское море (его называют также озером) в Палестине имеет около 23 км в длину и 5 км в ширину. На берегах его много развалин древних городов, которые предание связывает с тем или иным эпизодом, описываемым в Библии.

⁵ Шам (от Ель-Шам) — арабское название города Дамаска, столицы Сирии.

⁶ Ваган Гохтнеци — сын армянского князя, владельца области Гохти, жил в VIII в., был предан арабами мученической смерти за принятие христианской веры. История его жизни вошла в Айсмавурк.

⁷ Имеется в виду храм Иоанна Крестителя, построенный императором Гераклием. В VIII в. арабы перестроили его в мечеть (так называемую Джамии Омейяд). Эта наиболее известная мечеть Дамаска украшена уникальными мозаиками.

⁸ Нам не удалось установить, где находится эта местность.

⁹ Симеон в объяснении слова *хайк* (*հայր*) «армяне» следует народной этимологии, связывающей *хайк* с восклицанием *хай*, *хай-вай* (*հայ, հայ-վայ*), которое имеет много значений и среди них также «угроза», «кичливость», «злополучие».

¹⁰ Это ирригационное сооружение, подававшее воду при помощи больших деревянных колес, называлось норья.

¹¹ Симеон путает Сыфат (правильно: Сафед) с Капернаумом, который находился на берегах Тивериадского моря. Обычно Капернаум отождествляют с развалинами, известными под названием Мениа, или Хан-Мениа. Сафед — один из древнейших городов Палестины, был столицей Галилеи. В XVII в. представлял собой маленькую деревушку, большую часть жителей которой составляли евреи.

¹² Симеон имеет в виду феодальный род Маанидов, который правил племенем друзов (Ливан), сохранившим относительную независимость.

¹³ События, о которых рассказывает здесь Симеон, связаны с представителем рода Маанидов Фахра-ад-дином Маанидом. Многолетняя борьба Фахр-ад-дина за полную независимость и отделение от Турции окончилась неудачей. В 1635 г. его схватили и казнили в Стамбуле.

¹⁴ Халеб — один из известнейших торгово-ремесленных городов Ближнего Востока. Три-четыре столетия назад торговля в Халебе достигла расцвета. Халеб славился многочисленными ханами и караван-сараями. В одно- и двухэтажных ханах заключались торговые сделки. Ханы служили складами разнообразнейших европейских и восточных товаров и пользовались также в качестве жилищ, гостиниц, где за ничтожную плату находили приют путешественники. Порой там размещались и конюшни.

¹⁵ Симеон достиг Халеба 15 марта 1617 г., поэтому, когда он говорит «в этом году», следует понимать май 1616 г. — май 1617 г. (прим. Н. Акиняна).

¹⁶ Симеон подчеркивает это обстоятельство, потому что только немногие армянские священники были знакомы с арабским письмом.

¹⁷ Несими — великий азербайджанский поэт (конец XIV — 1417 г.), один из руководящих деятелей мусульманской секты хуруфитов. В его стихах большое место занимает культ человека. Творческая деятельность его способствовала утверждению литературного азербайджанского языка. Несими погиб мученической смертью в Халебе, где с него, как с еретика, содрали кожу.

14. МАРАШ—КЕСАРИЯ—АНКУРИЯ—СТАМБУЛ—ЛЬВОВ

¹ Степанос Улнеци жил в IV в., погиб в 363 г. из-за приверженности к христианской религии. История его жизни вошла в Айсмавурк. Его имя связано с названием села Улни (ныне Зейтун), где находится его могила.

² Кесария — город в азиатской Турции на равнине, у подножия горы Эрджиас. Основан в глубокой древности. Современная Кесария, построенная в XI—XII вв., находится несколько северо-западнее старой Кесарии, на месте которой сохранились развалины древних сооружений. Та часть города, которая была расположена в пределах стен с их шестью воротами, назы-

ваются внутренним городом. Стены и кремль — наиболее интересные памятники современной Кесарии, относятся ко времени Данишменидов и Сельджукидов. Церковь богоматери датируется XI—XII вв., а церковь св. Саргиса — не позднее XV в.

³ Симеон, говоря о церкви в Кесарии, где Григор Лусаворич и патриарх Нерсес были рукоположены Леонтием, намекает на мечеть Улу-Джами, которая называется также Луванд-Джами. Великолепный купол, кресты и атрибуты христианства дают основание предположить, что это греческая церковь, построенная св. Леонтием и превращенная затем в мечеть.

⁴ Василий Кесарийский — епископ Кесарии (вторая половина IV в.), ярый противник ересей и, в частности, арианства.

⁵ Полководец Меркерий (правильно Меркурий) играл значительную роль в царствование императора Деция (249—257) и Валериана (253—260) во время войн с варварами; был казнен за приверженность к христианской вере. Монастырь св. Меркерия находится в четверти часа ходьбы на восток от города. Симеон же имеет в виду развалины древнего монастыря святой богородицы в южной части города, рядом с армянским кладбищем.

⁶ Церковь святой богородицы, о которой говорит Симеон, по-видимому, довольно древнего происхождения и сейчас не существует, но сохранившиеся на ее месте две часовни — армянская и греческая — в праздник святой богородицы служат местом паломничества.

⁷ Симеон имеет в виду одну из легенд, вошедших в житие Василия, епископа Кесарийского, который будто бы узрел в видении богоматерь, приказывавшую св. мученику Меркерию поразить своим оружием Юлиана Отступника. Римский император Юлиан Отступник (361—363) стремился возродить язычество, за что подвергался особым нападениям церкви.

⁸ «Красильщиками ослов» называли купцов, которые торговали нечестно и следили мошенниками.

⁹ Монастырь св. Даниила — один из памятников средневековой христианской архитектуры. Дата его возникновения неизвестна. Некоторые связывают ее с I в., приписывая его строительство апостолу Фаддею, другие же считают, что монастырь был построен в XIV в. отшельником Даниилом, сыном Ламбронского князя Ошина, могила которого с армянской надписью («В году 1338 г. преставился Ошин...») находится в монастыре.

¹⁰ Монастырь св. Карапета находится в 18 км от Кесарии; время его строительства относится к XIV в., однако народная традиция приписывает его основание Леонтию, епископу Кесарии (конец III в.). Великолепное здание монастыря сооружено на скале; естественные препятствия и высокие стены делают его неприступным. Напротив монастыря св. Карапета, в скалах, возвышающихся по обе стороны ущелья, расположены пещеры, которые лабиринтом тянутся в глубинах горы Хачлар и под монастырем. По-видимому, это были жилища отшельников либо подземный монастырь.

¹¹ Манкерман — кыпчакское название города Киева.

¹² Речь идет о развалинах древней Кесарии.

¹³ Мост Райтал, т. е. мост Риальто в Венеции.

¹⁴ Анкурия (ныне Анкара) — один из древнейших городов в Азии, известный еще во времена Александра Македонского. Много исторических памятников, в частности монастырь около Анкары, являются древнейшими на Востоке. В 1362 г. после ее завоевания турки превратили почти все древние памятники в укрепления.

¹⁵ Ходжа Насреддин, народный любимец, которому приписывают множество анекдотов, родился в Сиври-Хисаре. Могила его находится в Ахшаре (Ахкешире). Жил он в XIII в., во время монгольских завоеваний.

15. ОПИСАНИЕ ГОРОДА ЛЬВОВА

¹ Симеон имеет в виду украинского, православного.

² Монастырь Ачкатар Аствацацин (святой богородицы) — один из древнейших во Львове (XIII в.); находился на Армянской улице. К монастырю примыкали епископская резиденция, церковь и женский монастырь. Недалеко находилось и здание армянского суда — Ратуша. Рядом с монастырем в 1616 г. была построена типография.

³ Церковь св. Акопа, одна из древнейших во Львове (XIII—XIV вв.), ныне не существует.

⁴ Армянская церковь св. Креста в Краковском пригороде Львова также одна из древнейших (XIII—XIV вв.). В 1639 г. на месте церкви св. Креста была сооружена новая церковь в стиле барокко.

⁵ Ани — один из известнейших городов средневековой Армении, столица Багратидского армянского царства. Был крупным торгово-ремесленным центром. Изменение торговых путей после монгольского завоевания привело к упадку города, который был покинут жителями. Народная традиция приписывает гибель Ани землетрясению.

16. АВТОБИОГРАФИЯ СИМЕОНА

¹ Описание пожара во Львове в 1623 г. дано также современником событий польским писателем и историком Ю. Б. Зиморовичем в его хронике «Троякий Львов».

² Армянский монастырь и церковь св. Анны находились в Краковском пригороде Львова. Согласно традиции, это была древнейшая армянская церковь города, построенная в период Галицко-Волинского государства (XIII—XIV вв.). Существовала по 1784 г.

³ Симеон имеет в виду украинский православный монастырь св. Онуфрия в Краковском пригороде — один из древнейших во Львове (XIII—XIV вв.).

⁴ Во время пожара 1623 г. была уничтожена только значительная часть Краковского пригорода. Сам город, расположенный внутри городских стен, не был охвачен пожаром.

17. ПОХОД СУЛТАНА ОСМАНА НА ПОЛЬШУ (1622 год)

¹ Осман — турецкий султан (1618—1622).

² Ахмед — турецкий султан (1604—1617)

³ Иеровоам — руководитель народного восстания при царе Соломоне (вторая половина X в. до н. э.). В оценке Иеровоама проявляется субъективизм Симеона.

⁴ Имеются в виду ногайские орды, которые во время распада Золотой Орды отделились от нее и кочевали сначала в степях к востоку от Волги, а позднее перекочевали в степи, примыкавшие к Крыму, и подчинились крымскому хану. Ногаи вместе с крымскими татарами совершали набеги на украинские и русские земли.

⁵ Дарий I Гистасп из династии Ахеменидов — персидский царь (522—486 гг. до н. э.).

⁶ Симеон имеет в виду легендарного царя Арташеса II (I в. н. э.) из «Истории» Мовсеса Хоренаци.

⁷ Аршак Великий — представитель парфянской династии Аршакидов, который, согласно Мовсесу Хоренаци, утвердил власть этой династии и в Армении.

⁸ Зигмунд — польский король Сигизмунд (1587—1632).

⁹ Рабсак — полководец ассирийского царя Синахарива (конец VIII в. до н. э.).

¹⁰ Езекия — царь иудейский (конец VIII в. до н. э.). Симеон намекает здесь на гл. XVIII четвертой книги Царств Ветхого завета.

¹¹ Омар — сподвижник и преемник основоположника ислама, Мухаммеда. Был халифом с 634 по 644 г.

¹² Ираклий — византийский император (610—641).

¹³ Ходкевич занимал в это время пост гетмана войска польского.

¹⁴ Каракаш-паша — будинский *беглербек*. Погиб во время сражения 14 сентября 1621 г.

¹⁵ Первое сражение произошло 8 сентября, а последнее — 24 сентября 1621 г.

¹⁶ С весны 1621 г. (Симеон ошибочно относит эту войну и предшествовавшие ей события к 1622 г.) великим везиром был не Байрам-паша, а Хусейн-паша, которого после сражения 14 сентября 1621 г. и гибели Каракаш-паши понизили до второго везира, назначив на его место *беглербека* Диарбекира, Дилавер-пашу.

¹⁷ Каспар Гратини — хорват по национальности, выступал в роли турецкого посла при заключении мирного договора Турции с Австрией в 1619 г. Султан утвердил его господаром Молдавии.

¹⁸ Владислав — король польский (1632—1648).

18. ЛЕТОПИСЬ 1623—1635 годов

¹ Абаза, родом абхаз, в прошлом участник одного из джалалийских мятежей. Избежал смерти благодаря посредничеству капитан-паши Халила, который, став великим везиром, назначил Абаза правителем Мараша. С января 1622 г. Абаза стал правителем Эрзерума. Мятеж, поднятый Абаза в 1623 г. против центральной власти, был одним из проявлений центробежных устремлений турецкой феодальной знати.

² Симеон ошибается: матерью султана Османа была султанша Валида Махфируз. Султанша Косам, или Махпейкар, была матерью султанов Мурада IV и Ибрагима I.

³ В 1628 г. на пост великого везира был назначен босниец Хосров-паша. Осенью 1628 г. он осадил Эрзерум и принудил Абаза-пашу сдаться на почетных условиях.

⁴ В 1632 г., после смерти Сигизмунда III, московская дипломатия, опасаясь вступления на престол претендовавшего на русскую корону Владислава, сочла время наступившего междуцарствия удобным для войны с Польшей, которая и началась в августе 1632 г. Война окончилась в 1634 г. Поляновским миром, подтвердившим условия Деулинского перемирия и дополненным официальным отказом Владислава от каких бы то ни было претензий на русский престол.

⁵ «Кривая пасха» — дословный перевод армянского «Цур затик». В некоторых случаях дни празднования пасхи у армян и греков из-за некоторых различий в календарных вычислениях не совпадали, и тогда армяне называли греческую пасху «кривой» (т. е. «неверной»).

⁶ Русское войско было не в крепости, как считает Симеон, а оказалось зажатым между крепостью (г. Смоленском), которая находилась в руках поляков, и подошедшими к ней на помощь польскими войсками. Положение русских было очень тяжелым. Полки, набранные из иноземцев, стали переходить на сторону врага. Командовавший русской армией воевода М. Б. Шеин не сумел помешать окружению армии и согласился на капитуляцию. Шеин и его помощники, сдавшие оружие и пушки полякам, были впоследствии казнены. В освещении этих событий автор явно пристрастен.

⁷ По Поляновскому миру, утвердившему условия Деулинского перемирия (1618 г.), в руках Польши продолжали оставаться Смоленск, Черниговские и Новгородские земли.

⁸ Военные действия против Польши были начаты в октябре 1633 г. Против поляков выступили татары Добруджи, ногайские татары, отряды из Молдавии и Валахии, а также войска Абаза-паши. Ожесточенный штурм польских укреплений на одной из высот Каменца (при этом правое крыло вражеских войск составляли татары, левое — молдаване и валахи, а в центре шел Абаза со своими отрядами) окончился для врага бесславно. Турки были вынуждены отступить с большими потерями за Днестр.

⁹ Попытка Польши заключить мир с Турцией после кампании 1633 г. не увенчалась успехом, и в апреле 1634 г. Турция вновь объявила войну Польше. В июне 1634 г. турецкая армия переправилась через Дунай по мосту, построенному около Рущука. Впрочем, вскоре при посредничестве воевод Валахии и Молдавии начались новые переговоры о мире, завершившиеся в октябре 1634 г. подписанием договора.

¹⁰ Сообщение Симеона об измене *паронов* Валахии и Молдавии и союзе Венгрии с Польшей в этой войне неточно. По-видимому, до него дошли слухи о борьбе разных феодальных группировок внутри Валахии, в которой принимала участие и Польша.

¹¹ Васил Лубул (Василий Лупу) — господарь Молдавии с 1634 по 1653 г. Вел длительную борьбу с господарем Валахии Матвеем Бесарабом за объединение обоих княжеств под своей властью. Эта борьба ослабила оба княжества.

¹² Султан Мурад выступил в поход против Персии весной 1635 г. Путь его шел через Измир, Конию, Сивас, Эрзерум, Карс.

¹³ Эчмиадзинский католикос Мелкисед, спасаясь бегством от своих кредиторов, в 1624 г. прибыл в Стамбул. В апреле 1626 г. Мелкисед приехал во Львов; умер 18 марта 1627 г. в Каменце.

ЛИТЕРАТУРА К КОММЕНТАРИЯМ

- Аревшатыан С. С., *Учение Григора Татеваци о душе*, — «Известия Академии наук Армянской ССР», 1956, № 7.
- Базилевич К. В., *История СССР от древнейших времен до конца XVII в.*, М., 1950.
- Бунин А. В., *История градостроительного искусства*, М., 1954.
- Быков А. А., *Монеты Турции XIV—XVII вв.*, Л., 1939.
- Вазари Джорджо, *Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих*, т. II, М.—Л., 1933.
- «Всеобщая история архитектуры», т. I, М., 1958.
- Гордлевский В. А., *Избранные сочинения*, т. II, М., 1961.
- Кауфман С. А., *Из истории Софии Константинопольской*, — «Византийский временник», XIV, 1958.
- Николаев А. П., *Современное состояние памятников византийского зодчества в Стамбуле*, — «Византийский временник», VII, 1953.
- «Сборник статей по истории Азербайджана», вып. I, Баку, 1949.
- Стенин П. А., *Восток. Страны креста и полумесяца и их обитатели. Историко-географическое и этнографическое обозрение левантского мира*, СПб., 1892.
- Тверитинова А. С., *Восстание Кара-Языджи—Дели Хасана в Турции*, М.—Л., 1946.
- Успенский Ф. И., *История Византии*, т. I, СПб., 1912.

Хачикян Л. С., *Новые материалы о древней армянской колонии Киева*, — сб. «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов», Ереван, 1961.

Эссад Джелал, *Константинополь. От Византии до Стамбула*, М., 1919.

- ԱլիշԱՆ, ՂԵՎՈՆԴ,
ԱԼԻՇԱՆ, ՂԵՎՈՆԴ,
ԱԼԻՇԱՆ, ՂԵՎՈՆԴ,
ԱԼՊՈՅԱՃՅԱՆ, ԱՐՇԱԿ,
ԱԼՊՈՅԱՃՅԱՆ, ԱՐՇԱԿ,
ԱԼԹՈՒՆԵԱՆ, ԱՐՇԱԿ,
ԲԺԻՇԿԵԱՆՑ, ՄԻՆԱՍ,
ԱՃԱՌՑԱՆ, ՀՐԱՉՑԱ,
ՄԱՆԱՆԴ(Ժ)ՑԱՆ ԸՍԿՈՐ,
ԱՎԳԵՐՑԱՆ, ՄԿՐՏԻՉ,
ԵՓՐԻԿՑԱՆ, ՍՈՒՔԻԱՍ,
ԳՐԻԳՈՐ ԴԱՐԱՆԱՂՑԻ,
ԻՆՃԻՃԵԱՆ, ԿՈՒԿԱՍ,
ԽԱՉԻԿՑԱՆ, Բ,
ԿԻԻԼԷՍԵՐԵԱՆ, Բ,
ՀԵՐՉՈՒԱԾՈՑ ԳԻՐՔ,
ՈՍԿԵԱՆ, ՀԱՄԱԶԱՍՊ,
ՈՍԿԵԱՆ, ՀԱՄԱԶԱՍՊ,
ՈՍԿԵԱՆ, ՀԱՄԱԶԱՍՊ,
ՏԵՂԱԳԻՐ Հայոց Մեծաց, Վենետիկ, 1853.
Կամենիցի Տարեգիրք հայոց Լեհաստանի եւ Ռուսիոյ, Վենետիկ, 1896:
Հայ — Վենետ կամ յարընչութիւնք հայոց եւ Վենետաց ի ԺԳ-ը ԺԵ-ը դարու: Վենետիկ, 1896:
Պատմութիւն Եվրոպիոյ հայոց, տեղագրական, պատմական, եւ ազգագրական տեղեկութիւններով: զահիրե, 1952:
Պատմութիւն հայ Կեսարիո: Տեղագրական, պատմական ուսումնասիրութիւն: Գահիրե, 1837:
Տեղեկագրութիւն հայոց զարթեականութեան որք ի Մոլտո-Վալաքիո, Հունգարիա եւ ի Լեհաստան: Ֆոքշան, 1877:
Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան, շարադրեալ հանդերձ զանազան բանասիրական տեղեկութեամբք տն. Հ. Մ. Բժշկեանց, Վենետիկ, 1830
Հայոց նոր վկանները Վաղարշապատ, 1903:
Լիակատար վարք եւ վկայաբանութիւն սրբոց... Վենետիկ, 1810:
Պատկերագրիչ բնաշխարհիկ բառարան: Հ. Ա.—Բ, Վենետիկ, 1902—1907:
Ժամանակագրութիւն Գրիգորի վրդ. Կամախեցոյ կամ Դարանաղեցոյ: Երուսաղեմ, 1916:
Աշխարհագրութիւն չորից մասանց աշխարհի... Վենետիկ, 1804:
Մտտթեոս Զուղայեցու կյանքն ու մատենագրութիւնը. («Բանբեր Մատենադարանի»), Երևան, 1956, № 3):
Իսլամը հայ մատենագրութեան մեջ, Վիեննա, 1930:
«Արարատ», 1892, № 2:
Տարօն-Տուրուբերանի վանքերը. Վիեննա, 1953:
Խարբերդի վանքերը. «Հանդես Ամսօրեայ», 1960, № 2—3:
Սեբաստիոյ վանքերը: «Հանդես Ամսօրեայ», 1960, № 1:

- ՍԻՒՐՄԷՆԱՆ, ԱՐՏԱԻԱԶԴ,** Պատմութիւն Հալեպի հայոց, տեղագրական, պատմազրական, ազգագրական. հ. բ., Բեյրութ, 1946;
- ԲՅՈՍՈՒՐՃԵԱՆ, ԵՐԵՄԻԱ,** Նկարագրութիւն Պոլսո... Վիեննա, 1913—1932.
- ՕՐՄԱՆԵԱՆ, ՄԱՂԱՔԻԱ,** Ազգապատում: Կ. Պոլիս, 1912:
- Chéref-nâmeh ou fastes de la nation kourde* par Chéref-ou'ddin, prince de Bidlis, trad. du persan et comm. par F. B. Charmoy, SPb., 1873.
- Chopin M. et Ubcini A., *Provinces Danubiennes et Roumaines*, Paris, 1856. [Cuinet V.], *La Turquie D'Asie, géographie, administrative, statistique descriptive et raisonnée de chaque province de l'Asie-Mineur* par Vital Cuinet. vol. 4, Paris, 1894.
- Hammer J. de, *Histoire de l'Empire Ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours*, t. VII—IX, XVII, XVIII, Paris, 1835—1843.
- Kraus F. X., *Geschichte der Christlichen Kunst*, Bd 2, Freiburg in Breisgau, 1897.
- Langlois V., *Numismatique général de l'Arménie* par Victor Langlois, Paris, 1859.
- Mémoires du Chevalier d'Arvieux, envoyé extraordinaire du roi à la Porte, consul d'Alep, d'Alger, de Tripoli et des autres Echelles du Levant...*, par le J. B. Labat, Paris, 1735.
- Mostras G., *Dictionnaire géographique de l'Empire Ottoman*, SPb., 1873.
- Munk S., *Palestine, Description géographique, historique et archéologique*, par S. Munk, Paris, 1856.
- Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier, Ecuyer Baron d'Aubonne en Turquie, en Perse et aux Indes*, pt. I, Paris 1679.
- Voyages de Piétro Della Vallé... dans la Turquie, l'Egypte, la Palestine...*, t. I—II, Rouen, 1745.
- Zimorowicz J. B., *Opera quibus res gestae urbis Leopolis illustrantur*, Leopoli, 1899.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

- Аван* (араб.) — подручный, помощник эмира, пристав
Азнаур (груз. из арм.) — букв. «благородный», «родовитый», «знатный»; великан, человек могучего телосложения; в груз. — дворянское звание
Айсмавурк (арм.) — Четыр-Минен
Алтебас (польск.) — парча
Арнаут — албанец
Ашхане (перс.) — харчевня
Бал-емез (тур., искаженное итал. ballo e mezzo) — дальнобойная пушка, стрелявшая ядрами весом до 50 кг
Беглербек (тур.) — наместник, правитель большой области
Безестан (тур.-перс.) — большой крытый рынок
Бейтулмалчи (араб.-тур.) — чиновник фиска, бейт-ул-мала, см. малумейтчи
Бостанджи (перс.-тур.) — 1) телохранитель; 2) садовник
Бостанджибаши (перс.-тур.) — командир телохранителей, дворцовой гвардии
Вакуф (араб.) — земли и прочее имущество, пожертвованное церкви и не подлежащее отчуждению; доходы с него предназначаются на благотворительные цели
Вардапет (арм.) — высшая ученая богословская степень в Армении, которую могли получить только представители черного духовенства
Варпет (арм.) — 1) мастер; 2) человек, в совершенстве владеющий своим делом
Везиразем (араб.-перс.) — великий везир
Векиль (араб.) — помощник, заместитель, уполномоченное лицо
Вилайет (тур.) — крупная административная единица в Османской империи, губерния, область
Востикан (арм.) — полицейский
Газий (араб.) — воин, боец, борец за мусульманскую веру, участвующий в газавате
Гаймакам (араб.) — помощник великого везира, его наместник
Гариб (араб.) — чужестранец, странник, перен. «убогий»
Гафар (араб.) — въездная пошлина
Гзир (простонародн. арм. из перс.) — сельский староста
Грбар (арм.) — классический древнеармянский язык
Грчкап (арм.) — мера длины, равная длине вытянутых в стороны рук

- Грош* (польск. grosz., нем. Grosch) — мелкая серебряная разменная монета, чеканившаяся в ряде европейских стран
- Гури* (перс.) — род круглой чаши, водоем, купель
- Гутсузхаджи* (тур.-араб.) — хаджи, который был в Мекке и Медине, но не посетил Иерусалим (араб. гутсишериф)
- Гявур* (араб.) — неверный, неверующий
- Даул* (тур.) — род бубна
- Дафтар* (араб.) — книга налоговых реестров
- Дафтардар* (араб.-перс.) — высокопоставленный чиновник, ведавший финансами и сбором податей
- Дафтар-кетабчи* (араб.-перс.) — писец финансово-податного ведомства — дафтархане
- Декан* — армянская золотая монета весом 4, 53 г, соответствовавшая арабскому динару, была более известна под названием дахекан (перс.)
- Джавуши* (тур., правильно чавуши) — корпус дворцовой стражи, состоявший из нескольких сот человек
- Джавушибаши* (тур.) — командир корпуса джавушей, обычно имел чин полковника янычар; выполнял функции церемониймейстера при османском дворе; встречал чрезвычайных послов европейских государств и препровождал их на аудиенцию к великому везиру и к султану
- Джумеат* (араб., правильно джум'а) — 1) мечеть; 2) пятница
- Долап* (тур. из перс.) — ящик, шкаф; здесь — ящик с винтовым механизмом
- Долбанд* (тур.) — род тюбана, кусок тонкой ткани, муслина, которым турки обматывают голову
- Дпир* (арм. из перс.) — чтец, писец, секретарь
- Драхма* (араб.-перс. от диргем) — серебряная монета весом 3,06 г и мера веса
- Дука* (итал. dusa) — герцог
- Дэв* (арм. из перс.) — злой дух, дьявол, сатана
- Енкичери-ага* (по тур. правильно еничери-ага) — командир войска янычар
- Еэр халифа* (тур.-араб.) — халиф мира
- Жамасац* (арм.) — лицо, ведущее службу в церкви
- Займ* (араб.) — владелец займета, крупного лена, приносившего от 20 до 100 тысяч акче дохода
- Зарта-яхни* (перс.-тур.) — род плова с бараниной
- Зекат* (араб.) — одна из пяти религиозных обязанностей мусульман; обязательные взносы с имущества в пользу бедных мусульман, составляющие 1/4 доходов
- Зурна* (тур.) — род свирели
- Имарат* (араб.) — богадельня, больница
- Кази-аскер* (араб.) — верховный судья; после XV в. ведал всеми делами мусульманского духовенства и его имуществами. Судей было два — румелийский и анатолийский

- Кази-ясахчи* (араб.-тур.) — судебный исполнитель
- Канцун* — мера длины, равная расстоянию от локтя до конца вытянутого среднего пальца, локоть
- Капа* (араб.-перс.) — 1) верхняя одежда, малахай; 2) риза
- Карас* (арм.) — глиняный кувшин для хранения вина
- Карзия* — род шерстяной ткани
- Касаба* (араб.) — местечко, маленький городок
- Католикос* (арм.) — верховный патриарх, глава армяно-григорианской церкви
- Кахведжи* (араб.-тур.) — владелец, содержатель кофейни
- Кехья* (тур. из перс.) — управляющий, эконо, старшина квартала
- Клаштор* (польск.) — монастырь
- Комрук* (тур.) — таможенные пошлины
- Кулач* (тур.) — мера длины, равная 213,3 см (шестифутовая сажень)
- Кумач* (араб.) — золотканый шелк, парча
- Куруш* (араб. *кири-куруш* из славян. «грош») — общее название различных европейских серебряных монет, имевших хождение в Османской империи; в Европе известна также под названием *пиастр*; в середине XVII в. один *куруш* был равен 80 *акче* (1 *акче* — 0,27 г)
- Куфта* (перс.) — род кушанья из мясной вырезки
- Кызылбаш* (тюрк.) — букв. «красноголовые», прозвище азербайджанского племени, из которого происходили персидские шахи Сефевидской династии; кызылбашами называли персов
- Кэлэ* (араб.) — мера сыпучих тел (обычно для измерения зерна).
- Лаваш* (перс.) — род хлеба, очень распространенного у армян и азербайджанцев
- Малумейтчи* — см. бейтулмалчи
- Мангр* (араб.) — мелкая медная монета
- Маона* (тур. из итал.) — грузовое судно
- Марчил* — итальянская марка стоимостью около 1,66 золотого рубля
- Мат* (араб.) — мера длины, равная 2,54 см
- Махдаси* (арм. из араб.) — паломник, посетивший Иерусалим
- Мацуун* (арм.) — кислое молоко
- Мевяна* (араб.) — «наш господин», титул мусульманского богослова, ученого
- Мейдан* (перс.) — площадь
- Мискаль* (араб.) — мера веса, равная 4,08 г
- Молла-хондкар* (тур.) — глава мусульманских богословов
- Мульк* (араб.) — недвижимое имущество, приносящее владельцу доход
- Муфтий* (араб.) — ученый богослов, дающий заключение — фетву по особо трудным юридическим вопросам
- Мухтесиб* (араб.) — градоначальник; лицо, обязанное смотреть за ценами, правильностью мер и весов

- Мучаваза* (араб.) — тюрбан, который носили высокопоставленные лица
- Мшак* (арм.) — работник, батрак
- Мэтрэ* — мера вина, равная 21,75 л
- Налатлама* (тур. искаженное, из араб.-перс.; правильно «лаанатнаме») — грамота проклятия
- Намаз* (перс.) — обряд молитвы, который мусульмане обязаны совершать пять раз в день
- Нахарар* (арм.) — правитель области, князь, глава княжеского рода
- Нвцрак* (арм.) — полномочный представитель католикоса, нунций
- Нобат* (перс.) — своего рода парад, во время которого военный оркестр играет в присутствии султана и высших офицеров, выстроенных во втором дворе дворца, или на привале в дороге
- Номос* (греч.) — налог, закон, указ.
- Олофе* (араб.) — пособие, жалование, доход
- Орд* (араб.) — мера сыпучих тел, равная 197,75 куб. м
- Оха* (окка) — турецкая мера веса, равная 1225 г
- Пара́* — денежная единица, равная $\frac{1}{40}$ части турецкого пиастра — куруша
- Парон* (арм. от зап.-европ. барон) — владетель, господин; в применении к правителям Молдавии и Валахии — господарь
- Паронтер* (арм.) — духовный глава, прелат, патриарх, обычно армянский патриарх Иерусалима
- Пача* (перс.) — кушанье из бараньих ножек
- Пешкаш* (перс.) — дар, подарок, особая форма налога в виде обязательных подарков, подношений
- Посдал* (тур.) — сандалии, опорки, поршни (обувь из куска кожи, подвязанного ремнями)
- Рабби* (от др.-евр. раббан, или раб — «учитель») — в иудейской религии руководитель общины верующих, священнослужитель
- Райя* (араб.) — податное сословие, крестьяне
- Рамаван* (араб.) — девятый месяц мусульманского лунного года, месяц погса
- Резиз* (тур.) — глава, начальник, городской голова, сельский староста, капитан судна
- Рууп* — см. уруп
- Сабек* (от греч. sabek, что значит «чаша ветвей») — название дерева, на котором, согласно библейскому преданию, Авраам увидел овна и принес его в жертву вместо своего сына Исаака
- Сабур* — сок одного из видов алоэ
- Сераскер* (тур.) — титул командующего армией, ведущей боевые действия
- Сини* (перс.) — глубокое блюдо из меди, серебра или другого металла
- Сипахи* (перс.) — воины-всадники
- Сохта* (тур. софта) — учащиеся мусульманских богословских училищ
- Спарапет* (арм.) — главнокомандующий, полководец; в феодальной Армении спарапетство носило наследственный характер

- Стак (арм.) — мера веса, а также серебряная монета, равная $\frac{1}{3}$ пара́
- Субаши (тур.) — правитель области, наместник, полицейский
- Сувкесем (тур.) — праздник прилива нильских вод
- Сурун (тур.) — высылка, насильственное переселение
- Сухра (араб.) — принудительные работы, барщина
- Танутер (арм.) — так называли именитых и зажиточных людей, а также городских и сельских старшин
- Тезкере (араб.) — пропуск
- Тепэ (тур.) — грыжа
- Тер (арм.) — владыка, господин, отец (духовный), титул священнослужителя
- Томар (арм.) — наука о составлении календаря, календарь
- Тонир (арм.) — род печи, представляющей собой довольно глубокую круглую яму с зацементированными стенами, на дне которой разводят огонь
- Улаг (монг.) — пошлина на вьючный скот
- Уруп, руп (араб.) — $\frac{1}{4}$ часть чего-нибудь вообще, здесь $\frac{1}{2}$ куруша
- Уста (перс.) — мастер, знаток своего дела
- Фаландуш — род шерстяной ткани
- Фетва (араб.) — имеющее силу закона решение муфтия
- Филон — верхняя одежда священника, риза.
- Финджан (араб.) — бокал, чара.
- Фодола (тур.) — род хлеба, который был особенно употребителен среди янычар.
- Хаджи (араб.) — лицо, совершившее паломничество в Мекку.
- Хаджи-бекташи (араб.-тур.) — паломник, из дервишского ордена бекташи, посетивший святые места
- Хаким (араб.) — врач, ученый
- Хан (перс.) — караван-сарай, гостиница, постоялый двор
- Харадж (араб.) — поземельная подать, которую платили в мусульманских странах христиане; составляла от 20 до 50% урожая.
- Хараджчи (араб.-тур.) — сборщик хараджа
- Хас и чехас (арм.) — дозволенная или недозволенная степень родственной близости при заключении брака
- Хахан (должно быть: хахам) — титул раввина у восточных евреев
- Хондкар (тур., искаженная форма персидского слова худавадигар) — самодержец, царь, государь (так называли турецких султанов)
- Хору (арм.) — обжаренный в печи большой кусок мяса
- Хулавуз, гулагуз (тур.) — предводитель, стражник
- Хутни (араб.) — род ткани
- Хуюмчибаши (тур.) — старшина золотых дел мастеров, ювелиров
- Хэриса (арм.) — род кушанья из пшеничной крупы
- Чауш (тур.) — 1) см. джавуши; 2) глашатай, десятник; 3) сборщик пожертвований в пользу храмов Иерусалима

Чарух (тур.) — плетенные из кожи лапти

Чahal (тур.) — букв. «голубой»; здесь вид хлеба

Чемза-хане (араб.-тур.) — букв. «хан для выгокородных»

Чмев (араб.) — смоковница, сикомора

Чобан (перс.) — пристав, сборщик податей

Чуха (тур.) — шерстяная ткань, верхняя одежда

Шаи (перс.) — мелкая монета, равная 50 динарам

Шаракан (арм.) — армянские церковные песнопения

Шахзаде (перс.) — сын шаха, царевич

Шахристан (перс.) — столица

Шербет (араб.) — сладкий напиток

Шорвачи (тур.) — офицер, командующий ротой янычар, а также господин, владыка

Яйбаши (тур.) — букв. «слава пеших»; командир отряда янычар, который должен был являться во дворец верхом на лошади

Янарташ (тур.) — камень вулканического происхождения, пемза

Ясахчи (тур.) — стражник, сборщик податей

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаза-паша 261, 264—266
Абдал, отшельник 221, 224, 235
Авиафар, первосвященник 181
Аваг, епископ 240
Авель, библ. 83
Авраам, древнееврейский патриарх, библ. — см. Халил-Ибрагим 175, 196, 225, 227
Авраам, отец Хачика 35
Адам, библ. 83, 109
Агарон, пророк 113
Азария Джугаеци, католикос 149, 152
Азат-эфенди 212
Акоп Амидеци, переводчик 89
Акоп Зейтунци, вардапет 57
Акоп Фрнезци, епископ 55
Александр Македонский 60, 165, 166, 177
Алексиан, отшельник 110
Анания, дамаскинец 227
Анриас, армянский патриарх Иерусалима 205
Андрей, апостол, библ. 110
Арий 57, 58
Аристотель 118
Артасеш, царь персидский 255
Аршак Великий, царь армянский 255
Аршакуни, армянская царская династия 99
Атанагэн, епископ 156
Ахичан 235
Ахмед I, султан 254
Багратуни, армянская царская династия 99
Байрам-паша, везир 260
Бардугимеос, иерей в Ватикане 89
Барсег, вардапет 160, 217
Бузанд, царь 54
Бургез (Боргезе Сципион), кардинал 89, 107
Ваган Гохтнеци, армянский князь 227
Варес (Валент), император 58
Варфоломей, св. 113
Василий, епископ Кесарии 58, 102, 226, 237, 239
Васил Лубул (Василий Лупу) 266
Веспасиан, император 135
Владислав, король 257, 260, 262, 265—267
Врданес, армянский патриарх 58
Гавриил, библ. 70, 135, 136
Гантил, ходжа 232
Георгий, св. 68, 148
Голаф, библ. 258
Григор Лусаворич, первый патриарх армянской церкви 38, 90, 121, 156, 157, 206, 215, 216, 224, 239, 326
Григор Кесарацци 37, 326
Григор V Паронтер 191, 201, 205, 207, 208, 211—214, 216—219, 221, 222

- Григор, протоиерей 149
 Григорий Акрагантский 110
 Григорий Богослов 38, 39
 Григорий Нисский 239
 Лукас, епископ 191, 192, 219, 234, 242, 250
 Гурджи-султан 177
- Давид, армянский патриарх Иерусалима 205, 206, 229, 258
 Давид, библ. 59, 134, 138, 179, 181
 Дарий Ахеменид, персидский царь 255
 Демир-хан 264, 265
 Джуар, сестра Симеона Лехацци 244
 Диоклетиан, император 111
 Дионисий, св. 105
- Ева, библ. 83
 Егия, настоятель монастыря 149
 Езекия, царь иудейский 256
 Елена, мать Константина Великого 45, 104, 108, 109, 145
 Енки Амидеци, ходжа 207, 208
 Ефрем Сириец, св. 102
- Закария Ванакан (Ванеци), вардапет 59, 80, 89, 142
 Закария, отец Иоанна Крестителя, библ. 201
 Закария, библ. 102
 Зигмунд (Сигизмунд III) 255, 256, 258, 260, 262
 Зорабабель, библ. 207
- Иаков, апостол, библ. — см. Иаков Зеведейский 34, 83, 134
 Иаков, древнееврейский патриарх, библ. 225—227
 Иаков Зеведейский — см. Иаков 225
- Ибрагим-шах Амидеци 171, 172, 176, 184, 187
 Игнатий, архиепископ Антиохии 112
 Иезавель, библ. 83
 Иезекииль, библ. 69
 Иеровоам, библ. 254
 Илья, библ. 101
 Иоанн Евангелист, библ. (см. также Иоанн Зеведейский) 56, 69, 102, 134, 225
 Иоанн Зеведейский — см. Иоанн Евангелист
 Иоанн Златоуст 39, 42, 45, 149
 Иоанн Креститель, библ. 33, 102, 201, 224
 Иов, библ. 87
 Иосиф Прекрасный, библ. 176, 226
 Иосиф, отец Иисуса Христа, библ. 103
 Ираклий, император 256
 Ирод, библ. 225
 Иродиада, библ. 83
 Исаак, древнееврейский патриарх, библ. 196, 225, 227
 Исая, библ. 73, 138
 Иуда, библ. 134
- Казимир, брат короля Владислава 265
 Каин, библ. 83
 Каракаш-паша, будинский беглербек 258
 Каспар Гратиани, валашский господарь 260
 Катерина, св. 148
 Киракос Ибирайзи, ходжа 146
 Киракос Трапизонци, священник 206
 Константин Великий 39, 45, 67, 102—105, 108, 112, 145, 201
 Косам, султанша 261

- Костас (Констанций), сын Константина Великого 45
 Крескенд, священник 110
- Лазар Арчишеци, епископ 65
 Лазар, библ. 199, 202
 Лазар, вардапет 245
 Леонтий, архиепископ Кесарии 226, 239
 Лот, библ. 248
 Лука, евангелист, библ. 69
- Магакия Тохатеци, вардапет 149, 163
 Магакия Тохатеци, инок 168, 177
 Максимян, император 111
 Мамас, св. 117, 158
 Ман-оглы 230, 231
 Маргаре, инок 187
 Маргаре Пезмешенци, отец Мурада 152
 Мария, богоматерь, библ. 38, 112
 Мария Магдалина, библ. 224
 Марк Евангелист, библ. 66, 69, 73, 103
 Мартирос, отец Симеона Лехаци 33
 Мартирос, епископ в Венеции 65
 Мартирос, епископ в монастыре св. Карапета в Муше 158
 Матеос Джугаеци 51
 Матвей, император германский 117
 Матфей, евангелист, библ. 69
 Мелкисед, католикос 90, 142, 271
 Мелкисед, вардапет 150
 Мелкон, царь 70
 Меркерий (Меркурий), полководец 237
 Месроп Маштоц, изобретатель армянского алфавита 99, 154
 Месроп, вардапет в Сучаве 35
 Мехмет (Мухаммед), основоположник мусульманства 51, 78, 175, 180—182, 204, 224, 255, 256
- Мехмет, полководец 145
 Михаил Сирийский, историк 145
 Мкртыч, священник из Джуги 221
 Мкртыч Хизанци, вардапет 35
 Мкртыч Харбердци, вардапет 52, 58, 152, 159
 Мовсес, католикос Мовсес Татеваши, ученик Григора Кесараци 37
 Мовсес, отшельник 199
 Моисей, древнееврейский патриарх, библ. 42, 113
 Морик (император Маврикий) 85
 Мурад-паша 158
 Мурад IV, султан 263, 264, 266, 267
 Мурад, сын Маргаре Пезмешенци 152
 Муртуза-паша, везир 266
- Наср-паша 241, 242
 Насреддин 240
 Нерон 53, 111
 Нерсес Великий, католикос 58, 99, 222, 226, 268
 Несими, азербайджанский поэт 233
 Нестор, епископ константинопольский 58
 Никисарци, священник 168
 Ногай 255
 Ной, библ. 249
- Ован (Ованнес III) Одзенеци, историк 145
 Ованнес Ейтчи, епископ 65
 Ованнес, епископ в Сучаве 35
 Ованнес, католикос Сиса 199, 219, 223, 232
 Ованнес Кероненц, ходжа 35
 Ованнес Урхаеци, вардапет 232
 Омар, халиф 145, 256
 Осман, султан 254, 255, 257—262

- Павел, апостол, библ. 33, 39, 68, 87, 92, 101, 105—107, 112, 143, 210, 227, 240
 Павел V, папа 89
 Пахлавуни, армянская княжеская династия 99
 Петик (Петрос Халебци), ходжа 231, 233, 234
 Петр, апостол, библ. 33, 39, 92, 105, 107, 109, 112, 113, 122, 143, 158, 225
 Петрос Каркаречи, епископ 65
 Петрос 235
 Пилат, библ. 112
 Погос, вардапет 156
 Порфирий, философ 118
 Прохор, ученик Иоанна Евангелиста, библ. 56
 Птолемей, царь 125

 Рабсак, полководец 256
 Рагуил, библ. 225

 Саак Партев, католикос 99
 Саак Дзорапореци, католикос 145
 Сабиний, епископ Ассизский 110
 Санос Халебци, ходжа 231
 Саркис, епископ 206
 Синекерим, царь армянский 150
 Сильвестр, св. 107
 Симон (Симеон) Волхв 40
 Срапион Урхаеци 160
 Степанос, епископ во Львове 245
 Степанос Улнеци 235
 Сулейман-ага 184

 Тели-Малаз, епископ 239
 Теодорос, полководец 148
 Тиберий, император 135

 Тигран II, царь армянский 160
 Тит, император 135
 Товма Арцруни, армянский историк 145
 Тонаваг 254
 Трдат, царь армянский 156, 201

 Улита, отшельница 222
 Устиане, св. 105

 Филипп Македонский 60

 Халил-Ибрагим — см. патриарх Авраам 182
 Халил-паша, везир 164, 261
 Хам, библ. 183
 Хачатур, архиепископ Халеба 232
 Хачик, сын Авраама, ходжа 35
 Ходаверди, переводчик 193
 Ходкевич, гетман польский 257
 Христос 33, 42, 46, 51, 65, 66, 101, 103, 109, 117, 118, 124, 125, 133, 134, 135, 138, 158, 168, 178, 181, 194, 196, 201, 202, 203, 206, 207, 210, 213, 215, 216, 218, 222, 225, 230, 251

 Чирах Ванеци 144

 Шаин (Шеин М. Б.), воевода русский 263, 264
 Шахин-ага 266
 Шахроз, отшельник 219

 Юлиан-отступник 111, 237
 Юстиниан, император 135

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абдухэр, с. 151
Абиссиния — см. Хабаш 172, 213
Авиос, с. 151
Агач-Денгиз, г. 147
Азпус, с. 151
Айдост (гор. Айтос в Болгарии) 36
Айнтучар (Тучар), кр. 225
Айя-Паяс (Айяс) 231
Аккерман 248
Акрагон, о-в 110
Алачух, с. 240
Александрия — см. Скендера и Скендерийе 165
Али-Даг, г. 237
Амасия (Амасья) 148
Амид 153, 158—160, 162, 171, 172, 193, 232, 245
Анатолия 47, 56, 61, 144, 153, 262, 268
Ани 248, 249
Анкана 80
Анкурия (Анкара) 63, 85, 148, 161, 185, 239, 240, 241, 244, 248
Апрут, с. 229
Аравия 98, 166, 199, 212, 239
Арарат, г. 90
Ардох (Алтуя) 150, 151
Аргни 158, 159, 161
Арэрум (Эрзерум) 148, 162, 262
Армения 120, 240, 246
Атрана — см. Эдирне 160, 266
Афины 119, 162
Ахшар (Акшехир) 240
Багдад 160, 163, 232
Багеш (Битлис) 158
Базарчох (гор. Пазарджик в Болгарии) 36
Балатна (Балата), район Стамбула 37
Балв, кр. 148
Балехисар (гор. Балыкесир в Турции) 55
Балканы, г. 36
Балу (Палу) 154
Балчх 257
Бандырма 54
Бекбазар 186, 241
Белград 78
Белое (Средиземное) море 145
Берлад (гор. Бырлад в Румынии) 35
Бетсайид (Сайид) 230
Богаз-Хисар 56, 140
Болгария 78, 254
Болу 147
Босна-Сарай (гор. Сараево в Югославии) 61
Босния 62, 78, 255, 262
Брават (гор. Провадия в Болгарии) 36
Булак 167, 170, 171
Бултах 170
Бурса — см. Эфесос 45, 53, 62, 111, 147, 160, 227, 237
Валахия — см. Карафлахия 257, 260, 266

- Ван 158
 Варна 257
 Васлов (Васлуй) 35
 Венеция 37, 55, 65, 72, 75—80,
 82—84, 105, 122, 143, 145,
 173, 174
 Византия 54
 Вилна 249
 Вифания 199
 Вифагия 199
 Вифлеем 104, 200, 207
 Вланга, район Стамбула 37, 49
 Володимир 249
- Газа 187
 Галата, предместье Стамбула, от-
 деленное от него заливом Золо-
 той Рог 37, 48, 75
 Галац 35, 36
 Галлиполи 57, 164
 Гандзасар 102
 Гатия 186
 Гатргалиман, район в восточной
 части Стамбула 47
 Генуя 79
 Герад 148
 Гефсимания 195, 218
 Гданск 244
 Германия, 118
 Голгофа 195, 203, 222
 Гоморра 248
 Горк, с. 148
 Гуцушериф — см. Иерусалим 184
 Гюзель-Хисар (Айдын) 55, 56,
 146
- Дамаск — см. Шам 227
 Девелю 237
 Делиорман, г. 36
 Джейхан, р. 235
 Джуга (Джюльфа) 37, 63, 221
 Дунай, р. 36, 166, 255, 262, 264,
 266
- Евгар, с. 239
 Евфрат, р. 151, 154, 158, 163
 Египет 174, 223
 Езика (Ерзинга, Эрзинджан) 58
 Елеонская г. 196, 202
 Ени-Базар (гор. Нови-Пазар в
 Югославии) 60, 61
 Енгикей 36, 257
 Енкишар (Енкишехир) 240
 Ермон, г. 224
 Еэмиш 47
- Закара, с. 58
 Замостье 33, 144, 249, 250, 253
 Занта, о-в 145
 Затра, о-в 65, 145
 Зейтун, 235
- Ибраел (гор. Браило в Румынии)
 262
 Иерихон 128, 199
 Иерусалим — см. Гуцушериф 33,
 36, 62, 80, 98, 108, 109, 113,
 115, 118, 125, 163, 172, 175,
 181, 182, 184, 186—189, 191,
 193, 197, 198, 199, 200, 202,
 205—209, 214, 218—223, 232,
 233, 242, 245, 246, 250, 251,
 256
 Измид 58, 242
 Измир 55, 56, 146
 Измут 267
 Израиль 117, 189
 Иконья — см. Кония 98
 Индия 98, 172, 231, 232
 Иордан р. 199, 209, 227
 Испания 65, 79, 81, 100, 116,
 118, 122, 135, 137, 139, 140
 Исфахан, — см. Сфахан 232
- Каир, — см. Мсыр 168, 184
 Каменец 249, 265
 Капак Тебеси г. 235

- Капернаум (Сыфат) 230
 Кара-Мусал (Карамюрсель) 57
 Карафлахия — см. Валахия 265, 266
 Кара-Хисар 241
 Карин 228
 Касм, с. 155
 Касрик, с. 152
 Кафа 33, 257
 Керфос (Корфу) 145
 Кесария — см. Хайсара 98, 111, 236, 239
 Кешиш-Даг, г. — см. Охкос 53, 237
 Килис (Клис) 62
 Кипр 78, 165
 Комана 149
 Кония — см. Икония 238, 240, 241, 267
 Константинополь — см. Стамбул 36, 54, 256
 Коразин, 230
 Краков 256
 Красное море 179
 Крит 144
 Куарс, с. 155, 156
 Кумиш, с. 148
 Курдистан 153
 Кызыл-Ирмак, р. 61, 89, 150, 239
 Кырккилисе (Кыркларели), 36
- Лагиса — см. Наблус 224
 Лубен, 224
 Лупия, с. 225
 Луцк 249
 Львов 34, 219, 242, 246, 248—250, 253, 254, 256
 Люблин 256
- Маграб 78, 181
 Майлун 229
 Македония 254
 Малатия 150
- Мальта, о-в 102, 110, 141
 Маниса 55
 Манкерман (Киев) 239, 249
 Манушкунт 155
 Мараш 235
 Марзуан (Мерзифон) 148, 163
 Матария 177, 178
 Медина 139, 172
 Мекка 61, 139, 179—182, 255
 Мертвое море 263
 Миджин (гор. Мэчин в Румынии) 36
 Митилена — см. Митили 145
 Митили (Лесбос), о-в 56
 Молдавия 35, 37, 242, 246, 256, 265, 266
 Моран (Мурано) 75
 Москва 244, 263, 264
 Мосул 160
 Мсыр — см. Каир 36, 48, 55, 57, 60, 78, 132, 143, 162, 167, 168
 Мухалич 54
 Муш 33, 58, 59, 156, 158
- Наблус — см. Лагиса 224, 225
 Назарет 80, 225
 Наин 224
 Нал-Гран, г. 159
 Нахичеван 209
 Низия (Нюсия) 239
 Никея (Изник или Чиник) 39, 57
 Никисар 168
 Нил 163, 165, 166, 177, 182, 185, 213
 Ниневия 163
- Охкос, г. — см. Кешиш-Даг 53
 Османчух 148
- Патмос, о-в 56
 Пезмишен, с. 152
 Пелза 249
 Персия 98, 163, 203, 267

- Пинкол с. 150
 Полис, с. 150
 Польша 75, 121, 138, 139, 148,
 157, 160, 161, 163, 169, 173,
 191, 204, 210, 219, 221, 235,
 242, 243, 248, 253—256, 258—
 260, 262—267, 270, 271
 Понт 257
 Португалия 172, 244
 Пултухлу с. 161
 Пэнтос, с. 240

 Рамла 187, 188, 218
 Решид 166
 Рим 33, 39, 80, 82, 88—90, 94,
 98, 108, 109, 113, 117, 119,
 142, 158, 168, 202, 231
 Родос, о-в 78, 164
 Ромкала 223
 Рохатин 270
 Рум 144
 Румелия 37, 56, 60, 61, 78, 85,
 157, 254, 262

 Сакыз 55, 146
 Салахадин 185
 Салоники 78
 Саматия, район в Стамбуле, при-
 мыкающий к Мраморному морю,
 47
 Сарулар 241
 Сасун 158
 Сбилит (гор. Сплит в Югосла-
 вии) 62
 Сданос, с. 240
 Себастия (гор. Сивас в Турции)
 150, 152, 155, 160, 161, 163
 Селловам, источник — см. Силоам
 218
 Сечов (гор. Сучава в Румынии)
 34, 35
 Сиври-Хисар 240
 Сидон 225

 Силистрия 78, 255, 262
 Силоам, источник — см. Селловам
 73
 Синай г. 179
 Синат (гор. Снятын Украинской
 ССР) 34
 Синоп 257
 Сирия 163, 173, 175
 Сис 151, 232, 235
 Скендера — см. Александрия и
 Скендерийе 165
 Скендерийе — см. Александрия и
 Скендера 169
 Скуб (гор. Скопле в Югославии)
 60
 Скутари, предместье Стамбула на
 азиатском берегу Босфора 37
 Содом 199, 248
 София 85
 Стамбул — см. Константинополь
 35—37, 48, 50, 52—54, 56—
 59, 63, 76—78, 88, 92, 112,
 116, 117, 137, 140, 141, 144,
 146, 153, 155, 159, 161, 163,
 171, 172, 174, 185, 191, 193,
 205, 212, 219, 227, 237, 242,
 244, 254, 257, 261, 266, 268
 Сулуманастр, район Стамбула 37,
 45, 248
 Сфахан — см. Исфахан 221, 244
 Сырф (Сербия) 254

 Татевская область 208
 Табор, г. 194, 224
 Татар-Базары 60
 Текир-Даг, г. 57
 Тивериадское море 225
 Тигр 228
 Тимнат 172
 Тир 225
 Тире 55, 146
 Тозлу-Даг, г. 155
 Тос 85

- Тосья 148
 Токат 89, 149, 153, 159, 162, 163
 Трапизон 145, 172
 Трапулус (Триполи) 231
 Тума 231
 Турабек 224
 Турция 130, 138, 203, 227, 257
- Урфа 83
- Флоренция 140
 Франция 79, 81, 167
 Фрноз, с. 235
- Хабаш — см. Абиссиния 213
 Халев 116, 130, 161, 162, 171,
 172, 175, 181, 193, 205, 207,
 208, 212, 221, 224, 231, 232,
 233
 Хайсара — см. Кесария 76, 81,
 236
 Хама 229, 231
 Хамид 119
 Хамус (Хомс) 229, 233
 Харалар, с. 229
 Харасув (гор. Хыршова в Румы-
 нии) 36
 Харберд (гор. Харпут в Тур-
 ции) — см. Ширак, 151, 152,
 153, 154, 158, 162, 238
 Хилас с. 185
 Хотин 257
- Хулуп (гор. Пловдив в Болгарии)
 60, 62
- Цовк 158, 159
- Чанки, с. 36
 Чатлатгапу, район Стамбула 47
 Чапахджур (Бингёл) 155
 Черное море 145, 166
 Чешмелу 219
 Чешникир 239
 Чинди, с. 224
 Чифлик с. 150
- Шам — см. Дамаск 179, 181, 187,
 212, 227—230, 254, 258
 Швеция 267
 Ширак — см. Харберд 151
- Эдирне — см. Атрона 45, 50, 59,
 63, 227, 238, 255, 264
 Эллада 254
 Энкол, с. 150
 Эрджиас, г. 53, 237
 Эркапсуйи, с. 240
 Этнджук, 54, 55
 Эфесос — см. Бурса 53
 Эчмиадзин 160, 242, 246
- Язловец 249
 Ярослав 269
 Яш-Базар (Яссы) 35

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- абиссинцы 173, 213
айсоры 202
аламаны 78
арабы 166, 169—171, 173—177,
179, 180, 186—188, 200, 203,
204, 211, 213, 224, 226—228,
230, 239
арабы Тапы 227
арабы Аси 200, 213, 227
армяне 34, 35, 37, 40, 45, 47,
53—58, 60, 75, 82, 83, 84, 89,
90, 120, 122, 145—147, 149,
150, 152, 154, 155, 160, 162,
165, 168, 171, 172, 178, 187,
197, 198, 201, 202, 207, 212,
213, 216—219, 222, 223, 228,
229, 232, 233, 236, 238, 240,
241, 244, 245, 246, 248, 253,
267, 268
валахи 34, 35, 270
греки 40, 53—55, 58, 145, 146,
152, 159, 162, 165, 167, 187,
198, 201, 202, 217, 218, 229,
232, 249
грузины 196
гунны 33
евреи 49, 50, 104, 121, 125, 133,
135, 137—140, 159, 162, 168,
169, 173, 204, 219, 230, 249
египтяне 87, 182, 226
израильтяне 256
индийцы 166
казаки 258, 263, 265—267
копты 165, 168, 173, 179, 198,
202, 223, 233
курды 154, 156, 175, 204, 227
кызылбаши 267, 270
мавры 140, 173
мадьяры 266, 270
марониты 232, 233
московиты 270
немцы 121
персы 175, 204
поляки 47, 139, 162, 177, 193,
227, 249, 256
румыны 47
русы 33, 247, 249
самаритяне 225, 230
сербы 198
сирийцы 50, 151, 152, 154, 232,
233
татары 139, 227, 263, 264, 267,
270
турки 36, 62, 79, 145, 146, 153,
171, 173, 175, 183, 204, 233,
266, 270
туркмены 226, 239
Франки 47, 48, 62, 71, 78, 79, 82,
86—88, 90, 95, 100, 111, 113,
138, 139, 140, 164, 165, 180,
193, 197, 201—203, 211, 231,
270
Французы 120
цыганы 162, 183
шведы 267
эфиопы 70, 229

SUMMARY

Throughout the Middle Ages Armenia was the scene of sanguinary wars and devastating invasions which made thousands of Armenians leave their motherland and settle in many places, in particular in the south of Russia, the Crimea, the Ukraine, Galitia.

A major Armenian colony in the Ukraine was that of the city of Lwow, where in 1584 was born Simeon Lehatsi, a representative of Armenian intellectuals of the seventeenth century, the author of the «Itinerary Notes». On graduating from a theological school he received the lowest clerical rank of deacon and at the age of 24 undertook a travel to holy places, which began in February 1608 and lasted twelve years. It is this travel that he described in his book.

Among other Armenian works of this genre Simeon's «Itinerary Notes» stand out both for their splendid form and their rich contents, which are the result of the traveller's inquisitiveness, keenness of observation, ability to compare. In his book Simeon gives meticulous descriptions of architectural monuments, political institutions, customs and usages, religious rites of various peoples he met on his way.

The first part of the «Notes» devoted to Simeon's journey from Lwow to Istanbul is short; the author just enumerates the cities he passed (Snyatyn, Suceava, Iasi, Vaslui, Bârlad, Galati, Masin, Harsova, Bazarçoh, Bravat, Aidos, Kirkilis).

In September 1608 the traveller arrived in Istanbul, where he spent some two years and a half.

In July 1611 Simeon joined a Turkish caravan and, having traversed Bulgaria, Serbia, and Bosnia, came to Venice and thence went to Rome.

After living in Rome over 9 months he left it for Muş to which he went by Bursa, Amasia, Sivas (Sebastia), Malatya (Melitene),

Harberd (Harpur), Palu (Bolu). Having visited Cairo and Gaza Lehatsi continued his pilgrimage till Jerusalem. His homeward itinerary ran from Jerusalem through Damascus, Aleppo (Haleb), Maraş, Caesaria (Kayseri), Ankara, Smyrna, and Istanbul, bringing him home to Zamosc in the spring of 1619.

The last part of the «Itinerary Notes» is to a degree autobiographic and relates the events in the Western Ukraine in the twenties and thirties of the seventeenth century.

The Middle Armenian of Simeon's work is not the classical language of the period, but rather the popular speech which is made very vivid and expressive by numerous elements of vernacular and many Turkish, Persian, and Arabic words.

The diversity of the contents of the book make the «Itinerary Notes» of Simeon Lehatsi a source of valuable and interesting material on the history, ethnography, culture, architecture of the peoples of the seventeenth century Osman Empire.

СИМЕОН ЛЕХАЦИ
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

*Утверждено к печати
Научным советом Сектора востоковедения
Академии наук Армянской ССР*

*

Редактор *Т. М. Швецова*
Технический редактор *А. Т. Михлина*
Корректоры *И. И. Исаева* и *М. Ю. Каджан*

*

Сдано в набор 26/VIII 1965 г.
Подписано к печати 30/XI 1965 г.
А-14624. Формат 60 × 90¹/₁₆
Печ. л. 20,25. Уч.-изд. л. 15,59. Тираж 3000 экз.
Изд. № 1122. Зак. № 463.

Индекс $\frac{1-6-3}{854-65}$

Цена 1 р. 15 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-54, 9-я линия, д. 12

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
11	10 снизу	<i>տարնգրութիւն</i>	<i>տարեգրութիւն</i>
37	23 сверху	Филолога	ученого
228	2 снизу	<i>նի</i>	<i>զի</i>
299	8 сверху	<i>յարընչութիւնք</i>	<i>առընչութիւնք</i>
299	11 „	<i>տեղեկութիւնե</i>	<i>տեղեկութիւննե-</i>
299	12 „	<i>գահիրե</i>	<i>Գահիրե</i>
299	14 „	1837	1937
299	22 „	<i>ՄԱՆԱՆԴ(Ժ)ՅԱՆ</i>	<i>ՄԱՆԱՆԴՅԱՆ</i>
299	28 „	<i>Երուսաղեմ</i>	<i>Երուսաղեմ</i>
299	13 снизу	<i>ՂՈՒԿԱՍ</i>	<i>ՂՈՒԿԱՍ</i>
299	11 „	<i>ԻԱԶԻԿՅԱՆ, Է.,</i>	<i>ԻԱԶԻԿՅԱՆ, Լ.,</i>
299	4 „	<i>«Հանդես</i>	<i>«Հանդէս</i>
299	2 „	<i>«Հանդես</i>	<i>«Հանդէս</i>

